

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—♦—

АСТА

35172

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912

Печатано по средѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 7 апрѣля 1912 г.

№ 1382.

Ректоръ **В. Алексѣевъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

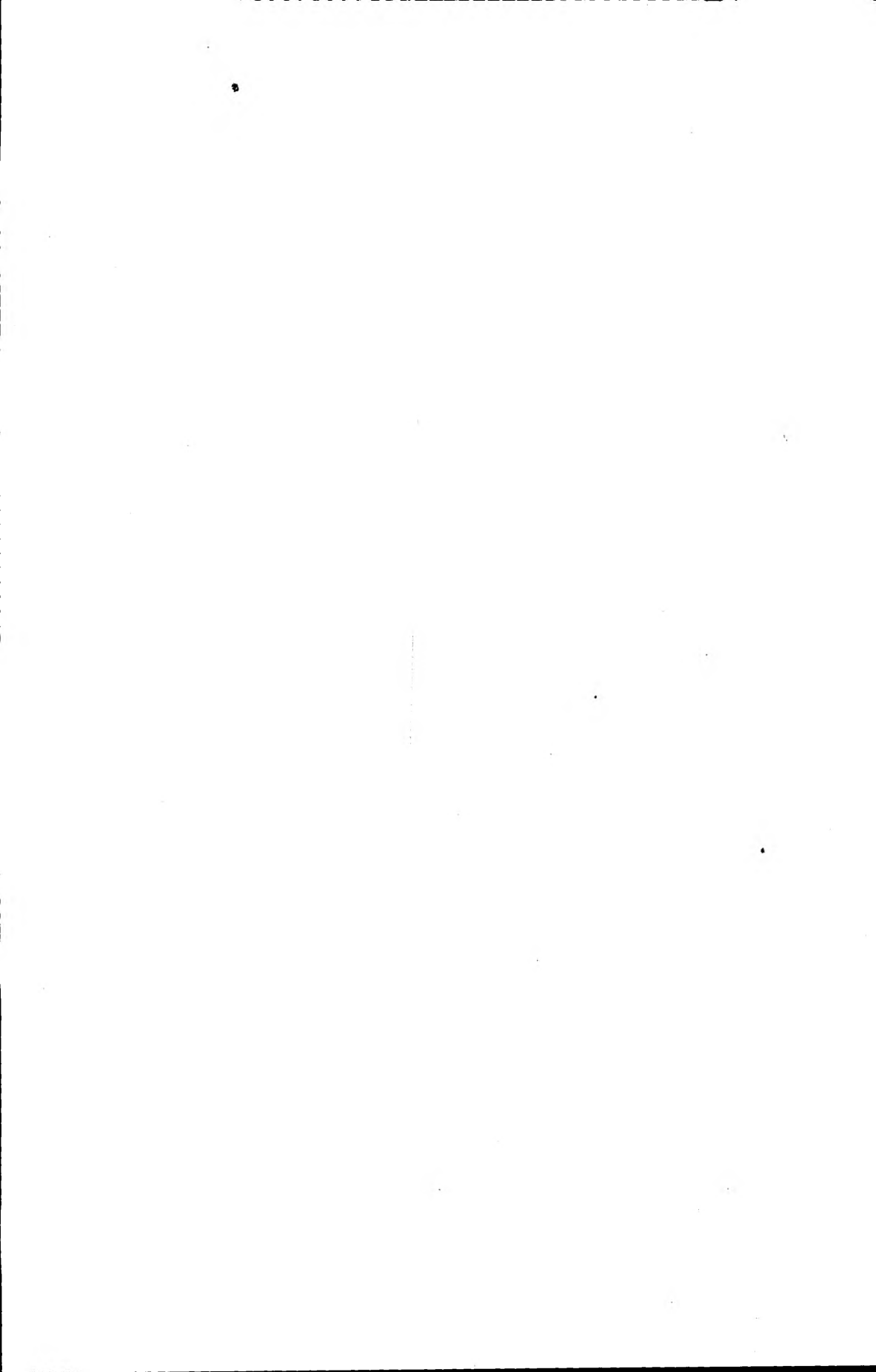
	Стр.
Проф. А. Васильевъ. Нѣсколько замѣчаній по поводу появленія статьи Г. Земеля „Э. Доле въ исторической литературѣ“	1— 16

Научный отдѣлъ.

Студ. мед. Г. Ю. Куллъ. Родственная связь отдѣльныхъ видовъ клѣтокъ эпителия слизистой оболочки тонкой кишки	1— 67
--	-------

Приложенія.

А. Мейе, профессоръ Collège de France. Введеніе въ срав- нительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Переводъ проф. Д. Кудрявскаго, просмотрѣнный и дополненный авторомъ	225—288
Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	145—208
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	145—208
Prof. N. J. Kusnezow. Delectus seminum plantarum et spo- rarum anno 1911 collectorum quae permutationi offert hortus botanicus universitatis Imperialis Jurjevensis (olim Dorpatensis).	1— 16

Нѣсколько замѣчаній по поводу появленія статьи Г. Земеля „Э. Доле въ исторической литературѣ“.

Однимъ изъ болѣе извѣстныхъ въ исторической литературѣ дѣятелей французскаго ренессанса XVI вѣка является, безъ сомнѣнія, Этьенъ Доле. Его личности посвящено на Западѣ, особенно во Франціи, значительное количество спеціальныхъ трудовъ, хотя надо сказать, что сочиненіе о Доле, считающееся наиболѣе полнымъ и проработаннымъ, принадлежитъ перу англичанина Copley Christie. Въ русской литературѣ Этьену Доле была посвящена, если я не ошибаюсь, лишь одна спеціальная статья Н. Стороженки „Вольнодумецъ эпохи возрожденія“, гдѣ авторъ живо и интересно излагаетъ бурную жизнь французскаго гуманиста на основаніи главнѣйшихъ трудовъ о Доле, кончая первымъ изданіемъ книги Copley Christie, вышедшимъ въ 1880 году, и статьей въ *la France Protestante*. Стороженко называетъ Доле „типическимъ представителемъ весенней поры Возрожденія“, въ лицѣ котораго „была осуждена свободная мысль, осужденъ былъ человѣкъ, стоявшій выше своего времени, для котораго споры о преимуществѣ одной религіозной секты надъ другой были безплодной контроверсой; но потомство, — продолжаетъ Стороженко — въ судъ котораго онъ вѣрнѣе, воздало ему должное и причислило

его къ свѣтлой фалангѣ вождей свободной мысли и страдальцевъ за святыя права человѣческой личности“¹⁾.

Кромѣ этой статьи Стороженки, въ русской литературѣ о Долѣ встрѣчались лишь случайныя замѣтки и несамостоятельныя статьи въ энциклопедіяхъ.

Въ 1910 году на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія появилась небольшая статья Г. Земеля „Э. Долѣ въ исторической литературѣ“ (въ отдѣльномъ оттискѣ 39 стр.). Тема этой статьи, по моему мнѣнію, очень важна и своевременна въ изученіи даннаго вопроса, потому что, какъ это ни странно, подобнаго историко-ографическаго очерка о Долѣ, доведеннаго до послѣдняго времени, не существуетъ и въ западно-европейской литературѣ. Г. Земель, занимаясь въ теченіе нѣкотораго времени въ Парижѣ, имѣлъ въ своихъ рукахъ обильный матеріаль, который онъ добросовѣстно использовалъ. Конечно, надо имѣть въ виду, что эта статья является первою работою г. Земеля въ научной области, и поэтому нѣкоторыя ошибки и неточности вполне объяснимы, особенно въ работѣ библиографическаго характера, гдѣ требуется большая точность въ указаніяхъ.

Авторъ статьи прежде всего знакомитъ читателя съ тѣмъ немногимъ, что появилось въ исторической литературѣ на Западѣ, во Франціи и Голландіи, въ XVI—XVII вѣкахъ вплоть до „Dictionnaire historique et critique“ Bayle (въ 1697 г.) и перваго спеціальнаго изслѣдованія о Долѣ „Annales Typographiques“ Mettaire'a (въ 1726 г.), который своею книгою оказалъ большое вліяніе на послѣдующую литературу. Послѣ обзора того, что было извѣстно о Долѣ въ германской литературѣ за XVI—XVIII вв., г. Земель переходитъ къ спеціальнымъ трудамъ о Долѣ, появившимся съ конца XVIII вѣка, — Née de la Rochelle, Boulmier (1857),

1) См. Н. Стороженко. Изъ области литературы. Москва, 1902, с. 51, 53.

Copley Christie (английскій оригиналь въ 1889) году; французскій переводъ, просмотрѣнный и исправленный авторомъ, въ 1886 г.) и, наконецъ, Galtier (1907 г.); сюда же надо присоединить содержательную статью Douen'a о религиозныхъ воззрѣнiяхъ Доле (1881 г.). Послѣ упоминанiя объ известной уже намъ русской статьѣ Стороженки, г. Земель кончаетъ свой обзоръ краткимъ изложенiемъ содержания нѣкоторыхъ брошюръ и памфлетовъ, появившихся во Францiи за послѣднiе 30 лѣтъ и вызванныхъ борьбою политическихъ партiй, особенно въ виду открытiя въ 1889 году памятника Доле въ Парижѣ.

Въ качествѣ общаго замѣчанiя, я бы, пожалуй, желалъ, чтобы оцѣнка главныхъ писателей о Доле — Née de la Rochelle, Boulmier, Copley Christie и Douen — была сдѣлана болѣе рельефно и подробно. Съ планомъ работы г. Земеля я согласенъ. О нѣкоторыхъ мелкихъ недочетахъ его статьи я буду говорить ниже въ другой связи. Теперь отмѣчу лишь слѣдующее: Copley Christie приводитъ характеристику Доле изъ Nicéron не въ XV главѣ, а въ XXV-й (с. 12). На стр. 37 у г. Земеля авторъ статьи о Доле, появившейся въ 1898 году въ „La Quinzaine“, не Arnoul-Duval, а Duval-Arnould.

Недавно я узналъ, что въ 1899 году вышло второе просмотрѣнное английское изданiе сочиненiя Copley-Christie; пока я его въ рукахъ не имѣлъ и поэтому не могу сказать, насколько оно было бы вообще болѣе полезно г. Земелю, чѣмъ французское, также просмотрѣнное изданiе 1886 года.

Въ 1911 году въ Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго Университета появился „Отзывъ о сочиненiи Г. Земеля“, принадлежащiй перу ординарнаго профессора этого университета А. Н. Ясинскаго. Прежде всего мое вниманiе было остановлено размѣрами отзыва: 16 страницъ рецензiи на статью въ 39 стр. случается встрѣчать не часто, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ, съ одной стороны, къ каче-

ствѣ критика мы имѣемъ профессора и доктора науки, а въ качествѣ критикуемаго — магистранта, впервые выступившаго съ небольшою научною статьею. Ознакомившись съ этимъ отзывомъ, въ высшей степени неблагоприятнымъ для г. Земеля, я былъ приведенъ въ нѣкоторое смущеніе: оказалось, что проф. Ясинскій писалъ его не на основаніи первоисточниковъ, а почти весь свой матеріалъ для заключеній бралъ изъ вторыхъ рукъ, т. е. изъ монографіи Corpley Christie. Конечно, наша Юрьевская университетская бібліотека этими первоисточниками, въ данномъ случаѣ, старинными изданіями XVI и XVII вв., не обладаетъ. Но въ такомъ случаѣ, думалъ я, нельзя было и дѣлать проф. Ясинскому тѣхъ заключеній, а особенно въ категорической формѣ, которыя мы находимъ въ его отзывѣ.

Въ бытность мою въ Парижѣ лѣтомъ 1911 года, я, со статьею г. Земеля и отзывомъ проф. Ясинскаго въ рукахъ, посвятилъ часть своего времени на просмотръ того матеріала, которымъ пользовался г. Земель. Результатъ получился довольно любопытный.

Помимо уже только что указанной особенности отзыва проф. Ясинскаго, я не могу согласиться также съ нѣкоторыми другими положеніями его отзыва. Въ виду этого мнѣ и придется нѣсколько подробнѣе на немъ остановиться.

Проф. Ясинскій начинаетъ свой отзывъ съ упрека г. Земелю въ томъ, что онъ въ написаніи имени лонскаго типографа и французскаго гуманиста отступаетъ „отъ традиціи, установленной уже въ нашей русской литературѣ“; при чемъ рецензентъ ссылается на проф. Стороженко, который пишетъ „Долѣ“, т. е. съ удареніемъ, и на словарь Брокгауза-Эфрона, гдѣ пишется это имя просто „Доле“ (безъ ударенія). Я прибавлю, что, если бы проф. Ясинскій посмотрѣлъ въ нашу „Большую энциклопедію“, то онъ нашелъ бы въ ней имя французскаго гуманиста написаннымъ черезъ „э“ — „Долэ“, т. е. такъ, какъ у г. Земеля. Конечно, это только показываетъ, что у насъ никакой тради-

ціи для написанія имени *Dolet* нѣтъ; да и нельзя имѣть у насъ „традицію“, такъ какъ о Доле написано на русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Я долженъ сознаться, что написаніе у г. Земеля „Доле“, по моему мнѣнію, гораздо ближе передаетъ произношеніе французскаго имени „*Dolet*“, чѣмъ „Доле“ (ср. Кинэ-*Quinet*, Додэ-*Daudet* и др.).

Послѣ этой незначительной и неважной частности пр. Ясинскій переходитъ къ одному изъ важныхъ своихъ обвиненій; по его мнѣнію, г. Земель, „задавшись мыслью ознакомить читателя съ исторической литературой, посвященной Стефану Доле, причисляетъ къ послѣдней всѣ замѣтки, которыя онъ нашель въ лексикографическихъ, энциклопедическихъ и библиографическихъ изданіяхъ XVI—XVIII вв.“, (с. 1) и усваиваетъ такимъ образомъ „странный взглядъ на историческую литературу“ (с. 2). Я не могу согласиться вполне съ этимъ обвиненіемъ проф. Ясинскаго. Всѣ замѣтки о Доле, какъ бы коротки онѣ ни были, появившіяся въ XVI—XVII вв., т. е. до появленія перваго спеціальнаго изслѣдованія о Доле *Maittaire*'а въ 1726 году, съ моей точки зрѣнія, очень важны, какъ показатели того, насколько извѣстна была въ то время личность Доле и какъ она оцѣнивалась. Если *Pierre Bayle* въ своемъ „*Dictionnaire historique et critique*“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1697 году, и привлекъ къ дѣлу, какъ говоритъ г. Земель на стр. 9, „рѣшительно всю существовавшую до него литературу о Доле“, то это обстоятельство нисколько не освобождало г. Земеля отъ обязанности въ своей статьѣ, знакомящей читателя съ послѣдовательнымъ развитіемъ взглядовъ на Доле, пересмотрѣть вновь, что было напечатано по этому вопросу до конца XVII в. Г. Земель это и сдѣлалъ. Нельзя же было ему для всего того, хотя бы и немногаго, что было сдѣлано въ вопросѣ о Доле въ XVI—XVII вв., просто отослать читателя къ „Словарю“ *Bayle*! Поэтому я совершенно не могу раздѣлить мнѣнія пр. Ясинскаго о томъ, что „признаніе г. Земеля (по поводу *Bayle*; см. выше)

свидѣтельствуеъ о ненадобности пересмотра литературы въ библиографической статьѣ“ (с. 4).

Въ иномъ положеніи находится вопросъ объ энциклопедіяхъ, словаряхъ, справочныхъ изданіяхъ, появившихся въ XVIII и, особенно, въ XIX вв., т. е. послѣ появленія труда Maittaire'a „Annales Typographici“ въ 1726 г. Для нашего вопроса, за данный періодъ, въ изданіяхъ выше указаннаго рода должны быть отмѣчаемы лишь самостоятельныя статьи о Доле, а не краткія замѣтки. За этотъ періодъ исчерпывающая полнота указаній на подобныя замѣтки невозможна и бесполезна. Насколько я могу судить, г. Земель къ этой „ненужной“ полнотѣ и не стремился. Всѣ французскіе писатели XVIII в. (о нѣмецкихъ писателяхъ я пока не говорю) и XIX в., разобранные у г. Земеля, имѣютъ большій или меньшій интересъ, если не считать поверхностной статьи въ „Hommes illustres de l'Orléanais“ (1852). Указанія же г. Земеля въ концѣ его статьи на литературу брошюръ и памфлетовъ о Доле, появившихся въ большомъ количествѣ по случаю открытія ему памятника въ Парижѣ въ 1889 году, нисколько не вредятъ общему плану работы, такъ какъ они выдѣлены авторомъ въ особую группу и служатъ какъ бы заключеніемъ статьи; да къ тому же они и характерны для конца XIX вѣка. Въ виду всего сказаннаго, я считаю совершенно напрасными хотя „самыя непродолжительные поиски, предпринятыя пр. Ясинскимъ въ скудной университетской библиотекѣ“ г. Юрѣва (с. 2) и давшіе ему возможность указать на слѣдующія два французскія изданія съ замѣтками о Доле: 1) Brunet, Manuel du libraire (1838); 2) Vapereau, Le (у пр. Ясинскаго La) Dictionnaire universel des littératures (1876). Такихъ изданій, при желаніи, можно найти, вѣроятно, еще не мало; но дѣло въ томъ, что они для цѣли г. Земеля ненужны и бесполезны.

Указаніе г. Земеля на то, что о Доле говорится въ нѣкоторыхъ общихъ сочиненіяхъ по исторіи Франціи, какъ

напр. въ *Histoire de France* Анри Мартена и Лависса (с. 33—34), даетъ поводъ пр. Ясинскому высказать слѣдующее сужденіе: „Только стремленіемъ убѣдить читателя въ обширности литературы по изучаемому имъ вопросу можно объяснить то обстоятельство, что г. Земель указываетъ даже самыя краткія замѣтки о Доле въ такихъ общихъ историческихъ трудахъ, какъ *Histoire de France* Анри Мартена и Лависса“ (с. 2). По моему мнѣнію, въ послѣднемъ случаѣ г. Земель руководствовался не излишнимъ стремленіемъ увеличить литературу о Доле, а просто желалъ показать, что личность Доле настолько извѣстна и цѣнима во Франціи, что вошла даже въ общія руководства по ея исторіи.

На стр. 15—22 своей статьи г. Земель знакомитъ читателя, насколько личностью Доле интересовались въ Германіи, преимущественно въ XVIII вѣкѣ. Этотъ интересъ выразился въ статьяхъ, которыя „въ общемъ прибавляли мало новаго къ добытымъ уже свѣдѣніямъ о лионскомъ гуманистѣ, но служатъ доказательствомъ недостаточно подчеркнутаго еще факта, сколь живо его личностью интересовались, особенно въ XVIII вѣкѣ, и по эту сторону Рейна“ (с. 15).

Приведя эти слова г. Земеля, проф. Ясинскій дѣлаетъ совершенно непонятный выводъ: „Изъ этихъ словъ г. Земеля, говоритъ онъ, нельзя не усмотрѣть, что въ данномъ случаѣ руководящимъ мотивомъ служилъ личный вкусъ, неоправдываемый научными соображеніями“ (с. 5). Откуда это видно, я положительно не знаю.

Г. Земель, по моему сужденію, поступалъ правильно, желая познакомить съ состояніемъ вопроса о Доле въ Германіи, т. е. за предѣлами Франціи; причемъ, если то, что было сдѣлано для Доле въ Германіи за это время, и оказалось довольно незначительнымъ, то во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ названія „ничтожныхъ замѣтокъ и статей“, какъ называетъ ихъ проф. Ясинскій.

Далѣе въ своемъ отзывѣ проф. Ясинскій удѣляетъ нѣкоторое мѣсто указаніямъ на пропуски г. Земеля въ литературѣ вопроса о Долэ и особенно подробно останавливается на неточности даваемыхъ г. Земелемъ указаній.

Прежде всего, какъ я уже отмѣтилъ выше, надо имѣть въ виду, что проф. Ясинскій черпалъ большую часть своихъ свѣдѣній изъ вторыхъ рукъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь минимальное число книгъ о Долэ. Отсюда происходитъ цѣлый рядъ недоразумѣній.

Г. Земель самъ указываетъ, что нѣкоторыми изданіями онъ не могъ пользоваться (см. с. 20 пр. 5; с. 27 пр. 2).

По поводу пропусковъ проф. Ясинскій пишетъ: „Въ за-мѣткѣ о Долэ, помѣщенной въ *La grande Encyclopédie* (у Яс. *Encyklopedie*), я нашелъ указаніе на сочиненіе Laporte, *Histoire littéraire* (Paris 1887), t. III, названное въ числѣ немногихъ необходимыхъ литературныхъ пособій, наряду съ сочиненіями Née de la Rochelle, Бульмье, Дидо, Дуана и др.“ (с. 3). Этого „сочиненія“ проф. Ясинскій не видѣлъ. Я довольно съ большимъ трудомъ досталъ эту книгу въ Парижѣ. Вотъ ея заглавіе: Laporte A. *Bibliographie contemporaine. Histoire littéraire du XIX-e siècle. Manuel critique et raisonné de livres rares, curieux et singuliers, d'éditions romantiques, d'ouvrages tirés à petit nombre etc., depuis 1800 jusqu'à nos jours, avec l'indication du prix d'après les catalogues de ventes et de libraires.* (Т. III. Cuc-Dro.) Paris, 1887. Итакъ передъ нами не необходимое литературное пособие, а просто распространенный каталогъ болѣе или менѣе рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, гдѣ на стр. 285—286 третьяго тома сообщаются краткія общеизвѣстныя свѣдѣнія о жизни Долэ, а затѣмъ на стр. 286—287 приводится списокъ семи, большею частью, перепечатанныхъ въ XIX вѣкѣ сочиненій Долэ и о Долэ, кончая книгою Бульмье, съ обозначеніемъ цѣны. Попавшій по ошибкѣ въ *La grande Encyclopédie*, этотъ каталогъ превратился въ отзывъ проф. Ясинскаго въ число „немногихъ необходимыхъ литературныхъ пособій“ о Долэ.

Дальше мы читаемъ у проф. Ясинскаго: „Въ книгѣ Коплей Кристи, которая является самой важной работой о Доле, отмѣчена статья Бульмье, напечатанная въ 1855 году на страницахъ *Revue de Paris*, статья, о которой г. Земель не упоминаетъ ни однимъ словомъ“ (с. 3). Проф. Ясинскій этой статьи не видѣлъ. Статья эта, напечатанная въ *Revue de Paris* (t. 28, 15 novembre, p. 553—565), носитъ заглавіе „*Etude sur le seizième siècle: le Printemps d'Yver*“ и посвящена французскому писателю XVI вѣка Jacques Yver, автору книжки *le Printemps*, содержаніе которой тамъ и излагается. О Долѣ въ этой статьѣ нѣтъ ни слова. Совершенно ясно, что г. Земель не долженъ былъ о ней упоминать. Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить и неточность *Copley Christie*, который, упоминая во введеніи (р. XIV) книгу *Boulmier* о Долѣ, говоритъ, что это тотъ *Boulmier*, „qui en 1855 avait écrit dans la *Revue de Paris* un article sur le même sujet“. Другой статьи Бульмье въ *Revue de Paris* за 1855 годъ нѣтъ.

На замѣчаніе г. Земеля (с. 5 пр. 1), что онъ пользовался *La Bibliothèque française de la Croix du Maine* въ изданіи *Rigoley de Juvigny*, проф. Ясинскій пишетъ: Въ этомъ замѣчаніи „такъ много ошибочнаго, что является сомнѣніе въ томъ, пользовался ли г. Земель этимъ изданіемъ. Помимо того, что *Ригoley de Жювиньи*, соединяя изданія *Ла-Круади-Мена* и *Дю-Вердьера*, прибавилъ не только примѣчанія названныхъ (у г. Земеля) трехъ писателей, но и примѣчанія *Нисерона* и *Гуже*, о чемъ не упоминаетъ г. Земель, слѣдуетъ замѣтить, что это изданіе вышло въ Парижѣ въ 1772—1773 гг. не въ 5 томахъ, а въ 6 томахъ in-4“ (с. 7).

Проф. Ясинскій этого изданія въ рукахъ, очевидно, не имѣлъ; иначе онъ не сказалъ бы, что въ немъ прибавлены примѣчанія *Нисерона* и *Гуже*; послѣднихъ въ названномъ изданіи нѣтъ. Относительно количества томовъ, надо дѣйствительно сказать, что это изданіе, появившееся въ 5 то-

махъ, имѣеть небольшой 6-й томъ supplementum (т. I—III, Paris, 1772, т. IV—VI, Paris, 1773).

По поводу способа цитирования г. Земелемъ „Histoire des martyrs“ Жана Креспена, проф. Ясинскій пишетъ: „На стр. 5-й г. Земель говоритъ, что Жанъ Креспенъ издалъ въ Женевѣ „знаменитую Histoire des martyrs“, а на стр. 9-й, что „имя Долэ встрѣчается въ Martyrologe Crespin'a“. Такимъ образомъ, продолжаетъ проф. Ясинскій, является вопросъ, какъ же было озаглавлено сочиненіе Креспена? или нужно имѣть въ виду два различныя сочиненія Креспена? Коплей Кристи такъ цитируетъ сочиненіе Креспена: Grand Martyrologe (édit. de 1597), а мои справки по Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche (sub voce) и Nouvelle Biographie Générale (t. XII, p. 441) указываютъ, что Жанъ Креспенъ издалъ въ 1554 году Le livre des Martyrs, а не Histoire des martyrs“ (с. 7—8).

Правда, что первое изданіе 1554 г. озаглавлено Le livre des martyrs, но цитируется оно часто и какъ Histoire des martyrs. Вообще надо имѣть въ виду, что это знаменитое сочиненіе Жана Креспена часто переиздавалось и заглавіе измѣнялось, такъ что оно и цитируется подъ различными названіями: Le livre des martyrs, Histoire des martyrs, Recueil de plusieurs personnes..., Actes des martyrs, Histoire des vrais témoins, Martyrologe ¹⁾. Что же касается до ссылокъ Коплей Кристи на Grand Martyrologe Креспена въ изд. 1597 года (р. 399, 413, 414), то я это изданіе имѣлъ: оно называется Histoire des martyrs; но ссылки Коплей Кристи оказались всѣ невѣрными. Особога же какого-нибудь Grand Martyrologe Креспена не существуетъ.

По поводу утвержденія г. Земеля, что мемуары Михаила Кастельно было изданы въ Парижѣ въ 1659 году,

1) См. Н. Hauser. D'une source importante du Martyrologe de Crespin въ его Etudes sur la réforme française. Paris, 1909, p. 299—308 (раньше напечатано въ Revue Henri IV, t. II, 1908). Н. Hauser. Les sources de l'histoire de France: XVI-e siècle. II, Paris, 1909, № 776, p. 38—39.

и что „тѣже мемуары содержатъ весьма интересный отзывъ о Доле въ опубликованномъ здѣсь письмѣ отъ 1562 г., авторомъ котораго является кардиналъ Philibert Babou“ (с. 6), проф. Ясинскій пишетъ: „На самомъ дѣлѣ мемуары Кастельно были изданы три раза: первый разъ въ Парижѣ въ 1621 году in - 4, второй разъ въ Брюсселѣ (2 t. in - folio) въ 1659 году и третій разъ въ Парижѣ (3 t. in - folio) въ 1731 году. Если г. Земель пользовался изданіемъ 1659 года, то ему слѣдуетъ знать, что оно издано не въ Парижѣ, а въ Брюсселѣ. Далѣе онъ совершенно заблуждается, когда утверждаетъ, что мемуары Кастельно заключали или „содержали“ письмо кардинала. Коплей Кристи (р. 460) категорически утверждаетъ, что письмо это было присоединено издателемъ мемуаровъ Ле-Лабуереромъ: *Le Laboureur cite une lettre du cardinal Philibert Babou*“ (Яс. с. 8).

Проф. Ясинскій не имѣлъ въ рукахъ ни одного изданія мемуаровъ Кастельно. Я видѣлъ ихъ всѣ три. Оказывается, что второе изданіе „*Les mémoires de Messire Michel de Castelnau*“ вышло въ 1659 году именно въ Парижѣ, какъ пишетъ г. Земель, а третье изданіе 1731 года въ Брюсселѣ. Объ эти изданія вышли съ дополненіями *Le Laboureur*'а. Итакъ первая половина возраженія проф. Ясинскаго совершенно отпадаетъ. Что же касается до письма кардинала Philibert Babou, dit de la Bourdaisière, то оно дѣйствительно прибавлено издателемъ мемуаровъ *Le Laboureur*'омъ (см. изд. 1859, I, р. 355; изд. 1731, I, р. 347), о чемъ проф. Ясинскій узналъ изъ книги Коплей Кристи.

Далѣе проф. Ясинскій говоритъ: „На стр. 15-ой г. Земель цитируетъ изданіе Моргофа, которое находилось въ его рукахъ: *Polyhistor litterarius, philosophicus et practicus* (у Яс. *practitus*) *Danieli Georgi Morhofi* (Lubecae 1714, р. 823), допуская 4 ошибки, исключаящія мысль объ опечаткѣ, тогда какъ слѣдовало: *Danielis Georgii Morhofi*, какъ стоитъ

на заглавномъ листѣ изданія (у Яс. изданіе) 1732 года, а не 1714“ (с. 8).

Проф. Ясинскій, очевидно, не знаетъ, что Polyhistor Моргофа издавался неоднократно. Я самъ имѣлъ въ рукахъ три изданія 1708, 1714 и 1732 года. Итакъ одна ошибка г. Земеля исчезаетъ: цитированное у него изданіе 1714 года существуетъ. Привожу заглавіе этого изданія: Danielis Georgii Morhofii Polyhistor и т. д. Также написано заглавіе и въ изданіи 1708 года. Отсюда видно, что еще двѣ ошибки г. Земеля отпадаютъ¹⁾. Остается одна: у г. Земеля напечатано Danieli вмѣсто Danielis.

Интересно обвиненіе проф. Ясинскаго, предъявленное имъ г. Земелю по поводу цитирования имъ книги P. de Colonia „Histoire littéraire de la ville de Lyon“ (Lyon, 1730). Проф. Ясинскій пишетъ: „На стр. 12-ой въ кавычкахъ г. Земель приводитъ (у Яс. проводитъ) какъ бы текстъ изъ отзыва Доминика Колоніи въ такой формѣ: La noble simplicité, le goût antique et la pure latinité ressent le siècle d'Auguste, тогда какъ Коплей Кристи (р. 228) это замѣчаніе приводитъ также въ кавычкахъ въ такомъ видѣ: La noble simplicité, la saveur antique et la pure latinité de cette pièce nous rappellent le siècle d'Auguste. Если одинъ и тотъ же текстъ, продолжаетъ проф. Ясинскій, два автора приводятъ въ различной формѣ, то это доказываетъ, что или оба они цитировали слова писателя, не читая его, а пользуясь какими-то различными пособіями, или въ этомъ виноватъ одинъ изъ нихъ. Принимая во вниманіе, что Коплей Кристи имѣетъ репутацію солиднаго ученаго, и что онъ, приводя слова Доминика Колоніи, указываетъ страницу (II, 497), я полагаю, что виновнымъ въ искаженіи текста является г. Земель, не имѣвшій, повидному, въ рукахъ сочиненія Доминика Колоніи, а поль-

1) Въ изд. 1732 года, которое имѣлъ въ рукахъ проф. Ясинскій, заглавіе таково: Danielis Georgii Morhofii и т. д.

зовавшийся какимъ-то пособіемъ, которое имъ не указано“ (с. 9—10).

Итакъ, самъ проф. Ясинскій сочиненія Колоніи не имѣлъ въ рукахъ, а предъявилъ г. Земелю обвиненіе въ нѣсколько даже обидномъ тонѣ на основаніи пособія, которое имъ указано, а именно книги Коплей Кристи. Я книгу Колоніи имѣлъ въ рукахъ. Открываемъ 497-ю страницу второго тома этого сочиненія и находимъ слѣдующее: *La noble simplicité, le goût antique et la pure latinité ressent le siècle d'Auguste*, т. е. слово въ слово, какъ приведено у г. Земеля. Именно у Коплей Кристи цитата неточна. Итакъ это обвиненіе проф. Ясинскаго падаетъ, приводя меня въ полное недоумѣніе, какимъ образомъ можно предъявлять подобныя обвиненія, не заглянувъ въ источникъ.

Продолжая упрекать г. Земеля въ небрежности его ссылки, проф. Ясинскій говоритъ, что онъ на стр. 30-й не точно цитируетъ Бюллетени Общества изученія исторіи французскаго протестантства, а именно *Bulletin de la Société d'Histoire du protestantisme en France*. Да, маленькая неточность есть; вотъ полное заглавіе: *Bulletin historique et littéraire de la Société de l'histoire du protestantisme français*. Но упрекая г. Земеля въ неточности, проф. Ясинскій самъ здѣсь допускаетъ неточность: онъ называетъ *Société d'histoire du protestantisme français* вмѣсто *Société de l'histoire* и т. д.

Эта же небрежность, говоритъ проф. Ясинскій, сказывается и въ томъ, что имена авторовъ г. Земель пишетъ различно, напр.: то *Morery*, то *Moréri*, то *La Monpauye*, то *La Monpouye*. Конечно, здѣсь со стороны г. Земеля есть корректурный недосмотръ; надо читать *Moréri* и *De la Monpouye*. Но подобную же небрежность мы встрѣчаемъ и въ отзывѣ проф. Ясинскаго: такъ на стр. 3 мы имя автора читаемъ въ правильномъ написаніи *Copley Christie*, а на стр. 13 (третья строка снизу) уже неправильно *Kopley Christie*.

Переходимъ къ соч. A. Baillet „Jugemens des savans sur les principaux ouvrages des auteurs“, révus, corrigés et augmentés par M. De la Monnoye. Я имѣлъ въ рукахъ два изданія: 1) Paris, 1722 и 2) Amsterdam, 1725. Прежде всего надо исправить у г. Земеля годъ изданія — не 1727, а 1722 (с. 13).

Обвиняя г. Земеля въ небрежномъ и произвольномъ выписываніи текстовъ изъ просмотрѣнныхъ имъ книгъ, проф. Ясинскій, по поводу только что названной книги Baillet, говоритъ слѣдующее: „На стр. 14-ой у г. Земеля напечатано: Pour Dolet il ne paroît par ses oeuvres, qu'il ait su le Grec вмѣсто правильнаго: Pour Dolet il ne me paroît point par ses oeuvres, qu'il ait su le Grec (см. Copley Christie, p. 437)“ (с. 9). Какъ видно изъ этого, проф. Ясинскій самого сочиненія Baillet не видѣлъ и „правильный“ текстъ приводитъ изъ вторыхъ рукъ. Вотъ примѣчаніе De la Monnoye, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: Pour Dolet il ne paroît point par ses oeuvres qu'il ait su le Grec (Paris, I, 372, n. 2; Amsterdam, I, 207, n. 12). Если мы сравнимъ теперь всѣ три приведенныя версіи, то увидимъ, что ближе всѣхъ къ ней г. Земель, который пропустилъ одно лишь слово point послѣ paroît. Copley Christie (p. 437) приводитъ это мѣсто такъ: Pour Dolet il ne me paroît point и т. д., т. е. произвольно измѣняетъ текстъ De la Monnoye, вставляя me и ставя форму paroît вмѣсто paroît. Проф. Ясинскій же не точно списалъ текстъ Copley Christie и поставилъ paroît вмѣсто paroît. Трудно говорить о „правильности“ текста, не справившись по первоисточнику.

Не лишенъ интереса и слѣдующій приѣмъ проф. Ясинскаго, который на стр. 12-й пишетъ: По словамъ г. Земеля, Меттеръ „обнаруживаетъ полное знакомство со всей послѣдующей (sic!) литературою, такъ что въ этомъ отношеніи Née de la Rochelle, Boulmier и Copley Christie могли лишь немного прибавить къ тому, что уже можно найти у неутомимаго библиографа начала XVIII вѣка“ (с. 10). „Дѣ-

лая эту выписку, продолжаетъ проф. Ясинскій, и представляя любителямъ загадокъ разрѣшить вопросъ о томъ, какъ Меттеръ могъ обнаружить „знакомство со всей послѣдующей литературою“, я имѣлъ въ виду показать“ и т. д.

Вмѣсто приведеннаго у проф. Ясинскаго обрывка фразы, приведемъ эту фразу г. Земеля цѣликомъ: „(У Меттера) собрана большая часть отзывовъ и сужденій, которые имѣются о Долѣ въ призаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ современныхъ ему писателей, сверхъ того онъ обнаруживаетъ полное знакомство со всей послѣдующей литературой“ и т. д. (с. 10). Смыслъ совершенно ясенъ: Меттеръ зналъ литературу о Долѣ, появившуюся какъ при жизни послѣдняго, такъ и послѣ смерти Долѣ, конечно, до времени самого Меттера. „Любителямъ загадокъ“ здѣсь дѣлать совершенно нечего. Просто проф. Ясинскій невнимательно прочелъ это мѣсто.

Уже сказаннаго выше достаточно, чтобы показать, насколько отзывъ проф. Ясинскаго въ иныхъ мѣстахъ не точенъ и требуетъ немедленнаго исправленія.

Проф. Ясинскій говоритъ, что г. Земелю „прежде всего необходимо было бы взяться за изученіе источниковъ“ (с. 11), а именно за акты парижскаго парламента о процессѣ Долѣ. Но вѣдь это совершенно иная тема. Если г. Земель будетъ продолжать свои занятія личностью Долѣ, то онъ займется и актами его процесса. Въ данномъ же случаѣ у него была другая задача.

Не могу согласиться я и съ сужденіями проф. Ясинскаго, будто г. Земель руководствовался при написаніи своей статьи „какимъ-то личнымъ вкусомъ и посторонними для науки побужденіями“ (с. 6); будто „нѣкоторые изъ его промаховъ внушаютъ подозрѣніе, что г. Земель позволяетъ себѣ говорить о книгахъ, которыхъ онъ не имѣлъ въ своихъ рукахъ“ (с. 10); будто „вся работа г. Земеля исполнена небрежно и поверхностно“. „Самое появленіе

этой работы, продолжаетъ проф. Ясинскій, на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія я считаю плачевнымъ недосмотромъ со стороны редакціи этого серьезнаго органа“ (с. 16).

Нѣтъ, полезная работа г. Земеля, несмотря на нѣкоторыя погрѣшности, вполне заслуженно появилась на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, и ни о какомъ „плачевномъ недосмотрѣ со стороны редакціи“ не можетъ быть и рѣчи.

Очень жаль, что проф. Ясинскій, которому „пришлось исписать всѣ поля печатнаго экземпляра (статьи г. Земеля) различными замѣтками“, долженъ былъ „отказаться отъ мысли изложить ихъ полностью въ своемъ отзывѣ“ (с. 16). Во всякомъ случаѣ та часть замѣтокъ, которую проф. Ясинскій опубликовалъ, не можетъ заставить меня измѣнить мой взглядъ на статью г. Земеля. „Ни на одно его положеніе, говоритъ проф. Ясинскій, нельзя положиться безъ „тщательной“ провѣрки (с. 10); но самъ рецензентъ этой „тщательной“ провѣрки не сдѣлалъ и не могъ ея сдѣлать, такъ какъ не имѣлъ въ рукахъ необходимыхъ матеріаловъ.

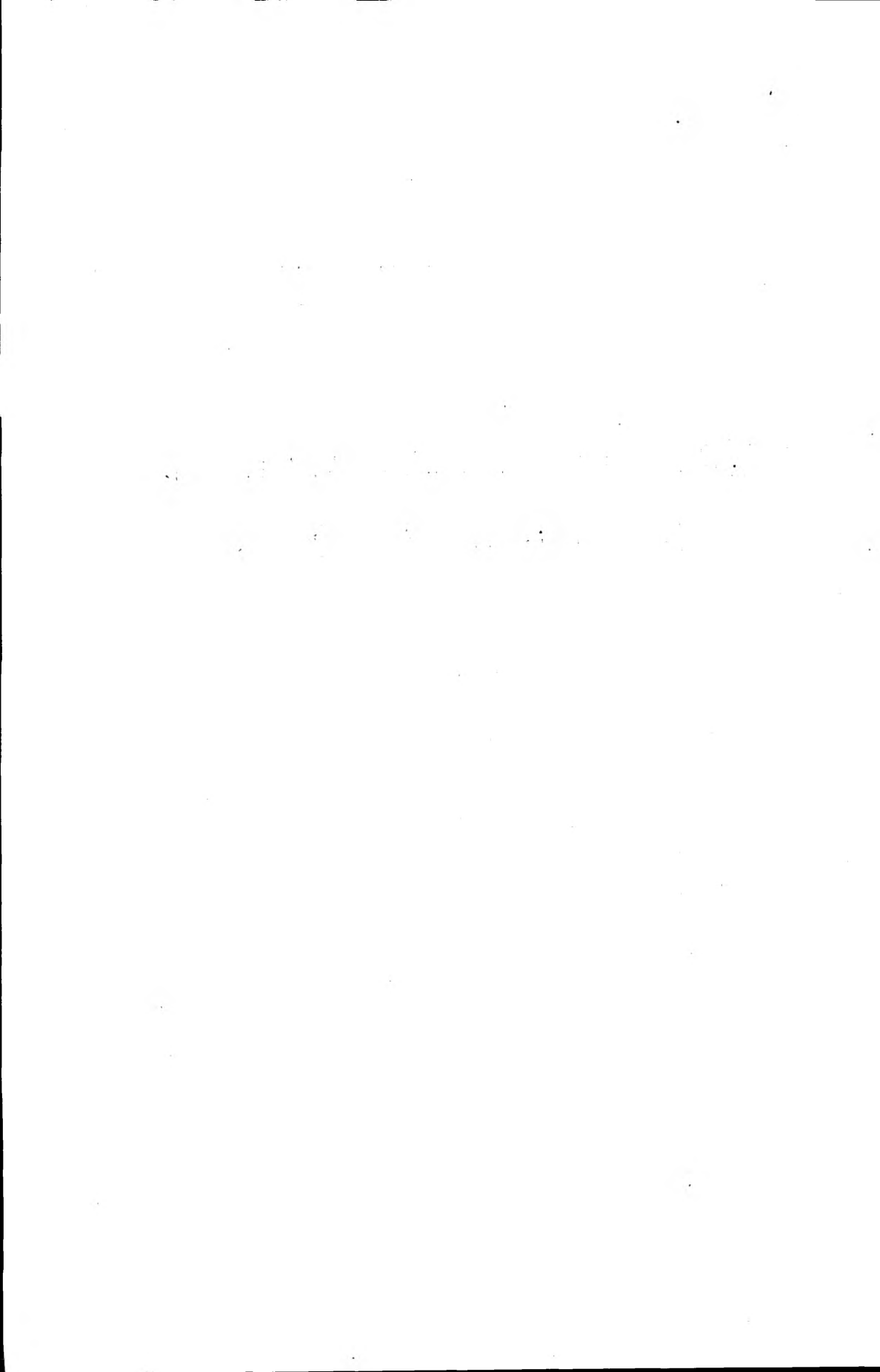
Профессоръ А. Васильевъ.

Изъ Института Сравнительной Анатоміи Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Родственная связь отдѣльныхъ видовъ клѣтокъ эпителія слизистой оболочки тонкой кишки.

Студ. мед. Г. Ю. Куль.

Сочиненіе студента медицинскаго факультета Гарри Юльевича Куль, удостоенное 12 декабря 1910 года золотой медали.

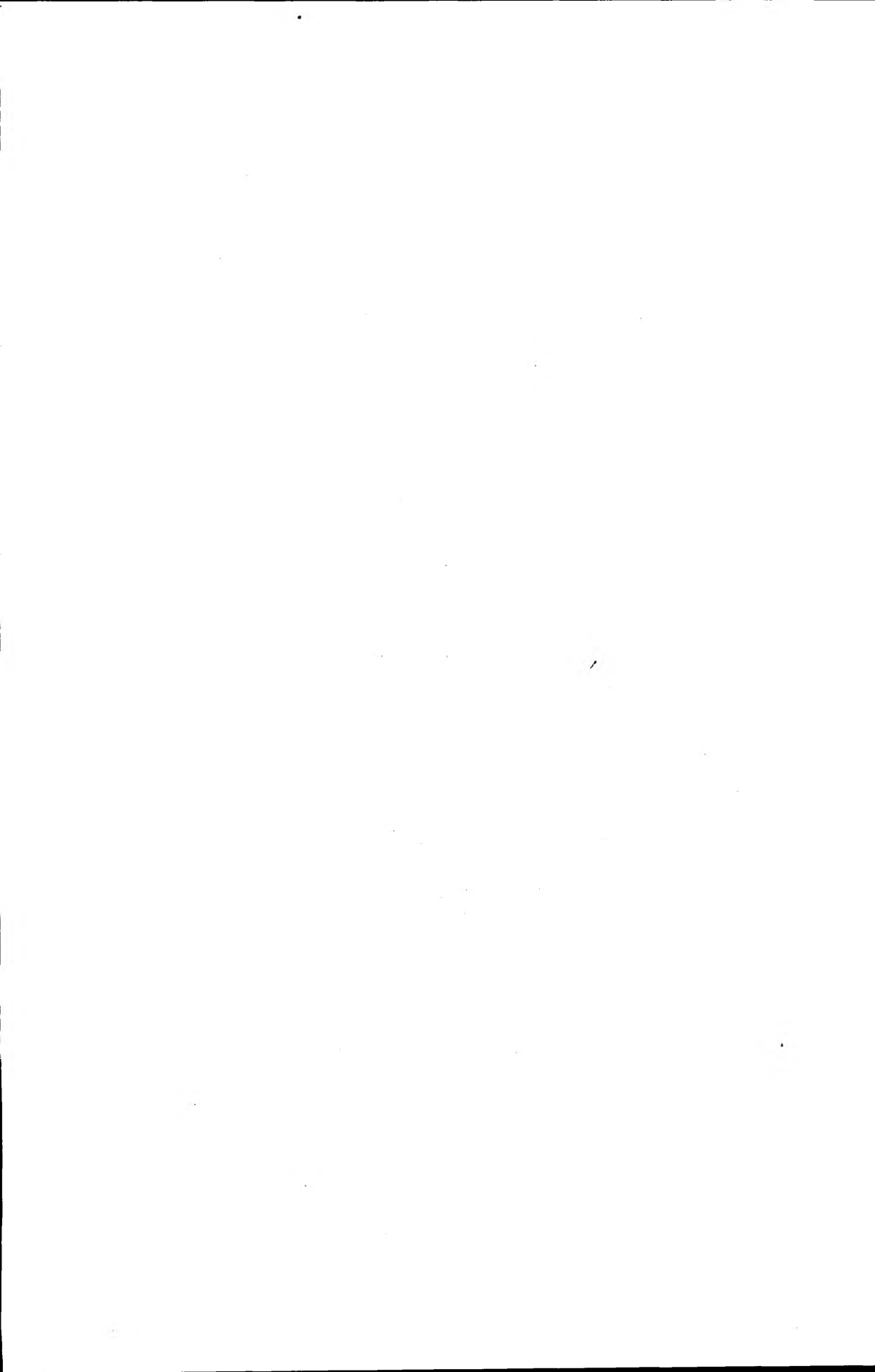
Моему глубокоуважаемому учителю

профессору

Петру Андреевичу

Полякову

выражаю искреннюю благодарность за
постоянную, участливую помощь при
моих работах и за все то, чему я
у него научился.

Введеніе.

Строеніе эпителия слизистой оболочки тонкой кишки съ давнихъ поръ является предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій.

Въ литературѣ вопроса замѣчаются какъ - бы два направленія: одно изъ нихъ старается вникнуть въ строеніе эпителиныхъ клѣтокъ слизистой оболочки и установить родственное отношеніе клѣтокъ, лежащихъ въ железахъ Lieberkühn'a, къ клѣткамъ, лежащимъ на ворсинкахъ; другое разсматриваетъ въ частности строеніе бокаловидныхъ клѣтокъ и ихъ связь съ остальными клѣтками кишечнаго эпителия.

Вслѣдствіе этого мнѣ кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ разсмотрѣть въ отдѣльности какъ литературу клѣтокъ эпителия ворсинокъ и железъ Lieberkühn'a, такъ и литературу бокаловидныхъ клѣтокъ. Этимъ достигается большая однородность изложенія и большая наглядность въ развитіи вопроса о различныхъ видахъ клѣтокъ эпителия кишечника.

Литература клѣтокъ эпителия железъ Lieberkühn'a.

Первыя указанія на присутствіе железъ въ тонкой кишкѣ мы находимъ въ 1688 году у Malpighi (1)*).

Несмотря на это, кишечныя железы получили имя Lieberkühn'a (2), которому удалось обратить всеобщее вниманіе на эти образованія. Въ своей работѣ, изданной

*) Заглавія работъ приведены въ указателѣ литературы на стр.

въ 1745 году, Lieberkühn высказываетъ предположеніе, что описываемые имъ „Folliculi“ являются настоящими железистыми органами, которые какимъ-нибудь образомъ находятся въ связи съ секретіей.

Galeati (3) подробно описывалъ эти железы въ своей работѣ: „De cribriformi intestinorum tunica.“ Поэтому нѣкоторые итальянскіе авторы и теперь еще называютъ эти образованія железами Galeati.

Предположеніе Lieberkühn'a поддерживалъ v. Haller (4), который считалъ эти железы особымъ видомъ слизистыхъ железъ.

Hedwig (5) полагалъ, что кишечныя железы являются органами всасыванія лимфенной жидкости и называлъ ихъ: „Reseptacula chyli.“

Rudolphi (6) сначала поддерживалъ мнѣніе v. Haller'a, принялъ однако въ послѣдствіи теорію всасыванія Hedwig'a, въ вѣрности которой убѣдился собственными опытами.

Böhm (7) убѣдился при подробномъ изслѣдованіи кишечныхъ железъ, что железы Lieberkühn'a являются маленькими сецернирующими полостями, которыя образуются впячиваніемъ слизистой оболочки кишки; поэтому, эти образованія относятся къ простымъ железамъ, а не къ сложнымъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые другіе авторы. вмѣстѣ съ этимъ онъ сомнѣвается въ томъ, дѣйствительно ли „Congruscula“ Hedwig'a и Rudolphi являются тѣми же образованіями какъ „Folliculi“ Lieberkühn'a.

Пользуясь усовершенствованными методами изслѣдованія, Kölliker (12) доказалъ, что железы Lieberkühn'a состоятъ изъ однослойнаго цилиндрическаго эпителія, клѣтки котораго сдерживаются безструктурной Membrana propria. Функція железъ состоитъ, по мнѣнію Kölliker'a, въ выдѣленіи кишечнаго сока. Кромѣ того Kölliker считаетъ возможнымъ что эти железы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ служить органами всасыванія.

Мнѣніе Kölliker'a о секреторной функціи железъ Lieberkühn'a поддерживаютъ Todd и Bowmann, а также физиологъ Funke (18).

Todd и Bowmann (14) полагаютъ, что функція железъ Lieberkühn'a очевидно во всемъ кишечномъ трактѣ одинакова, потому что положеніе и устройство железъ отли-

чается большимъ однообразіемъ; кромѣ того различныя части кишечника снабжены, помимо этихъ железъ своими собственными, особенными железами.

Schulze (24) поддерживаетъ это мнѣніе объ однообразной функціи железъ въ различныхъ частяхъ кишечника; кромѣ того онъ первый замѣтилъ присутствіе бокаловидныхъ клѣтокъ между обыкновенными цилиндрическими клѣтками железъ Lieberkühn'a.

Schwalbe (32) указываетъ на разницу въ эпителии ворсинокъ и эпителии железъ Lieberkühn'a.

По его мнѣнію железы Lieberkühn'a являются вполне самостоятельными и характерными железами, а не продуктомъ впячивания поверхностнаго эпителия.

Мнѣніе Todd и Bowmann'a объ одинаковомъ строеніи железъ Lieberkühn'a въ различныхъ частяхъ кишечнаго канала было опровержено работами Klose (37), который доказалъ разницу въ строеніи и функціи железъ тонкой и толстой кишки. По мнѣнію Klose железы тонкой кишки выдѣляютъ главнымъ образомъ кишечный сокъ, между тѣмъ какъ железы толстой кишки преимущественно вырабатываютъ слизь.

Несмотря на мнѣніе Schwalbe, Horre-Seuler (38) не признаетъ за железами Lieberkühn'a секреторной дѣятельности; онъ говоритъ, что не имѣется никакого вѣрнаго доказательства въ томъ, что существуетъ кишечный сокъ и что онъ производится железами Lieberkühn'a. Эти железы являются только продуктомъ впячивания поверхностнаго эпителия, и эпителиныя клѣтки въ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ эпителиныхъ клѣтокъ свободной поверхности и ворсинокъ.

Ranvier (44) считаетъ железы Lieberkühn'a смѣшанными слизистыми железами, въ которыхъ имѣются бокаловидныя слизистыя клѣтки и зернистыя клѣтки. Этотъ смѣшанный эпителий имѣется только въ извѣстной части железы, между тѣмъ какъ на ея днѣ имѣются только зернистыя клѣтки.

Въ дальнѣйшемъ мнѣнія о значеніи железъ Lieberkühn'a расходятся. Между тѣмъ какъ Paneth и Heidenhain поддерживаютъ мнѣніе Schwalbe и указываютъ на довольно значительную разницу въ строеніи клѣтокъ эпителия железъ и эпителия ворсинокъ, Bizzozzo видитъ въ этихъ железахъ

не железы въ собственномъ смыслѣ этого слова, но только органы пополненія клѣточныхъ элементовъ эпителия кишечника.

Vizzozego (45) установилъ, что въ железахъ Lieberkühn'a имѣется большое количество каріокинетическихъ фигуръ клѣточного дѣленія. Эти фигуры чаще всего лежатъ на днѣ железъ и въ прилегающихъ частяхъ; чѣмъ ближе къ верхней части железы, тѣмъ меньше такихъ фигуръ. Въ эпителии ворсинокъ онѣ совсѣмъ отсутствуютъ.

На основаніи этихъ данныхъ Vizzozego предположилъ, что эти митозы служатъ къ пополненію убытковъ въ клѣткахъ, которые перетерпѣваетъ поверхностный эпителий. Въ доказательство этого мнѣнія онъ приводитъ то обстоятельство, что эпителиныя клѣтки на днѣ железъ имѣютъ характеръ молодыхъ клѣтокъ; чѣмъ болѣе онѣ передвигаются въ железахъ въ вышину и на ворсинки, тѣмъ яснѣе постепенно выступаютъ характерныя особенности ихъ строенія. Это относится въ одинаковой мѣрѣ къ бокаловиднымъ и протоплазматическимъ клѣткамъ. „Значить всѣ эти клѣтки“, говоритъ Vizzozego, „живутъ и умираютъ не тамъ, гдѣ первоначально образовались, но постепенно передвигаются изъ болѣе глубокихъ впадинъ слизистой оболочки къ ея болѣе высокимъ выступамъ“ . . . „Трубчатая железа кишечника, слѣдовательно, отличается отъ настоящихъ железъ. Въ послѣднихъ железистыя клѣтки специфически дифференцированы и рѣзко отличаются отъ клѣтокъ того поверхностнаго эпителия, съ которымъ соединяется ихъ выводной протокъ. Въ трубчатыхъ же железахъ кишечника эпителий представляетъ собою прямой переходъ поверхностнаго эпителия, принимаетъ участіе въ функціяхъ послѣдняго и даже можетъ быть принятъ за наиболѣе молодую часть его.“

Raneth (46) указываетъ на разницу въ строеніи клѣтокъ эпителия железъ Lieberkühn'a и ворсинокъ. Клѣтки железъ отличаются тѣмъ, что не имѣютъ краевой каемки и замѣтныхъ границъ между собою; кромѣ того, въ железахъ имѣется большое число каріокинетическихъ фигуръ дѣленія клѣтокъ, между тѣмъ какъ такія фигуры совсѣмъ отсутствуютъ на ворсинкахъ. Наконецъ на днѣ железъ Lieberkühn'a у мыши имѣется „особый видъ железистыхъ клѣтокъ, которыя нельзя отождествлять ни съ бокаловидными,

ни съ слизистыми клѣтками, ни съ клѣтками поджелудочной железы.“ Эти клѣтки отличаются тѣмъ, что содержатъ большое количество зернышекъ или капелекъ (на счетъ ихъ консистенціи Paneth ничего сказать не можетъ), которыя имѣютъ болѣе слабое преломленіе свѣта, чѣмъ жиръ. „Величина этихъ зеренъ весьма разнообразна, но обыкновенно значительно больше капелекъ въ бокаловидныхъ клѣткахъ мыши и даже тритона. Зернышки расположены въ пространствахъ, имѣющихъ форму клѣтокъ железы; иногда же они лежатъ и въ ея просвѣтѣ. Въ железнѣ часто многія клѣтки наполнены этими зернышками, иногда же только одна или двѣ клѣтки. Иной разъ въ одной клѣткѣ помѣщается, какъ кажется, только нѣсколько зеренъ.“ Опыты Paneth'a, произведенные при помощи различныхъ реактивовъ, не даютъ положительнаго представленія о химическомъ свойствѣ этихъ зеренъ. Зернышки не состоятъ изъ жира и не являются паразитными образованіями. Въ эфирѣ и спиртѣ они медленно растворяются, между тѣмъ какъ разведенныя кислоты растворяютъ ихъ быстро. Дистиллированная вода и растворъ ѣдкаго калия зернышекъ не растворяютъ. При дѣйствіи осміевой кислоты зернышки дѣлаются коричневыми, но не черными. Осміевая кислота поэтому является хорошимъ фиксирующимъ средствомъ для этихъ зернышекъ. Гораздо лучше дѣйствуетъ, однако, насыщенный водный растворъ пикриновой кислоты.

Зернышки окрашиваются различными красками и удерживаютъ краски при обезцвѣчиваніи спиртомъ сильнѣе, чѣмъ ядра клѣтокъ. При этомъ зернышки окрашиваются безъ всякаго измѣненія цвѣта краски и отличаются этимъ отъ зернышекъ бокаловидныхъ клѣтокъ, которыя при томъ значительно меньшей величины.

При болѣе подробномъ изслѣдованіи зернистыхъ клѣтокъ Paneth замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ клѣткахъ имѣется только нѣсколько маленькихъ зернышекъ въ части клѣтки, обращенной къ просвѣту железы. Сначала зернышки лежатъ въ неизмѣненной протоплазмѣ, которая все болѣе и болѣе теряетъ способность окрашиваться и дѣлается менѣе коричневой отъ дѣйствія осміевой кислоты. Наконецъ, въ самыхъ наполненныхъ клѣткахъ не видно совсѣмъ протоплазмы. Ядро зернистыхъ клѣтокъ меньше ядра

эпителиальныхъ клѣтокъ и при этомъ интенсивнѣе окрашивается. При сильномъ наполненіи зернистыхъ клѣтокъ зернышками ядро часто не бываетъ виднымъ: оттого ли, что оно только закрывается, что Paneth'у кажется не вѣроятнымъ, или же оттого, что оно дѣйствительно исчезаетъ.

Зернистыя клѣтки происходятъ, по мнѣнію Paneth'a, несомнѣнно изъ эпителиальныхъ клѣтокъ, потому что имѣются всѣ переходныя стадіи. Насчетъ секретіи этихъ клѣтокъ Paneth болѣе склоненъ думать, что онѣ послѣ секретіи погибають.

У человѣка Paneth также замѣтилъ зернистыя клѣтки которыя отличаются отъ зернистыхъ клѣтокъ мыши тѣмъ, что не удерживаютъ красокъ въ своихъ зернышкахъ; вслѣдствіе этого ихъ трудно наблюдать.

Въ тонкой кишкѣ крысы также имѣются зернистыя клѣтки, которыя однако попадаютъ рѣже и отличаются меньшей величиной своихъ зернышекъ.

Въ томъ же году R. Heidenhain (47) приводитъ открытіе клѣтокъ Paneth'a въ доказательство того, что эпителий железъ Lieberkühn'a отличается отъ эпителия ворсинокъ. Онъ даетъ результаты собственныхъ наблюденій и указываетъ на то, что „у нѣкоторыхъ животныхъ (мыши, морской свинки) имѣются въ клѣткахъ на днѣ железъ своеобразныя зернышки, которыя окрашиваются гематоксилиномъ съ хромокислымъ калиемъ въ черный цвѣтъ, а кислымъ фуксиномъ въ красный. Зернышки эти недавно подробно описаны Paneth'омъ и никогда не найдены въ эпителии ворсинокъ. Кромѣ присутствія этихъ зернистыхъ клѣтокъ, эпителиныя клѣтки железъ Lieberkühn'a отличаются еще тѣмъ, что окрашиваются смѣсью трехъ красокъ (кислый фуксинъ, оранжъ и метиленовая зелень) послѣ фиксаціи сулемой или спиртомъ значительно блѣднѣе, чѣмъ клѣтки эпителия ворсинокъ.

Schaffer (50) подтвердилъ присутствіе зернистыхъ клѣтокъ Paneth'a въ тонкой кишкѣ человѣка. Зернистыя клѣтки рѣзко отличаются во всѣхъ препаратахъ отъ бокаловидныхъ клѣтокъ; переходныхъ формъ между этими клѣтками не было.

Nicolas (51) нашелъ клѣтки Paneth'a въ железахъ тонкой кишки летучей мыши и бѣлки. Кромѣ того, онъ

изслѣдовалъ эти клѣтки и въ кишкѣ человѣка, крысы и мыши.

Nicolas различаетъ на днѣ железъ Lieberkühn'a клѣтки различнаго вида. На самомъ днѣ имѣются клѣтки, наполненныя болѣе или менѣе зернышками, которыя окружены протоплазматической сѣткой. Эти зернышки окрашиваются послѣ фиксаціи жидкостью Flemming'a сафраниномъ въ сѣроватый цвѣтъ у человѣка, крысы и летучей мыши. У мыши и у бѣлки эти зернышки состоятъ изъ двухъ веществъ: изъ сѣрой массы, на которой лежитъ тѣльце полулунной формы, окрашенное въ красный цвѣтъ. Только самыя маленькія зернышки окрашиваются равномерно въ красный цвѣтъ. Кромѣ этихъ клѣтокъ въ нижней части железъ Lieberkühna имѣются еще: 1) клѣтки съ совсѣмъ маленькими зернышками, 2) клѣтки, имѣющія характеръ покоящихся эпителиальныхъ клѣтокъ (такія клѣтки очень часто попадаютъ въ железахъ Lieberkühn'a); 3) узкія клѣтки и 4) бокаловидныя клѣтки. Клѣтки съ совсѣмъ маленькими зернышками Nicolas принимаетъ за молодыя формы клѣтокъ Paneth'a.

Ядра зернистыхъ клѣтокъ, по наблюденіемъ Nicolas, никогда не исчезаютъ, но придавливаются къ основанію клѣтки при наибольшемъ скопленіи зернышекъ. Обстоятельство, что ядро съ частью протоплазмы остается въ клѣткѣ послѣ опорожненія зернистаго содержимаго, дѣлаетъ возможнымъ возрожденіе клѣтки послѣ секретіи. По мнѣнію Nicolas, зернистыя клѣтки имѣютъ послѣ опорожненія секрета нѣкоторое время видъ узкихъ, темно окрашенныхъ элементовъ. Затѣмъ въ нихъ появляются маленькія зернышки, которыя постепенно увеличиваются и наконецъ опять выталкиваются въ просвѣтъ железы. Такимъ образомъ зернистыя клѣтки являются настоящими железистыми клѣтками, которыя опорожняютъ свой секретъ въ полость железы и имѣютъ „секреторный циклъ.“

Nicolas подчеркиваетъ, что зернистыя клѣтки не имѣютъ никакого сходства съ бокаловидными клѣтками, но выдѣляютъ особенный продуктъ.

Bizzozero (52), изслѣдуя клѣтки Paneth'a у бѣлой мыши, пришелъ къ заключенію, что эти клѣтки являются ничѣмъ инымъ, какъ начальной стадіей развитія бокало-

видныхъ клѣтокъ. На основаніи своей теоріи о передвиженіи клѣтокъ эпителия кишечника изъ железъ Lieberkühn'a на ворсинки для замѣны отмирающихъ здѣсь клѣтокъ Bizzozero предположилъ, что зернистыя клѣтки Paneth'a, находящіяся на самомъ днѣ железъ, перетерпѣвають рядъ измѣненій и, передвигаясь вверхъ, постепенно дѣлаются бокаловидными клѣтками.

Эти измѣненія Bizzozero описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„При изслѣдованіи тонкихъ срѣзовъ железъ, фиксированныхъ жидкостью Flemming'a, окрашенныхъ сафраниномъ и заключенныхъ въ даммарлакъ, на первый взглядъ кажется, что клѣтки Paneth'a не имѣютъ ничего общаго со слизистыми клѣтками. Клѣтки Paneth'a имѣютъ широкое основаніе и сами часто бываютъ пирамидной формы; ядро ихъ лежитъ поперечно къ оси клѣтки и имѣетъ, вслѣдствіе частыхъ вдавленій, неправильные контуры; въ протоплазмѣ клѣтокъ имѣются въ большомъ количествѣ характерныя круглыя или овальныя зернышки, которыя окрашены въ интенсивный красный цвѣтъ и бываютъ сравнительно большой величины. Величина однако не у всѣхъ зеренъ одинакова; обыкновенно она меньше въ той части клѣтки, которая обращена къ просвѣту железы и значительно больше въ части клѣтки, гдѣ лежитъ ядро. Зернышки, повидимому, лежатъ въ безцвѣтномъ, очень прозрачномъ веществѣ, и лишь на чрезвычайно тонкихъ срѣзахъ удается видѣть при помощи лучшихъ объективовъ, что зернышки лежатъ какъ бы въ ячейкахъ тончайшей протоплазматической сѣтки, которая съ большой вѣрностью изображена на нѣкоторыхъ рисункахъ Nicolas.“

„Слизистыя клѣтки, напротивъ того, имѣютъ форму бокала безъ подставки; въ сравнительно толстой ножкѣ находится овальное ядро; полость бокала наполнена слизью, которая имѣетъ видъ гомогенной массы, окрашенной сафраниномъ въ розовый цвѣтъ. Въ слизи не видно и слѣда зернистаго строенія или зернышекъ, сильно окрашенныхъ сафраниномъ.“

„При дальнѣйшемъ изслѣдованіи однако часто удается видѣть переходныя формы. Прежде всего замѣтны клѣтки Paneth'a, которыя (какъ это было уже описано другими) ле-

жать не на слѣпомъ концѣ железы, а уже выше, иногда даже выше средней части железы. Клѣтки эти уже конечно не бываютъ пирамидной формы, но стали длиннѣе и уже и такимъ образомъ приближаются къ формѣ настоящихъ слизистыхъ клѣтокъ. Какъ и въ тѣхъ, ядро здѣсь старается принять положеніе, параллельное длинной оси клѣтки. Онѣ еще содержатъ многочисленныя, интенсивно окрашенныя зернышки, величина которыхъ однако немного уменьшена.“

„Далѣ видны еще клѣтки, которыя надо отнести къ категоріи клѣтокъ Paneth'a, благодаря ихъ сафранинофильнымъ зернышкамъ. Однако зернышки эти стали очень и очень маленькими, тѣло клѣтки и ядро приняли форму соответственныхъ частей слизистыхъ клѣтокъ, и кромѣ того произошло замѣчательное измѣненіе вещества, лежащаго между зернышками: вещество это стало обильнѣе и приняло свойство окрашиваться сафраниномъ въ розовый цвѣтъ, причемъ съ такою же интенсивностью, какъ слизь слизистыхъ клѣтокъ.“

Послѣдняя переходная стадія состоитъ изъ клѣтокъ, которыя во всемъ сходны со слизистыми клѣтками, которыя однако еще имѣютъ въ своей слизи крайне маленькія, интенсивно красныя зернышки въ знакъ своего первичнаго происхожденія.“

„Окраска сафраниномъ не единственная, которая обнаруживаетъ эти особенности.“

Далѣ Bizzozero даетъ еще способы окрашиванія своихъ переходныхъ клѣтокъ при помощи везувина и метиленовой синьки или гематоксилина. Эти способы даютъ такіе же результаты и обнаруживаютъ клѣтки, которыя, по словамъ Bizzozero, „имѣютъ особенность, что секретъ ихъ состоитъ изъ зеренъ, которыя даютъ реакцію клѣтокъ Paneth'a, и лежатъ въ веществѣ, которое даетъ реакцію слизи.“

Вещество, лежащее между зернышками, имѣетъ обыкновенно гомогенный видъ, однако при фиксаціи жидкостью Негманна Bizzozero удалось обнаружить, „что вещество это состоитъ изъ шарообразныхъ или (вслѣдствіе взаимнаго давленія) немного многогранныхъ зернышекъ съ мало замѣтными контурами и съ очевидно одинаковой толщиной въ одной и той же клѣткѣ. Чтобы получить эти резуль-

таты необходимо, чтобы срѣзь былъ очень тонокъ, объективъ безукоризненный съ гомогенной иммерсіей и освѣщеніе сильно.“

Въ такихъ препаратахъ, фиксированныхъ жидкостью Hertmann'a и окрашенныхъ сафраниномъ и гематоксилиномъ, Bizzozero въ своихъ переходныхъ клѣткахъ видитъ, что онѣ состоятъ изъ зернышекъ двухъ родовъ, а именно изъ фіолетовыхъ зернышекъ, между которыми имѣются зернышки ярко красной окраски.“

На основаніи такихъ препаратовъ, Bizzozero заключаетъ, что „клѣтки Paneth'a являются молодыми формами слизистыхъ клѣтокъ. Клѣтки Paneth'a выдѣляютъ большія, блестящія, сафранинофильныя зернышки, которыя вливаются въ полость железы. Старѣя, онѣ въ продолженіе извѣстнаго времени, выдѣляютъ зернышки такого же свойства, которыя однако меньше по своей величинѣ; одновременно клѣтки выдѣляютъ зернышки, окрашивающіяся интенсивно гематоксилиномъ. Въ дальнѣйшей стадіи выдѣленіе сафранинофильныхъ зернышекъ совсѣмъ прекращается, и комочекъ секрета образуется исключительно изъ зеренъ, окрашивающихся гематоксилиномъ; такимъ образомъ клѣтка стала настоящей слизистой клѣткой. Между тѣмъ, какъ эти измѣненія происходятъ внутри клѣтки, послѣдняя принимаетъ свойственную слизистымъ клѣткамъ бокаловидную форму и постепенно передвигается съ глубины железы къ ея шейкѣ, а затѣмъ и на ворсинки.“

„Клѣтки Paneth'a съ маленькими зернышками были замѣчены также Nicolas; однако онъ принималъ ихъ за молодую форму клѣтокъ Paneth'a, взрослая форма которой выдѣляла бы зернышки большей величины; при этомъ мои изслѣдованія приводятъ, какъ мы видали, какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ.“

Эти противоположные мнѣнію Nicolas результаты подкрѣпляютъ лишь, по мнѣнію Bizzozero, его теорію о передвиженіи клѣтокъ изъ глубины железъ на ворсинки. Въстѣ съ этимъ въ железахъ Lieberkühn'a не имѣется собственныхъ секреторныхъ клѣтокъ, потому что клѣтки Paneth'a, принимаемая Paneth'омъ, Heidenhain'омъ и Nicolas за секреторные элементы, являются только особой стадіей развитія бокаловидныхъ клѣтокъ. Поэтому, железы Lieberkühn'a надо

разсматривать только, какъ мѣсто новообразованія эпители-
ныхъ клѣтокъ.

Между тѣмъ какъ большое число послѣдующихъ из-
слѣдователей поддерживаетъ мнѣнiе Bizzozero о новообра-
зованiи клѣтокъ въ железахъ Lieberkühn'a и о передвиженiи
ихъ отсюда на ворсинки, никто изъ нихъ не признаетъ его
теорiю объ образованiи бокаловидныхъ клѣтокъ изъ клѣтокъ
Paneth'a, потому что ни одному изслѣдователю не удалось
видѣть переходныхъ формъ, описанныхъ Bizzozero.

Stöhr (53) въ „Ergebnisse der Anatomie und Entwick-
lungsgeschichte“ говоритъ о теорiи Bizzozero относительно
передвиженiя клѣтокъ, какъ объ интересномъ открытiи.

A. v. Brunn (56) совѣтуетъ бросить совсѣмъ названiе
„железы“ Lieberkühn'a и называть ихъ вѣрнѣе „криптами“,
потому что эти образованiя не имѣютъ своего собственнаго
секрета. Этимъ онъ высказываетъ не только свое личное
мнѣнiе, а господствующее мнѣнiе своего времени, потому
что кромѣ него много авторовъ присоединяются къ Bizzo-
zero (Cloetta, Struiken, Schaffer, Gianelli, Giacomini).

Однимъ изъ первыхъ противниковъ Bizzozero выступаетъ
Orpel (61). Онъ видитъ въ зернистыхъ клѣткахъ, опи-
санныхъ различными авторами на днѣ железъ Lieberkühn'a
различныхъ животныхъ, настоящiя железистыя клѣтки, а не
молодыя формы выше лежащихъ клѣтокъ. Изслѣдованiя
Paneth'a, Nicolas и другихъ, по его мнѣнiю, значительно
увеличиваютъ наши знанiя о секреторной дѣятельности
клѣтокъ железъ Lieberkühn'a. На основанiи своихъ мног-
численныхъ наблюденiй Orpel приходитъ къ выводу, что
железы Lieberkühn'a надо считать настоящими железами.
Поэтому теорiю Bizzozero о регенерации клѣтокъ можно до-
пустить только въ слѣдующей, сильно ограниченной формѣ:

„Въ эпителии кишечника въ нѣкоторыхъ слу-
чаяхъ возможно пополненiе клѣточныхъ эле-
ментовъ изъ частей, богатыхъ митозами, въ части,
гдѣ митозы рѣдки.“

Въ этой ограниченной формѣ теорiя Bizzozero, по мнѣ-
нiю Orpel'a, можетъ быть пока принята, какъ теорiя для
серьезнаго испытанiя.

Zimmermann'у (63) первому удалось окрасить зер-
нышки клѣтокъ Paneth'a человѣка при помощи эозина, а

также и желѣзнаго гематоксилина по способу Heidenhain'a. Онъ описываетъ, что зернышки выдѣляются клѣтками въ полость железы: поэтому, железы Lieberkühn'a тонкой кишки являются настоящими железами.

Möller (64) также высказывается противъ теоріи Bizozego на основаніи того, что на днѣ железъ Lieberkühn'a имѣются зернышки, которыя точь-въ-точь похожи на зернышки, описанныя въ различныхъ железахъ и которыя принимаются за начальную форму жидкаго секрета. Изъ этого по аналогіи слѣдуетъ, что и въ железахъ Lieberkühn'a безспорно имѣется секреторная дѣятельность. По мнѣнію Möller'a эти „крипты“ можно назвать трубчатыми слизистыми железами только въ томъ случаѣ, если удастся доказать, что зернистыя клѣтки въ нихъ постепенно переходятъ въ типичныя слизистыя клѣтки, которыя выдѣляютъ свой секретъ въ полость крипты. Если же такихъ переходныхъ формъ не имѣется, то есть, если зернистыя клѣтки рѣзко отличаются отъ типичныхъ слизистыхъ клѣтокъ, то надо предполагать, что кромѣ слизи здѣсь образуется специфическій секретъ другого свойства; въ такомъ случаѣ эти образованія являются железами, главнѣйшая задача которыхъ другая, чѣмъ вырабатывать слизь.

„Въ предыдущемъ мы видали“, говоритъ Möller, „что Paneth, Nicolas и Schaffer готовы отрицать присутствіе переходныхъ формъ между зернистыми и слизистыми клѣтками. Однако ввиду того, что примѣняемые этими авторами методы изслѣдованій, въ особенности методы фиксаціи, являются не вполне удовлетворительными, совсѣмъ не исключена возможность, что такія переходныя формы все-таки могутъ быть найдены. Теперь же и мои изслѣдованія, которыя выполнены при помощи лучшихъ методовъ современной техники изслѣдованія железъ, не могли обнаружить присутствія переходныхъ формъ между зернистыми и слизистыми клѣтками. Вслѣдствіе этого я считаю себя въ правѣ утверждать, что железы Lieberkühn'a въ тонкой кишкѣ являются железами съ двойной функціей, такъ какъ онѣ вырабатываютъ частью слизь, а частью, и главнымъ образомъ, специфическій секретъ другого рода.“

Кромѣ этихъ доводовъ Möller приводитъ еще другіе, болѣе общаго характера. Между прочими онъ ставитъ во-

прось, отчего въ толстой кишкѣ, гдѣ безспорно имѣется большая трата слизистыхъ клѣтокъ, не имѣется молодыхъ формъ этихъ клѣтокъ — то есть клѣтокъ Paneth'a.

Относительно клѣтокъ Paneth'a Möller отмѣчаетъ, что зернышки этихъ клѣтокъ бываютъ очень различной величины. Кромѣ того эти зернышки принимаютъ различные цвѣта при окраскѣ срѣзовъ, фиксированныхъ жидкостью Kopsch'a, смѣсью Ehrlich-Biondi. Зернышки при этомъ окрашиваются въ желтый, зеленовато-желтый, темно-оливково-зеленый и красный цвѣтъ. Большею частью въ одной клѣткѣ встрѣчаются зерна, окрашенные въ одинъ цвѣтъ, но иногда попадаются клѣтки съ зернами различной окраски.

Образованіе секрета въ клѣткахъ Paneth'a, по мнѣнію Möller'a, показываетъ тѣ же морфологическія особенности, какъ и въ клѣткахъ слюнныхъ железъ и поджелудочной железы.

Насчетъ возрожденія зернистыхъ клѣтокъ послѣ выдѣленія своего секрета Möller рѣшительно не высказывается, хотя и описываетъ на днѣ железъ Lieberkühn'a „узкія клѣтки“, которыя принимаетъ за опорожненныя зернистыя клѣтки.

Bloch (65) находилъ клѣтки Paneth'a на днѣ всѣхъ кишечныхъ железъ у новорожденнаго и взрослога человѣка. Въ толстой кишкѣ новорожденнаго также имѣются клѣтки Paneth'a, но не въ такомъ большомъ количествѣ и не въ каждой железѣ. По мнѣнію Bloch'a клѣтки Paneth'a являются настоящими отдѣлительными клѣтками железъ Lieberkühn'a.

Schmidt (66) нашель, что зерна клѣтокъ Paneth'a у человѣка также бываютъ различны по своей величинѣ и способности окрашиваться; постояннаго соотношенія между величиной и интенсивностью окраски не имѣется, потому что попадаютъ иногда довольно большія, блѣдно окрашенныя зерна, а съ другой стороны имѣются маленькія, интенсивно окрашенныя зернышки.

Schmidt замѣчаетъ, что каріокINETическія фигуры въ тонкой кишкѣ лежатъ всегда выше мѣстоположенія клѣтокъ Paneth'a, такъ что отсюда пополненіе клѣточныхъ элементовъ могло бы идти и вверхъ и внизъ, если оно вообще нужно.

Насчетъ образованія клѣтокъ Paneth'a Schmidt говоритъ, что теперь едва ли нужно еще возставать противъ

теоріи Bizzozero, что клѣтки Paneth'a ничто иное, какъ молодья формы бокаловидныхъ клѣтокъ. Онъ, какъ и остальные изслѣдователи, никогда не наблюдалъ переходовъ къ бокаловиднымъ клѣткамъ. Въ особенности же противорѣчитъ теоріи Bizzozero тотъ фактъ, что у молодыхъ человѣческихъ эмбрионовъ имѣются очень красивыя бокаловидныя клѣтки, но нѣтъ совсѣмъ клѣтокъ Paneth'a, которыя появляются только на 7-омъ мѣсяцѣ развитія.

Klein (67) изслѣдовалъ клѣтки Paneth'a у млекопитающихъ и приходитъ къ выводу, что онѣ по величинѣ и по функции соотвѣтствуютъ клѣткамъ, образующимъ энзимы въ другихъ зернистыхъ органахъ (околоушная железа, железы желудка, поджелудочная железа). У Opossum Klein находитъ клѣтки Paneth'a не только въ железахъ Lieberkühn'a, но также на поверхности слизистой оболочки. Если же принять во вниманіе малую величину этихъ клѣтокъ въ железахъ, величину ихъ на ворсинкахъ и общій рудиментарный характеръ железъ у этого животнаго, то дѣлается весьма вѣроятнымъ, что эти клѣтки образуются въ железахъ, но достигаютъ фізіологической зрѣлости только послѣ того, какъ достигли поверхности, въ смыслѣ теоріи Bizzozero.

У плаценталіевъ клѣтки Paneth'a повидимому распределены только на самомъ днѣ железъ Lieberkühn'a, которыя такимъ образомъ являются настоящими железами.

Показываетъ ли состояніе клѣтокъ Paneth'a у Opossum первоначальное состояніе для млекопитающихъ, нельзя сказать, хотя Klein имѣетъ основаніе допустить это.

Наконецъ Trautmann (69) подчеркиваетъ въ недавно вышедшей работѣ, что онъ нигдѣ не могъ найти переходныхъ формъ между клѣтками Paneth'a и бокаловидными клѣтками.

Литература бокаловидныхъ клѣтокъ тонкой кишки.

Среди призрачнаго эпителия слизистой оболочки тонкой кишки Henle (8) впервые замѣтилъ въ 1837 году присутствіе особенныхъ клѣтокъ ввидѣ „прозрачныхъ пузырьковъ съ короткой, зернистой ножкой“. Эти „прозрачныя

пузырьки“ (*Vesicula limpida*), описанные Henle — ничто иное, какъ слизистыя бокаловидныя клѣтки.

Gruby и Delafond (9) описали въ 1843 году бокаловидныя клѣтки между обыкновенными призмическими клѣтками эпителия кишечника подъ названіемъ „головчатого эпителия“ (*Epithelium capitatum*).

Frerichs (10) описываетъ бокаловидныя клѣтки въ кишечникѣ, считаетъ ихъ однако пустыми клѣтками.

F. Leydig (11) впервые предложилъ для бокаловидныхъ клѣтокъ, которыя онъ видалъ въ кожѣ рыбъ, названіе „слизистыя клѣтки“. Названіе это онъ предлагаетъ потому, что эти клѣтки „обуславливаютъ гладкое, скользкое состояніе кожи рыбъ.“

Kölliker (13) описываетъ въ эпителии тонкой кишки клѣтки съ зернистымъ содержимымъ, открытыя наверху. Эти клѣтки онъ отождествляетъ съ „*epithelium capitatum*“ Gruby и Delafond'a.

Donders (15) описываетъ среди цилиндрическихъ клѣтокъ кишечника клѣтки съ очень большими ядрами; ядра эти тѣмъ больше, чѣмъ ближе лежатъ къ поверхности. Онъ описываетъ, что это ядро выталкивается клѣткой, которая затѣмъ сдавливается сосѣдними клѣтками и, слѣдовательно, не погибаетъ. По мнѣнію Eimer'a и Paneth'a, Donders принималъ содержимое бокаловидной клѣтки за это большое ядро, и такимъ образомъ видѣлъ процессъ секреціи этихъ клѣтокъ.

Wiegandt (16) описываетъ выталкиваніе содержимаго призмическихъ клѣтокъ кишечника, однако не упоминаетъ о бокаловидныхъ клѣткахъ.

Henle (17) указываетъ на особыя, свѣтлыя тѣльца, которыя встрѣчаются между цилиндрическими клѣтками кишечника. Эти тѣльца похожи на выпуклые стаканы или бокалы, и имѣютъ круглое отверстіе, обращенное къ полости кишечника. На противоположномъ концѣ тѣльца часто имѣется зернистая ножка, которая нерѣдко содержитъ ядро. Иногда вся бокаловидная часть зерниста, такъ что эти тѣльца кажутся темнѣе цилиндрическихъ клѣтокъ. Относительно этихъ бокаловидныхъ тѣлецъ Henle не рѣшается сказать, происходятъ ли они изъ цилиндрическихъ клѣтокъ, или же являются особенными образованіями.

Oedmansson (19) описывает бокаловидныя клѣтки подъ именемъ „бутылкообразныхъ клѣтокъ“ и считаетъ при этомъ болѣе вѣроятнымъ, что эти образования самостоятельны и не происходятъ изъ цилиндрическихъ клѣтокъ.

Dönitz (20) полагаетъ, что бокаловидныя образования надо считать искусственными продуктами, потому что они появляются въ большихъ количествахъ послѣ обработки слизистой оболочки кишечника 5% растворомъ фосфорнокислаго натрія, или даже водой.

Въ дальнѣйшей работѣ Dönitz (21) считаетъ бокаловидныя клѣтки уплощенными эпителиальными клѣтками, которыя отталкиваются для регенераціи слизистой оболочки.

Fles (22) описываетъ бокаловидныя клѣтки въ кишечникѣ, но считаетъ ихъ оболочками цилиндрическихъ клѣтокъ.

Letzterich (23) описываетъ бокаловидныя клѣтки кишечника подъ названіемъ „вакуоли“ и видитъ въ нихъ органы всасыванія жира.

Теорія Letzterich'a вызвала цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя не согласуются съ ней, а доказываютъ, что бокаловидныя клѣтки необходимо считать секреторными клѣтками, а не органами всасыванія.

Съ появленіемъ фундаментальной работы Schulze (24) начинается новый періодъ въ ученіи о бокаловидныхъ клѣткахъ. Schulze изслѣдовалъ бокаловидныя клѣтки въ кожѣ рыбъ и амфибій, въ желудочно-кишечномъ трактѣ многихъ позвоночныхъ и въ респираторномъ каналѣ позвоночныхъ, дышащихъ легкими. При этомъ Schulze устанавливаетъ, что содержимое бокаловидныхъ клѣтокъ въ свѣжемъ видѣ и при изслѣдованіи въ индифферентныхъ средахъ (слюна, іодная сыворотка) состоитъ изъ многочисленныхъ, матово-блестящихъ зернышекъ. Вслѣдствіе дѣйствія фиксирующихъ жидкостей, въ особенности при дѣйствіи раствора Müller'a, содержимое клѣтокъ становится прозрачнымъ и почти совершенно гомогеннымъ. На днѣ бокаловидной клѣтки имѣется протоплазма и ядро; насчетъ краевой камеры Schulze говоритъ, что она отсутствуетъ у бокаловидныхъ клѣтокъ. Относительно химическихъ свойствъ секрета бокаловидныхъ клѣтокъ онъ не рѣшается высказаться и поэтому предлагаетъ названіе „бокаловидныя клѣтки“ вмѣсто

„слизистыя“, какъ ихъ назвалъ Leydig. Въ томъ, что секретъ не можетъ быть жиромъ, Schulze не сомнѣвается и выступаетъ такимъ образомъ противъ теоріи Letzterich'a. Что касается значенія бокаловидныхъ клѣтокъ, то онѣ, по Schulze, являются одноклѣтными, сецернирующими образованиями. О развитіи бокаловидныхъ клѣтокъ Schulze держится того мнѣнія, что онѣ происходятъ изъ особенно предрасположенныхъ къ измѣненію эпителиальныхъ клѣтокъ, которыя однако по своей формѣ не отличаются отъ обыкновенныхъ клѣтокъ. Schulze нашелъ бокаловидныя клѣтки и въ железахъ Lieberkühn'a.

Erdmann (25) держится мнѣнія, что бокаловидныя клѣтки ничто иное, какъ искусственные продукты, вызванныя обработкою микроскопическихъ препаратовъ. Это мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что ему никогда не удавалось обнаружить бокаловидныя клѣтки въ свѣжихъ препаратахъ кишки лягушки; только у кошки онъ нашелъ ихъ и объясняетъ это индивидуальностью кишечника кошки.

Sachs (26) также считаетъ бокаловидныя клѣтки искусственными продуктами, потому что онъ не могъ найти ихъ въ свѣжемъ состояніи въ кишкѣ накормленныхъ собакъ.

Arnstein (27), изслѣдуя эпителий тонкой кишки, нашелъ, что каждая бокаловидная клѣтка содержитъ ядро въ отросткѣ, лежащемъ около стромы ворсинки. Строепіе содержимаго бокаловидныхъ клѣтокъ зависитъ отъ состоянія пищеваренія животнаго: у голодавшихъ животныхъ содержимое бокаловидныхъ клѣтокъ часто блестящее, иногда слабо зернистое; во время пищеваренія слизистыя клѣтки оказываются сильно зернистыми, а во время наибольшаго всасыванія жира бокалы совершенно отсутствуютъ.

Arnstein полагаетъ, что слизистыя клѣтки происходятъ изъ цилиндрическихъ клѣтокъ и присоединяется ко мнѣнію Schulze, который считаетъ слизистыя клѣтки секреторными образованиями.

Letzterich (28) въ своемъ второмъ сообщеніи настаиваетъ на томъ, что всасываніе жира происходитъ только путемъ „вакуоль“, которыя, по его мнѣнію, находятся въ связи съ хилоносными сосудами.

Lipsky (29) считаетъ бокаловидныя клѣтки искусственными продуктами, потому что въ кишкѣ только что

убитой кошки всѣ клѣтки измѣняются въ бокаловидныя отъ дѣйствія раствора двухромокислаго калия.

Fries (30) даетъ точное описаніе формы бокаловидныхъ клѣтокъ. По его мнѣнію эти клѣтки выдѣляютъ муциноподобный секретъ и погибаютъ послѣ секретіи.

Eimer (31) изслѣдовалъ бокаловидныя клѣтки кишечника и высказывается противъ перехода цилиндрическихъ клѣтокъ въ бокаловидныя, несмотря на то, что онъ находилъ несомнѣнно въ свѣжихъ препаратахъ образованія, которыя представляютъ средину между цилиндрами и бокалами. Эти образованія Eimer считаетъ „первыми ступенями развитія бокаловидныхъ клѣтокъ, встрѣчающихся между цилиндрическими клѣтками на слизистыхъ оболочкахъ. Они не имѣютъ ничего общаго съ такъ называемыми переходными формами между цилиндрическими и бокаловидными клѣтками и могутъ быть приняты съ тѣмъ же правомъ за самостоятельные молодые бокалы, какъ и за цилиндры, которые находятся въ стадіи превращенія.“ (Стр. 524.) По мнѣнію Eimer'a „бокалы слизистыхъ оболочекъ происходятъ изъ особенно предрасположенныхъ къ измѣненію эпителиальныхъ клѣтокъ обыкновенной формы, какъ это принимаетъ Schulze для эпидермиса нѣкоторыхъ рыбъ. По этому воззрѣнію бокалы могли бы происходить изъ цилиндрическихъ, мерцательныхъ или плоскихъ эпителиальныхъ клѣтокъ (смотря по ихъ мѣстоположенію), которыя по своей внѣшней формѣ тождественны съ совсѣмъ обыкновенными клѣтками своего рода, однако, по отношенію къ внутренней организаціи, а priori вполне различаются отъ нихъ, несмотря на это случайное сходство съ цилиндрами; въ этой формѣ бокалы, слѣдовательно, являются самостоятельными образованіями.“

Henle (33) описываетъ бокаловидныя клѣтки кишечника и полагаетъ, что ихъ зернистость зависитъ отъ оболочки; протоплазма и ядро слизистыхъ клѣтокъ похожи на эти же образованія обыкновенныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ.

Told (34) устанавливаетъ, что число бокаловидныхъ клѣтокъ въ кишечникѣ очень колеблется; бокаловидныя клѣтки обильнѣе въ кишкѣ извѣстное время послѣ смерти и также въ препаратахъ, которые лежали въ жидкости Müller'a.

Edinger (35) не сомнѣвается въ происхожденіи бокало-

видныхъ клѣтокъ изъ цилиндрическихъ эпителиныхъ клѣтокъ, потому что часто видить переходы между ними.

Klein (36) признаеть, что бокаловидныя клѣтки образуются изъ цилиндрическихъ эпителиныхъ путемъ превращенія интерфибриллярнаго вещества въ муцинъ. Такимъ образомъ слизистыя клѣтки происходятъ изъ обыкновенныхъ эпителиныхъ клѣтокъ.

Klose (37) указываетъ на то, что бокаловидныя клѣтки слизистой оболочки тонкой кишки исчезаютъ послѣ отравленія пилокарпиномъ.

v. Wittich (39) того мнѣнія, что бокаловидныя клѣтки надо считать секреторными органами. Обстоятельство, что иногда въ свѣжихъ препаратахъ не имѣется бокаловидныхъ клѣтокъ, между тѣмъ какъ онѣ часто появляются при обработкѣ другихъ кусковъ того же органа растворомъ двухромокислаго калия въ большомъ количествѣ, указываетъ на то, что эти клѣтки не самостоятельныя образования, а происходятъ изъ цилиндрическихъ эпителиныхъ клѣтокъ. Притомъ бокаловидныя клѣтки часто имѣются въ еще свѣжихъ кусочкахъ кишечника.

Eimer (40) говоритъ, что бокаловидныя клѣтки происходятъ изъ обыкновенныхъ эпителиныхъ клѣтокъ, несмотря на то, что онѣ послѣ являются самостоятельными образованиями. Послѣ опорожненія своего секрета бокаловидныя клѣтки погибають.

List (41) видить въ бокаловидныхъ клѣткахъ одно-клѣточные железы, но опасается примѣнять для нихъ названіе „слизистыя железы“ оттого, что имѣется еще слишкомъ мало положительныхъ данныхъ о свойствахъ ихъ секрета, несмотря на то, что онъ даетъ нѣсколько реакцій, указывающія о муциноподобномъ веществѣ. List наблюдалъ въ тонкой кишкѣ травоядныхъ животныхъ (кролика, овцы, коровы) значительно меньшее количество бокаловидныхъ клѣтокъ, чѣмъ въ тонкой кишкѣ мясоядныхъ (кошка, собака).

Biedermann (42) утверждаетъ насчетъ бокаловидныхъ клѣтокъ кишки, что онѣ при изслѣдованіи въ свѣжѣмъ видѣ явственно отличаются въ извѣстной стадіи развитія по темно-зернистому содержимому своей передней части отъ болѣе свѣтлыхъ окружающихъ клѣтокъ. Наряду съ клѣтками, которыя при дѣйствіи реактивовъ разбухаютъ

и превращаются въ свѣтлыя бокалы, имѣются другія клѣтки, которыя при тѣхъ же условіяхъ остаются похожими на ихъ состояніе въ свѣжемъ видѣ, то есть остаются съ мелко-зернистой, колбовидно утолщенной передней частью.

Stöhr (43) говоритъ, что бокаловидныя клѣтки происходятъ изъ обыкновенныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ. Секретъ сначала появляется ввидѣ зеренъ. Часть протоплазмы и ядро сохраняются, перетерпѣваютъ однако нѣкоторыя измѣненія. Послѣ выдѣленія секрета изъ бокаловидной клѣтки дѣлается опять эпителиальная клѣтка.

Raneth (46) приходитъ съ своей обширной работѣ къ заключенію, что бокаловидныя клѣтки происходятъ изъ цилиндрическихъ эпителиальныхъ клѣтокъ; секретъ сначала появляется ввидѣ зернышекъ (капелекъ). Зернышки эти фиксируются хорошо лишь насыщеннымъ воднымъ растворомъ пикриновой кислоты; они постоянно выражены въ бокаловидныхъ клѣткахъ тонкой кишки тритона, между тѣмъ какъ у мыши бокаловидныя клѣтки чаще имѣютъ гомогенное содержимое, хотя и у мыши попадаютъ бокаловидныя клѣтки съ зернистымъ содержимымъ. Даже при наибольшемъ наполненіи клѣтки секретомъ часть протоплазмы и ядро остаются въ ней; поэтому бокаловидныя клѣтки не погибаютъ при секреціи. Послѣ выдѣленія своего секрета бокаловидныя клѣтки превращаются въ такъ называемыя „узкія клѣтки“, которыя опять становятся обыкновенными эпителиальными клѣтками. Такимъ образомъ каждая эпителиальная клѣтка кишечника могла бы время отъ времени превращаться въ бокаловидную клѣтку. Она опорожняла бы свой секретъ преимущественно при пищевареніи и становилась бы послѣ этого опять обыкновенной эпителиальной клѣткой. Это превращеніе могло бы произойти неопредѣленное число разъ втеченіе жизни клѣтки.

Ноуег (48) указываетъ на то, что число бокаловидныхъ клѣтокъ тонкой кишки очень непостоянно. Ихъ количество увеличивается въ состояніи голоданія. Особенно много бокаловидныхъ клѣтокъ имѣется у молодыхъ животныхъ хорошаго питанія. Здѣсь эти клѣтки имѣются не только въ эпителии ворсинокъ, но также въ железахъ Lieberkühn'a.

Ланковскій (49) доказываетъ, что слизистыя клѣтки всегда происходятъ изъ молодыхъ эпителиальныхъ клѣтокъ.

Относительно образования секрета онъ говоритъ, что въ клѣткахъ сразу появляется значительное количество секрета, а затѣмъ и прилегающая къ нему протоплазма начинаетъ превращаться въ секретъ. Секретъ послѣ фиксаціи жидкостью Flemming'a встрѣчается въ различномъ видѣ, а именно: въ видѣ сѣтки въ тонкой кишкѣ кошки, въ видѣ зернышекъ въ кожѣ угря и въ гомогенномъ видѣ въ кожѣ зародыша форели. Послѣ опорожнения своего содержимаго слизистая клѣтка погибаетъ. Такимъ образомъ „слизистая клѣтка живетъ только одинъ разъ; переходитъ же въ эпителий, изъ котораго она образовалась, не можетъ.“

Vizzozego (54) приходитъ къ заключенію, что слизистыя клѣтки образуются у млекопитающихъ только на самомъ днѣ железъ Lieberkühn'a. Это онъ доказываетъ тѣмъ, что только здѣсь имѣются фигуры каріокINETического дѣленія слизистыхъ клѣтокъ; отсюда молодыя слизистыя клѣтки постепенно передвигаются вверхъ по железѣ и падаютъ наконецъ на поверхность слизистой оболочки. Подтверждается это еще тѣмъ, что слизистыя клѣтки образуются у мыши и у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, по мнѣнію Vizzozego, изъ особыхъ зернистыхъ клѣтокъ (клѣтки Raneth'a), которыя лежатъ на самомъ днѣ железъ и при своемъ передвиженіи вверхъ по железѣ постепенно преобразуются въ слизистыя клѣтки. На основаніи своихъ изслѣдованій Vizzozego полагаетъ, что „слизистыя клѣтки“ и „протоплазматическія клѣтки“ представляютъ собою два совершенно различныхъ типа клѣтокъ. При этомъ Vizzozego считаетъ вѣроятнымъ, что оба вида клѣтокъ происходятъ совместно изъ индифферентныхъ элементовъ, лежащихъ на самомъ днѣ железъ Lieberkühn'a. „Было бы возможно, что эти индифферентные элементы образовали путемъ своего быстрого размноженія генерациі новыхъ элементовъ; эти новые элементы могли бы въ свою очередь далѣе размножаться, пойти въ своемъ развитіи въ противоположныя стороны и дать съ одной стороны протоплазматичесія клѣтки, а съ другой стороны слизистыя (стр. 144). Насчетъ образа секреціи слизистыхъ клѣтокъ Vizzozego не соглашается съ тѣмъ мнѣніемъ, что слизистыя клѣтки погибаютъ послѣ выдѣленія своего секрета. По его мнѣнію слизистыя клѣтки выдѣляютъ секретъ съ самаго начала своего существованія

и продолжаютъ выдѣлять его въ продолженіе всего времени своего передвиженія со дна железы къ свободной поверхности слизистой оболочки. Секретъ слизистыхъ клѣтокъ всегда имѣетъ зернистое строеніе, какъ это уже описано Schulze, Paneth'омъ и другими. Зернышки хорошо фиксируются при помощи пикриновой кислоты или еще лучше въ жидкости Hermann'a. Вещество между зернышками имѣетъ видъ сѣтки съ круглыми ячейками.

Struiken (55) поддерживаетъ мнѣніе Bizzozero о томъ, что бокаловидныя клѣтки образуются въ железахъ Lieberkühn'a, считаетъ однако невѣроятнымъ, что онѣ происходятъ изъ клѣтокъ Paneth'a потому что въ этихъ клѣткахъ не имѣется каріокинетическихъ фигуръ дѣленія. Struiken присоединяется къ Nicolas, который считаетъ мелкозернистыя клѣтки (лежащія почти всегда на боковыхъ частяхъ железъ) молодыми клѣтками Paneth'a. Это предположеніе гораздо лучше согласуется съ мѣстоположеніемъ фигуръ дѣленія.

Маевскій (57) не могъ вызвать дѣйствіемъ пилокарпина въ кишкѣ кролика, морской свинки, кошки и собаки полного опороженія секрета бокаловидныхъ клѣтокъ. На свободной поверхности слизистой оболочки и въ верхней трети железъ, гдѣ количество бокаловидныхъ клѣтокъ сравнительно не велико, эти клѣтки при дѣйствіи пилокарпина принимаютъ видъ такъ называемыхъ узкихъ клѣтокъ. Черезъ два дня послѣ инъекціи пилокарпина эти узкія клѣтки снова наполняются секретомъ. Маевскій полагаетъ, что бокаловидныя клѣтки образуются изъ обыкновенныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ.

Sacerdotti (58) изслѣдовалъ эмбриональное развитіе слизистыхъ клѣтокъ и подтверждаетъ мнѣніе Bizzozero о митотическомъ размноженіи молодыхъ слизистыхъ клѣтокъ. Переходныхъ формъ между слизистыми и протоплазматическими клѣтками Sacerdotti не видалъ и поэтому считаетъ бокаловидныя клѣтки самостоятельными клѣтками.

Galeotti (59) изслѣдовалъ образованіе слизи въ бокаловидныхъ клѣткахъ кишечника *Geotriton fuscus*. Въ первыхъ стадіяхъ секретіи въ ядрѣ клѣтки показываются маленькія зернышки, которыя окрашиваются кислымъ фуксиномъ; эти зернышки выступаютъ изъ ядра и передвигаются къ верхней части клѣтки. При этомъ зернышки те-

ряютъ способность окрашиваться кислымъ фуксиномъ и приобретаютъ свойство окрашиваться базофильными красками; словомъ, они превращаются въ настоящій муцинъ, который окрашивается метиленовой зеленью въ зеленый цвѣтъ. Въ удачныхъ препаратахъ удается прослѣдить промежуточные стадіи этого перехода. Зернышки, лежація ближе къ ядру, окрашены въ красный цвѣтъ, среднія зернышки принимаютъ неопредѣленный фіолетовый цвѣтъ, а верхнія зернышки кажутся совсѣмъ зелеными. Послѣ того какъ зернышки дошли къ свободному концу клѣтки, они сливаются и образуютъ общую массу, окрашенную въ интенсивно зеленый цвѣтъ. По мнѣнію Galeotti, бокаловидныя клѣтки способны нѣсколько разъ опорожнять свои секретъ.

Противъ авторовъ, которые раздѣляютъ бокаловидныя и цилиндрическія клѣтки въ двѣ уже по развитію отдѣльныя группы, возражаетъ Stöhr (60), который полагаетъ, что каждая молодая эпителиальная клѣтка можетъ въ соответствующихъ условіяхъ сдѣлаться бокаловидной.

Кульчицкій (62) держится при своихъ изслѣдованіяхъ бокаловидныхъ клѣтокъ кишечника того мнѣнія, что для успѣшной фиксаціи слизи всегда нужно примѣнять жидкости, содержащая уксусную кислоту, которая является лучшимъ средствомъ для фиксаціи муцина. Относительно физиологической роли бокаловидныхъ клѣтокъ Кульчицкій поддерживаетъ мнѣніе Paneth'a и описываетъ нѣсколько переходныхъ формъ между пустыми бокаловидными и обыкновенными эпителиальными клѣтками.

Möller (64) доказываетъ, что бокаловидныя клѣтки послѣ выдѣленія своего секрета не погибаютъ, но превращаются въ такъ называемыя узкія клѣтки. Изъ этихъ послѣднихъ опять происходятъ бокаловидныя клѣтки, какъ это показываетъ рядъ переходныхъ формъ. „Изслѣдуя при сильномъ увеличеніи клѣтки немного болѣе широкія, чѣмъ „узкія клѣтки“, въ нихъ около основанія удается видѣть ядро, растянутое въ длину и окруженное темно окрашенной протоплазмой; въ верхней части клѣтки замѣтна болѣе свѣтлая масса, которая состоитъ изъ маленькихъ, безцвѣтныхъ зернышекъ. Послѣ того, какъ такія клѣтки еще немного расширились, въ нихъ можно отличить три вещества: внизу, у основанія, ядро, окруженное небольшимъ количе-

ствомъ протоплазмы, въ средней части клѣтки — большое количество маленькихъ, безцвѣтныхъ зернышекъ и въ верхней части клѣтки — гомогенный, прозрачный комокъ слизи... Чѣмъ старше такая клѣтка становится, тѣмъ болѣе увеличивается гомогенная слизистая масса на счетъ зернистой части клѣтки; такимъ образомъ послѣдняя созрѣваетъ и дѣлается способной выдѣлить свое содержимое... Послѣ выдѣленія слизи остается только ядро и небольшое количество протоплазмы, стѣнки клѣтки спадаются и она опять принимаетъ видъ узкой клѣтки, въ которой протоплазма постепенно вновь образуется.“ На основаніи этихъ наблюдений Mölleg устанавливаетъ для бокаловидныхъ клѣтокъ „секреторное кругообращеніе.“ Къ концу своей работы Mölleg высказываетъ мнѣніе, что „слизистыя клѣтки являются, по крайней мѣрѣ при нормальныхъ условіяхъ, особымъ видомъ клѣтокъ *sui generis*, потому что онѣ послѣ опорожненія своего секрета выступаютъ среди другихъ клѣтокъ въ видѣ узкихъ клѣтокъ, которыя снова развиваются въ типичныя слизистыя клѣтки.“

Какъ видно изъ приведенной литературы, вопросъ о развитіи бокаловидныхъ клѣтокъ изъ цилиндрическихъ эпителиальныхъ клѣтокъ въ настоящее время можно считать рѣшеннымъ въ своихъ основныхъ чертахъ, между тѣмъ какъ о развитіи клѣтокъ Paneth'a пока еще не существуетъ никакихъ положительныхъ данныхъ.

Относительно послѣднихъ клѣтокъ имѣется даже сильное разнорѣчіе между изслѣдованіями Vizzozero съ одной стороны и результатами остальныхъ авторовъ съ другой стороны.

Вслѣдствіе этого я обратилъ все свое вниманіе на изслѣдованіе клѣтокъ Paneth'a, надѣясь найти хоть какія-нибудь указанія на отношеніе ихъ къ остальнымъ видамъ клѣтокъ кишечнаго эпителия.

Методы изслѣдованій.

Для хорошей фиксаціи зеренъ клѣтокъ Paneth'a различными авторами предложено довольно большое число фиксирующихъ жидкостей.

Paneth (46) болѣе всего рекомендуетъ насыщенный водный растворъ пикриновой кислоты; кромѣ того довольно хорошая фиксація получается при помощи растворовъ осміевоы кислоты. Жидкость Flemming'a, по мнѣнію Paneth'a, разрушаетъ зернышки въ клѣткахъ; только въ случаяхъ, гдѣ жидкость Flemming'a содержитъ очень большое количество осміевоы кислоты, зернистыя клѣтки сохраняются болѣе или менѣе удовлетворительно.

Nicolas (51) фиксируетъ клѣтки Paneth'a жидкостью Flemming'a, а также смѣсью азотной и осміевоы кислоты.

Bizzozero (52) употребляетъ для фиксаціи клѣтокъ Paneth'a жидкость Flemming'a и Hermann'a. Последнюю жидкость онъ считаетъ лучшей и при ея помощи изслѣдовалъ свои переходныя клѣтки.

Möller (64) предлагаетъ для фиксаціи железистыхъ клѣтокъ кишечника смѣсь, состоящую изъ раствора двухромокислаго калия съ формалиномъ. Эту смѣсь впервые ввелъ Korsch для замѣны жидкости Golgi. Послѣ Korsch'a эту смѣсь примѣнялъ Erik Müller для фиксаціи различныхъ органовъ и въ особенности железъ. Möller посредствомъ этой смѣси получалъ весьма хорошіе результаты. Кромѣ этой смѣси онъ испробовалъ также жидкости Flemming'a и Hermann'a, но находитъ, что эти жидкости фиксируютъ зернышки клѣтокъ Paneth'a неудовлетворительно, какъ на это указано самимъ Paneth'омъ.

Bloch (65) получалъ хорошіе результаты при фиксаціи формалиномъ.

Schmidt (66) находитъ, что лучшая фиксація зернистыхъ клѣтокъ достигается жидкостью Orth'a (смѣсь раствора Müller'a съ формалиномъ).

При своихъ работахъ я испробовалъ всѣ выше приведенныя жидкости.

Прикриновая кислота фиксируетъ зернистыя клѣтки Paneth'a и вообще всю слизистую оболочку кишки очень непостоянно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ получается довольно сносная фиксація, между тѣмъ какъ она въ другихъ случаяхъ выходитъ значительно хуже.

При помощи жидкости Flemming'a и Hermann'a мнѣ не удавалось получать удовлетворительныхъ результатовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ зернышки фиксировались

этими жидкостями, а въ другихъ, болѣе частыхъ случаяхъ, зернышки растворялись.

Самые лучшіе и постоянные результаты я получалъ при фиксаціи жидкостью Korsch'a или Orth'a. Дѣйствіе и составъ этихъ двухъ жидкостей очень похожи; по моимъ наблюденіямъ жидкость Korsch'a лучше фиксируетъ строеніе клѣточного тѣла, между тѣмъ какъ жидкость Orth'a въ свою очередь лучше консервируетъ строеніе соединительно-тканыхъ элементовъ. Ввиду того, что для моихъ работъ строеніе клѣточного тѣла стоитъ на первомъ планѣ, я остановился на жидкости Korsch'a.

При фиксаціи я примѣнялъ различныя предосторожности, чтобы получить возможно лучшее сохраненіе тканей органа.

Чтобы избѣжать быстрого охлажденія еще теплаго органа при погруженіи въ холодную фиксирующую жидкость, я вскрывалъ кишку тотчасъ послѣ отпрепаровки ее въ нагрѣтомъ на 36° С. физиологическомъ растворѣ поваренной соли. Въ этомъ растворѣ я распластывалъ кусочки кишечника слизистой оболочкой вверхъ на пробковыхъ пластинкахъ при помощи ежевыхъ иголь и затѣмъ лишь опускалъ ихъ въ фиксирующую жидкость комнатной температуры. Эта манипуляція съ одной стороны способствуетъ быстрому дѣйствію фиксирующей жидкости, которая проникаетъ такимъ образомъ въ кишку съ обѣихъ сторонъ, а съ другой стороны здѣсь получается постепенное охлажденіе органа въ физиологическомъ растворѣ. Чтобы избѣжать указаннаго охлажденія, предлагаютъ также нагрѣвать фиксирующую жидкость до температуры тѣла. Это мнѣ не кажется целесообразнымъ, потому что нагрѣтая жидкость дѣйствуетъ слишкомъ энергично и дѣлаетъ препараты твердыми.

Въ жидкости Korsch'a, состоящей изъ смѣси

100,0 куб. сант. 3,5 % раств. двухромокислаго
калія въ дестилированной водѣ

и 20,0 куб. сант. продажнаго (40 %) формалина

кусочки оставлялись 24 часа и затѣмъ переносились на 3 сутки въ 3,5 % растворъ двухромокислаго калія. Послѣ этого кусочки промывались втеченіе 24 часовъ въ проточной ключевой водѣ и постепенно уплотнялись въ алкоголь (50° , 60° , 70° , 80° , 90° , 96°). Послѣ уплотненія куски

обезвоживались въ абсолютномъ алкогольѣ и заливались въ параффинъ.

Толщина срѣзовъ колебалась отъ 2—5 μ . Несмотря на то, что срѣзы толщиной въ 3 μ для моихъ цѣлей какъ разъ достаточно тонки, я все-таки иногда довольствовался срѣзами въ 5 μ , исходя изъ того предположенія, что хорошій срѣзь въ 5 μ гораздо лучше плохого срѣза въ 3 μ . Серіи срѣзовъ наклеивались на предметныхъ стеклышкахъ посредствомъ дистиллированной воды.

Относительно окраски зернистыхъ клѣтокъ Paneth указывалъ на то, что зернышки окрашиваются послѣ фиксации пикриновой кислотой гематоксилиномъ по Heidenhain'у или Böhmer'у, сафраниномъ, метиленовой синькой, эозиномъ и вообще всѣми анилиновыми красками, которыя онъ испробовалъ. При этомъ зернышки въ спиртѣ удерживаютъ краску прочнѣе, чѣмъ ядра клѣтокъ; кромѣ того зернышки окрашиваются безъ измѣненія цвѣта краски и этимъ отличаются отъ зеренъ бокаловидныхъ клѣтокъ, которыя многими красками окрашиваются метахроматически.

Nicolas и Vizzozero окрашиваютъ зернышки клѣтокъ Paneth'a сафраниномъ. Кромѣ сафранина Vizzozero примѣнялъ еще двойную окраску везувиномъ и метиленовой синькой. Этотъ способъ имѣетъ то преимущество, что окрашиваетъ зернышки клѣтокъ Paneth'a въ одинъ цвѣтъ, а содержащее бокаловидныхъ клѣтокъ — въ другой.

Möller примѣняетъ для окраски зеренъ способъ окраски желѣзнымъ гематоксилиномъ по Heidenhain'у или Benda. При этомъ онъ указываетъ на то, что зернышки клѣтокъ Paneth'a хорошо окрашиваются въ черный цвѣтъ. Недостатокъ этого способа состоитъ въ томъ, что кромѣ зеренъ клѣтокъ Paneth'a въ черный же цвѣтъ окрашиваются ядра клѣтокъ и различныя зернышки клѣточного тѣла.

Кромѣ желѣзнаго гематоксилина Möller преимущественно примѣняетъ смѣсь Ehrlich-Biondi. Эта смѣсь даетъ хорошіе и вѣрные результаты только послѣ фиксации сулемой. Въ органахъ, фиксированныхъ жидкостью Kopsch'a, смѣсь эта даетъ очень разнорѣчивые результаты. Чтобы получить и въ такихъ срѣзахъ сносную окраску, Möller протравлялъ срѣзы передъ окраской втеченіи нѣсколькихъ часовъ $\frac{1}{5}\%$ растворомъ уксусной кислоты. Кромѣ того

онъ дѣлалъ смѣсь Ehrlich-Biondi крѣпче, чѣмъ обыкновенно. Благодаря такимъ измѣненіямъ, онъ получалъ удовлетворительную окраску своихъ препаратовъ.

Въ своихъ работахъ я старался найти такой способъ, который окрашиваетъ зернышки клѣтокъ Paneth'a въ одинъ цвѣтъ, между тѣмъ какъ остальные части препарата окрашиваются въ другой, по возможности контрастный, цвѣтъ. Кромѣ того я хотѣлъ получить въ такихъ препаратахъ еще окраску слизи въ цвѣтъ, рѣзко отличающійся отъ цвѣта зернышекъ.

Сначала я перепробовалъ методы, предложенные въ литературѣ.

Окраска желѣзнымъ гематоксилиномъ по Heidenhain'у не дала хорошихъ препаратовъ по причинамъ, изложеннымъ Möller'омъ.

Окраска сафраниномъ, предложенная Bizzozero, выходитъ хорошо лишь въ препаратахъ, фиксированныхъ смѣсью Flemming'a или Hergmann'a. Кромѣ того, большую роль при окраскѣ играетъ сортъ сафранина, потому что различныя сорта имѣютъ весьма разнообразныя свойства.

Двойная окраска везувиномъ и метиленовой синькой по способу Bizzozero также выходила неудачной, должно быть опять вслѣдствіе моей фиксирующей жидкости.

Окраска смѣсью Ehrlich-Biondi у меня выходила довольно удачно, но, къ сожалѣнію, она очень капризна.

Окраска препаратовъ по Ванъ-Гезону гематоксилиномъ и пикрофуксиномъ, примененная Schmidt'омъ (66), также не относится къ рѣзкимъ окраскамъ, потому что розовыя зернышки клѣтокъ Paneth'a плохо выдѣляются изъ остальныхъ частей препарата.

Ввиду того, что описанные способы не даютъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ, я испробовалъ всевозможныя краски и способы, надѣясь найти болѣе хорошіе методы окраски.

При окраскѣ эозиномъ я использовалъ замѣченное мною интересное свойство эозина. Если какой-нибудь препаратъ окрасить сначала растворомъ Victoriablau, слегка промыть водой и окрасить эозиномъ, то получается при дальнѣйшей обработкѣ препарата довольно странное явленіе, которое состоитъ въ томъ, что эозинъ очень энергично из-

влекается спиртомъ изъ всѣхъ частей препарата, за исключеніемъ нѣкоторыхъ зернистыхъ образований, на примѣръ зернышекъ клѣтокъ Paneth'a и эозинофильныхъ лейкоцитовъ, которыя принимаютъ при такой окраскѣ интенсивно красный цвѣтъ. Такой способъ даетъ хорошую окраску зеренъ клѣтокъ Paneth'a въ срѣзахъ тонкой кишки новорожденнаго человѣка, фиксированной жидкостью Kopsch'a. Сначала ядра окрашивались квасцовымъ гематоксилиномъ втеченіе нѣсколькихъ минутъ; послѣ этого препаратъ промывался ключевой водой и обрабатывался въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ подкисленнымъ спиртомъ (1,0 соляной кислоты на 100,0 спирта въ 70°), чтобы извлечь избытокъ гематоксилина и получить такимъ образомъ чистую ядерную окраску. Кислота тщательно нейтрализовалась промывкой препарата въ струѣ ключевой воды. Послѣ этого срѣзы обрабатывались нѣсколько секундъ настойкой іода. Іодъ является хорошей протравой для Victoriablau, который послѣ этого хорошо окрашиваетъ слизь въ небесно-голубой цвѣтъ и не отдаетъ этой окраски въ спиртѣ. Растворъ іода промывается 70° спиртомъ, и лишь послѣ этого срѣзы окрашивались въ продолженіе нѣсколькихъ (2—5) минутъ растворомъ Victoriablau

Victoriablau Grüber'a	1,0
Alcohol 70°	100,0
Aqua destillata	100,0

Можно брать и обыкновенный водный растворъ Victoriablau, но указанный мною растворъ дѣйствуетъ болѣе энергично. Послѣ промывки краски дистиллированной водой, сильно перекрашенные срѣзы подвергались втеченіе нѣсколькихъ минутъ (1—3) дѣйствию раствора эозина

Eosin	1,0
Alcohol 70°	100,0
Aqua dest.	100,0

Этотъ растворъ эозина также обладаетъ очень энергичными свойствами. Что же касается сорта эозина, то я перепробовалъ сорта: Eosin A. G. (Grüber'a), Eosin B. A. (Grüber'a), Eosin rein französisch (Grüber'a), Eosin gelblich wasserlöslich (Grüber'a), Eosin bläulich wasserlöslich (Grüber'a), Eosin bläulich wasserlöslich (Merck'a) и Erythrosin (Grüber'a).

Всѣ эти эозины даютъ хорошую окраску зеренъ клѣтокъ Paneth'a, но не всѣ они хорошо извлекаются спиртомъ изъ остальныхъ частей препарата. Лучшимъ въ этомъ отношеніи я считаю Eosin bläulich wasserlöslich Grübler'a. При окраскѣ этимъ эозиномъ остальные части препарата сохраняютъ въ удачныхъ случаяхъ едва замѣтную блѣдно-розовую окраску.

Въ препаратахъ, окрашенныхъ такимъ способомъ (рис. В, микрофотографія 2, 3, 4 и 5), ядра клѣтокъ принимаютъ темно-фіолетовый цвѣтъ. Слизь окрашивается въ небесно-голубой цвѣтъ, а зернышки клѣтокъ Paneth'a и эозинофильныхъ лейкоцитовъ окрашиваются въ интенсивный красный цвѣтъ, который рѣзко выдѣляется среди остальныхъ частей препарата, окрашенныхъ въ блѣдно-розовый цвѣтъ. Красные кровяные шарики при этой окраскѣ не окрашиваются, а остаются такими же желтыми, какими дѣлаются при фиксаціи препаратовъ въ жидкости Копша.

Такъ какъ этотъ способъ не даетъ постоянныхъ результатовъ въ препаратахъ кишки мыши, я нашелъ еще способъ, при помощи котораго и здѣсь удается прекрасная окраска зернышекъ клѣтокъ Paneth'a.

Сначала ядра клѣтокъ окрашиваются въ теченіи нѣсколькихъ (5—10) минутъ квасцовымъ гематоксилиномъ по Ганзену, послѣ чего слизь бокаловидныхъ клѣтокъ окрашивается разведеннымъ гематоксилиномъ Delafield'a втеченіе 10—15 минутъ. Здѣсь важно слѣдить за тѣмъ, чтобы слизь не окрашивалась черезчуръ густо; по этой причинѣ я произвожу отдѣльно окраску слизи и окраску ядеръ. Вѣдь гематоксинъ Delafield'a кромѣ слизи окрашиваетъ еще ядра. Однако ядра окрашиваются медленнѣе и при этомъ слизь обыкновенно переокрашивается. Переокрашиваніе слизи является очень вреднымъ, потому что тогда не видны мельчайшія зернышки, которыя иногда бываютъ въ бокаловидныхъ клѣткахъ. Послѣ соответствующей окраски слизи (переокрашиваніе можно съ успѣхомъ поправлять подкисленнымъ спиртомъ) препараты промываются ключевой водой и красятся втеченіе 2—3 минутъ въ насыщенномъ водномъ растворѣ Krystallviolett Höchst. Krystallviolett служить здѣсь протравой для Croceïn'a и въ готовыхъ препаратахъ не виднѣнъ. Послѣ промывки этой краски ключевой водой, пре-

параты подвергаются въ продолженіи 10—15 минутъ дѣйствію насыщеннаго воднаго раствора Crocein'a. Кроцеинъ также обмывается ключевой водой, потому что относится къ азокраскамъ, которыя хорошо красятъ въ щелочной средѣ. Послѣ промывки препараты обливаются крѣпкимъ спиртомъ (96°) втеченіи 10—20 секундъ; здѣсь большая часть Krystallviolett и Crocein'a извлекается, однако для полного вытѣсненія Crocein'a приходится налить на срѣзы растворъ Aurantia. Обыкновенно я беру насыщенный растворъ Aurantia въ 70° спиртѣ, разбавленной наполовину водой. Этимъ растворомъ нужно дѣйствовать крайне осторожно втеченіи одной или двухъ секундъ. Затѣмъ эта краска смывается сразу крѣпкимъ спиртомъ, который нѣсколько разъ мѣняется. Спиртъ извлекаетъ послѣдніе остатки ненужныхъ красокъ, причемъ продолжительность его дѣйствія опредѣляется подъ микроскопомъ. Послѣ этого препараты обезвоживаются абсолютнымъ алкоголемъ (99,6°), просвѣтляются ксилолемъ и задѣлываются въ каданскій бальзамъ.

Несмотря на то, что этотъ методъ кажется довольно сложнымъ, онъ даетъ вѣрные результаты, если только примѣнять осторожно растворъ Aurantia и контролировать обезцвѣченіе подъ микроскопомъ.

Результатами этого метода я остался довольнымъ, потому что въ такихъ препаратахъ въ интенсивный темно-красный цвѣтъ окрашены дѣйствительно только зернышки клѣтокъ Paneth'a. Кромѣ того, эти зернышки по своей интенсивной окраскѣ бываютъ хорошо замѣтны уже при слабыхъ увеличеніяхъ. Зерна эозинофильныхъ лейкоцитовъ окрашиваются здѣсь въ желтый цвѣтъ и мало выдѣляются. Ядра клѣтокъ и слизь окрашены въ синій цвѣтъ, между тѣмъ какъ все остальное въ препаратахъ принимаетъ сѣровато-желтый цвѣтъ.

Окраска эта лучше всего видна въ микрофотографіи I и въ рис. A, C и D.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ особенно желательно имѣть прозрачную, небесно-голубую окраску слизи, я окрашивалъ ее при помощи Victoriablau послѣ протравленія настойкой іода. Остальной способъ обработки не измѣнялся при этомъ.

Насчетъ долговѣчности этой окраски я еще не могу

высказаться; окраска ядеръ и слизи гематоксилиномъ безъ сомнѣнія будетъ прочной. Насчетъ Crocein'a я могу надѣяться, что эта краска окажется прочной, потому что она принадлежитъ къ азо-краскамъ, которыя вообще отличаются среди остальныхъ анилиновыхъ краскахъ относительной прочностью. Что же касается Aurantia, то она можетъ безъ большой бѣды для препаратовъ поблѣднѣть; вѣдь она примѣняется только какъ антагонистъ Crocein'a.

Собственныя изслѣдованія.

Приступая къ собственнымъ изслѣдованіямъ, я прежде всего надѣялся найти переходныя формы, описанныя Bizzozego между клѣтками Paneth'a и бокаловидными клѣтками.

Сначала я, какъ и всѣ изслѣдователи, работавшіе въ этой области послѣ Bizzozego, также не могъ найти этихъ переходныхъ формъ. Причина этого, какъ я впоследствии убѣдился, заключается въ томъ, что я не обращалъ вниманія на фізіологическое состояніе кишечника. Ни одинъ изслѣдователь не описываетъ стадію пищеваренія; всѣ подчеркиваютъ лишь то, что не могли находить переходныхъ клѣтокъ. Даже самъ Bizzozego не обращаетъ на это вниманія.

Все-таки мнѣ удалось при помощи моихъ методовъ вновь открыть переходныя клѣтки, но только у такихъ мышей, которыя голодали. Въ кишкѣ мышей, голодавшихъ въ теченіе 24 или 48 часовъ, переходныя клѣтки имѣются въ сравнительно значительномъ количествѣ, между тѣмъ какъ онѣ встрѣчаются во время пищеварительной дѣятельности такъ рѣдко, что ихъ чрезвычайно трудно замѣтить.

Въ этомъ кроется, какъ я полагаю, причина, отчего ни одинъ изслѣдователь послѣ Bizzozego не могъ найти этихъ клѣтокъ.

Наибольшее количество переходныхъ клѣтокъ встрѣчается въ тонкой кишкѣ мышей, голодавшихъ 48 часовъ.

Прежде всего у такихъ мышей, въ срѣзахъ тонкой кишки, фиксированныхъ жидкостью Korsch'a и окрашенныхъ по моему способу гематоксилиномъ и кроцеиномъ, имѣется большое число клѣтокъ Paneth'a.

Клѣтки эти большей частью лежатъ на самомъ днѣ железъ Lieberkühn'a и имѣютъ сильно сплющенное ядро, окруженное небольшимъ, едва замѣтнымъ количествомъ вещества клѣтки. Въ тѣлѣ клѣтки имѣется большое число круглыхъ зеренъ, окрашенныхъ большей частью въ интенсивный красный цвѣтъ. Зернышки эти бываютъ различной величины и лежатъ обыкновенно такъ густо, что въ клѣткѣ между ними замѣтна лишь мѣстами блѣдная, неокрашенная масса. Форма этихъ клѣтокъ обыкновенно бываетъ пирамидальной; это зависитъ здѣсь отъ формы основной перенонки, которая на днѣ железъ образуетъ полушаріе (Рис. А, 1).

Въ сосѣдствѣ съ этими пирамидными клѣтками и немного выше ихъ, въ железъ Lieberkühn'a, встрѣчаются клѣтки, которыя отличаются отъ нихъ только своей болѣе узкой цилиндрической формой (рис. А, 2). Это зависитъ только отъ мѣстоположенія клѣтокъ. Уже Bizzozero указывалъ на то, что клѣтки, лежащія не на самомъ днѣ железъ Lieberkühn'a, а на ихъ боковыхъ частяхъ, должны принимать цилиндрическую форму.

Немного выше, а именно въ боковыхъ частяхъ железъ, попадаютъ клѣтки, которыя отличаются отъ только что описанныхъ клѣтокъ лишь тѣмъ, что содержатъ между своими зернышками особую массу, которая окрашена гематоксилиномъ въ тотъ же цвѣтъ, какъ и слизь бокаловидныхъ клѣтокъ. Количество этой массы въ такихъ клѣткахъ очень незначительно, такъ что она едва замѣтна между зернышками. Зернышки же ничѣмъ не отличаются отъ зеренъ тѣхъ клѣтокъ Paneth'a, которыя лежатъ въ нижнихъ частяхъ железъ и на ихъ днѣ. Форма этихъ клѣтокъ очень походитъ на форму цилиндрическихъ клѣтокъ Paneth'a. Маленькая разница замѣтна лишь въ томъ, что форма этихъ переходныхъ клѣтокъ немного приближается къ формѣ бокаловидныхъ клѣтокъ (рис. А, 3).

Слѣдующія переходныя клѣтки отличаются отъ только что описанныхъ клѣтокъ лишь тѣмъ, что содержатъ немного меньшее количество зернышекъ (рис. А, 4 и 5), между которыми имѣется довольно большое количество вещества, окрашеннаго точь-въ-точь, какъ слизь. Вещество это раздуваетъ всю клѣтку въ такой степени, что она по своей формѣ совсѣмъ походитъ на обыкновенныя бокаловидныя клѣтки.

Далѣ имѣются клѣтки, которыя отличаются отъ бокаловидныхъ клѣтокъ только большимъ количествомъ мелкихъ зернышекъ, окрашенныхъ въ такой же интенсивный красный цвѣтъ, какъ зерна клѣтокъ Paneth'a (рис. А, 6 и 7, микрофотографія 1).

Наконецъ, въ верхней трети железъ Lieberkühn'a встрѣчаются клѣтки, которыя на первый взглядъ ничѣмъ не отличаются отъ бокаловидныхъ слизистыхъ клѣтокъ. Только при внимательномъ изслѣдованіи, при помощи сильныхъ объективовъ удается замѣтить въ такихъ клѣткахъ присутствіе небольшого числа мельчайшихъ зернышекъ, окрашенныхъ въ цвѣтъ зеренъ клѣтокъ Paneth'a (рис. А, 8 и 9).

Микрофотографія 1.

Обыкновенныя бокаловидныя клѣтки (рис. А, 10), лежащія въ железахъ Lieberkühn'a и на ворсинкахъ, отличаются отъ только что описанныхъ клѣтокъ только отсутствіемъ зернышекъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Капельки слизи въ этихъ клѣткахъ обыкновенно ограничены очень неясно или совсѣмъ не видны. Это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ фиксаціи жидкостью Korsch'a. Слизь бокаловидныхъ клѣтокъ окрашена въ сине-фіолетовый цвѣтъ. Ядра клѣтокъ совершенно похожи на ядра переходныхъ клѣтокъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ ядра сплющены, лежатъ своимъ длинникомъ по оси клѣтки и окрашены въ интенсивный фіолетовый цвѣтъ. Ядра клѣтокъ, болѣе похожихъ на клѣтки Paneth'a, имѣютъ почти кубическую форму, между тѣмъ какъ ядра клѣтокъ Paneth'a обыкновенно сплющены.

Здѣсь мы имѣемъ большое количество клѣточныхъ элементовъ, которые имѣютъ много сходства съ клѣтками Paneth'a съ одной стороны и бокаловидными слизистыми клѣтками съ другой стороны. Сходство это основано на

совмѣстномъ присутствіи въ этихъ клѣткахъ двухъ характерныхъ особенностей, присущихъ въ отдѣльности только или тѣмъ или другимъ клѣткамъ. Въ нѣкоторыхъ клѣткахъ перевѣсъ имѣетъ характерная особенность клѣтокъ Paneth'a — зернышки, въ другихъ же клѣткахъ господствуетъ особенность бокаловидныхъ клѣтокъ — слизь. Наконецъ имѣются такія формы клѣтокъ, гдѣ въ одинаковой степени выражены особенности обоихъ видовъ клѣтокъ; въ такихъ случаяхъ дѣйствительно затруднительно сказать, съ какими клѣтками данная клѣтка имѣетъ больше сходства.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы здѣсь дѣйствительно имѣемъ цѣлый рядъ самыхъ постепенныхъ переходныхъ клѣтокъ отъ одного вида клѣтокъ къ другому. Возраженія, что элементы переходныхъ клѣтокъ могли бы соответствовать и не слизи и не зернамъ клѣтокъ Paneth'a, устраняются этимъ постепеннымъ переходомъ. Если сравнивать одинъ изъ концевыхъ элементовъ ряда съ слѣдующей переходной клѣткой, то никакихъ сомнѣній въ общемъ происхожденіи такихъ двухъ клѣтокъ не будетъ вслѣдствіе слишкомъ большого сходства этихъ клѣтокъ. Такимъ же образомъ можно вторую переходную стадію сравнивать съ слѣдующей и опять видѣть лишь крайне большое сходство. Если такимъ способомъ послѣдовательно сравнивать сосѣднія стадіи перехода, то можно совсѣмъ незамѣтно, путемъ постепенныхъ переходовъ, дойти до другого концевого элемента, который не имѣетъ уже никакого сходства съ первымъ концевымъ элементомъ.

Такія же переходныя клѣтки найдены мною также у семимѣсячнаго человѣческаго плода, который родился живымъ и умеръ черезъ нѣсколько часовъ. Железы Lieberkühn'a здѣсь еще не кончили своего развитія, но, несмотря на это, въ нихъ постоянно встрѣчаются клѣтки Paneth'a. Кромѣ того и здѣсь имѣется рядъ переходныхъ формъ между клѣтками Paneth'a и бокаловидными клѣтками (рис. В, 1—10, микрофотогр. 2, 3 и 4).

Клѣтки Paneth'a лежатъ почти во всѣхъ железахъ Lieberkühn'a нижней части тонкой кишки. На продольномъ срѣзѣ каждой железѣ имѣется отъ одной до трехъ зернистыхъ клѣтокъ. Зернышки клѣтокъ Paneth'a здѣсь значительно меньше, чѣмъ у бѣлой мыши, и лежатъ въ клѣткахъ

такъ густо, что ихъ едва можно видѣть при среднихъ увеличеніяхъ, которыя показываютъ только сильно зернистый видъ этихъ клѣтокъ. При сильныхъ увеличеніяхъ удается видѣть отдѣльныя зернышки, которыя и у человѣка лежатъ въ прозрачной, безцвѣтной массѣ. Форма клѣтокъ Paneth'a и здѣсь зависитъ отъ ихъ мѣстоположенія. Между тѣмъ какъ эти клѣтки на днѣ железы имѣютъ пирамидную форму (рис. В, 1), онѣ принимаютъ въ боковыхъ частяхъ железъ форму, похожую на бокаловидныя клѣтки (рис. В, 2 и 3).

Кромѣ обыкновенныхъ клѣтокъ Paneth'a здѣсь имѣются

Микрофотографія 2.

клѣтки, которыя отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что у нихъ небольшая часть верхняго конца клѣтки наполнена небесно-голубой массой, окрашенная Victoriablau точь-въ-точь въ такой цвѣтъ, какъ слизь бокаловидныхъ клѣтокъ (рис. В, 4, микрофотографія 2). Остальная часть клѣтки густо наполнена красными зернышками и почти не отличается отъ той же части клѣтокъ Paneth'a.

Далѣе, встрѣчаются клѣтки которыя густо наполнены красными зернышками и отличаются отъ клѣтокъ Paneth'a только тѣмъ, что зернышки

лежатъ въ прозрачной массѣ, окрашенной, какъ слизь (рис. В, 5).

Потомъ видны еще клѣтки, которыя между своими многочисленными красными зернышками имѣютъ уже довольно большое количество вещества, похожего на слизь; поэтому эти клѣтки имѣютъ уже большое сходство съ обыкновенными бокаловидными клѣтками (рис. В, 6, микрофотографія 3).

Слѣдующая переходная стадія замѣтно отличается отъ бокаловидныхъ клѣтокъ присутствіемъ своихъ красныхъ зернышекъ (рис. В, 7 и 8).

Наконецъ имѣются клѣтки, которыхъ при среднихъ увеличеніяхъ едва можно отличить отъ обыкновенныхъ бокаловидныхъ клѣтокъ. При сильныхъ увеличеніяхъ въ нихъ удастся увидѣть нѣсколько мельчайшихъ зернышекъ; окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Остальныя части этихъ клѣтокъ не отличаются отъ соотвѣтственныхъ частей бокаловидныхъ клѣтокъ (рис. В, 9, микрофотографія 4).

Такимъ образомъ мы и здѣсь имѣемъ самый постепенный переходъ отъ однихъ клѣтокъ къ другимъ. Сомнѣнія насчетъ массы, окрашенной въ переходныхъ формахъ точь-въ-точь, какъ слизь, исчезаютъ, если сравнить постепенные переходы къ настоящимъ слизистымъ клѣткамъ. Такимъ способомъ мы имѣемъ возможность убѣдиться, что небесно-голубая масса послѣднихъ переходныхъ клѣтокъ ничемъ не отличается отъ слизи бокаловидныхъ клѣтокъ. Тоже самое можно сказать относительно красныхъ зернышекъ.

Переходныя клѣтки, описанныя мною у бѣлой мыши и у семимѣсячнаго человѣческаго плода, вполне походятъ на переходныя клѣтки, описанныя Bizzozero у бѣлой мыши.

Этотъ рядъ самыхъ постепенныхъ переходныхъ формъ между клѣтками Paneth'a и бокаловидными клѣтками гово-

Микрофотографія 3.

Микрофотографія 4.

рить о ихъ близкомъ родствѣ и заставляетъ насъ предполагать, что однѣ клѣтки являются молодой стадіей развитія другихъ клѣтокъ.

Вопросъ для насъ состоитъ только въ томъ, какой видъ клѣтокъ стоитъ въ началѣ преобразования и даетъ путемъ постепеннаго перехода клѣтки другого вида?

На основаніи своей теоріи о новообразованіи эпителиальныхъ клѣтокъ на днѣ железъ Lieberkühn'a и о передвиженіи молодыхъ клѣтокъ отсюда вверхъ на ворсинки Bizzozero а priori предположилъ, что клѣтки Paneth'a, лежація на самомъ днѣ железъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи поднимаются отсюда 'вверхъ, постепенно при этомъ преобразуются и дѣлаются наконецъ бокаловидными клѣтками.

Изъ этого слѣдуетъ, что клѣтки Paneth'a надо разсматривать, какъ молодую стадію развитія бокаловидныхъ клѣтокъ.

Дальнѣйшихъ доказательствъ въ пользу этого предположенія Bizzozero не приводитъ, а считаетъ его и такъ уже доказаннымъ.

Изъ возраженій другихъ изслѣдователей большой вѣсъ имѣютъ возраженія Möllera (64) и Schmidt'a (66).

Помимо того, что никому изъ изслѣдователей не удалось найти переходныхъ формъ, Möller не можетъ признать теорію Bizzozero и на основаніи того, что въ толстой кишкѣ, гдѣ бесспорно происходитъ ббольшая трата слизистыхъ клѣтокъ, не имѣется молодыхъ формъ этихъ клѣтокъ — то есть клѣтокъ Paneth'a.

Schmidt (66) не можетъ вѣрить въ образование слизистыхъ клѣтокъ изъ клѣтокъ Paneth'a по той причинѣ, что у молодыхъ человѣческихъ эмбрионовъ въ кишкѣ имѣются бокаловидныя клѣтки, между тѣмъ какъ клѣтокъ Paneth'a у нихъ еще нѣтъ. По Schmidt'у клѣтки Paneth'a появляются у человѣческихъ эмбрионовъ только въ седьмомъ мѣсяцѣ развитія.

Вслѣдствіе этого я рѣшилъ прослѣдить эмбриональное развитіе клѣтокъ Paneth'a у бѣлыхъ мышей и установить такимъ образомъ начальное звено длиннаго ряда переходныхъ формъ между клѣтками Paneth'a и бокаловидными клѣтками. При этомъ я исходилъ изъ того предположенія, что тѣ клѣтки, которыя путемъ своего постепеннаго из-

мѣненія производятъ другія клѣтки, должны образоваться въ эмбриональномъ развитіи раньше этихъ другихъ клѣтокъ.

Сначала, значить, образуются начальныя звенья перехода, затѣмъ сами переходныя формы и наконецъ, какъ концевой продуктъ перехода, появляются клѣтки, стоящія на другомъ концѣ ряда.

У бѣлыхъ мышей развитіе слизистой оболочки тонкой кишки совершается сравнительно значительно позже, чѣмъ у человѣка. Между тѣмъ какъ у семимѣсячнаго человѣческаго плода въ тонкой кишкѣ имѣются уже вполне развитыя ворсинки, бокаловидныя клѣтки и железы Lieberkühn'a съ клѣтками Paneth'a, у новорожденного мышенка еще идетъ развитіе железъ Lieberkühn'a.

Слизистая оболочка кишечника мѣстами совсѣмъ гладкая, и въ такихъ гладкихъ мѣстахъ въ эпителии ея часто наблюдаются фигуры каріокINETического дѣленія клѣтокъ. Въ молодыхъ, еще не совсѣмъ готовыхъ железахъ Lieberkühn'a новорожденного мышенка совсѣмъ не имѣется клѣтокъ Paneth'a. Бокаловидныя клѣтки имѣются въ небольшомъ числѣ на ворсинкахъ и въ железахъ Lieberkühn'a.

Эти результаты подтверждаютъ, что и у мыши бокаловидныя клѣтки развиваются раньше клѣтокъ Paneth'a, какъ это показали Schmidt для человѣка.

Въ кишкѣ 6-ти дневнаго мышенка, фиксированной жидкостью Копша, уже удается видѣть въ нѣкоторыхъ бокаловидныхъ клѣткахъ небольшое число мельчайшихъ зернышекъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ кроцеиномъ. Зернышки эти такъ малы, что ихъ можно замѣтить лишь при изслѣдованіи тонкихъ, хорошо окрашенныхъ срѣзовъ иммерсионными системами. Въ остальныхъ частяхъ эти клѣтки ничѣмъ не отличаются отъ рядомъ лежащихъ обыкновенныхъ бокаловидныхъ клѣтокъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ капельки слизи окрашены гематоксилиномъ въ блѣдно-синій цвѣтъ; отдѣльныхъ капелекъ почти не видно, мѣстами только видна какъ бы тончайшая сѣтка въ слизи. Такихъ бокаловидныхъ клѣтокъ съ мельчайшими красными зернышками удается видѣть довольно часто, между тѣмъ

какъ клѣтокъ Paneth'a въ кишкѣ шестидневнаго мышенка еще не имѣется.

Въ кишкѣ семидневнаго мышенка уже замѣчается большее количество зернистыхъ клѣтокъ.

Здѣсь имѣются въ довольно большомъ числѣ бокаловидныя клѣтки съ совсѣмъ маленькими, едва замѣтными зернышками; далѣе здѣсь имѣются еще клѣтки съ большими зернышками и наконецъ даже клѣтки Paneth'a.

Что касается клѣтокъ Paneth'a, то я долженъ сказать, что ихъ зернышки не достигаютъ еще такой величины, какъ у взрослыхъ животныхъ. Кромѣ того клѣтки Paneth'a встрѣчаются въ кишкѣ семидневнаго мышенка въ очень небольшомъ количествѣ.

Вообще, слизистая оболочка тонкой кишки очень молодыхъ мышей мало пригодна къ изслѣдованію клѣтокъ Paneth'a, потому что эти клѣтки образуются здѣсь въ небольшомъ количествѣ и отличаются отъ клѣтокъ Paneth'a взрослыхъ животныхъ меньшей величиной своихъ зеренъ.

Даже слизистая оболочка кишки мѣсячнаго мышенка еще не вполне походитъ на слизистую оболочку кишки взрослой мыши.

Только что изложенные результаты изслѣдованія эмбриональнаго развитія кишки мыши доказываютъ, что прежде всего между цилиндрическими эпителиальными клѣтками появляются бокаловидныя клѣтки; въ кишкѣ шестидневнаго мышенка въ нѣкоторыхъ бокаловидныхъ клѣткахъ появляются мельчайшія зернышки: вслѣствие этого такія клѣтки уже относятся къ такъ называемымъ переходнымъ клѣткамъ, которыя образуютъ непрерывный рядъ перехода отъ бокаловидныхъ клѣтокъ къ клѣткамъ Paneth'a. При этомъ въ кишкѣ шестидневнаго мышенка имѣется только та стадія перехода, которая болѣе всего похожа на бокаловидныя клѣтки.

Другія, болѣе позднія стадіи переходныхъ клѣтокъ видны въ кишкѣ семидневнаго мышенка; здѣсь же имѣются въ небольшомъ количествѣ и готовыя клѣтки Paneth'a.

Мы видимъ, что начало непрерывнаго ряда переходныхъ клѣтокъ между клѣтками Paneth'a и бокаловидными клѣтками имѣется въ бокаловидныхъ клѣткахъ а не въ клѣткахъ Paneth'a, какъ это доказывалъ Bizzozero.

Изъ этого слѣдуетъ, что клѣтки Paneth'a являются на днѣ железъ Lieberkühn'a не внезапно, а путемъ постепеннаго преобразованія нѣкоторыхъ бокаловидныхъ клѣтокъ, которыя въ кишкѣ образуются значительно раньше.

Вслѣдствіе того, что число переходныхъ клѣтокъ Paneth'a въ слизистой оболочкѣ тонкой кишки несравненно меньше числа всѣхъ бокаловидныхъ клѣтокъ, которыя тамъ имѣются, дѣлается совершенно очевиднымъ, что далеко не всѣ бокаловидныя клѣтки могутъ преобразоваться въ переходныя клѣтки, конечнымъ продуктомъ развитія которыхъ являются клѣтки Paneth'a. Кромѣ того въ железахъ Lieberkühn'a толстой кишки имѣется значительно большее число бокаловидныхъ клѣтокъ, чѣмъ въ тонкой кишкѣ. Несмотря на это въ железахъ Lieberkühn'a толстой кишки совершенно не имѣется ни переходныхъ клѣтокъ, ни клѣтокъ Paneth'a. Наконецъ имѣется еще много слизистыхъ оболочекъ со слизистыми бокаловидными клѣтками, и ни въ одной изъ этихъ слизистыхъ оболочекъ бокаловидныя клѣтки не образуютъ клѣтокъ съ двумя различными сортами зернышекъ, какъ это бываетъ съ переходными клѣтками въ тонкой кишкѣ.

Изъ этого вытекаетъ прямое слѣдствіе, что далеко не всѣ слизистыя клѣтки имѣютъ способность образовать среди своей слизи зернышки съ особенными свойствами и дѣлаться такимъ образомъ путемъ постепеннаго измѣненія совсѣмъ другими клѣтками. Эта способность, очевидно, является исключительнымъ свойствомъ только нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ клѣтокъ тонкой кишки.

Вообще, насчетъ слизистыхъ клѣтокъ тонкой кишки имѣются, какъ мнѣ кажется, двѣ возможности: или всѣ слизистыя клѣтки способны, въ зависимости отъ подходящихъ благопріятныхъ условій, превращаться въ клѣтки Paneth'a, или же эта способность имѣется только у нѣкоторыхъ, особенно предрасположенныхъ къ этому клѣтокъ.

Первая возможность кажется очень мало вѣроятной на основаніи того, что очень большое число бокаловидныхъ клѣтокъ тонкой кишки находится въ совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ; между тѣмъ мы видимъ, что только нѣкоторыя, весьма немногія клѣтки подвергаются дальнѣйшимъ преобразованіемъ, въ то время какъ боль-

шинство остальныхъ, сосѣднихъ клѣтокъ остается обыкновенными бокаловидными клѣтками. Это явленіе можно объяснить только при помощи предположенія, что тѣ клѣтки, которыя имѣютъ способность подвергаться дальнѣйшимъ преобразованіямъ и переходить постепенно въ клѣтки Paneth'a, имѣютъ къ этому особое предрасположеніе.

Возможно, что обыкновенная бокаловидная клѣтка и бокаловидная клѣтка съ предрасположеніемъ къ дальнѣйшему преобразованію въ клѣтку Paneth'a, произошли одновременно изъ двухъ, совершенно одинаковыхъ, эпителиальныхъ клѣтокъ. Обѣ эти клѣтки дали своимъ преобразованіемъ двѣ новыя клѣтки, которыя по своему внѣшнему виду ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются; тѣ внѣшнія свойства этихъ двухъ клѣтокъ, которыя намъ, при помощи нашихъ методовъ, удастся опредѣлить, говорятъ, что передъ нами имѣются двѣ совершенно одинаковыя слизистыя клѣтки. Только въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ двухъ клѣтокъ получаются такія особенности, которыя намъ удастся опредѣлить. Между тѣмъ какъ одна клѣтка остается, повидимому, неизмѣненной слизистой клѣткой, въ другой клѣткѣ появляются особыя мельчайшія зернышки, которыя по своей способности окрашиваться анилиновыми красками рѣзко отличаются отъ капелекъ слизи. Эти зернышки постепенно увеличиваются въ своемъ числѣ и дѣлаются все больше и больше. Капельки слизи сначала остаются, повидимому, неизмѣненными, однако при дальнѣйшемъ увеличеніи зернышекъ количество слизи постепенно уменьшается, такъ что слизь въ концѣ развитія клѣтки совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ въ концѣ преобразованія такой клѣтки получается клѣтка Paneth'a.

Такое предрасположеніе нѣкоторыхъ клѣтокъ къ дальнѣйшему преобразованію могло бы объяснить тотъ фактъ, что только нѣкоторыя изъ слизистыхъ клѣтокъ преобразуются въ клѣтки Paneth'a. Это предрасположеніе, конечно, при нашихъ методахъ изслѣдованій доказать не удастся, его можно принять только, какъ гипотезу.

Несмотря на это, въ литературѣ уже имѣется примѣръ такой гипотезы въ попыткѣ объяснить образованіе бокаловидныхъ клѣтокъ изъ особенно предрасположенныхъ къ этому эпителиальныхъ клѣтокъ.

Schulze (24), а также и Eimer (31) считаютъ наиболее вѣроятнымъ, что бокаловидныя клѣтки происходятъ изъ особенно предрасположенныхъ къ измѣненію эпителиальныхъ клѣтокъ, которыя по своей внѣшней формѣ идентичны съ совсѣмъ обыкновенными клѣтками своего рода, однако по отношенію къ внутренней организациі а priori вполне различаются отъ нихъ, несмотря на это случайное сходство.

Эта гипотеза по отношенію къ бокаловиднымъ клѣткамъ теперь уже не принимается, потому что дальнѣйшія изслѣдователи пришли къ убѣжденію, что каждая молодая эпителиная клѣтка можетъ въ соотвѣтствующихъ условіяхъ дѣлаться бокаловидной клѣткой. (Stöhr 43, Paneth 46, Ланковскій 49, Маевскій 57, Stöhr 60).

Съ преобразованиемъ же нѣкоторыхъ слизистыхъ клѣтокъ въ клѣтки Paneth'a дѣло, какъ мнѣ кажется, обстоитъ иначе, и поэтому я считаю возможнымъ допустить такую гипотезу, потому что она все же даетъ удовлетворительное объясненіе нѣкоторымъ фактамъ.

Изъ вышеприведеннаго видно, что мы при современныхъ способахъ изслѣдованій не въ силахъ дать точнаго объясненія того факта, что далеко не всѣ бокаловидныя клѣтки слизистой оболочки тонкой кишки превращаются путемъ постепеннаго перехода въ клѣтки Paneth'a. Тѣмъ не менѣе я считаю доказаннымъ, что клѣтки Paneth'a появляются на днѣ железъ Lieberkühn'a тонкой кишки не самостоятельно, а путемъ постепеннаго измѣненія нѣкоторыхъ, можетъ быть особенно къ этому предрасположенныхъ, бокаловидныхъ клѣтокъ.

Поэтому въ препаратахъ тонкой кишки мыши и человека имѣется довольно большое число переходныхъ формъ между этими двумя видами клѣтокъ. Большинство этихъ переходныхъ клѣтокъ лежитъ въ боковыхъ частяхъ железъ Lieberkühn'a, между тѣмъ какъ конечный продуктъ этого перехода — клѣтки Paneth'a лежатъ на самомъ днѣ железъ.

Остается рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ клѣтки Paneth'a собираются на днѣ железъ?

По мнѣнію Bizzozzo, на самомъ днѣ железъ Lieberkühn'a имѣются фигуры каріокINETического дѣленія клѣ-

токъ. По его теоріи клѣтки, которыя здѣсь размножаются, постепенно поднимаются вверхъ по железѣ и попадаютъ наконецъ на ворсинки, гдѣ онѣ служатъ для пополненія отмирающихъ клѣтокъ. При построеніи этой теоріи Bizzozero исходилъ изъ той точки зрѣнія, что фигуры дѣленія встрѣчаются чаще всего въ самой глубокой части железъ. „Рѣже онѣ попадаютъ въ верхней части, и еще рѣже вблизи шейки. Митозы начинаются въ слѣпомъ концѣ железы; иногда ихъ можно видѣть на крайнемъ концѣ слѣплого мѣшка между двумя клѣтками Paneth'a.“

Эти наблюденія Bizzozero не согласуются со мнѣніемъ другихъ изслѣдователей железъ Lieberkühn'a.

Paneth уже указывалъ на то, что каріокинетическія фигуры часто лежатъ въ верхнихъ частяхъ железъ.

Orpel (61, стр. 213) въ болѣе точной формѣ говорить: „Далеко не всѣ наблюденія о распространеніи каріокинетическихъ фигуръ говорятъ въ пользу теоріи Bizzozero въ ее крайнемъ толкованіи. Если бы железы Lieberkühn'a были только органами пополненія эпителия поверхности, мы должны бы встрѣтить наибольшее скопленіе митотическихъ дѣлений прежде всего на днѣ железъ Lieberkühn'a.“

„По наблюденіямъ другихъ (напр. Paneth, Schaffer) и по моимъ наблюденіямъ это въ общемъ далеко не такъ. Какъ разъ на днѣ железъ Lieberkühn'a обыкновенно совсѣмъ нѣтъ митотическихъ дѣлений.“

Поэтому Orpel предлагаетъ допускать пока теорію Bizzozero въ слѣдующемъ ограниченіи:

„Въ эпителии кишечника въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно пополненіе клѣточныхъ элементовъ изъ частей, богатыхъ митозами, въ части, гдѣ митозы рѣдки.“

И по моимъ наблюденіямъ митозы лежатъ у мыши въ боковыхъ частяхъ железъ Lieberkühn'a и отсутствуютъ на днѣ железъ; въ одной только железѣ я видалъ фигуру дѣленія въ слѣпомъ концѣ железы. Изъ этого вытекаетъ, что образованіе новыхъ клѣтокъ эпителия происходитъ въ боковыхъ частяхъ железъ.

Изъ этихъ частей слизистой оболочки молодыя клѣтки могли бы, согласно ограниченію, которые сдѣлалъ Orpel въ теоріи Bizzozero, передвигаться постепенно въ тѣ мѣста слизистой оболочки, гдѣ происходитъ трата клѣточныхъ эле-

ментовъ и гдѣ не происходитъ на мѣстѣ пополненія этихъ истраченныхъ клѣтокъ. Такими мѣстами въ тонкой кишкѣ надо считать и ворсинки и дно железъ Lieberkühn'a. И тутъ и тамъ погибаютъ клѣтки, между тѣмъ какъ въ этихъ мѣстахъ почти совершенно отсутствуютъ каріокинетическія фигуры дѣленія клѣтокъ.

Поэтому я считаю возможнымъ допустить предположеніе, что молодыя клѣтки, образовавшіяся въ боковыхъ частяхъ железъ Lieberkühn'a, могутъ превигаться въ обѣ стороны и вверхъ и внизъ, чтобы пополнять и здѣсь и тамъ убыль клѣтокъ.

Такое предположеніе можетъ объяснить то обстоятельство, что переходныя клѣтки большей частью лежатъ въ среднихъ частяхъ железъ; кромѣ того такія клѣтки попадаютъ и въ глубокихъ частяхъ железъ и наконецъ даже на ворсинкахъ.

Зернышки клѣтокъ, лежащихъ въ верхнихъ частяхъ железы, въ большинствѣ случаевъ малы; это показываетъ начало образованія клѣтокъ Paneth'a изъ бокаловидныхъ клѣтокъ. Глубже въ железѣ имѣются уже переходныя клѣтки съ зернышками большей величины и на самомъ днѣ железы лежатъ клѣтки Paneth'a. Такимъ образомъ молодая переходная клѣтка постепенно передвигается съ верхней части железы къ ея нижней части и при этомъ все болѣе и болѣе измѣняется такъ, что изъ нея образуется клѣтка Paneth'a.

Такое передвиженіе нѣкоторыхъ клѣтокъ железъ Lieberkühn'a виизъ подозрѣвалъ уже Paneth, который полагалъ, что открытія имъ клѣтки погибаютъ послѣ выдѣленія своего секрета. На основаніи этого представленія онъ говоритъ:

„Присутствіе многочисленныхъ каріокинетическихъ фигуръ согласуется съ этимъ предположеніемъ, потому что онѣ могли бы замѣнять отмершія клѣтки. Тогда мы имѣли бы въ кишкѣ два различныхъ процесса секреціи: одинъ встрѣчается у бокаловидныхъ клѣтокъ: здѣсь нѣтъ гибели клѣтокъ и нѣтъ каріокинетическихъ фигуръ тамъ, гдѣ эта секреція происходитъ. Другой процессъ ведетъ къ образованію бокаловидныхъ клѣтокъ: клѣтки погибаютъ и по близости имѣются многочисленные митозы.“

„Мѣсторасположеніе каріокинетическихъ фигуръ въ кишкѣ могло бы съ этимъ согласоваться. Схематически мы находимъ: на самомъ днѣ трубки — зернистыя клѣтки, наполненныя большими зернышками, представляющія собою высшее развитіе процесса. Потомъ имѣются клѣтки съ малочисленными, маленькими зернышками — болѣе молодыя стадіи. Потомъ имѣются ядра въ стадіи дѣленія. Это согласуется съ предположеніемъ, что клѣтки погибаютъ на днѣ железъ и пополняются изъ мѣста, гдѣ лежатъ митозы, молодыми клѣтками, которыя постепенно наполняются капелями.“

Такой взглядъ высказанъ Paneth'омъ въ такое время, когда еще не знали переходныхъ клѣтокъ. Тогда уже онъ считалъ возможнымъ передвиженіе клѣтокъ изъ шейки железы ко дну ея, хотя и рѣшался высказать это предположеніе только какъ „гипотезу, нуждающуюся въ дальнѣйшемъ испытаніи и доказательствахъ“.

Кромѣ того Paneth сейчасъ же приводитъ два доказательства противъ этой гипотезы.

„Во-первыхъ, у тритона въ криптахъ имѣются только бокаловидныя клѣтки, которыя при секреціи не погибаютъ, и, несмотря на это, фигуры дѣленія ядеръ не распределены равномерно въ эпителии, но бываютъ чаще въ крипахъ, какъ на это указываетъ Pfitzner, и какъ я могу подтвердить.“

„Во-вторыхъ, Patzelt приводитъ, что въ эмбриональномъ развитіи толстой кишки мѣстоположеніе размножающихся клѣтокъ лежитъ въ крипахъ, и что клѣтки оттуда передвигаются вверхъ“.

. . . . „Во всякомъ случаѣ результаты изслѣдованій Patzelt'a, Pfitzner'a и другихъ показываютъ, что въ крипахъ происходитъ обильное новообразование клѣтокъ при условіяхъ, которыя не позволяютъ допускать гибели клѣтокъ.“

На эти сомнѣнія Paneth'a я могу сказать, что каріокинетическія фигуры служатъ, по всей вѣроятности, для пополненія и тѣхъ и другихъ клѣтокъ. Paneth полагаетъ, что бокаловидныя клѣтки не погибаютъ послѣ выдѣленія своего секрета и поэтому не нуждаются въ замѣнѣ. По установившемся теперь въ литературѣ взгляду, бокаловидныя клѣтки имѣютъ способность выдѣлять секретъ и послѣ этого возрождаются только нѣсколько разъ. Послѣ нѣсколь-

кихъ „секреторныхъ цикловъ“ бокаловидныя клѣтки, какъ и всѣ другія клѣтки, должны погибнуть. То же самое можно сказать относительно клѣтокъ Paneth'a. Поэтому очевидно, что и тѣ и другія клѣтки нуждаются въ пополненіи. Пополненіе это идетъ изъ боковыхъ частей железъ Lieberkühn'a въ обѣ стороны и вверхъ и внизъ. Если допустить это, то гипотеза Paneth'a не будетъ нуждаться въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, тѣмъ болѣе, что найденъ цѣлый рядъ клѣтокъ, представляющій постепенный переходъ отъ выше лежащихъ бокаловидныхъ клѣтокъ къ ниже лежащимъ клѣткамъ Paneth'a.

Nicolas (51) также описываетъ клѣтки Paneth'a съ совсѣмъ маленькими зернышками, которыя лежатъ въ боковыхъ частяхъ железъ Lieberkühn'a; онъ считаетъ эти клѣтки за молодыя стадіи развитія клѣтокъ Paneth'a.

Къ этому мнѣнію присоединяется Struiken (55), который находитъ, что мѣстоположеніе каріокINETическихъ фигуръ лучше согласуется съ этимъ предположеніемъ, чѣмъ со мнѣніемъ Bizzozero.

Въ новѣйшее время Schmidt (66) высказалъ мнѣніе, что пополненіе клѣтокъ возможно и вверхъ и внизъ, если оно только нужно. Мнѣніе его основано на томъ, что фигуры дѣленія лежатъ въ тонкой кишкѣ постоянно надъ клѣтками Paneth'a.

Изъ этого видно, что мое предположеніе о движеніи молодыхъ клѣтокъ въ железахъ Lieberkühn'a и вверхъ и внизъ не является новымъ или неожиданнымъ. Подтверждается это предположеніе нѣкоторыми особенностями расположенія переходныхъ клѣтокъ въ железахъ Lieberkühn'a и появленіемъ переходныхъ клѣтокъ на ворсинкахъ.

Я уже вкратцѣ указалъ на то, что молодыя формы переходныхъ клѣтокъ лежатъ преимущественно въ верхнихъ частяхъ железъ. Ниже лежатъ уже болѣе старыя формы съ крупными зернышками, и на самомъ днѣ железъ имѣются готовыя клѣтки Paneth'a. Между клѣтками Paneth'a и близлежащими переходными клѣтками всегда лежатъ обыкновенныя эпителиныя клѣтки; кромѣ эпителиныхъ клѣтокъ здѣсь часто имѣются и слизистыя клѣтки. Теперь возникаетъ вопросъ о судьбѣ этихъ эпителиныхъ и слизистыхъ клѣтокъ, лежащихъ между переходными клѣтками съ одной

стороны и клѣтками Paneth'a съ другой стороны. Вѣдь на самомъ днѣ железы имѣются почти только однѣ клѣтки Paneth'a. Гдѣ же остаются эти эпителичныя и слизистыя клѣтки, если отмирающія клѣтки Paneth'a должны замѣняться вышележащими переходными клѣтками?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ тщательное изслѣдованіе клѣтокъ, лежащихъ въ глубокихъ частяхъ железъ.

Здѣсь часто имѣются цилиндрическія клѣтки, которыя на своемъ свободномъ концѣ имѣютъ маленькую капельку слизи (рис. С, 1); повидимому, это начальная стадія образованія слизистыхъ клѣтокъ изъ цилиндрическихъ. Въ другихъ такихъ же клѣткахъ, въ капелькѣ слизи, видны маленькія зернышки, окрашенные какъ и зерна клѣтокъ Paneth'a въ красный цвѣтъ (рис. С, 2). Затѣмъ имѣются клѣтки съ большими зернышками въ своемъ маленькомъ комочкѣ слизи (рис. С, 3) и, наконецъ, имѣются клѣтки Paneth'a съ зернышками только въ верхней части (рис. С, 4).

Эти клѣтки, какъ видно, представляютъ собою особый видъ переходныхъ клѣтокъ, который отличается отъ обыкновенныхъ переходныхъ клѣтокъ тѣмъ, что клѣтки этого вида какъ будто торопятся поскорѣе преобразоваться въ клѣтки Paneth'a. При этомъ образованіе слизи въ цилиндрической клѣткѣ еще не совсѣмъ окончено, какъ въ этой же слизи начинаютъ выдѣляться зернышки, характерныя для будущихъ клѣтокъ Paneth'a.

Здѣсь имѣется еще возможность, что такія клѣтки съ маленькой капелькой слизи и зернышками на своемъ свободномъ концѣ могли бы быть искусственными продуктами, которые произошли вслѣдствіе того, что въ данный срѣзъ попала часть обыкновенной слизистой или переходной клѣтки, которая лежитъ въ сосѣднемъ срѣзѣ. Эта возможность однако въ этихъ клѣткахъ исключена, потому что я въ такихъ случаяхъ всегда тщательно изслѣдовалъ сосѣдніе срѣзы съ обѣихъ сторонъ данной клѣтки. Конечно, попадаютъ и такіе искусственные продукты, но ихъ я всегда исключалъ.

Такія переходныя формы чаще всего лежатъ въ глубокихъ частяхъ железы, непосредственно надъ клѣтками Paneth'a.

Я считаю вѣроятнымъ, что такому быстрому преобразованію подвергаются именно тѣ клѣтки, которыя дошли

ввидѣ обыкновенныхъ цилиндрическихъ клѣтокъ до глубокихъ частей железы.

Что же касается тѣхъ переходныхъ клѣтокъ, которыя начали свое преобразование въ верхнихъ частяхъ железы, то такія клѣтки могутъ и не дойти до самаго дна. Встрѣчаются вѣдь клѣтки Paneth'a и въ нижнихъ боковыхъ частяхъ железы. Весьма вѣроятно, что такія высоколежащія клѣтки Paneth'a и произошли изъ этихъ переходныхъ клѣтокъ. Наконецъ переходныя клѣтки часто уже во время своего преобразованія выдѣляютъ секретъ, состоящій изъ слизи и зернышекъ. Поэтому не исключена возможность, что нѣкоторыя переходныя клѣтки могутъ погибнуть раньше, чѣмъ преобразуются въ настоящія клѣтки Paneth'a.

Такимъ образомъ, я считаю вѣроятнымъ, что клѣтки Paneth'a собираются на днѣ железъ Lieberkühn'a вслѣдствіе постепеннаго передвиженія переходныхъ клѣтокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми цилиндрическими клѣтками изъ боковыхъ частей железы къ ея дну. Эти молодыя цилиндрическія клѣтки могутъ еще около самаго дна железы преобразоваться въ клѣтки Paneth'a, путемъ нѣсколько ускореннаго перехода.

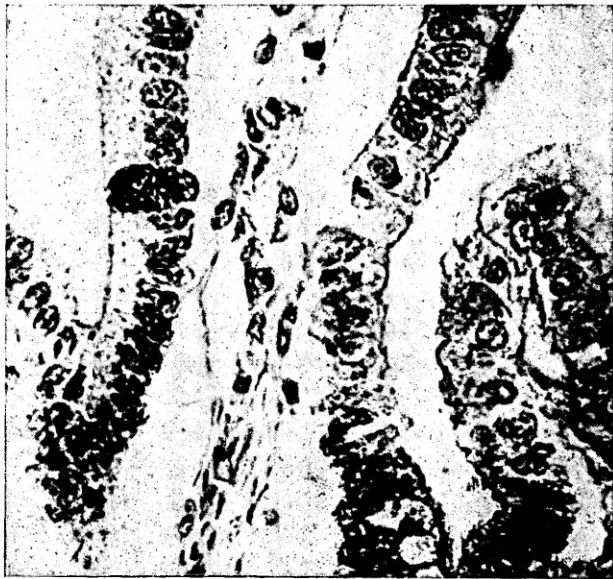
Въ пользу моего предположенія о передвиженіи молодыхъ клѣтокъ, образовавшихся путемъ кариокинетическаго дѣленія въ боковыхъ частяхъ железъ Lieberkühn'a, и вверхъ и внизъ говоритъ еще то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ переходныхъ клѣтокъ попадаютъ также на ворсинки.

Въ сильной степени это выражено у 7-ми мѣсячнаго недоншеннаго человѣческаго плода, у котораго на ворсинкахъ встрѣчаются не только всѣ стадіи переходныхъ клѣтокъ, но даже настоящія клѣтки Paneth'a (рис. В, 3, микрофотографія 5).

Переходныя клѣтки, лежащія на ворсинкахъ ничѣмъ не отличаются отъ переходныхъ клѣтокъ въ железахъ Lieberkühn'a. Какъ здѣсь, такъ и тамъ имѣются самыя разнообразныя стадіи перехода, начиная съ слабо зернистыхъ бокаловидныхъ клѣтокъ и кончая клѣтками Paneth'a. Если все-таки допытываться до какого-нибудь различія, то такое въ переходныхъ клѣткахъ состоитъ лишь въ томъ,

что переходныя клѣтки на ворсинкахъ красивѣе. Это разница чисто внѣшняго свойства и зависитъ отъ того, что клѣтки ворсинокъ вообще нѣсколько крупнѣе и болѣе рѣзко ограничены, чѣмъ клѣтки железъ Lieberkühn'a.

Болѣе замѣтная разница существуетъ между клѣтками Paneth'a на ворсинкахъ и въ железахъ. Клѣтки Paneth'a на днѣ железъ обыкновенно бываютъ болѣе или менѣе пирамидной формы (рис. А, 1), между тѣмъ, какъ на ворсинкахъ онѣ приближаются къ формѣ бокаловидныхъ клѣтокъ

Микрофотографія 5.

(рис. А, 3, микрофотографія 5). Эта разница въ формѣ имѣетъ также только внѣшнее значеніе, потому что форма клѣтокъ Paneth'a обусловлена формой основной перепонки. Это вытекаетъ изъ того, что клѣтки Paneth'a, лежація не на самомъ днѣ железы, а по ихъ стѣнкѣ, также утратили свою пирамидную форму (рис. В, 2). Это описалъ уже Vizzozzo (52), который говоритъ, что „клѣтки эти конечно не пирамидной формы, но стали длиннѣе и уже и такимъ образомъ приближаются къ формѣ настоящихъ слизистыхъ клѣтокъ“.

Присутствіе клѣтокъ Paneth'a на ворсинкахъ этого человѣческаго плода не является единственнымъ примѣромъ.

Клѣтки Paneth'a описаны уже Klein'омъ (67) на ворсинкахъ у Opossum. У этого животнаго клѣтки Paneth'a имѣются и въ железахъ Lieberkühn'a. По реферату Orpel'a (68) „малая величина клѣтокъ этого животнаго въ железахъ, величина ихъ на ворсинкахъ и всеобщій рудиментарный характеръ железъ заставляютъ считать вѣроятнымъ, что эти клѣтки образуются въ железахъ, но достигаютъ физиологической зрѣлости только послѣ того, какъ достигли поверхности, въ смыслѣ теории Bizzozero. У плаценталиевъ клѣтки Paneth'a, повидимому, распределены только на днѣ железъ Lieberkühn'a, которыя вслѣдствіе этого надо считать настоящими железами. Показываетъ ли состояніе клѣтокъ Paneth'a у Opossum первоначальное состояніе для млекопитающихъ, нельзя сказать, хотя Klein имѣетъ основаніе допустить это“.

Эти результаты Klein'a могутъ служить подтвержденіемъ моего предположенія о передвиженіи молодыхъ клѣтокъ железъ Lieberkühn'a въ обѣ стороны. По аналогіи съ моими препаратами я полагаю, что и у Opossum клѣтки Paneth'a, развиваясь въ железахъ Lieberkühn'a, передвигаются въ обѣ стороны; въ пользу этого предположенія, говоритъ то обстоятельство, что у Opossum клѣтки Paneth'a встрѣчаются и въ железахъ Lieberkühn'a и на ворсинкахъ.

Съ другой стороны мои данныя у человѣческаго плода служатъ дополненіемъ работы Klein'a, потому что показываютъ присутствіе клѣтокъ Paneth'a на ворсинкахъ не только у Opossum, но даже у человѣка.

Переходныя клѣтки были найдены мною не только на ворсинкахъ человѣческаго плода, но также на ворсинкахъ голодавшей бѣлой мыши.

Здѣсь большая часть переходныхъ клѣтокъ лежитъ около основанія ворсинки; кромѣ этого такія клѣтки лежатъ еще на нижней половинѣ ворсинки, между тѣмъ какъ я ихъ вовсе не видалъ на ея верхней половинѣ. Это происходитъ, по всей вѣроятности, оттого, что переходныя клѣтки не находятъ на ворсинкахъ благоприятныхъ условій существованія и поэтому скоро отмираютъ. По той же причинѣ развитіе переходныхъ клѣтокъ останавливается въ

тѣхъ молодыхъ стадіяхъ, которыя отличаются присутствіемъ многочисленныхъ мельчайшихъ зернышекъ въ своей слизи (рис. Д).

Кончая съ вопросомъ о переходныхъ клѣткахъ, я долженъ еще отмѣтить, что ихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя считать за особую стадію секреціи бокаловидныхъ клѣтокъ, которая можетъ исчезнуть при дальнѣйшемъ ходѣ выработки секрета.

Это видно прежде всего изъ того, что во всей литературѣ бокаловидныхъ клѣтокъ нигдѣ еще не описаны клѣтки съ зернышками двухъ сортовъ въ своемъ секретѣ. Зернистое строеніе было прежде всего замѣчено Kölliker'омъ (13). Подробно это строеніе описано въ работахъ Schulze (24), Paneth'a (46), Bizzozero (54) и Galeotti (59).

Всѣ эти авторы говорятъ, что содержимое бокаловидныхъ клѣтокъ часто имѣетъ зернистое строеніе, но одинъ изъ нихъ не видалъ въ секретѣ зернышекъ двухъ родовъ; всегда эти зернышки окрашивались тѣми же красками въ тотъ же цвѣтъ, какъ и вся слизь.

Въ одномъ только случаѣ Paneth описываетъ въ нѣкоторыхъ бокаловидныхъ клѣткахъ голодавшей мыши зернышки, окрашенные сафраниномъ въ желтовато-красный цвѣтъ, которыя лежали на желтомъ фонѣ. Но тутъ же Paneth въ подстрочной сноскѣ объясняетъ это явленіе оптическимъ обманомъ, который происходитъ оттого, что только зернышки, лежація въ фокусѣ объектива, кажутся красными, между тѣмъ какъ остальные, лежація внѣ фокуса, кажутся желтыми. Вслѣдствіе этого получается впечатлѣніе, что красныя зернышки лежатъ на желтомъ фонѣ.

Кромѣ этого Galeotti (59) описываетъ въ бокаловидныхъ клѣткахъ тонкой кишки *Geotriton fuscus* появленіе мельчайшихъ зернышекъ, которыя сначала окрашиваются кислымъ фуксиномъ, а послѣ — метиленовой зеленью. Такія клѣтки также нельзя считать похожими на переходныя клѣтки, потому что зернышки появляются здѣсь въ тѣлѣ клѣтки, а не въ слизи. Кромѣ того эти зернышки окрашиваются въ молодой стадіи кислымъ фуксиномъ, а по мѣрѣ развитія теряютъ способность окрашиваться этой краской и окрашиваются метиленовой зеленью. Наконецъ, эти зернышки сливаются въ общую массу — слизь, которая также

окрашивается метиленовой зеленью. Значить, и въ этихъ клѣткахъ секретъ окрашивается въ одинъ только цвѣтъ.

Переходныя клѣтки нельзя считать особой стадіей секреціи слизистыхъ клѣтокъ еще въ силу того, что число переходныхъ клѣтокъ меньше всего какъ разъ во время усиленнаго новообразованія слизистыхъ клѣтокъ. При изслѣдованіи препаратовъ, фиксированныхъ приблизительно 6 часовъ послѣ кормленія животнаго, видны всевозможныя стадіи образованія слизи въ бокаловидныхъ клѣткахъ. Въ такихъ препаратахъ имѣется большое количество такъ называемыхъ „узкихъ клѣтокъ“, которыя представляютъ собою, по общепринятому теперь мнѣнію, опорожненныя слизистыя клѣтки. Далѣе имѣются узкія клѣтки съ небольшимъ комкомъ слизи на своемъ верхнемъ концѣ, затѣмъ имѣются болѣе широкія клѣтки, которыя содержатъ уже довольно большое количество слизи и, наконецъ, имѣются совсѣмъ готовыя бокаловидныя клѣтки.

Это данныя заставляютъ меня присоединиться ко мнѣнію Mölleg'a (64), который полагаетъ, что слизь непосредственно образуется въ „узкихъ клѣткахъ“. Этимъ онъ противорѣчитъ мнѣнію Paneth'a и Кульчицкаго, которые считаютъ вѣроятнымъ, что узкія клѣтки могутъ преобразоваться въ обыкновенныя цилиндрическія эпителиныя клѣтки.

Если бы переходныя клѣтки были особой стадіей секреціи бокаловидныхъ клѣтокъ, число ихъ было бы увеличеннымъ во время дѣятельнаго выработыванія секрета бокаловидными клѣтками. Между тѣмъ мы видимъ, что число переходныхъ клѣтокъ, напротивъ того, уменьшается въ это время.

Остается еще рассмотретьъ концевой продуктъ образованія переходныхъ клѣтокъ, именно клѣтки Paneth'a.

Форма этихъ клѣтокъ зависитъ отъ ихъ мѣстоположенія въ железахъ Lieberkühn'a; клѣтки, лежація на самомъ днѣ железъ, бываютъ пирамидной формы, между тѣмъ какъ клѣтки въ боковыхъ частяхъ железъ имѣютъ форму, болѣе похожую на цилиндрическую. Ядро клѣтки въ большинствѣ случаевъ притѣснено зернышками къ основанію; только въ не совсѣмъ наполненныхъ зернышками клѣткахъ ядра имѣютъ болѣе шарообразную форму. Около ядра почти всегда имѣется немного вещества клѣточного тѣла,

свободнаго отъ зернышекъ. Зернышки же заполняютъ обыкновенно большую часть клѣтки, хотя часто встрѣчаются клѣтки съ небольшимъ количествомъ зернышекъ. Величина зернышекъ колеблется еще сильнѣе, чѣмъ ихъ количество. Обыкновенно въ одной и той же клѣткѣ имѣются зернышки различной величины: маленькія зернышки имѣютъ діаметръ въ нѣсколько десятыхъ микропа ($0,1-0,8 \mu$), зернышки средней величины имѣютъ поперечникъ въ $1-2 \mu$, наконецъ, иногда попадаются отдѣльныя зернышки, величина которыхъ простирается отъ 3 до $4,5 \mu$ въ поперечникѣ. Эти величины относятся къ зернышкамъ клѣтокъ мыши и были измѣрены при помощи микрометрическаго окуляра Цейсса, провѣреннаго предметнымъ микрометромъ, и иммерсионнаго объектива въ $1,5 \text{ mm.}$ фокуснаго разстоянія.

Въ клѣткахъ Paneth'a семимѣсячнаго человѣческаго плода величина зернышекъ немного меньше. Здѣсь крупныя зернышки доходятъ только до 2μ въ поперечникѣ.

Зернышки клѣтокъ Paneth'a отличаются между собою не только по своей величинѣ, но также по своимъ химическимъ свойствамъ. Это вытекаетъ изъ того, что зернышки въ одной и той же железѣ окрашиваются въ различные цвѣта. При этомъ зернышки одной и той же клѣтки обыкновенно принимаютъ одинъ цвѣтъ, хотя довольно часто попадаютъ зернышки различныхъ цвѣтовъ въ одной клѣткѣ.

Это свойство подробно описано Möller'омъ (64), который находитъ тѣсную связь между величиной и окрашиваемостью зернышекъ съ одной стороны, и возрастомъ самой клѣтки съ другой стороны.

Möller замѣтилъ, что зернышки, фиксированныя жидкостью Korsch'a, окрашиваются смѣсью Ehrlich-Biondi въ желтый, зеленоватожелтый, темно-оливковозеленый и въ красный цвѣтъ.

Процессъ образованія секрета въ клѣткахъ Paneth'a Möller описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ обыкновенныхъ или протоплазматическихъ железистыхъ клѣткахъ сначала появляется нѣкоторое количество совсѣмъ маленькихъ зеренъ, которыя увеличиваются въ своемъ числѣ и объемѣ и, наконецъ, наполняютъ большую часть клѣтки, причемъ ядро, окруженное небольшимъ остаткомъ протоплазмы, отдѣняется къ основанію клѣтки. Вмѣстѣ

съ этимъ зернышки измѣняются въ своемъ химическомъ или физическомъ состояніи, какъ это доказываетъ ихъ измѣнчивое отношеніе къ краскамъ жидкости Ehrlich-Biondi.

„Мнѣ часто казалось, что болѣе молодыя зернистыя клѣтки содержатъ зеленыя, желтовато-зеленыя или желтыя зернышки, между тѣмъ какъ болѣе старыя содержатъ ярко-красныя зернышки; наконецъ самыя старыя клѣтки, которыя уже готовы опорожнить свое содержимое, содержатъ зернышки болѣе блѣдной красной окраски.“

Съ этимъ мнѣніемъ Möller'a я не могу согласиться на основаніи моихъ препаратовъ, въ которыхъ окрашиваемость зернышекъ нисколько не зависитъ отъ ихъ величины. Въ срѣзахъ тонкой кишки мыши, фиксированной жидкостью Korsch'a, при окраскѣ моимъ способомъ съ кроцеиномъ, зернышки клѣтокъ Paneth'a окрашиваются въ красный, оранжевый и желтый цвѣтъ. Наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются зернышки, которыя остаются неокрашенными.

Всѣ эти сорта зернышекъ бываютъ крупными и мелкими; даже въ одной и той же клѣткѣ имѣются крупныя и мелкія зернышки различныхъ сортовъ. Кромѣ того величина зернышекъ не находится въ зависимости отъ ихъ положенія въ клѣткѣ.

Наконецъ Möller'у противорѣчитъ еще то обстоятельство, что зернышки, выдѣляемая въ полость железы, имѣютъ также различную окрашиваемость. Секретъ, находящійся иногда въ полости железы, обыкновенно имѣетъ видъ гомогенной массы, къ которой примѣшаны зернышки. Зернышки эти выступаютъ не только изъ клѣтокъ Paneth'a, но также изъ нѣкоторыхъ переходныхъ клѣтокъ и окрашены то въ красный, то въ желтый цвѣтъ.

Клѣтки Paneth'a, выдѣлившія свои зернышки, нѣкоторое время имѣютъ видъ узкихъ клѣтокъ, ядра которыхъ сплющены и лежатъ параллельно длинной оси клѣтки. Въ верхнихъ частяхъ такихъ узкихъ клѣтокъ постепенно начинаютъ появляться зернышки, которыя увеличиваются въ своемъ числѣ и оттѣсняютъ ядро къ основанію. При этомъ видны различныя стадіи, которыя показываютъ, что зернышки появляются непосредственно въ клѣточномъ тѣлѣ узкихъ клѣтокъ.

Изъ этого вытекаетъ, что тѣ клѣтки Paneth'a, которыя

уже разъ выдѣлили свой секретъ, способны образовать вновь свои зернышки непосредственно, то есть не должны превращаться предварительно въ слизистыя клѣтки.

Въ этомъ имѣется нѣкоторое сходство съ обыкновенными слизистыми клѣтками, которыя послѣ выдѣленія секрета, также преобразуются въ узкія клѣтки, и изъ нихъ опять дѣлаются слизистыми, причемъ узкія клѣтки не переходятъ предварительно въ обыкновенныя цилиндрическія клѣтки.

Съ цѣлью лучше прослѣдить секрецію железистыхъ клѣтокъ тонкой кишки, я поставилъ опыты съ мышами, которыя послѣ 2-хъ суточного голоданія откармливались своей обыкновенной пищей втеченіе одного часа, послѣ чего пища удалялась. Благодаря этому я могъ фиксировать кишку голодавшего животнаго и кишку въ различныхъ стадіяхъ пищеваренія, начиная съ одного часа послѣ послѣдняго приема пищи и кончая 12-ю часами.

Эти опыты отчасти подтверждаютъ наблюденія Paneth'a (46), который говоритъ, что ему путемъ голоданія и кормленія не удавалось вызвать у мышей усиленнаго опорожненія зернистыхъ клѣтокъ или ихъ новообразованія.

Все же мнѣ кажется, что въ кишкѣ, фиксированной во время пищеваренія или начала голоданія, клѣтки Paneth'a содержатъ большое число зернышекъ, окрашенныхъ въ оранжевый цвѣтъ. Это не можетъ зависѣть отъ случайной окраски, потому что между этими оранжевыми зернышками встрѣчаются въ меньшемъ числѣ и красныя зернышки.

Число клѣтокъ Paneth'a въ такихъ препаратахъ мнѣ также кажется меньшимъ, чѣмъ въ кишкѣ голодавшего животнаго.

Особенно рѣзко мѣняется число переходныхъ клѣтокъ. Эти клѣтки имѣются въ довольно большомъ количествѣ въ кишкѣ голодавшихъ животныхъ и почти совсѣмъ не встрѣчаются въ кишкѣ во время пищеваренія. Появляются же онѣ въ увеличенномъ количествѣ только съ 12-го часа послѣ принятія пищи.

Результаты изслѣдованій.

1. Въ железахъ Lieberkühn'a тонкой кишки голодавшей мыши имѣется большое число переходныхъ формъ между бокаловидными клѣтками и клѣтками Paneth'a.

2. Такія же переходныя формы встрѣчаются въ тонкой кишкѣ семимѣсячнаго человѣческаго плода.

3. Въ эмбриональномъ развитіи тонкой кишки мыши сначала между обыкновенными цилиндрическими клѣтками появляются бокаловидныя клѣтки, затѣмъ развиваются переходныя формы, и наконецъ лишь образуются клѣтки Paneth'a.

4. Клѣтки Paneth'a образуются путемъ постепеннаго измѣненія нѣкоторыхъ, можетъ быть особенно къ этому предрасположенныхъ, бокаловидныхъ клѣтокъ.

5. Вѣроятно, что клѣтки Paneth'a собираются на днѣ железъ Lieberkühn'a вслѣдствіе постепеннаго передвиженія переходныхъ клѣтокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми цилиндрическими клѣтками изъ боковыхъ частей железы къ ея дну. Эти молодыя цилиндрическія клѣтки могутъ еще около самаго дна железы преобразоваться въ клѣтки Paneth'a, путемъ нѣсколько ускореннаго перехода.

6. На ворсинкахъ 7-ми мѣсячнаго человѣческаго плода встрѣчаются не только всѣ стадіи переходныхъ клѣтокъ, но даже настоящія клѣтки Paneth'a.

- 7. На ворсинкахъ голодавшей мыши встрѣчаются только молодыя переходныя формы.

8. Бокаловидныя клѣтки въ тонкой кишкѣ мыши возрождаются непосредственно изъ „узкихъ клѣтокъ“.

9. Клѣтки Paneth'a, которыя уже разъ выдѣлили свой секретъ, способны возрождаться и образовать зернышки, не превращаясь предварительно въ слизистыя клѣтки.

10. Число и величина клѣтокъ Paneth'a мало зависятъ отъ физиологическаго состоянія кишечника.

11. Число переходныхъ клѣтокъ находится въ тѣсной зависимости отъ фізіологическаго состоянія кишечника. Переходныхъ клѣтокъ много въ состояніи голоданія и очень мало во время пищеваренія.

Указатель литературы.

1. M. Malpighi. De structura glandularum conglobatarum epistola 1688.
2. Lieberkühn. Dissertatio anatomico physiologica de fabrica et actione villorum intestinorum tenuium. 1745.
3. Galeati. Commentarii Acad. Bononiensis. 1748.
4. v. Haller. Elementa physiologiae corporis humani. Lausanne. 1760.
5. R. A. Hedwig. Disquisitio ampullularum Lieberkuhni physico-microscopica. Lips. 1797.
6. K. A. Rudolphi. Grundriss der Physiologie. Berlin. 1828.
7. L. Böhm. De glandularum intestinalium structura penitiori. Inaug.-Dissert. Berlin. 1835.
8. J. Henle. Symbolae ad anatomiam vill. intestinorum. Berlin. 1837.
9. Gruby et Delafond. Resultats des recherches faites sur l'anatomie etc. Compte rendus Bd. XVI. 1843.
10. Frerichs. Artikel Verdauung in Wagner's Handwörterbuch. Bd. III, Abt. I. 1846.
11. F. Leydig. Ueber die Haut einiger Süßwasserfische. Zeitschr. f. wiss. Zoologie. Bd. III. 1851.
12. A. v. Kölliker. Mikroskopische Anatomie. Leipzig Bd. II. 1852.
13. A. v. Kölliker. Nachweis eines besonderen Baues der Zylinderzellen des Dünndarms, der zur Fettresorption in Bezug zu stehen scheint. Würzburger Verhandlungen. Bd. VI. 1856.
14. Todd und Bowman. The physiological anatomy and the physiology of man. Vol. II. London 1856.
15. Donders. Physiologie des Menschen. Leipzig. 1859.
16. Wiegandt. Untersuchungen über das Dünndarmepithelium und dessen Verhältniss zur Schleimhautstroma. Diss. Dorpat. 1860.

17. J. Henle. Anatomie B. II. Eingeweidelehre. 1862.
18. O. Funke. Lehrbuch der Physiologie. Leipzig. 1863.
19. Oedmannson. Studier öfver epiteliernas byggnad. Utdrag ur bref, meddelat of Prof. E. A. Key. 1863.
20. Dönitz. Ueber die Schleimhaut des Darmkanals. Reichert's Archiv. 1864.
21. Dönitz. Ueber die Darmzotten. Reichert's Archiv. 1866.
22. J. A. Fles. Onderzolkingen over de histologische Zamenstelling der vlokjes het Darmkanal. Utrecht 1866.
23. L. Letzterich. Ueber die Resorption der verdauten Nährstoffe (Eiweisskörper und Fette) im Dünndarm. Virchow's Archiv. Bd. XXXVII. 1866.
24. F. E. Schulze. Epithel- und Drüsenzellen. Archiv für mikr. Anatomie Bd. III. 1867.
25. C. Erdmann. Beobachtungen über die Resorptionswege in der Schleimhaut des Dünndarms. Diss. Dorpat. 1867.
26. J. Sachs. Zur Kenntniss der sogenannten Vacuolen oder Becherzellen im Dünndarm. Virchow's Archiv. Bd. XXXIX. 1867.
27. C. Arnstein. Ueber Becherzellen und ihre Beziehung zur Fettresorption und Secretion. Virchow's Archiv. Bd. XXXIX. 1867.
28. L. Letzterich. Ueber die Resorption verdauter Nährstoffe (Eiweisskörper und Fette) im Dünndarm. Virchow's Archiv. Bd. XXXIX. 1867.
29. Lipsky. Beiträge zur Kenntniss des feinen Baues des Darmkanals. Sitzungsber. der Wiener Academie. Bd. LV, Abt. I. 1867.
30. E. Fries. Ueber die Fettresorption und die Entwicklung der Becherzellen im Dünndarm. Virchow's Archiv, Bd. L. 1867.
31. Th. Eimer. Zur Fettresorption und zur Entstehung der Schleim- und Eiterkörperchen. Virchow's Archiv. Bd. XXXVIII. 1867.
32. G. Schwalbe. Beiträge zur Kenntniss der Drüsen in den Darmwandungen, insbesondere der Brunnerschen Drüsen. Archiv f. mikr. Anat. Bd. VIII. 1872.
33. J. Henle. Handbuch der Eingeweidelehre des Menschen. Braunschweig 1873.
34. C. Toldt. Lehrbuch der Gewebelehre. Stuttgart 1877.
35. L. Edinger. Ueber die Schleimhaut des Fischdarms. Archiv. f. mikr. Anatomie, Bd. XIII. 1877.
36. E. Klein. Observationes on the structure of cells and nuclei. Quart. journal of microsk. science V. XVIII 1878.

37. G. Klose. Beiträge zur Kenntniss der tubulösen Darmdrüsen. Inaug.-Dissert. Breslau 1880.
38. F. Hoppe-Seyler. Physiologische Chemie. Berlin 1881.
39. v. Vittich. Physiologie der Aufsaugung, Lymphbildung und Assimilation. Hermann's Handbuch der Physiologie Bd. V, Theil II. 1883.
40. Th. Eimer. Neue und alte Mittheilungen über Fettresorption im Dünndarm und Dickdarm. Biolog. Centralblatt. Bd. IV. 1884.
41. J. H. List. Ueber Becherzellen. Arch. f. mikr. Anat. Bd. XXVII. 1886.
42. W. Biedermann. Zur Histologie und Physiologie der Schleimsecretion. Sitzungsberichte der Wiener Acad. d. Wiss. XCIV. 1886.
43. Ph. Stöhr. Ueber Schleimdrüsen. Festschrift zu A. v. Köllikers 70. Geburtstag. Leipzig 1887.
44. L. Ranvier. Le mécanisme de la sécrétion. Journ. de micrographie. 1887.
45. G. Bizzozero. Ueber die Regeneration der Elemente der schlauchförmigen Drüsen und des Epithels des Magendarmkanals. Anatom. Anzeig. Bd. 3. 1888.
46. J. Paneth. Ueber die secernierenden Zellen des Dünndarmepithels. Arch. f. mikr. Anatomie. Bd. XXXI. 1888.
47. R. Heidenhain. Beiträge zur Histologie und Physiologie der Dünndarmschleimhaut. Pflügers Arch. Bd. XLIII. 1888.
48. H. Hoyer. Ueber den Nachweis des Mucins in Geweben mittelst der Färbemethode. Arch. f. micr. Anat. Bd. 36. 1890.
49. В. Н. Ланковскій. Слизистая (бокаловидная) клітка, ея строеніе, жизнєдѣятельность, происхождение и увяданіе. Диссертация. С. Петербургъ 1891.
50. J. Schaffer. Beiträge zur Histologie menschlicher Organe. Wiener Sitzungsberichte. Bd. C. Math.-naturw. Klasse. Abth. III. 1891.
51. A. Nicolas. Rescherches sur l'épithélium de l'intestin grêle. Internat. Monatschrift für Anat. u. Physiol. Bd. VIII. 1891.
52. G. Bizzozero. Ueber die schlauchförmigen Drüsen des Magendarmkanals und die Beziehungen ihres Epithels zu dem Oberflächenepithel der Schleimhaut. 2. Mittheilung. Arch. f. mikroskopische Anatomie Bd. 40. 1892.
53. Ph. Stöhr. Verdauungs-Apparat. Ergebnisse der Anatomie u. Entwicklungsgeschichte. Bd. I. 1892.
54. G. Bizzozero. Ueber die schlauchförmigen Drüsen des Ma-

- gendarmkanals und die Beziehungen ihres Epithels zu dem Oberflächenepithel der Schleimhaut. 3. Mitteilung. Arch. f. mikroskopische Anatomie. Bd. 42. 1893.
55. H. Struiken. Beiträge zur Histologie und Histochemie des Rectumepithels und der Schleimzellen. Inang.-Dissert. Freiburg. 1893.
56. A. v. Brunn. Verdauungsorgane. Ergebnisse der Anatomie u. Entwicklungsgeschich. Bd. III. 1894.
57. A. Majewski. Ueber die Veränderungen der Becherzellen im Darmkanal während der Secretion. Intern. Monatschr. f. Anat. u. Physiol. Bd. 11. 1894.
58. C. Sacerdotti. Ueber die Entwicklung der Schleimzellen des Magendarmkanals. Intern. Monatsschr. f. Anat. u. Physiol. Bd. 11. 1894.
59. G. Galeotti. Ueber die Granulationen in den Zellen. Intern. Monatsschr. f. Anat. u. Physiol. Bd. 12. 1895.
60. Ph. Stöhr. Lehrbuch der Histologie und der mikroskopischen Technik. 7. Auflage. 1896.
61. A. Oppel. Lehrbuch der vergleichenden mikroskopischen Anatomie der Wirbeltiere. Bd. II. 1897.
62. N. Kultschitzky. Zur Frage über den Bau des Darmkanals. Arch. f. mikr. Anat. Bd. 49. 1897.
93. K. Zimmermann. Beiträge zur Kenntniss einiger Drüsen und Epithelien. Arch. f. mikr. Anat. Bd. 52. 1898.
64. W. Möller. Anatomische Beiträge zur Frage von der Sekretion und Resorption in der Darmschleimhaut. Zeitschr. f. wiss. Zoolog. Bd. 66. 1899.
65. C. E. Bloch. Die Säuglingsatrophie und die Panethschen Zellen. Jahrb. d. Kinderheilk. Bd. 59. 1904.
66. J. E. Schmidt. Beiträge zur normalen und pathologischen Histologie einiger Zellarten der Schleimhaut des menschlichen Darmkanals. Archiv f. mikr. Anatomie. Bd. 66. 1905.
67. S. Klein. On the Nature of the granule cells of Paneth intestinal glands of Mammals. American Journ. of Anat. Vol. 5. № 3. 1906.
68. A. Oppel. Verdauungs-Apparat. Ergebnisse der Anatomie und Entwicklungsgeschichte. Bd. XVI. 1907.
69. A. Trautmann. Zur Kenntniss der Panethschen Körnchenzellen bei den Säugetieren. Arch. f. mikr. Anatomie. Bd. 76. 1910—11.

Объяснение микрофотографій и рисунковъ.

Микрофотографіи 1 и 5 сняты апохроматомъ 4 mm. 0,95 Цейсса и проекціоннымъ окуляромъ 4. Длина камеры 80 см. Увеличеніе 800.

Микрофотографіи 2, 3 и 4 сняты апохроматомъ 3 mm. аперт. 1,30 Цейсса и проекціоннымъ окуляромъ 4. Длина камеры 75 см. Увеличеніе 1000.

Микр. 1. Железа Lieberkühn'a мыши, содержащая переходную клѣтку съ маленькими зернышками въ слизи.

Окраска гематоксилиномъ, кроцеиномъ и ауранціей.

Микр. 2—5 сняты съ препаратомъ 7-ми мѣсячнаго человеческого плода. Окраска гематоксилиномъ, Victoriablau и эозиномъ.

Микр. 2. Старая переходная клѣтка съ небольшимъ количествомъ слизи въ верхней части клѣтки.

Микр. 3. Переходная клѣтка средняго возраста, содержащая приблизительно одинаковое количество слизи и зернышекъ.

Микр. 4. Молодая переходная клѣтка съ небольшимъ количествомъ слизи въ верхней части клѣтки.

Микр. 5. Клѣтка Paneth'a на ворсинкѣ. Рядомъ лежитъ верхняя часть железы Lieberkühn'a.

Рисунки А, С и D рисованы при увеличеніи въ 1500 разъ, а рисунокъ В — при увеличеніи въ 2000 разъ.

Рис. А. Рядъ переходныхъ формъ между бокаловидной клѣткой и клѣткой Paneth'a у голодающей мыши (Порядокъ клѣтокъ соответствуетъ приблизительно ихъ расположенію въ железахъ Lieberkühn'a). Окраска гематоксилиномъ, кроцеиномъ и ауранціей.

„ 1. Клѣтка Paneth'a, лежащая на самомъ днѣ железы.

„ 2. „ „ лежащая на боковой стѣнкѣ железы.

„ 3—9. Переходныя формы.

„ 10. Бокаловидная клѣтка.

Рис. В. Рядъ переходныхъ формъ между бокаловидной клѣткой и клѣткой Paneth'a у 7-ми мѣсячнаго человеческого плода. Окраска гематоксилиномъ, Victoriablau и эозиномъ.

„ 1. Клѣтка Paneth'a, лежащая на самомъ днѣ железы.

„ 2. „ „ лежащая на боковой стѣнкѣ железы.

„ 3. „ „ лежащая на ворсинкѣ.

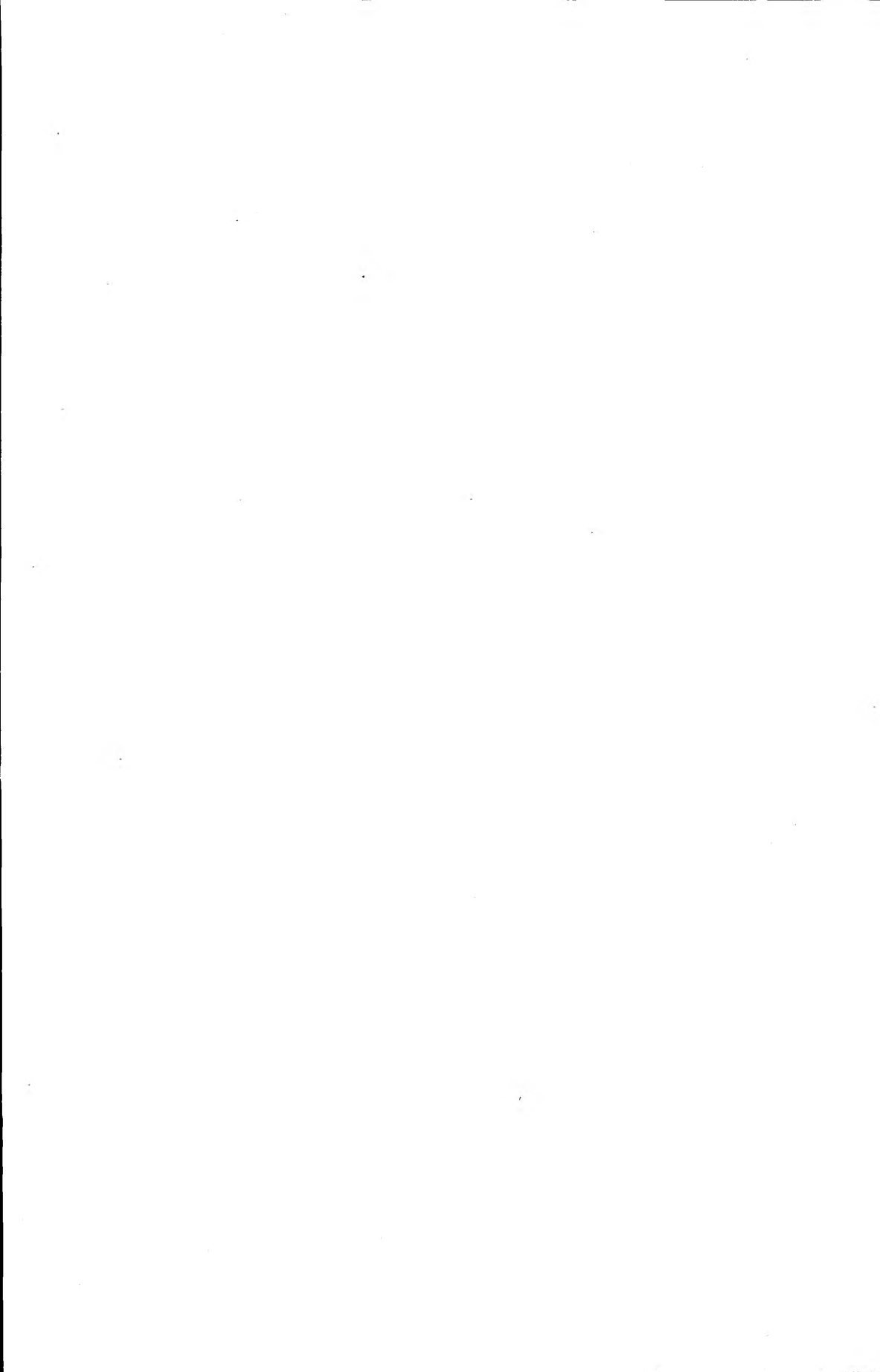
Р и с. 4—9. Переходныя формы.

„ 10. Бокаловидная клѣтка.

Р и с. С. Рядъ переходныхъ клѣтокъ въ глубинѣ железъ Lieberkühn'a голодающей мыши. Окраска какъ А.

Р и с. D. Переходная клѣтка на основаніи ворсинки голодающей мыши. Окраска какъ А.

Р и с. D. Переходная клѣтка на основаніи ворсинки голодающей мыши. Окраска какъ А.

лицъ (*nomina agentis*), какъ лат. *bib-ulus* „пьющій, пьяница“, *cred-ulus* „довѣрчивый“, *trem-ulus* „дрожащій“, откуда произошли такія славянскія и армянскія причастія на *-lo-, какъ др.-сл. *несль* (късмь) и арм. *gereal* (em) „я взялъ“, и армянское неопредѣленное наклонение *gerel* „братъ“.

Наконецъ, тотъ же суффиксъ образовывалъ уменьшительныя имена: *agel-lu-s* отъ *ager* „поле“; *porcu-lu-s* „поросеночекъ“, лит. *parszė-l-(is)*, др.-вр.-нѣм. *farhe-l-i*.

12. Суффиксъ *-et- (*-ed-). — Суффиксъ *-et- главнымъ образомъ играетъ роль распространителя основъ, чаще всего основъ съ нулевымъ суффиксомъ, въ скр. *stú-t-* „прославление“, зд. *stū-t-* „прославляющій“; скр. *sraṇ-át-* „рѣка“; гр. *ϑη-τ-* „наемникъ“; скр. (*bhāra-*) *bhṛ̥-t-* „носящій (тяжести)“; гр. *(ἀ-)γώ-τ-* „незнающій“; или другія основы: скр. *daśá-t-* „десятокъ“, др.-сл. *дѣсѣ-т-*, лит. *deszim-t-* или съ суфф. *-d- гр. *δεκά-δ-*; гр. *βαρυ-τά-τ-* (*βαρύτης* „тяжесть“) при скр. *gurutā* „тяжесть“; скр. *sarvā-tā-t-*, зд. *haurva-tā-t-* „нетронутость“, гр. *ὄλ(F)ο-τᾶ-τ-* (*ὄλότης*) происшедшее отъ основы **solwo-tā-*, и т. д., и т. д.

Трудно поддаются анализу основы:

лат. *nos-t-* (*nox, noctis*) „ночь“; гр. *νύξ, νυκτός*; гот. *nahts*, др.-лит. род. п. мн. ч. *naht-ų*;

скр. *nāp-āt* „внукъ“; лат. *nepōs, nepōtis*; др.-лит. *perotis*; др.-ирл. *niae*, род. п. ед. ч. *niath* „племянникъ“.

13. Суффиксъ *-to- (*-do-). — Ударяемый суффиксъ *-tó- присоединяется къ корню съ нулевой ступеню вокализма для образованія прилагательныхъ:

скр. *ṣru-tá-ḥ* „слышанный“, зд. *srutō*, гр. *κλυτός* „славный“, лат. (*in-*) *clutus*, др.-врх.-нѣм. *Plot-(hari)* „Лотарь“ („имѣющій славное войско“).

скр. *syū-tá-ḥ* „сшитый“, лит. *siú-ta-s*, др.-сл. *ши-тъ* (изъ **сѣм-тъ*), лат. *sū-tu-s*, гр. *καττῦ-τός* (изъ **κατ-συῦ-τος*).

Этотъ типъ образованій представленъ многочисленными примѣрами.

Тотъ же суффиксъ образуетъ производныя имена, обозначающія обладаніе: лат. *sceles-tu-s* „преступный“ отъ *scelus* „преступление“; *barbā-tu-s* „бородатый“ отъ *barba* „борода“, ср. др.-слав. *бръдѣ-тъ* отъ *брѣда* и лит. *barzdó-ta-s*

„бородатый“ отъ *barzdā*; гр. *κωντω-τός* „снабженный багромъ“ отъ *κωντός* „багоръ“; лит. *kalnū-ta-s* „холмистый“, отъ *kálnas* „холмъ“ (слѣдуетъ обратить вниманіе на *o въ *κωντωτός*, *kalnūtas*); гот. *(un-)qeni-ḥ-s* „неженатый“, и т. д.

Эти два типа употребленія нашего суффикса вполне совпадаютъ съ такими же типами употребленія суффикса *-no- (см. стр. 221 сл.); напр. лат. *fissus* (изъ и.-е. **bhit-to-s*) „разсѣченный“ соотвѣтствуетъ скр. *bhinnaḥ*, и лат. *selestus* греческому *ἀλγεινός*.

Есть также существительныя на *-to- съ кореннымъ вокализмомъ *o и съ удареніемъ на корнѣ: гр. *φόρ-τος* „тяжесть“ рядомъ съ *φέρω*; *νόσ-τος* „возвращеніе“ рядомъ съ *νόσμαι* (основа **песе-*); *κοί-τος* „кровать, ложе“ рядомъ съ *κεῖμαι*; др.-прусс. *dalp-ta-n*, др.-сл. *дл-то* „долото“; др.-прусс. *paп-to* (жен. р.) „путы“, др.-сл. *пж-то* (серб. *пѣто*) рядомъ съ др.-сл. *пати* и т. д. Нѣкоторыя слова имѣютъ иной вокализмъ, какъ гр. *κάμα-τος* „усталость“ и др.-сакс. *morth* „убійство“; эти имена могутъ также соотвѣтствовать индо-иранскимъ именамъ на *-tha-, какъ скр. *uk-thá-m*, зд. *ух-дэ-м* „слово“. Существительныя на *-to- (или *-tho-) по значенію и по формѣ вполне соотвѣтствуютъ типу **swop-no-*, **sup-no-*, упомянутому на стр. 221 и сл. — Какъ вторичный, суффиксъ этотъ образуетъ также и существительныя: др.-сл. *живо-тъ*, гр. *βίο-τος*; особенно въ женскомъ родѣ: лит. *gyva-tà* „жизнь“, лат. *uī-ta* (изъ **uiuo-tā*), гр. *βίο-τή*.

Форма *-eto- засвидѣтельствована такими словами, какъ гр. *ἔρπ-ετό-ν* „пресмыкающееся“; галл. *nem-eto-n*, др.-ирл. *nem-ed* „святилище“; а форма *-oto- — готскимъ *paq-aḥ-s* „голый“.

Параллельно чередованію *-t-: *-d- въ скр. *daśát-:* гр. *δεκάδ-*, мы наблюдаемъ и чередованіе *-to-: *-do-; таковы лит. *tvir-ta-s* „твердый“ и др.-сл. *тврѣ-дѣ*; гот. *paq-aḥ-s* „голый“ и лат. *nūdus* (изъ **noḡ^w-ēdos*); суффиксъ *-do- латинскаго *for-da* „стельная (корова)“ мы находимъ и въ др.-сл. производномъ *връжда* (изъ **bhe ə-d-yā*) „беременная“. Латинскій языкъ имѣетъ цѣлый рядъ образованій этимъ суффиксомъ: *calidus* „теплый“, *horridus* „шероховатый“ и т. д.

14. Суффиксъ *-ko-. — Суффиксъ *-ko- представляетъ тематическую форму суффикса *-ek-: скр. *maḡa-ká-ḥ*

„человѣкъ“ слѣдуетъ сближать съ гр. μεῖραξ „юноша“, др.-сл. **новакъ** съ гр. νέ(F)αξ „юноша“; скр. ánta-ka-h „конечный“ есть производное отъ ántah „конецъ“; др.-сл. **нно-къ**, гот. aína-h-s, лат. ūni-cu-s, отъ и.-е. *oino- „одинъ“; др.-сл. **кратъ-къ**, отъ основы *kortu-, ср. лит. kartùs „горькій“; гр. θῆλυ-κός „женскій“, φυσι-κός „природный“ и т. д. ясны по своему составу; особо слѣдуетъ отмѣтить *-sko- въ гр. παιδί-σκο- „мальчишка“, гот. ƿiudī-sk-s „языческій“ и т. д.

15. Суффиксы *-ues- (*-īues) и *-istho-. — Это первичные суффиксы, служащіе для образования сравнительной и превосходной степени; ударяемый корень имѣетъ вокализмъ *e: скр. vās-yas-, зд. vañh-yah- „лучшій“, атт. вин. п. ед. ч. ὀλεῖζω (-ω изъ -οα, древняго *-osn) „меньше“; др.-сл. **горьшь** „хуже“; скр. svād-īyas- „слаще“, атт. вин. п. ед. ч. ἡδ-ίω; лат. -iōr- въ словахъ suāu-iōr „слаще“, sen-iōr „старше“ и т. д. можетъ отражать и *-yōs- и *-īyōs-. Германскій языкъ имѣетъ суффиксъ *-ues- только въ формѣ безъ *e, *-is- со слѣдующимъ вторичнымъ суффиксомъ *-en-: гот. sūt-iz-an- „слаще“, точно соотвѣтствующее іонической основѣ ἡδ-ι-ον-; аттическое противуположеніе основы на *-īyos- *-is-on- въ другихъ падежахъ (род. ед. ἡδῖονος и т. д. съ ī въ вин. п. ед. ч. ἡδῖω и въ им. п. мн. ч. ἡδῖους, основѣ на по образцу ἡδῖω, ἡδῖους) отражаетъ, какъ мы увидимъ ниже, индо-европейское состояніе.

Вокализмъ и мѣсто ударенія могутъ быть пояснены слѣдующими примѣрами:

скр. ur-ú „широкій“	vár-īyas- „шире“
dū-rá- „далекій“	dáv-īyas- „дальше“
tig-má- „острый“	téj-īyas- „острѣе“
náv-a- „новый“	náv-yas- „новѣе“
зд. asnāṭ „близко“	nazd-yah- „ближе“
(изъ *nzd-na-)	
гр. ὀλίγος „немногій“	ὀλεῖζων „меньше (числомъ)“
κράτῶς, κρατερός „сильный“	іон. κρέσσων (изъ *κρετ-υων) „сильнѣе“

Эти слова не происходятъ отъ соотвѣтствующихъ прилагательныхъ, но восходятъ непосредственно къ корнямъ; это не сравнительныя степени, но своего рода усилительныя

формы: вед. *yáj-īyas-* означает „особенно хорошо приносящий жертву“.

Превосходная степень на **-istho-* произошла из предыдущих основ прибавлением суффикса **-tho-*; таковы скр. *svād-iṣṭha-* „самы сладкий“, гр. ἡδ-ιστο-ς, др.-врх.-нѣм. *suoz-isto*.

16. Суффиксы **-tero-*, **-toro-*, **-tro-*. — Вторичный суффикс **-tero-* обозначает противуположение двух предметов, так напр.

основа **k^wo-*: скр. *ka-tará-* „который (из двух)“, гр. *πό-τερο-ς*, гот. *hwa-ṭar*, др.-сл. *ко-терын, ко-торын*, лит. *ka-trà-s*, лат. *u-ter*.

лат. *al-ter*, ср. *alius*; гр. ἕτερος, ἄτερος; ср. совершенно другое значение слова ἄλλος и т. д. (см. стр. 219 сл.).

скр. *án-tara-* „внутренний“, гр. ἔν-τερο-ν „внутренность“, лат. *interior* (съ прибавлением суффикса *-ior*, сдѣлавшагося въ лат. языкѣ знакомъ всякой сравнительной степени).

Старое значение суффикса сохранилось, напр., въ слѣдующихъ словахъ элейской надписи: *ματε ἐρσενατεραν ματε θηλυτεραν* „ни самца ни самки“; скр. *aḥva-tará-* „мулъ“ обозначает животное, похожее на лошадь, но противупологаемое лошади; лат. *māter-tera* „сестра матери“ — лицо близкое къ матери, но противупологаемое ей, и т. д. Благодаря этому значению суффикс **-tero-* сталъ вторичнымъ суффиксомъ сравнительной степени въ греческомъ и индоиранскомъ: гр. *ὠρό-τερο-ς* отъ *ὠρός* „сырой“, скр. *āshá-tarā* отъ *āshá* „сырой“; въ ирландскомъ этотъ суффиксъ принялъ особое значение сравнительной степени равенства, напр. *soir-bithir* „столь же легкій“ къ *soirb* „легкій“; старинное значение сравнительной степени здѣсь было не „болѣе сырой“, а „сырой“ въ сравненіи съ тѣмъ, что не сыро: гр. *ὄρεσ-τερο-ς* не значитъ „болѣе гористый“, но просто „гористый“ въ противуположность „низменный“.

Суффикс **-tero-* состоитъ изъ двухъ суффиксовъ: **-t(o)-* и **-ero-*; соотвѣтствующій суффиксъ, обозначающій противуположение многимъ предметамъ имѣетъ въ первой части тотъ же суффиксъ **-to-*, а во второй элементъ **-mo-*:

скр. *ka-tamá-* „который (изъ многихъ)“, лат. *quo-tum-u-s*.

скр. *án-tama-ḥ* „внутренний“, лат. *in-tim-u-s*.

Лат. *ul-tim-u-s* означает такимъ образомъ „последній (изъ всѣхъ)“ и *fini-tim-u-s* „самый крайній“.

17. Суффиксъ **-ter-* (и **-təl-*). — Этотъ суффиксъ, образующій имена дѣйствующихъ лицъ, является въ греческомъ въ двухъ формахъ *-тор-* (им. п. ед. ч. *’-τωρ*, род. *’-τορος*) и *-τήρ-* (им. п. *-τήρ*, род. *-τήρος*), въ женскомъ родѣ *-τειρα* (изъ **тер-уā*); въ латинскомъ въ формѣ *-tōr-*, женск. родъ *-tr-i-x*; въ славянскомъ, наоборотъ, въ формѣ *-tel-* (распространенной суффиксомъ *-je-* въ единственномъ числѣ); *r* въ индо-иранскомъ *-tar-* (скр. им. п. ед. ч. *-tā*, вин. п. *-tāraṃ*, дат. п. *-tr-e*) можетъ отражать или и.-е. **r* или **l*. Корень имѣлъ вокализмъ **e*; въ двусложныхъ корняхъ ступень **e* имѣетъ первая часть корня; мѣсто ударенія — неопредѣленно и, повидимому, измѣнялось въ различныхъ формахъ:

скр. *janī-tā* „родитель“, гр. *γενε-τήρ* (*γενετήρος*), *γενέ-τωρ* (*γενέτορος*), лат. *geni-tor*.

скр. *boddhā* „наблюдатель“, гр. **πευστηρ* (въ *πευστήριος* „испытательный“), др.-сл. *блюстель*.

Противуположность вокализма **e* и нулевого вокализма въ корнѣ въ греч. *δῶτωρ*, *βῶτωρ* „пастухъ“, *ἐπι-βήτωρ* „всходящій“ и *δοτήρ*, *βοτήρ* и *βατήρ* не случайна, такъ какъ подобную же противуположность мы находимъ и въ *λειμών* „лугъ“ и *λιμήν* „гавань“, *ἄετμα* и *ἀυτμήν* „дыханіе“.

18. Суффиксы **-tro-* (**-tlo-*) и **-dhro-* (**-dhlo-*). — Обѣ формы суффикса **-tro-* и **-tlo-* обозначаютъ орудіе и являются тематическими формами предшествующихъ суффиксовъ: скр. *śān-tra-ḥ*, зд. *ma-θrō* „религіозная формула, молитва“ и лит. *(pa-)šėĩ-kla-s* „памятникъ“ нельзя отдѣлять отъ скр. *man-tā* „мыслитель“ (основа *śān-tar-*): тотъ же вокализмъ корня **e*, удареніе также на корнѣ; точно также рядомъ съ *φρό-τρα-σ* „ухо“ стоитъ *φρό-τᾶ* „слушатель“ (основа *φρό-tar-*); греческій языкъ имѣетъ только *-tro-*: *λέχ-τρο-ν* „ложе“, *νίπ-τρο-ν* „вода для умыванія“ и т. д.; славянскій языкъ сохранилъ слѣдъ суффикса **-tro-* въ словѣ *въ-трѣ*; литовскій имѣетъ **-tlo-*, отражающееся въ видѣ *-kla-*: *žėn-kla-s* „знакъ“ (двусложный корень, см. выше стр. 134; въ др.-прус. группа *-tl-* остается безъ измѣ-

ненія, напр. въ производномъ *-sentliuns* „обозначенный“); латинскій языкъ имѣетъ двѣ формы: *rōstru-m* „клювъ, носъ корабля“ и *fer-culu-m* „носилки“; то же въ ирландскомъ: *crīathar* „грохотъ“ и *cē-tal* „пѣніе, пѣсня“ (изъ **kan-tlo-*), и въ германскомъ: гот. *smair-þr* „жиръ“ и др.-врх.-нѣм. *sta-dal* „сарай“. Отсюда понятно, что у одного и того же слова мы можемъ встрѣтить обѣ формы суффикса: гр. *ἄρο-τρο-ν* „плугъ“, арм. *arawr* (изъ **arā-tro-*), лат. *arā-tru-m*, но лит. *ār-kla-s*.

Другой суффиксъ того же значенія **-dhro-*, **-dhlo-* представленъ такими словами какъ лат. *crī-bru-m* „сито, цѣдилка“ и *sta-bulu-m* „стойло“ (при ирл. *crīathar* „грохотъ“ и др.-вр.-нѣм. *stadal*) и т. д.; гр. *γένε-θλο-ν* „отродье, родъ“, *χύ-τλο-ν* „жидкость“ (изъ **χύθλον*, путемъ диссимиляціи) и т. д.; чешск. *rá-dlo* (др.-сл. *рлo*) „плугъ“; и т. д.

19. Суффиксъ **-tei-*. — Суффиксъ **-tei-* образуетъ имена дѣйствій (*nomina actionis*), съ нулевымъ вокализмомъ корня; мѣсто ударенія, повидимому, мѣнялось въ различныхъ падежахъ:

скр. *gá-ti-ḥ* и *ga-tí-ḥ* „приходъ“, гот. *(ga-)qum-þ-s*, гр. *βá-σι-ς*; можетъ быть и лит. *(pri-)gimtis* „врожденное качество“ (ср. лит. *giṁti* „рождаться“, дословно „приходить“?).

скр. *bhr-tí-ḥ* „несеніе“, гот. *(ga-)baur-þ-s* „рожденіе“ (изъ **bhr̥-tēi-*), др.-вр.-нѣм. *(gi-)bur-t* „рожденіе“ (изъ **bhr̥-tēi-*), др.-ирл. *bri-th* (неопредѣл. накл.) „нести“.

Въ латинскомъ этотъ суффиксъ представленъ только отдѣльными словами, имѣющими измѣненный видъ, какъ напр. *mēns* „умъ“ при скр. *mátīḥ*, *matíḥ* „мысль“: въ обычномъ употребленіи мы встрѣчаемъ форму, распространенную еще элементомъ *-ōn-*, какъ *mentīō*, *mentīōnis* „упоминаніе“; *(con-)ventīō* „договоръ“ при скр. *gátīḥ*, *gatíḥ*, и т. д.; то же мы встрѣчаемъ въ ирландскомъ и армянскомъ.

Тотъ же суффиксъ **-tei-* часто бываетъ вторичнымъ, какъ въ скр. *pañk-tí-ḥ* „пятерка“, др.-сл. *пять*; лат. *sēmen-tis* „посѣвъ“; др.-сл. *жос-ть*, др.-вр.-нѣм. *angus-t* „тревога“ при основахъ на **-s-*, скр. *amhaḥ* и лат. *angor* „удушье“, *angus-(tus)* „узкій“.

20. Суффиксъ *-teu-. — Суффиксъ *-teu- образуетъ также nomina actionis, но такія, въ которыхъ идея дѣйствія подчеркивается съ большою силою; скр. gán-tu-ḥ обозначаетъ „дѣйствіе хожденія“ болѣе нежели „приходъ“; этимъ объясняется, что основы на *-teu- дали въ латинскомъ супинъ: it cubitum „идеть спать“, въ литовскомъ: eĩksz válgutц „иди ѣсть“, въ славянскомъ: ѹсо нзидете видѣтъ, и въ санскритскомъ неопредѣленные наклоненія на -tum (тождественныя по формѣ съ предшествующими супинами), -toḥ (родит. п. и аблативъ), -tave (дат. п.), -tavaí. Судя по индоиранскимъ формамъ, вокализмъ корня въ этихъ образованіяхъ *e (или *o), и удареніе лежитъ на корнѣ. Нѣкоторыя отдѣльныя слова имѣютъ однако нулевой вокализмъ:

зд. pəšu-š (изъ *pŕġ-tu-š) „бродъ“, pərə-tu-š „мостъ“ (изъ *pŕtúš), лат. por-tu-s „гавань“, др.-вр.-нѣм. fur-t (герм. *fur-đu изъ *pŕ-tú-), галл. Ritu-(magus), название мѣстности (современное Raderont), означающее „(поле) брода“, др.-бретон. rit, толкующее латинское uadum.

лат. gus-tu-s „вкусъ“, гот. kus-tu-s „проба“.

21. Суффиксъ *-men-. — Суффиксъ *-men- образуетъ nomina actionis средняго и мужескаго рода; имена средняго рода очень часты; они имѣютъ въ корнѣ вокализмъ *e (и ступень *e въ первой части двусложныхъ корней) и удареніе на элементѣ, предшествующемъ окончанію. Напримѣръ:

скр. bhárg-ma „содержаніе, тяжесть“, гр. φέρ-μα „бремя“; или съ двусложной формой корня, скр. bhárgī-man- „несеніе“. др.-сл. брѣмѣ (русск. брѣмя, сербск. брѣме).

Форма мужескаго рода часто имѣетъ тотъ же вокализмъ и то же мѣсто ударенія; такъ рядомъ съ скр. tárma „конецъ жертвеннаго столба“, гр. τέρ-μα, лат. termen, мы имѣемъ гр. τέρ-μων, лат. ter-mō „конецъ“; рядомъ съ лат. lūmen „свѣтъ“ (изъ *leuksmn) стоитъ др.-сакс. lio-mo (изъ *lioh-mo) „лучъ свѣта“ и т. д. Но встрѣчается также и нулевой вокализмъ корня съ удареніемъ на суффиксѣ: гр. ἀντρίψυ „дыханіе“ рядомъ съ ἀετρυξ; πύθ-μῆνυ „основаніе, порогъ“; ὕ-μῆνυ „кожица, плева“. Тотъ же суффиксъ образуетъ также и nomina agentis, какъ напр. гр. ἴδ-μων „знатокъ“, скр. dhár-mā „держатель“; скр. bráhma (ср. р.) значитъ „молитва“, а brahmā (м. р.) „священникъ, брахманъ“.

Имена этого типа, повидимому, часто распространялись еще вторичнымъ суффиксомъ *-to-, какъ напр. скр. *gró-ma-ta-m* „извѣстность“, др.-врх.-нѣм. (*h*)*liu-mun-t* „слава“, при зд. *sraošan-* „слухъ“, гот. *hliu-ša*; въ латинскомъ такое распространение встрѣчается очень часто: *augment* и *augmentum* „увеличение“ и т. д.; отсюда типъ словъ на *-mentum*, какъ *monumentum* „памятникъ“ и т. д.

Какъ рядомъ съ *-mo- мы находимъ *-smo-, такъ рядомъ съ *-men- стоитъ *-smen-: гр. *γράφια* „писание“ (въ Аргосѣ) изъ **γράφ-σια*; др.-сл. *чисма* „число“ при *чѣтъ*, лат. *lūmen* изъ **leuk-smn̄*, и т. д.

22. Суффиксъ *-went-. — Вторичный суффиксъ *-went- засвидѣтельствованъ соотвѣтствіемъ индо-иранскаго *-want- и гр. -(F)*εντ-*: скр. *putrá-vant-*, зд. *puθra-vant-* „имѣющій сына“, гр. *χαρί-(F)εντ-* „прелестный“.

Общія замѣчанія. — I. Предыдущій перечень содержитъ только простые суффиксы или тѣ, которые функционируютъ, какъ простые: суффикса *-wen- тамъ нѣтъ, такъ какъ онъ можетъ разсматриваться какъ суффиксъ *-u- (форма съ нулевымъ вокализмомъ), распространенный другимъ суффиксомъ *-en-; такъ можно толковать гр. *αἰFέν* „всегда“ при лат. *ae-u-o-m* „вѣкъ“, гот. *ai-w-s* „время, вѣчность“ и скр. *āyu-ṣ-* „время“. Но нѣкоторые изъ перечисленныхъ суффиксовъ, являющіеся простыми, образовались несомнѣнно, изъ сочетанія вторичныхъ суффиксовъ; такимъ путемъ образовался, повидимому, и послѣдній изъ перечисленныхъ суффиксовъ — *-went- (*-w-en-t-?).

II. Во вторичныхъ образованияхъ элементъ, непосредственно предшествующій вторичному суффиксу, имѣетъ по общему правилу нулевой вокализмъ; такъ напр.

и.-е. *-is-, а не *-yes- въ суф. *-is-tho-, скр. *-iṣ-ṭha-*, гр. *-ισ-το-*, гот. *-is-ta-*, см. выше стр. 228.

и.-е. *-u-, а не *-eu- въ скр. *guru-tā* „тяжесть“, гр. *βαρύ-της*.

и.-е. *-i-, а не *-ei- въ скр. *avi-kā* „овца“, др.-сл. *овь-чл*.

и.-е. *-r-, а не *-er- въ скр. *pitr-iyāḥ* „отцовскій“, гр. *πάτρ-ιος*, лат. *patr-ius*.

Во вторичныхъ основахъ, произведенныхъ отъ словъ, уже заключающихъ одинъ суффиксъ, не только новый элементъ, предшествующій суффиксу, но и другой элементъ, т. е. корень стремится имѣть нулевой вокализмъ: примѣровъ такого положенія мало, но это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что аналогія вытѣснила большинство такихъ словъ, и остались изъ нихъ только тѣ, которыя сохранились благодаря только особымъ обстоятельствамъ:

отъ *k^wetwēr- (скр. catvāṅ-aḥ „четыре“, др. τέτορες, и т. д.): *k^wtur-yo-, зд. (ā-)xtūirīm „въ четвертый разъ“, tūiryō „четвертый“, скр. turīyaḥ „четвертый“.

отъ *dei-wo- „богъ“ (скр. devāḥ, лат. deus и т. д.) скр. div-yá-ḥ „божественный“, гр. θεός (ḗF-yo-ς), лат. dius (изъ *diu-io-s), и. е. *diw-yo-.

Verba denominativa должны были имѣть ту же особенность, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ атт. βλίττω „вырѣзаю медь“ (изъ *mlit-yō) производное отъ μέλιτ-.

III. Удвоеніе въ именныхъ образованияхъ играетъ меньшую роль, нежели въ глагольныхъ, и не имѣетъ точно опредѣленнаго значенія:

Интенсивное удвоеніе мы встрѣчаемъ, напр., въ скр. kaḅ-kaḅ-í-ḥ (родъ музыкальнаго инструмента), др.-сл. *кѣ-кѣль*, русск. *коло-коль* (изъ *kol-kolo-), лит. им. п. мн. ч. *каñ-kl-ès* (родъ струннаго инструмента), *каñkalas* „колокольчикъ“; или скр. kaḅ-ka-táḥ (пракритская форма стараго *kaḅ-kr-ta-ḥ „ракъ“, лат. cancer (основа *kaḅ-kr-)).

Обыкновенно удвоеніе съ *e или *i мы имѣемъ, напр., въ скр. sa-kráḥ, зд. ča-xḡḡḡḡ „колесо“, др.-англ. hweoḥḥol, hweowol, hwéol „колесо“ (изъ *hwe-hla-, *hwe-wla-, старое *k^wé-k^wlo- и *k^we-k^wló-), гр. χύκλος (изъ *k^wé-k^wlo-s), лит. *kā-klas* „шея“, рядомъ съ формою безъ удвоенія др.-сл. *коло*; или лат. fe-ber „бобръ“, лит. *bē-brus*, корнское *be-fer*, скр. ba-bhrúḥ „коричневый“, рядомъ съ удвоеніемъ съ *i въ лат. fi-ber „бобръ“, галл. *Vi-br-(a)h*, др.-сл. *вь-брь*, др.-врх.-нѣм. *bi-bar*.

Причастія. — Кромѣ выше приведенныхъ именныхъ основъ, первичныхъ и вторичныхъ, индо-европейскій языкъ имѣлъ именные основы, произведенныя отъ ос-

новъ глагольныхъ, или причастія. Такія прилагательныя, какъ $\lambda\upsilon\text{-}\tau\acute{o}\text{-}\varsigma$ или $\sigma\tau\upsilon\gamma\text{-}\nu\acute{o}\text{-}\varsigma$ — не индо-европейскія причастія, такъ какъ они не происходятъ отъ глагольныхъ основъ; только въ періодъ развитія отдѣльныхъ языковъ основы съ этими суффиксами были внесены въ систему спряженія, какъ лат. *amatus*.

Но каузативы имѣютъ прилагательныя на **-to-* съ предшествующимъ **-й-*, принадлежащимъ къ глагольной основѣ:

скр. <i>darçayati</i> „показываетъ“	<i>darçi-tá-h</i> „показанный“
гот. <i>(ga-)tarhjan</i> „различать“	<i>(ga-)tarhi-ḥ-s</i> „имѣющий дурную славу“

лат. *monēb*

moni-tu-s

лит. *laikaũ* „держу“

laiký-ta-s „держанный“,

и къ этимъ формамъ примыкаютъ такія неопредѣленныя наклоненія, какъ лит. *laikýti* „держатъ“, др.-сл. *боудити* или гр. $\chi\omicron\mu\acute{\iota}\text{-}\zeta\omega$ „приношу“ рядомъ съ $\chi\omicron\mu\acute{\epsilon}\omega$ „заботиться“.

Индо-европейскія причастія въ собственномъ смыслѣ суть слѣдующія:

1. Причастія дѣйствительнаго залога настоящаго времени и аориста на **-ent-*. — Присоединяясь къ атематическимъ основамъ безъ удвоенія, суффиксъ имѣетъ форму **-ent-*, **-ont-*, **-nt-*, какъ напр. скр. *s-án* „сущій“ им. п. мн. ч. *s-ánt-aḥ*, род. п. ед. ч. *s-at-áḥ*, при скр. *as-ti* „есть“, *s-ánti* „суть“; др.-сл. *с-ы* (изъ **s-ont-s*) при *ѣс-тъ*, *с-жтъ*; гр. $\acute{\omega}\nu$ (вм. **ṓν*); лат. *(prae-)s-ens* и т. д.; присоединяясь къ атематическимъ основамъ съ удвоеніемъ (и къ основѣ аориста на **-s-*), суффиксъ имѣетъ форму **-nt-* во всѣхъ падежахъ: скр. им. п. ед. ч. *dád-at* (изъ **ded-nt-s*) „дающій“, греч. $\tau\iota\theta\acute{\epsilon}\acute{\iota}\varsigma$ (изъ **θιθε-ντς*) „кладущій“; и въ томъ и другомъ случаѣ элементъ, предшествующій суффиксу причастія, имѣетъ нулевой вокализмъ. — Что касается тематическихъ основъ, то типъ скр. *bhāran* „несущій“, им. п. мн. ч. *bhārant-aḥ*, род. п. ед. ч. *bhārat-aḥ*; гр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega\nu\text{-}\epsilon\varsigma$, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega\nu\text{-}\omicron\varsigma$; лат. *uehens*, *uehentis*; лит. *vøžãs*, др.-сл. *везы* — допускаетъ двойное толкованіе: **bhére/o-nt-*, **wég₁he/o-nt-* или **bhér-e/ont-*, **wég₁h-e/ont-*, смотря по тому, разсматривать ли элементъ **e/o* какъ тематическій гласный въ основахъ

*bhére-, *wég₁he-, или какъ гласный суффикса. — Какъ бы то ни было, этотъ суффиксъ присоединяется ко всѣмъ основамъ настоящаго времени, будущаго и аориста; такъ въ греч. *τείνω, τείνωυ, τείνοντος*; *δάμνημι, δαμνάς, δαμνάντος*; *ἔλιπον, λιπών, λιπόντος*; *λείψω, λείψων, λείψοντος*; *ἔτεια, τεῖσα, τεῖσαντος*; и т. д.

2. Причастіе дѣйствительнаго залога перфекта на *-wes- (*-wet-). — Суффиксъ имѣеть двѣ формы, которыя, повидимому, чередовались въ различныхъ падежахъ; одна *-wes- засвидѣтельствована скр. им. п. ед. ч. -vān, им. п. мн. ч. -vāns-aḥ (со вставкою носового звука, которую здѣсь не мѣсто объяснять), род. п. ед. ч. -úṣ-aḥ, жен. р. им. п. ед. ч. -úṣ-ī; гр. ср. р. -(F)ός, жен. -οῖα (изъ *-ου-γα); др.-сл. жен. р. -ъш-и, лит. жен. р. -usi: другая форма *-wet- засвидѣтельствована скр. творит. п. мн. ч. -vād-bhiḥ, мѣстн. п. мн. ч. -vat-su; гр. род. п. ед. ч. -Γοτ-ος. Предшествующій суффиксу элементъ имѣеть обыкновенно нулевой вокализмъ; напр.:

скр. *girik-vān* „оставившій“, лит. жен. р. *lik-us-i*;
скр. *maṅg-vān* „умершій“, жен. р. *maṅg-úṣī*, лит. жен. р. *miṅ-us-i*, др.-сл. жен. р. -мър-ъш-и;
гр. *μεμα-(F)ός, δεδ(F)ι-(F)ως*, и т. д.

Противуположность *Γειδός* — *Γιδ-οῖα* (при скр. *vid-vān* „знающій“ жен. р. *vid-úṣī*) наводитъ на мысль, что, быть можетъ, мужескій родъ въ индо-европейскомъ имѣлъ вокализмъ *e въ элементѣ передъ суффиксомъ, а женскій родъ — нулевой вокализмъ: эта разница объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что женскій родъ имѣеть вторичный суффиксъ, присоединенный къ основѣ мужескаго рода, и мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ случаемъ, который былъ отмѣченъ на стр. 232 и сл.; вокализмъ *e въ элементѣ, предшествующемъ суффиксу, мы находимъ и въ гот. *weitwoḥs* „свидѣтель“, которое, повидимому, представляетъ старое причастіе перфекта, соотвѣтствующее гр. *Γειδός*.

3. Причастія средняго залога настоящаго времени, аориста и перфекта. — Суффиксъ причастія средняго залога въ различныхъ языкахъ имѣеть различную форму. Въ тематическихъ основахъ греческій языкъ имѣеть (*φέρó-*)μενο-ς, скр. (*bhāga*)-maṅa-ḥ „несущій“, зендск. (*yažə*)-mna- „при-

носящій жертву“, лат. (*Vertu*)-*mni-s* (только отдѣльныя остатки), слав. (*везо*)-*мъ*, лит. (*vėža*)-*ма-s* „везомый“ и др.-прусск. (*ro-klausī*)-*мапа-s* „слышимый“. — Въ атематическомъ типѣ санскритъ имѣеть -*āpa-* въ настоящемъ времени: *dūh-āpā-ḥ* „доющій“, и въ перфектѣ *bu-budh-āpā-ḥ* „пробужденный“; греческій имѣеть -*μενο-*, какъ и въ тематическомъ типѣ: *τιθέ-μενο-ς*, *καί-μενο-ς*, *πεφυγ-μενο-ς* и т. е.

Причастія сохраняютъ все значеніе глагольныхъ основъ, отъ которыхъ они производятся и даже, болѣе того, они сохраняютъ различіе настоящаго времени съ аористомъ и перфекта, а также двухъ залоговъ дѣйствительнаго и средняго; удареніе удерживается на томъ мѣстѣ, гдѣ оно лежитъ въ глагольной основѣ.

Неопредѣленныя наклоненія (инфинитивы). — Корни рядомъ съ глагольными основами даютъ и основы именныя, которыя не производятся отъ глагольныхъ основъ, но, составляя часть одной группы словъ, имѣють родственное значеніе; эти именныя основы имѣють поэтому то же значеніе, какое приняли впослѣдствіи имена, произведенныя отъ глагольныхъ основъ, и могутъ играть ту же роль, какую играютъ въ другихъ случаяхъ отглагольныя существительныя или неопредѣленныя наклоненія; такъ ведическій дат. пад. ед. ч. *áj-е* „для веденія“ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ скр. *aj-* имѣеть то же значеніе какъ и выраженіе „(чтобы) вести“; дат. пад. санскритской основы *vid-шап-* „знаніе“ — *vid-śāp-е* значить „(чтобы) знать“; гомеровское неопр. наклоненіе *δó-μεν* „дать“ представляетъ мѣстный падежъ съ нулевымъ окончаніемъ отъ основъ на *-*men-*, какъ и ведическое *dhár-шап* „въ держаніи, держа“ и т. д.

Съ другой стороны нѣтъ указаній на то, что бы индо-европейскій языкъ имѣлъ дѣйствительныя неопредѣленныя наклоненія, т. е. склоняемыя или несклоняемыя именныя формы, произведенныя отъ глагольныхъ основъ, какъ мы имѣемъ въ греческомъ языкѣ *λείπειν*, *λιπέτω*, *λείψειν*, *λελοιπέναι*, въ лат. *linquere* и *liquisse*, *esse* и *fuisse*. Единственныя формы подобнаго рода, восходящія, быть можетъ, къ индо-европейскому времени, — это индо-иранскія инфинитивы на *-*dhyāi*, напр. скр. *váha-dhyai* „везти“ отъ основы *váha-*, *váha-ti*

„везеть“, напоминающіе типъ греческихъ инфинитивовъ средняго залога — *φέρεσθαι*. — Слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь формы, являющія въ сложеніяхъ, образующихъ нѣкоторыя временныя основы въ различныхъ діалектахъ: лат. *ferē-bam*, *monē-bam*, *monē-bō*; гот. *salbo-da* „я мазалъ“, *salbo-dedum* „мы мазали“; др.-сл. *ведѣ-ахъ* и т. д.; первая часть этихъ сложныхъ формъ представляетъ своего рода инфинитивъ, а вторая часть — личную глагольную форму вспомогательнаго глагола „быть“ или „дѣлать“.

Вообще, индо-европейскій языкъ повидимому не имѣетъ инфинитивовъ, или, по крайней мѣрѣ, инфинитивы играли тогда очень незначительную роль. Инфинитивы въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ имѣютъ и различную форму.

Образованіе женскаго рода и суффиксы **-ā-*, **-uā-*, **-uē-*. — Даже обозначая существа, имѣющія полъ, индо-европейскія имена существительныя не имѣютъ признака мужскаго или женскаго рода: такія имена родства, какъ лат. *pater* и *frāter*, *māter* и *soror* ни въ своей основѣ, ни въ склоненіи не имѣютъ ничего такого, что бы характеризовало ихъ какъ имена мужскаго или женскаго рода. Правда, основы на **-o-* чаще всего бываютъ мужскаго и средняго рода; но греческій и латинскій языкъ имѣютъ и имена женскаго рода на **-o-*, какъ напр. названія деревьевъ: гр. *φῦγός* (др. *φᾶγός*), лат. *iāgus* „букъ“; и въ армянскомъ языкѣ были подобныя образованія, какъ на это указываетъ *սու*, род. п. *սուոս* „сноха“ при греч. *νύξ* (жен. р.); слѣдовательно въ индо-европейскомъ были основы на **-o-* женскаго рода; но онѣ исчезли въ большинствѣ языковъ; такъ напр. и.-евр. **snušo-* „сноха“ превратилось въ снову на **-ā-* въ скр. *snuṣā*, др.-сл. *снѣха*, др.-англ. *snocu*, и въ основу на **-u-* въ лат. *nurus* подъ вліяніемъ *socrus* „свекровь“; **bhāgo-* превратилось въ германскомъ въ основу на **-ā-*, откуда др.-вр.-нѣм. *buoſſa*. Такое слово какъ греч. *ἄρκτος* обозначаетъ и „медвѣдя“ и „медвѣдицу“, и таково было индо-европейское состояніе: латинская форма женскаго рода *ursa* образована совершенно иначе, нежели скр. *ṛkṣī* „медвѣдица“ къ *ṛkṣaḥ* „медвѣдь“. Греч. *ἵπλος* обозначаетъ и „коня“ и „кобылу“, и всѣ означенія „кобылы“, какъ скр. *áçvā*, лит. *aszvā* (изъ **eszva*), лат. *equa* хотя

и совпадаютъ по формѣ, должны считаться независимыми образованиями санскритскаго, литовскаго и латинскаго языковъ. Съ другой стороны основы на *-ā- и *-yā- по большей части женскаго рода, но есть и основы на *-ā- и *-yā-, которыя обозначаютъ лицъ мужскаго пола и потому мужскаго рода, какъ напр. лат. *scriba* „писецъ“, др.-сл. *слоуга*, (вою-)вода, гр. δεσ-ποτ-ᾱ (им. п. δεσπότης) „господинъ“, или др.-сл. *бал-ын* (вин. п. *балыж*) „врачъ“, скр. *rathī-* (им. п. *rathīh*) „возница“, и т. д.

Такимъ образомъ даже существительныя основы на *-o- или *-ā- не имѣютъ сами по себѣ опредѣленнаго рода; только въ названіяхъ дѣйствующихъ лицъ мужскій или женскій родъ индо-европейскаго существительнаго имени узнается исключительно только по формѣ прилагательнаго, которое относится или можетъ относиться къ нему (ср. выше стр. 210 сл.).

Одни только прилагательныя имена характеризуютъ женскій родъ прибавкою суффиксовъ, главнымъ образомъ вторичныхъ *-ā- и *-yā-, и это является единственною чертою, отличающею прилагательное отъ существительнаго:

1. *-ā- (нулевой вокализмъ *-ə-). — Помощью суффикса *-ā- образуется женскій родъ прилагательныхъ тематическаго типа: санскритскому *sāna-*, гр. *ἔνο-*, лит. *senā-* „старый“ въ женскомъ родѣ соотвѣтствуетъ основа скр. *sānā-*, гр. *ἔνᾱ-*, лит. *seno-*; рядомъ съ скр. *ṣrutā-*, гр. *κλυτό-*, лат. *-cluto-* стоитъ женскій родъ скр. *ṣrutā-*, гр. *κλυτᾱ-*, лат. *-clutā-* и т. д.

2. *-yā- (*-iyā-): съ нулевымъ вокализмомъ *-ī- (*-iyə-). — Суффиксъ *-yā- употребляется въ прилагательныхъ атематическаго типа. Различіе формы *-yā- и *-iyā- было связано въ индо-европейскомъ исключительно съ количествомъ предшествующаго элемента: гр. *πίερᾱ-*, изъ **πί-Ḟεp-yā*, и *ποτνᾱ̄-*, изъ *ποτν-yā-* представляютъ, вѣроятно, первоначальное состояніе: им. пад. ед. ч. первой основы былъ бы **πίερι* (съ *-ī* изъ **-yə-*), а второй *πότνια* (съ *-ia* изъ *-iyə-*), но греческій языкъ сдѣлалъ общимъ *-α* типа *πότνια* и имѣетъ им. п. *πίερα* при скр. *ṛivagī*; наоборотъ, индо-иранскій языкъ сдѣлалъ общимъ *-ī* и соотвѣтствующая греческому *πότνια* форма въ скр. *ṛātn-ī* „госпожа“; то же мы наблюдаемъ и въ другихъ языкахъ.

Передъ *-yā- конечный элементъ основы мужскаго

рода обыкновенно имѣть нулевой вокализмъ, но иногда также и иной:

такія основы причастій какъ *bhéront- имѣютъ въ жен. р. *bhéront-ya-: скр. bhárant-ya-, гр. *φέρωνт-уā- (им. п. атт. φέρουσα, дор. φέρωσα, лесб. φέροισα), др.-сл. берѣшта- (изъ *берѣшт-м-), точно также лит. *vežant-jō- (им. п. vežanti) и гот. frijond-jo- (им. п. frijond-i) „подруга“.

скр. основа муж. р. yúvan- „молодой“, ж. р. им. п. yūn-i, ср. лат. iūn-i-(x) „телка“.

скр. основа муж. р. svādáv-: им. п. ж. р. svādv-í; гр. ἡδύς. ἡδεῖα (изъ *FāδεF-ya).

Суффиксы *-ā- и *-ya-, служащiе для образованiя женскаго рода прилагательныхъ, образуютъ также и производныя отъ существительныхъ.

Такъ мы имѣемъ много именъ существительныхъ женскаго рода на *-ā-, рядомъ съ именами муж. рода тематическаго типа, какъ напр. гр. πλοχή „плетенiе“ рядомъ съ πλόκος, съ различнымъ мѣстомъ ударенiя въ основѣ мужескаго рода сравнительно съ основою женскаго рода; точно также φύλον „родъ“: φύλή „племя, фила“; νεῦρον „жила“: νεῦρ-; скр. svā-dānam „вкусъ“: гр. ἡδονή „удовольствiе“; типъ гр. βροντή „громъ“ при κοῖτος „лежанiе, сонъ“; и т. д. Склоненiе основъ на *-ā- сопровождалось сверхъ того, по крайней мѣрѣ въ части словъ, перемѣщенiемъ ударенiя въ различныхъ падежахъ, какъ мы это увидимъ ниже въ обзорѣ склоненiя. Типъ гр. πλοχή отражается въ лат. toga „тога“, лит. rankà „рука“ и др.-сл. рѣка, гот. staiga „дорога“ и т. д. — Тотъ же суффиксъ даетъ множество производныхъ отъ основъ существительныхъ атематическаго типа, какъ, напр., гр. ἡμέρ-ā „день“ при гомеровскомъ ἡμαρ „день“, χρίθ-ή „ячмень“ при гомер. χρῖ (древн. *χρῖθ); лит. vasar-à „весна“, ср. гр. Féαρ, др.-сл. весн-а, ср. скр. vasaṇ(-tāḥ) „весна“; лат. ōr-a „край, берегъ“, ср. ōs „ротъ“; и т. д. — Этотъ же суффиксъ образуетъ собирательныя имена, замѣняющiя собою именит. и винит. п. множ. ч. средн. рода: вед. yugā „ярма“, гр. ζυγά и т. д.

Суффиксъ *-ya- въ образованiи существительныхъ, особенно въ своей главной формѣ, служитъ только для производства женскаго рода къ именамъ дѣйствующихъ лицъ (nomina agentis) (здѣсь образованiе женскаго рода требуется

смысломъ существительнаго имени, а самое образование производится по образцу прилагательныхъ именъ).

скр. основа муж. р. *janítar-*, *jánitar-*: им. п. ж. р. *jánitr-ī*; ср. лат. *genitor*, *genetri(-x)*; гр. *γενέτης*, *γενέτωρ*: *γενέτειρα*.

скр. основа муж. р. *tákṣan-* „плотникъ“: жен. р. им. п. *takṣṇ-ī*; гр. *τέκτων* — *τέκταινα*; скр. основа муж. р. *gājan-* „царь“: жен. р. им. п. *gājñ-ī* „царица“; ср. ирл. *rigain* (изъ **rēgn-ī*).

Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить одно собирательное имя: гр. *φράτρα* „фратрія (братство)“, др.-сл. *братръ-и*.

Уже въ индо-европейскую эпоху суффиксъ **-yā-*, по видимому склонялся двумя способами, либо съ чередованіемъ **-yā-*, **-yə-* (**-ī-*), какъ скр. *bhārant-ī*, род. п. *bhārant-yā-ḥ*, либо безъ чередованія, постоянно съ нулевымъ вокализмомъ, т. е. въ формѣ **-ī-*, какъ напр. жен. родъ къ скр. *pārāt* „внукъ“ — *partī-ḥ*, род. п. *part(i)y-aḥ*, ср. лат. *pert-i-s*, др.-лит. *pert-i-s*; этотъ второй типъ, съ **-s* въ именит. падежѣ сдѣлался господствующимъ въ латинскомъ языкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда не прибавлялся вторичный суффиксъ **-k-*, какъ въ словахъ *genetri-x*, *iūni-x*, и потому синскритскому *svādvī* соотвѣтствуетъ латинское *suāvis*, скр. *bhārantī* — лат. *ferens* изъ **ferentis* (какъ *mens* изъ **mentis*) и т. д.; вслѣдствіе этого процесса нѣкоторыя латинскія прилагательныя и всѣ причастія утратили различіе мужескаго и женскаго рода.

Рядомъ съ нормальнымъ образованіемъ женскаго рода на **-yā-* типа скр. *tan-ú-ḥ* „тонкій“ (буквально „вытянутый“), жен. р. *tanvī*, ср. лат. *tenuis*, возможно было другое образование, характеризуемое суффиксомъ **-ā-* (нулевой вокализмъ **-ə-*), т. е. **-wə-*, откуда **-ū-*; нулевой вокализмъ распространился и здѣсь во всемъ спряженіи, какъ и въ типѣ скр. *partīḥ*, и такимъ образомъ мы получаемъ скр. *tanū-ḥ* „тѣло“, род. п. *tan(ú)v-aḥ*. Точно такимъ же способомъ образуется замѣчательная форма женскаго рода къ скр. *śvaśuraḥ* (изъ **śvaśuraḥ*) „свекоръ“, зд. *xvasurō*, гом. *(F)εχυρός*, лит. *szēszuras*, лат. *socer*: скр. *śvaśrūḥ* „свекровь“, др.-сл. *свекръ*, лат. *socrus*, др.-вр.-нѣм. *swigar*, т. е. и.-е. **swekrū-* изъ **swekrwə-* съ **w* послѣ **r*, между тѣмъ какъ въ муж. р. **-ur-*; точно

такъ же *g^wīnū- (изъ *g^wgθ-nw-θ-), засвидѣтельствованное др.-сл. **жръны** „жерновъ“, гот. -qairnis, есть производное на *-ā-: *-ā- отъ основы, засвидѣтельствованной скр. grāvan-, др.-ирл. brō, кимр. breuan (то же значеніе); перестановка *w аналогична фактамъ, отмѣченнымъ на стр. 109. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ очень сложныхъ явленій.

Наконецъ, существуетъ еще одинъ суффиксъ, близкій къ суффиксу *-уā-, и даже совпадающій съ нимъ въ нулевой ступени: *-уē-, нулевая ступень котораго есть *-ī- (т. е. *-уә-), и который отличается отъ суффикса *-уā- только въ латинскомъ и балтійскомъ языкахъ: лит. žem-ė „земля“ (изъ *žem-jē), др.-сл. **земля**, производное отъ основы, засвидѣтельствованной скр. kšam-, гр. χθών и зд. zəm- (ср. выше стр. 220); или лат. temper-iēs „умѣренная температура“, производное отъ основы temper- къ tempus; къ этому же ряду нужно относить и такія образованія, какъ скр. aviṣ-ī „сила“, или гр. ἀλήθεια „правда“ (-εια изъ *-eh-ya). На лат. spes-iēs „видъ“, лит. žin-ė „знаніе“, гр. φύζα (изъ *φυγ-ya) и т. д. слѣдуетъ смотрѣть не какъ на первичныя основы на *-уē-, а какъ на производныя отъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ *srek₁-, *g₁°nə-, *bhug- и т. д. — Основы на *-уē-, съ другой стороны, образуютъ не одни только отвлеченныя имена: лит. deiv-ė „привидѣніе“ и скр. dev-ī „богиня“ (род. п. dev(i)uāḥ) представляетъ женск. родъ къ существительнымъ лит. dēvas, скр. devāḥ „богъ“; лит. vilkė, скр. vṛkīḥ „волчица“ (съ распространеніемъ формы съ нулевымъ вокализмомъ -ī- на все склоненіе, род. п. vṛk(i)uāḥ) представляютъ жен. р. къ существительнымъ лит. vīlkaš, скр. vṛkaḥ „волкъ“; эти формы женскаго рода развились въ каждомъ языкѣ самостоятельно: лат. языкъ имѣетъ dea „богиня“, образованное иначе.

Прилагательное имя имѣетъ либо основу мужскаго (и средняго) рода, либо основу женскаго рода, смотря по тому, будетъ ли существительное, къ которому оно относится, того или другаго рода. — Существительное бываетъ мужскаго рода, когда рѣчь идетъ о существѣ мужскаго пола, — женскаго, когда рѣчь идетъ о существѣ женскаго пола (или деревѣ), какова бы ни была форма существительнаго; въ остальныхъ случаяхъ трудно указать какое-

нибудь общее правило, и только употребленіе рѣшаетъ вопросъ; слѣдовательно, категория грамматическаго рода не имѣла никакой связи со значеніемъ слова.

Сложеніе основъ. — Двѣ именныя основы могутъ соединяться и образовывать одну сложную основу. По общему правилу, за исключеніемъ указанныхъ ниже случаевъ, глагольныя основы не входятъ въ сложеніе.

Въ сложной основѣ склоняется только вторая часть, которая непременно должна быть существительнымъ или прилагательнымъ именемъ (и никогда не можетъ быть глаголомъ, указательнымъ или личнымъ мѣстоименіемъ).

Первая часть сложнаго слова остается неизмѣнною, и это обстоятельство характеризуетъ его; индо-европейское сложное слово есть группа двухъ словъ, изъ которыхъ склоняется только послѣднее; элементъ, оканчивающій первую часть, по общему правилу имѣетъ нулевой вокализмъ въ основахъ атематическаго типа, имѣющихъ сонантъ, т. е. элементъ способный вокализоваться:

скр. *tri-pád-*, гр. *τρι-ποδ-*, лат. *tri-ped-*, др.-англ. *đri-fete* „треногий“; точно такъ же лит. *tri-kójis* „треногий“ и т. д. гр. *ῥῆδο-επής* (**Fādu-Fēπεσ-*) „сладкорѣчивый“; скр. *svādu-rātiḥ* „имѣющій пріятные дары“.

**sm-* въ скр. *sa-kṛt* „одинъ разъ“, гр. *ἄ-πλοῦς* „простой“, лат. *sim-plex* „простой“.

**n-* (при **ne*, засвидѣтельствованномъ скр. *ná* „не“, др.-сл. *нѣ*, лат. *ne* [que] и т. д.) въ скр. *á-jñāta-h*, гр. *ἄ-γνωτος*, лат. *ignōtus* (т. е. *inñōtus* изъ **en-gnōtos*), гот. *unkunþs*, арм. *an-sanawth* „неизвѣстный“.

скр. *nṛ-hān-* „убивающій людей“, др.-атт. *ἀνδρα-φόνος*.

**du-* въ гр. *δυσ-μενής* „враждебный“, скр. *dur-manāḥ* „(имѣющій дурной духъ, не въ духѣ), печальный, смущенный“.

Если нѣтъ сонанта, то въ основахъ на **-es-* остается **e*, какъ напр. гр. (F)*επεσ-βόλος* „болтливый“, зд. *vačas-taštiḥ* „текстъ“ (дословно „сочетаніе словъ“).

Тематическая основа имѣетъ въ первой части сложнаго слова вокализмъ **-o-*: гр. *ἵππο-δάμος* „укротитель лошадей“; др.-сл. *добро-дѣн*; лит. *gera-dėjis* „благодѣтель“; гот. *guda-faurhts* „бого-боязненный“; галл. *Vindo-magus*, собственное

имя, обозначающее „имѣющій бѣлое поле“. Трудности представляет тотъ случай, когда второе слово начинается гласнымъ.

Когда первая часть сложнаго слова — прилагательное, то, какой бы ни былъ суффиксъ прилагательнаго, онъ можетъ быть замѣненъ звукомъ *-i-, какъ напр. гр. *κῦδι-άνειρα* „прославляющая мужей“, при *κῦδρός* „славный“, зд. *bəgəzi-ḡaxga* „высококолесный“ рядомъ съ *bəgəzant-* „высокій“, ср. скр. *bḡhānt-*, др.-ирл. *Brigit* (собств. имя, буквально „высокая“).

Сомнительно, чтобы въ первой части въ индо-европейскомъ могла стоять падежная форма, именно мѣстный падежъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ гр. *Πυλοί-γενής* „рожденный въ Пилосъ“ или въ скр. *agré-gaḥ* „идушій во главѣ“.

Значенія сложныхъ словъ различны:

1. Грамматическое значеніе второй части сохраняется, при чемъ отношеніе обѣихъ частей можетъ быть какое угодно: приложение въ гр. *ἰατρῆ-μαντις* „врачъ-прорицатель“, скр. *rājā-rṣiḥ* „жрецъ-царь“; прилагательное и существительное: гр. *ἄκρο-πολις* „вышгородъ“, скр. *adhara-hanūḥ* „нижняя челюсть“; дополнение и существительное: гр. *πατρ-ἄδελφος* „братъ отца“, скр. *mātr̥-svāsā* „сестра матери“; къ этому послѣднему случаю примыкаетъ распространенный типъ сложныхъ словъ, во второй части которыхъ находится ударяемая основа съ нулевымъ суффиксомъ, атематическая какъ гр. *βου-πλήξ* „палка для битья воловъ“, лат. *jū-dex* (**yūs-dik₁-*) „судья“, сл. **медв-эд-* (им. п. др.-сл. *медвѣдь*), дословно „поѣдатель меда“, скр. *mādh(u)v-ād-*; или тематическая, какъ гр. *ἔπλο-φόρος* „носящій оружіе“, лат. *armi-ger* „носящій оружіе“, русск. *водо-вóзъ*, скр. *kumbha-kāraḥ* „горшечникъ“; основы, являющіяся во второй части этихъ сложныхъ словъ, въ сложныхъ словъ часто не встрѣчаются вовсе, и многія изъ нихъ, повидимому, отдѣльно и не существовали. Имена дѣйствующихъ лицъ на *-ter- не бываютъ второю частью сложнаго слова, а замѣняются основами на *(e)t-: скр. *kartā* „дѣлатель“ (основа *kartár-*), но *pathi-kṛt-* „дѣлающій дорогу“. Въ греческомъ *-t- было распространено посредствомъ *-ā-, откуда противоположность гом. *βοτήρ, βώτωρ* „пастухъ“ и *σὺβότης, σὺβότης* „свинопасъ“.

2. Сложное слово имѣетъ значеніе прилагательнаго, показывающаго, что вторая часть сложнаго слова есть тотъ или другой признакъ лица или вещи: гр. *βαθύ-κολπος* „имѣю-

щій глубокую пазуху“, лат. *magn-animus* „имѣющій великую душу“, скр. *hīraṇya-keśaḥ* „имѣющій золотые волосы“, др.-сл. *чръно-власъ* „черноволосый“; гр. *δυσ-μενής*, скр. *durmanāḥ* „смущенный“ и т. д. Это — притяжательныя сложныя слова (*composita possessiva*; санскритскій терминъ — *bahuvrīhi*). Удареніе чаще всего стоитъ на первой части сложнаго слова, и это позволяетъ иногда различать притяжательныя сложныя слова отъ сложныхъ словъ другого рода: гр. *πολύ-τροπος* — притяжательное сложное слово „много опытный“, но *παν-τρόπος* значить „все вращающій“, скр. *gāja-putrāḥ* значить „сынъ царя“, но *gāja-putraḥ* „имѣющій сына-царя“ — притяжательное сложное слово. Вторая часть притяжательнаго сложнаго слова въ сущности сохраняетъ свое значеніе существительнаго и потому не принимаетъ признака женскаго рода: скр. *su-mānāḥ* „благосклонный“, гр. *εὐ-μενής* служатъ формами какъ мужескаго, такъ и женскаго рода; точно также и гр. *ρόδο-δάκτυλος* „розоперстый“, ср. фр. *Arta-xerxès longuemain*.

3. Къ третьему типу, менѣе ясному, относятся сложныя слова, первая часть которыхъ имѣетъ характеръ глагольной основы; таково напр. гр. *ἀρχέ-κακος* „начинающій зло, зачинщикъ злого дѣла“, ср. *ἀρχειν*, — съ гласнымъ *е въ концѣ первой части; *φυγο-πτόλεμος* „избѣгающій войны“, ср. *φυγεῖν*, — съ гласнымъ *о въ концѣ первой части; др.-сл. *вѣ-гласъ* „знающій“ (собств. „знающій голосъ“) изъ *вѣд-* (основа глагола *вѣдѣ* „я знаю“ и *гласъ*; въ индо-иранскомъ первая часть обыкновенно замѣняется основой причастія: скр. *vidād-vasuḥ* „находящій благо“, зд. *trādat-gaēḥō* „дающій преуспѣяніе міру“. Слѣдовательно, опредѣляющее слѣдуетъ за опредѣляемымъ, когда это послѣднее имѣетъ глагольный характеръ, а обратный порядокъ имѣетъ мѣсто тогда, когда опредѣляемое выражено именемъ. Этотъ порядокъ встрѣчается въ различныхъ языкахъ, гдѣ грамматическія отношенія выражаются порядкомъ словъ.

Къ сложнымъ основамъ, какъ и ко всѣмъ другимъ, могутъ прибавляться вторичные суффиксы, какъ напр. *-уо- въ греч. *ἐννεά-βοιος* (**εννεΓα-βοΓ-уо-*) „стоящій девять быковъ“.

Важное значеніе сложенія основъ въ индо-европейскомъ языкѣ видно изъ того, что собственныя имена лицъ обыкновенно были сложными словами, какъ напр. гр. *Ἴππο-μέδων*,

скр. *Aṣva-medhaḥ* („совершивший жертвоприношение лошади“), галл. *Ero-rennus* („голова лошади“), др.-англ. *Eohtæg* („славный лошадыми“), др.-перс. *Aspa-šapaḥ-* („желающий лошадей“). Въ фамилиарномъ обращеніи рядомъ съ этими сложными именами стояли краткія (или ласкательныя) формы, какъ напр. гр. *Ἰππίας*, *Ἴππος*, *Ἰππύλλος* и т. д.

в. Склоненіе.

Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ имѣеть три вида въ зависимости отъ того, оканчивается ли основа: 1) на согласный или сонантъ; 2) на *-ā- (*-ē-); 3) на *-e/o-.

Средній родъ характеризуется склоненіемъ, но во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго, звательнаго и винительнаго, форма его совпадаетъ съ формою мужескаго и женскаго рода, для трехъ же указанныхъ падежей въ каждомъ числѣ имѣется только одна форма; такъ напр. въ греч. им.-зват.-вин. пад. ед. *ζυγόν*, мн. ч. *ζυγά*; въ лат. *iugum* и *iuga* и т. д. Форма им.-зват.-винит. падежа представляетъ старинную собирательную форму ср. рода ед. ч. основы на *-ā- (*-ē-); склоненіе мн. ч. средняго рода состоитъ, слѣдовательно, изъ собирательной формы на *-ā- въ им.-вин.-зват. п. ед. ч. и изъ формъ, сходныхъ съ формами мужескаго и женскаго рода множеств. ч. въ остальныхъ падежахъ; поэтому въ индо-европейскомъ языкѣ глаголъ при подлежащемъ во множ. числѣ средняго рода стоялъ въ единственномъ числѣ; это правило сохранилось въ греческомъ языкѣ (*τὰ ζῷα τρέχει* „животныя бѣгутъ“), въ гатахъ Авесты и въ нѣкоторыхъ ведическихъ примѣрахъ; въ балтійскомъ языкѣ слѣдствіемъ такого употребленія явилось исчезновеніе формы 3 лица множ. числа въ глаголахъ: форма 3 лица ед. ч. въ употребленіи съ собирательною формою распространилась и на случай употребленія множ. числа.

1. Основы на сонантъ или согласный звукъ.

Къ этому же типу относятся и основы на *-yā- или *-ye- и на *-wā-, гдѣ нулевой вокализмъ суффикса господствуетъ во всемъ склоненіи (см. стр. 240), какъ напр. скр. *partīḥ* „внучка“ и *ṣvaṣṛīḥ* „свекровь“, др.-сл. *свекры*, лат. *soerus* и т. д.

Аблативъ здѣсь по формѣ совпадаетъ въ единственномъ числѣ съ родительнымъ, а во множественномъ — съ дательнымъ.

α. Окончанія.

Единственное число.

Именительный падежъ (мужескаго и женскаго рода). — Для основъ на согласный и на сонанты *-i-, *-u- и *-m- окончаніемъ является *-s:

зд. *vāxš* „слово“ (и скр. *vāk* изъ **vāk-s*), лат. *uox* (*uōc-s*).

гат. *θwāvā-s* „тебѣ подобный“ (*-ā-s* изъ **-ant-s*), гр. *ἰστᾶς* (*-ᾶς* изъ **-ant-s*), лат. *ferens* (*-ens* изъ **-ent-s*), лит. *vežā-s* (*-ā-s* изъ **-ant-s*), др.-прусск. *smūnent-s* „человѣкъ“.

скр. *āhi-h*, зд. *aži-š* „змѣя“, гр. *ἄφι-ς*; лит. *avi-s* „овца“, лат. *ovi-s*; норвежское руническое *-γasti-R*, гот. *gast-s* „гость“, лат. *hosti-s* „врагъ“.

скр. *bāhū-h*, зд. *bāzu-š* „рука“, гр. *πῆχου-ς* „локоть“; гот. *sunu-s* „сынъ“, лит. *zūnū-s*; лат. *fructu-s* „плодъ“.

скр. *partī-h* „внучка“, лат. *nepti-s* (съ ъ в м. *ī), др.-лит. *nepti-s*.

скр. *śvaśrū-h* „свекровь“, лат. *soeru-s* (съ ъ в м. *ū); гр. *ὄφρυ-ς* „бровь“.

скр. *dyaū-h* „небо“, гр. *Ζεῦς*.

зд. *zyā* (изъ **zyā-s*, основа **zyam-*) „зима“, лат. *hiem-s*.

Нулевое окончаніе наблюдается въ основахъ на *r и на *n, при чемъ въ рядѣ языковъ исчезаетъ и сонантъ:

скр. *ś(u)vā* (основа *ś(u)van-*) „собака“, зд. *srā*, лит. *szū* (род. п. *szūns*), гр. *κύων* (съ конечнымъ -ν); точно такъ же и лат. *homō* (безъ конечнаго -n) „человѣкъ“, гот. *auhsa* „быкъ“, род. п. *auhsin-s*.

скр. *mātā* (основа *mātār-*) „мать“, лит. *mótė* „жена“ и гр. *μήτηρ*, лат. *māter*, др.-ирл. *māthir*, арм. *mayr* и т. д.

Звательный падежъ (муж. и женск. р.). — Нулевое окончаніе: *āhe*, зд. *aže* „змѣя!“, гр. *ἄφι*; лит. *avē* „овца“.

Винительный падежъ (муж. и женск. р.). — Окончаніе *-m въ индо-иранскомъ и италійскомъ, *-n въ остальныхъ

языкахъ; съ гласными сонантами *i и *u носовой образуетъ дифтонгъ; въ другихъ случаяхъ онъ бываетъ гласнымъ:

скр. *bāhū-m* „руку“, гр. *πῆχον*; лат. *fructu-m*, др.-прусск. *sunu-n* „сына“.

скр. *āhi-m* „зѣю“, зд. *а̄йī-m*, гр. *ῥῥον*; др.-прусск. *nakti-n* „ночь“; лат. *angue-m*.

гр. *φέρωντα* „несущаго“, лат. *ferent-em*; др.-прусск. *smūnent-in* „человѣка“.

Именительный-винительный-звательный средняго рода.— Нулевое окончаніе:

скр. *mādhū* „медъ“, гр. *μέθυ*, др.-прусск. *meddo*; лат. *genu* „колѣно“, скр. *jānu*, гр. *ῥόνυ*.

лат. *pāma* „имя“, лат. *pōmen* (и гр. *ῥνομα*?).

Родительный и аблативъ. — Окончанія *-es, *-os, *-s: форма окончанія, имѣющая гласный (*e или *o, смотря по языку), является обыкновенно послѣ элемента съ нулевымъ вокализмомъ, и форма, безъ гласнаго, послѣ элемента, имѣющаго гласный звукъ:

скр. *śū-n-aḥ* „собаки“, зд. *sū-n-ō*, др.-лит. *szu-n-es* (новое *szuñs*), гр. *κονός*, др.-ирл. *con* (изъ **ku-n-os*); лат. *pat-r-is* (изъ **pat-r-es*), лат. діалектическое также *-us* (изъ **-os*).

скр. *sūn-ō-ḥ* „сына“, зд. *hūn-a-ō-š*, лит. *sūn-aũ-s*, гот. *sun-au-s*; лат. *fructūs* (*-ū-s* изъ **-ou-s*), осск. *cas-trous*.

Дательный падежъ. — Окончаніе *-ei: индо-иранск. *-ai (скр. *-e*, зд. *-э*, и *aē* передъ энклитиками), др.-сл. *-н*, лат. *-ī* (древнее *-ei*), осск. *-ei*.

скр. *sūnāv-e* „сыну“, др.-сл. *сынов-н*; скр. *pitṛ-é* „отцу“, лат. *patr-ī*, др.-лат. *gēgei* „царю“, осск. *paterei* „отцу“.

Греческій языкъ имѣетъ *-ι*, *πατρ-ι*, т. е. форму съ нулевою ступеню вокализма, имѣющую, повидимому, свои отраженія въ германскомъ.

Творительный падежъ. — Окончанія различны въ разныхъ языкахъ; быть можетъ *-ē: скр. *pitṛ-ā*, лат. *patr-e*.

Мѣстный падежъ. — Окончаніе *-i, чередующееся съ нулевымъ окончаніемъ: вед. *mūrdhān-i* и *mūrdhān* „на

головѣ“, гр. ἀ(F)εί (εί изъ *-es-i) и ἀ(F)ές „всегда“; греческій сохранилъ нулевое окончаніе также и въ нарѣчіи ἀ(F)έυ „всегда“, но въ обычномъ склоненіи употребляетъ только ι, совпадающее съ окончаніемъ дательнаго падежа (форма замѣняетъ также и индо-европейскій творительный падежъ): ποιμένι „пастуху, пастухомъ, пастухѣ“; то же касается и лат. homin-е (служитъ мѣстнымъ падежомъ, творительнымъ и аблативомъ) и гот. gumīn „(въ) человѣкѣ“, которое можетъ также отражать древній дат. пад. на *-i и древній творительный на *-e и которое употребляется и въ значеніи аблатива, др.-слав. камен-е „въ камнѣ“ имѣетъ нулевое окончаніе съ слѣдующимъ предлогомъ е.

Множественное число.

Именительный и звательный (муж. и жен. рода). — Окончаніе *-es, отличающееся отъ окончанія род. пад. ед. ч. тѣмъ, что оно не имѣетъ слѣдовъ чередованія гласныхъ звуковъ:

скр. sūnāv-aḥ „сыновья“, др.-сл. сынѡк-е (всѣ конечные согласные въ славянскомъ отпадаютъ), гот. sunjus (изъ *sunew-es); зд. bāzav-ō „руки“, др. πῶχ(F)-ες; др.-лит. moter-es „жены“, скр. mātar-aḥ „матери“.

Винительный падежъ (муж. и жен. рода). — Окончаніе *-ns, при чемъ *-n- составляетъ второй элементъ дифтонга послѣ *-i- и *-u-, въ другихъ случаяхъ является въ формѣ *-n-:

критское sūn-υς „сыновей“, гот. sunu-ns.

гот. gasti-ns „гостей“, др.-прусс. ausi-ns „уши“.

скр. śūn-aḥ „собакъ“, гр. χών-ας, др.-ирл. con-a, лат. homin-ēs (-ēs изъ *-ens отражающаго *-ns), др.-прусск. smūnent-ins „людей“.

Именительный, звательный и винительный средняго рода. — Именит., зват. и винит. пад. мн. ч. средн. р. замѣняется именит., зват. и винит. пад. ед. ч. ср. р. производной основы на *-ā-, съ собирательнымъ значеніемъ (см. стр. 244 и сл.). Конечный звукъ имѣетъ нулевой вокализмъ при нулевомъ окончаніи въ слѣдующихъ случаяхъ:

скр. śānt-i, гр. ὄντ-α „сущія“, лат. silent-ā.

Какъ всегда, *ə сливается съ предшествующимъ сонантомъ; отсюда:

*tri: вед. trī „три“, др.-сл. три, лит. trý (въ trý-likā „тринадцать“), лат. tri- въ tri-gintā „три десятка“, др.-ирл. trí, при параллельной формѣ *triy-ə: гр. τριξ, лат. tria.

вед. pāshā „имена“ (съ конечнымъ -ā, происшедшимъ изъ инд.-евр. *-ñ, т. е. *-nə).

Форма съ нулевымъ окончаніемъ, какъ зд. шапā „духи“ (-ā изъ изъ индо-иран. *-ās) объясняются явленіями сочетанія словъ: такъ какъ и.-е. *-ə выпадаетъ передъ гласнымъ, то *-ōs-ə превращается въ *-ōs передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова.

Конечное *-ā-, засвидѣтельствованное др.-сл. имен-л и гот. namn-a „имена“, hairton-a „сердца“ представляетъ ступень вокализма *e того же именит. падежа; *-ā мы находимъ и въ лат. tri-gintā „три десятка“.

Родительный падежъ. — Окончаніе *-ōm или *ōn, соотвѣтственно отраженію конечнаго носоваго въ данномъ языкѣ:

скр. śūn-ām „собакъ“, зд. sūn-am, гр. хуv-ῶν, лит. sziun-ū, др.-ирл. con n (передъ гласнымъ), лат. can-um.

Нужно замѣтить, что греч. -ῶν имѣетъ обличенное удареніе (нисходящую интонацію), а лит. -ū — восходящую интонацію, и что вед. -ām, гат. ām часто считаются въ стихахъ за два слога.

Мѣстный падежъ. — Окончаніе *-su засвидѣствовано индо-иранскимъ, славянскимъ и балтійскимъ; греческій имѣетъ окончаніе -σι, которому въ другихъ языкахъ нѣтъ параллелей.

скр. tri-śú, др.-сл. три-хъ, др.-лит. tri-su „трехъ“; ср. гр. τρι-σι.

Дательный съ аблативомъ и творительный. — Окончанія на *-bh- и на *-m-; они будутъ разобраны ниже въ особомъ примѣчаніи.

Двойственное число.

Именительный, звательный и винительный (муж. и жен. рода). — Въ греч. -ε, какъ напр. πατέρ-ε „оба отца“, въ вед.

-ā (чередующееся съ -au), какъ напр. *pítár-ā* „оба отца“; древне-ирландское *athir* прекрасно объясняется изъ первоначального **rǣtere* или **rǣterē*: поэтому и.-е. окончание было, повидимому, *-ǣ; количественное чередование *-e/-ē можно сравнить съ такимъ же чередованіемъ, напр., во вторичномъ окончаніи 1-го лица множ. числа дѣйствит. залога: вед. -*ша* и -*шā*.

Основы на *-i- и *-u- имѣютъ особыя окончанія *-ī и *-ū, которыхъ нельзя возводить къ окончанію *-ē, но которыя могутъ представлять формы, образованныя по аналогіи съ тематическими формами, какъ скр. *vǫkā* „оба волка“, др.-сл. *кльнѣ*, гр. *λύκω*:

скр. *áhī* „обѣ „змѣи“, др.-сл. *ношн*, лит. *nakti* „обѣ ночи“ (изъ **naktú*, др.-ирл. *faith* „оба поэта“ изъ **wāti*.

скр. *sūpī* „оба сына“, др.-сл. *сынн*, лит. *sūnu* (изъ **sūpū*).

Именительный, звательный и винительный средняго рода. — Окончание *-ī: скр. *jānas-ī* „оба рода“, *pāman-ī* „оба имени“, др.-сл. *словес-н*, *имен-н*; зд. (*vī-*)*sait-ī* „два десятка“, лат. (*uī-*)*gint-ī*; только греческій языкъ, беотійское (*Гі-*)*хат-ι*, атт. (*εῖ-*)*χασ-ι*, предполагаетъ *-ī краткое.

Родительный и мѣстный падежъ. — Скр. -*оῦ* соотвѣтствуетъ др.-сл. -*оу*: скр. *jānas-oῦ* „обоихъ родовъ“, др.-сл. *словес-оу*.

Дательный, аблативъ (?) и творительный падежъ. — Окончанія на *-bh- и на *-m.

Общія замѣчанія объ окончаніяхъ на *-bh- и на *-m. Окончанія на *-bh- и на *-m- сравнительно съ только что перечисленными не имѣютъ ни опредѣленной формы, ни опредѣленнаго значенія. Въ текстѣ Гомера, единственномъ греческомъ памятникѣ (не считая нѣсколькихъ эолійскихъ и беотійскихъ глоссъ), гдѣ мы можемъ наблюдать эти окончанія, они имѣютъ одну только форму -*φι(ν)*, которая имѣетъ значеніе и единственнаго, и множественнаго числа и употребляется въ смыслѣ четырехъ падежей дательнаго, аблатива, творительнаго и мѣстнаго. Съ другой стороны мы очень рѣдко встрѣчаемъ въ различныхъ языкахъ та-

кія формы съ этими окончаніями, которыя бы точно соотвѣтствовали одна другой: германскій, балтійскій и славянскій языки имѣють *m тамъ, гдѣ индо-иранскій, армянскій, греческій, италійскій и кельтскій имѣють *bh; да и помимо этого различія формы далеко не тождественны. Дѣйстви- тельно, мы находимъ:

Въ творительномъ ед. ч.: арм. -b (-w передъ гласнымъ), какъ напр. *hars-am-b* „невѣстою“, *srti-w* „сердцемъ“ (это -b/-w можетъ соотвѣтствовать греч. -φ); лит. -mī, др.-сл. -мь; лит. *sūnu-mī*, сл. **сынъ-мь** „сыномъ“.

Въ творительномъ мн. ч.: скр. -bhiḥ, др.-перс. -biš, зд. -biš: скр. *sūnū-bhiḥ* „сыновьями“, зд. *bāzu-biš* „руками“; арм. -bkh (-wkh послѣ гласнаго): *harsam-bkh* „невѣстами“, *stri-wkh* „сердцами“, т. е. та же форма, что и въ ед. ч. съ прибавкою -kh, обозначающею множественное число; др.-ирл. -ⁱb (изъ *-bhis): *fáthib* „поэтами“ (форма служитъ также дательнымъ и аблативомъ); лит. -mis, др.-сл. -мн: лит. *sūnu-mis*, др.-сл. **сынъ-мн**; обѣ эти формы предполагаютъ первоначальное *-mīs, которое напоминаетъ зд. -biš; наконецъ, окончаніе др.-исл. дательнаго и творительнаго -mr (гот. -m) въ др.-исл. *þri-mr* (гот. *þri-m*) „тремя“ указываетъ на существованіе конечнаго *-s.

Въ дательномъ и аблативѣ множ. ч.: скр. -bhyāḥ, зд. -byō: скр. *sūnū-bhyāḥ* „сыновьямъ“, зд. *bāzu-byō* „рукамъ“; лат. -bus; *oui-bus* „овцамъ“; сл. -мъ (изъ *-mos?): **сынъ-мъ**; др.-лит. -mus: *sūnu-mus* „сыновьямъ“.

Въ дательномъ и творительномъ двойств. числа: скр. -bhyām, зд. -bya (съ конечнымъ -a, которое отражаетъ индо-иранское *-ā), др.-сл. -ма: скр. *sūnū-bhyām*, др.-сл. **сынъ-ма** „обоимъ сыновьямъ“, зд. *aži-bya* „обоимъ змѣямъ“; литовскій языкъ имѣетъ только -m: дат. п. *pakti-m* „обѣимъ ночамъ“, твор. п. *pakti-m̃* „обѣими ночами“.

Устанавливать въ данномъ случаѣ индо-европейскія формы невозможно, такъ какъ отдѣльные діалекты существенно расходятся въ своихъ формахъ: здѣсь методы сравнительной грамматики не даютъ намъ возможности ни различить болѣе древнія формы, ни прослѣдить послѣдовательности ихъ измѣненій въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ.

Въ греческомъ -φ(v) имѣетъ значеніе формы аблатива мѣстнаго, дательнаго и творительнаго и единственнаго и мно-

жественнаго числа; окончанія на *-b| - и на *-m- въ италійскомъ, ирландскомъ и германскомъ образуютъ формы только множественнаго числа, но имѣютъ значеніе этихъ же четырехъ падежей, и это обстоятельство содѣйствовало смѣшенію падежей въ единственномъ числѣ. Такимъ образомъ формы на *-bh- и на *-m-, по крайней мѣрѣ въ западныхъ діалектахъ, имѣютъ въ извѣстной мѣрѣ скорѣе характеръ нарѣчій, нежели такихъ падежныхъ формъ, какія мы имѣемъ въ другихъ случаяхъ.

β. Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію.

Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію, характеризовалъ падежныя формы наравнѣ съ окончаніями, и греческій языкъ сохраняетъ это состояніе въ склоненіи напр. слова *πατήρ*; *πάτερ*, *πατέρ-α*; *πατρ-ός*, *πατρά-τι* — *ἀπátor*; *ἀπάτορα*. Но нѣтъ возможности выяснитъ вполне, каково было древнѣйшее отношеніе, такъ какъ всѣ свидѣтельства оказываются уже затемненными. Греческій языкъ сохранилъ оттѣнки индо-европейскихъ гласныхъ, но онъ упростилъ систему именного склоненія, и такъ какъ число падежныхъ формъ сократилось съ восьми до пяти, то и въ чередованіи гласныхъ разнообразіе формъ свелось къ двумъ, самое большее къ тремъ разновидностямъ въ каждомъ склоненіи. Въ индо-иранскомъ оттѣнки гласныхъ *e и *o совпали въ одномъ звукѣ a; правда, есть слѣды первоначальнаго различія: въ склоненіи, повидимому, и.-е. *ō въ открытомъ слогѣ соответствуетъ въ индо-иранскомъ *a, а и.-е. *e — индо-иранское *ā; но если это отраженіе звука *o позволяетъ отмѣтить роль измѣненія качества звука, оно въ той же мѣрѣ затемняетъ роль количественнаго измѣненія. Остальные языки извѣстны изъ слишкомъ поздняго времени и въ слишкомъ измѣненныхъ формахъ, такъ что въ нихъ мы можемъ найти только слѣды индо-европейскаго состоянія. Поэтому чередованіе гласныхъ звуковъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, въ именномъ склоненіи извѣстно довольно плохо. Приводимые ниже факты все же позволяютъ составить себѣ представленіе о важности этого явленія.

Въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, не бываетъ

чередования гласныхъ только въ опредѣленныхъ специальныхъ случаяхъ. Именно:

1. Въ причастіяхъ глаголовъ съ удвоениемъ: скр. им. п. ед. ч. муж. р. *dádat* „дающій“ (изъ **de-d-ŋt-s*), род. п. *dádat-aḥ*; гр. *διδούς* (изъ **didō-ut-ς*), *διδό-ut-ος*.

2. Въ основахъ, сливающихъ **ə* съ предшествующимъ сонантомъ въ „долгій сонантъ“ (ср. выше стр. 240).

	скр.	<i>ṣvaṣṛḡ-ḥ</i> „свекровь“	вин. п. ед. ч. <i>ṣvaṣṛḡv-am</i>
		род. п. ед. ч. <i>ṣvaṣṛḡv-aḥ</i>	
	др.-сл.	свекръ	вин. п. ед. ч. свекръ-ь
		род. п. ед. ч. свекръ-с	
	гр.	<i>ὄφρῶ-ς</i> „бровь“	—
		род. ед. <i>ὄφρῶF-ος</i>	
	гр.	<i>κῆς</i>	—
		род. ед. <i>κ(υ)-ός</i>	
	скр.	<i>padí-ḥ</i> „рѣка“	вин. ед. <i>pad(i)u-am</i>
		род. ед. <i>pad(i)u-aḥ</i>	
	скр.	<i>gíḥ</i> „пѣсня“	вин. ед. <i>gír-am</i>
		род. ед. <i>gír-āḥ</i>	

3. Въ производныхъ именахъ на *-*ōn*- (ср. стр. 220 и сл.), какъ гр. *στράβων, στράβωνος* „косоглазый“, лат. *Catō, Catōnis*, ср. др.-сл. **гряддм-с**.

Какъ правило, въ элементѣ, предшествующемъ окончанию, въ основахъ, оканчивающихся на согласный или сонантъ, происходитъ въ склоненіи чередованіе гласныхъ, и мы встрѣчаемъ всѣ возможные ступени вокализации, т. е.:

* <i>ě</i>	* <i>ö</i>	нуль
* <i>ē</i>	* <i>ō</i>	

Чередованіе типа **e*: **o* не было присуще всѣмъ словамъ; напр., въ числѣ основъ на *-*n*- есть такія, которыя имѣютъ въ им. мн. *-*en-es*, въ мѣстн. ед. *-*en-i* въ твор. мн. *-*ŋ-bhi(s)*, но есть и другія, которыя въ им. мн. имѣютъ *-*on-es*, при мѣстн. ед. на *-*en-i* и твор. мн. на *-*ŋ-bhi(s)*:

им. ед.	им. мн.	мѣстн. ед.	твор. мн.
скр. <i>vṛṣā</i> „самецъ“	<i>vṛṣ-aṇ-aḥ</i>	<i>vṛṣ-aṇ-i</i>	<i>vṛṣ-a-bhiḥ</i>
<i>áṣṭā</i> „камень“	<i>áṣṭ-ān-aḥ</i>	<i>áṣṭ-an-i</i>	<i>áṣṭ-a-bhiḥ</i>

этому различію въ греческомъ соотвѣтствуютъ:

<i>ἄρσῆν</i>	<i>ἄρσ-εν-ες</i>	<i>ἄρσ-εν-ι</i>
<i>ἄκμων</i>	<i>ἄκμ-ον-ες</i>	<i>ἄκμ-ον-ι</i> (вм. и.-е. * <i>akmeni</i>)

Греческій языкъ распространилъ звукъ *o нѣкоторыхъ падежей на все склоненіе въ типѣ ἄκμων. Другіе языки сохранили *o только въ именит. п. ед. ч. и распространили въ остальныхъ формахъ *e:

лит. акмѣ „камень“ им.мн. акм-ен-(е)s мѣст.ед. акмен-(yjè)
др.-сл. камы кам-ен-е кам-ен-е

Языки, въ которыхъ первоначальное состояніе просвѣчиваетъ отчетливѣе всего, это германскій:

гот. auhsa „быкъ“, им. мн. auhs-an-s, дат. и мѣст. ед. auhs-in (род. мн. auhs-n-e);

и особенно армянскій:

им. ед.	им. мн.	дат.-мѣст. ед.	твор. ед.
anjn „лицо“	anj-in(-kh)	anj-in	anj-am-b
harsn „невѣста“	hars-un(-kh)	hars-in	hars-am-b

(въ армянскомъ i и u передъ n отражаютъ и.-е. *e и *o).

Чередованіе *e и *o было широко распространено; мы находимъ его, напр., и въ основахъ на *-r-:

им. ед.	им. мн.	мѣст. ед.	твор. мн.
скр. svásā „сестра“	svás-ār-aḥ	svás-ar-i	svás-ṛ-bhiḥ
лит. sesũ „сестра“	(sēs-er-s)	ses-er-(yjè)	—

и рядомъ основа безъ чередованія *e/o:

скр. mātā „мать“	māt-ār-aḥ	māt-ār-i	māt-ṛ-bhiḥ
лит. mótė „жена“	mót-er-(e)s	mot-er-(yjè)	—

Латинскій языкъ отражаетъ это различіе въ формахъ soror „сестра“ и māter „мать“, но распространяетъ *o именительнаго падежа на все склоненіе слова soror.

Противуположеніе *e и *o въ греческомъ именномъ склоненіи сохранилось только въ именахъ средняго рода на *-es-:

гр.	νέφ-ος „облако“	род. ед.	νέφ-ε(h)-ος
др.-сл.	нѣб-о		нѣб-ес-е

Если простое слово въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, имѣетъ вокализмъ *e въ вин. ед. и въ им. мн. муж. жен. р., то сложное слово часто имѣетъ ступень *o; напр. гр. πατήρ, πατέρες: ἀπάτωρ, ἀπάτορες (при чемъ o распространилось во все мн. склоненіи); φρήν, φρένα: ἄφρων, ἄφρονα (съ тѣмъ же обычнымъ въ греч. распространеніемъ o во

всемъ склоненіи); при скр. *pít-ár-ah* „отцы“ мы находимъ *tvát-pít-ār-ah* „имѣющіе въ тебѣ отца“, съ *a*, указывающимъ на первоначальное **o*; и армянскій языкъ еще съ большею отчетливостью сохранилъ на ряду съ другими и слѣдующую противоположность въ склоненіи простого *anjn* „лицо“ и сложнаго *ší-anjn* „монахъ“ (соб. одинокое лицо):

мѣстн. ед. <i>anj-in</i>	им. мн. <i>anj-in-(kh)</i>	твор. <i>anj-am-b</i>
<i>mí-anj-in</i>	<i>mí-anj-un-(kh)</i>	<i>mí-anj-am-b</i>

Падежи, въ которыхъ элементъ, предшествующій окончанію, имѣлъ ступень вокализма **o* были въ единств. числѣ именительный, винительный (и, можетъ быть, звательный?) мужскаго и женскаго рода, во множественномъ — именительный муж. и жен. р. и именит. средн. р. и въ двойственномъ числѣ — именит., зват. и винит. падежъ муж. и жен. р.

Чтобы объяснить соотвѣтствія формъ одного языка съ формами другого, необходимо принимать въ расчетъ чередованія гласныхъ; такъ склоненіе и.-е. основы **ped-* „нога“ таково: им. ед. скр. *pát*, дор. *πός*, слѣдовательно и.-е. **pōt-s*; им. мн. скр. *pād-ah*, гр. *πόδες*, арм. *ot-(kh)* слѣдовательно и.-е. **pōd-es*; род. ед. скр. *pad-áh*, лат. *ped-is*, слѣдоват. и.-е. **ped-é/ós*; звукъ **e* былъ распространенъ во всемъ склоненіи въ латинскомъ: *pēs*, *pedem*, *pedēs* и т. д.; звукъ **o* — въ греческомъ: *πός*, *πόδα*, *πόδες* и т. д., а также въ армянскомъ; германскій языкъ распространилъ на всѣ падежи **ō* именительнаго ед. ч.: гот. винит. ед. *footu* (изъ **pōdŋ*) и такъ во всемъ склоненіи этого слова. На этомъ примѣрѣ, который можно считать однимъ изъ прекрасно сохранившихся, мы видимъ, насколько измѣнился въ различныхъ языкахъ вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію.

Передъ всякимъ окончаніемъ, начинающимся согласнымъ (или согласнымъ сонантомъ), элементъ, предшествующій окончанію, имѣетъ нулевую ступень вокализма, если суффиксъ имѣетъ сонантъ способный вокализоваться:

др.-атт. *φρα-σί* (также у Пиндара), съ *α* отражающимъ **ŋ*, при *φρήν*, *φρεν-ός*.
гр. *πατρά-σι* при *πατήρ*, *πατέρα*.
мѣст. мн. скр. *sūnŋ-ṣu* „у сыновей“, др.-сл. **СЫНЪ-ХЪ**.

твор. мн. скр. *sūnū-bhiḥ* „сыновьями“, др.-сл. *сынѣ-мн*;
ср. гот. *sunu-m*.

твор. ед. арм. *hars-am-b* „невѣстою“ (-am-b изъ **n-bhi*).

Нулевой вокализмъ предшествующаго окончанію элемента въ им. падежѣ ед. ч. при окончаніи *-s вполнѣ отвѣчаетъ этому правилу:

скр. *sūnū-ḥ* „сынѣ“, лит. *sūnū-s*, гот. *sunu-s* при им. п. мн. ч. скр. *sūnāv-aḥ* и т. д.

скр. *svādū-ḥ* „сладкій“, гр. *ῥόδῦ-ς* при им. мн. скр. *svādāv-aḥ*, гр. *ῥοδείς* (изъ **ῥαδέεF-ες*).

скр. *āhi-ḥ* „змѣя“, гр. *ῥφι-ς* при им. мн. скр. *āhāy-aḥ*, гр. *ῥφεις* (изъ **ῥφευ-ες*); др.-сл. *пѣть*, им. мн. *пѣтьє* (съ -ѣє, отражающимъ, повидимому, *-ey-es).

Исключеніе составляютъ: во-первыхъ, односложные именительные падежи, имѣющие долгій гласный, какъ скр. *dyaū-ḥ* „небо“, гр. *Ζεύς*: скр. *gāu-ḥ* „быкъ“, гр. *βοῦς*; зд. *zā* „земля“ изъ **zā-s* (им. п. восточно-иранской основы **zām-*); и вторыхъ, основы на *-nt-, которыя имѣютъ въ именит. падежѣ гласный звукъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію, какъ напр. скр. *brhān* (изъ **brh-ant-s*) „высокій“, гр. *ὀδούς* (изъ **ὀδοντ-ς*) „зубъ“, лит. *vežū̃s* (изъ **weghont-s*) „везущій“ и т. д.

Тѣ именительные падежи муж. и жен. рода, которые имѣютъ нулевое окончаніе, характеризуются долгимъ гласнымъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію; въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли на стр. 138 и сл., конечный сонантъ можетъ отпадать:

скр. *mātā* „мать“ (им. мн. *mātār-aḥ*), лит. *mótė* (им. мн. др.-лит. *moter-es*), гр. *μήτηρ, μητέρ-ες*.

гр. *δῶτωρ, δῶτωρ-ες*.

скр. *vīṣā* „самецъ“ (им. мн. *vīṣaṇ-aḥ*), гр. *ἄρσην, ἄρσεν-ες*.

гр. *ἄκμων, ἄκμων-ες*; лит. *akmū̃*.

скр. *durmanāḥ* „печальный“ (им. мн. *durmanas-aḥ*); гр. *δυσμενής* „враждебный“, *δυσμενεῖς* (-εῖς изъ **eh-ες*).

гом. *ῥώς* „заря“, вин. ед. *ῥόα* (изъ **aus-os-ḥ*).

дор. *πώς, πόδ-ες*; лат. *pēs, pedem*.

Винительный и звательный ед. ч., имен. и зват. мн. ч. и имен., зват. и вин. двойств. ч. мужеск. и женск. рода имѣютъ одинаковый вокализмъ: *e краткое или *o краткое, смотря по основѣ:

	вин. ед.	зв. ед.	им. мн.	им.-вин. дв.
гр.	μητέρα	μητηρ	μητέρες	μητέρε
вед.	mātár-am	mātar	mātár-aḥ	mātár-ā
лит.	móter-i	—	móter-(e)s	móter-[i]
др.-сл.	матер-ь	—	матер-[н]	матер-[н]
гр.	πάτορ-α	πάτορ	πάτορες	πάτορ-ε

точно такъ же:

вед.	—	sūno „сынъ!“	sūnāv-aḥ	—
лит.	—	sūnau	—	—
др.-сл.	—	сыноу	сынов-е	—
дор.	—	—	πάχερ-ες	πάχερ-ε

или въ основахъ на *-i-:

скр.	—	áhe „змѣя!“	áhaya-aḥ	—
лит.	—	naktė „ночь!“	—	—
др.-сл.	—	пѣти	пѣтые	—
гр.	—	—	ῥφε(у)-ες	ῥφε(у)-ε

Но здѣсь въ вин. п. ед. ч. вмѣсто формъ съ вокализмомъ *e въ элементѣ передъ окончаніемъ мы находимъ формы съ нулевымъ вокализмомъ по образцу им. п. на *-us и *-is; такъ въ вин. падежѣ къ индо-европейской эпохѣ восходятъ формы: скр. sūnūm, лит. sūnų (др.-прусск. sunu-n), др.-сл. **сынь**, дор. πάου-ν; скр. áhi-m, лит. nakti (др.-прусск. nakti-n), др.-сл. **пѣть**, гр. ῥφί-ν; въ зват. ед. дор. πάου, ῥφί; въ им., зват. и вин. двойств. къ индо-европейской эпохѣ восходятъ формы скр. sūnū, др.-сл. **сыны**, лит. sūnu (изъ *sūnū); скр. áhī, лит. nakti (изъ *naktý), др.-сл. **пѣти**.

Такимъ же влияніемъ им. ед. объясняется неправильное появленіе долгаго гласнаго въ слѣдующихъ вин. п. уже въ индо-европейскую эпоху: скр. gāṁ „быка“, дор. βῶν, и.-е. *g^wōm, первоначально *g^wōm, по образцу им. п. *g^wōus (скр. gāuḥ); скр. dyām „небо“, гом. Ζῆν(α), лат. diem, и.-е. *dyēm, первоначально *dyēu-m по образцу им. ед. *dyēus (скр. dyáuḥ); если бы долгій гласный былъ старій, то формы имѣли бы другой видъ, какъ это видно изъ формъ основы *nāu- „корабль“, гдѣ долгое *ā остается во всемъ склоненіи основы; здѣсь вин. п.: скр. nāv-am, гр. *νᾶρ (гом. νῆα, ион. νῆα).

Именит., зват. и вин. пад. ед. ч. ср. р. имѣеть обыкновенно въ элементѣ передъ окончаніемъ нулевой вокализмъ (окончаніе тоже нулевое); такъ напр.:

скр. *mādhū* „медь“, гр. μέθυ, др.-прусск. *meddo* (съ *o*, отражающимъ **ū*); скр. *svādū* „сладкое“, гр. ἡδύ.

скр. *pāma* „имя“ (-*a* отражаетъ **ū*), гр. ὄνομα, лат. *nōmen*.

скр. *yākṛt* „печень“, гр. ἡπαρ, лат. *iesur*.

Мы находимъ однако также и долгую ступень вокализма, но при какихъ условіяхъ, опредѣлить невозможно: гр. ὕδωρ „вода“, др.-сл. *имѣ* (-*ѣ* изъ **-ēn*). — Вокализмъ **o* и **e* является только тамъ, гдѣ суффиксъ не имѣеть сонанта, способнаго вокализоваться:

скр. *mān-aḥ* „духъ“ гр. μένος

скр. *durgmaṇaḥ* „печальный“ гр. δυσμεν-ές

и даже въ этомъ случаѣ нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ иногда является послѣ двусложнаго корня, въ которомъ **ə* представляетъ необходимый для произнесенія гласный звукъ:

скр. *kravīḥ* „сырое мясо“ гр. κρέ(F)ας

или послѣ **n*: скр. *āyu-ḥ* „вѣкъ“ (ср. гр. мѣстн. αἰ-F-ές).

Имен., зват. и винит. мн. ч. средн. рода имѣеть долгую ступень вокализма въ одной части случаевъ передъ конечнымъ **-ə* или нулемъ, какъ напр.:

скр. *ghṛtāvānt-i* „жирный, масляный“, зд. *mīždavān* „снабженный жалованіемъ“ (-*ān* отражаетъ индо-иранское **-ānt*); въ гр. (τρι-)κοιτ-α и арм. (երե-)սոս „три десятка“ второй элементъ представляетъ мн. ч. средняго рода; быть можетъ, онъ имѣлъ вокализмъ **ō*, но въ подобныхъ положеніяхъ греческій и армянскій не отличаютъ **ō* отъ **ö*.

скр. *catvār-i* „четыре“, гот. *fidwor*.

скр. *pāmān-ī*, зд. *pāmān* (-*ān* изъ иран. **-ān*) „имена“, гот. *hairton-a* „сердца“.

зд. *manā* (-*ā* изъ иран. **-ās*) „мысли“, др.-англ. (норт-умберландск.) *calfur* „телята“ (-*ur* изъ **-ōr*, первонач. **-ōsā*).

Въ другихъ случаяхъ элементъ передъ окончаніемъ имѣеть нулевой вокализмъ:

вед. *trī*, др.-сл. *три*, лат. *trī-(gintā)*, и т. д. (съ и.-е. *-ī, т. е. *-yə) и гр. *τρία*, лат. *tria* (съ *-iy-ə).

вед. *mádhū* (съ и.-е. *-ū, т. е. *-w-ə); лат. *geni-a* (съ *-uw-ə).

вед. *pāmā* „имена“ (съ и.-е. *-n̄, т. е. *-n-ə).

Мѣстный ед. ч. имѣетъ характерный вокализмъ элемента передъ окончаніемъ — краткій гласный *e, какъ напр. скр. *netār-i* „у проводника“ съ а отражающимъ *e, при винит. п. *netār-am*, гдѣ а предполагаетъ старое *o, и при дат. *netār-é* съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ окончаніемъ; точно также вед. мѣстн. п. *dyāv-i* „на небѣ“, тождественный съ лат. *Iou-i* (изъ **duew-i*), противуполагается родительному съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ окончаніемъ вед. *div-āḥ*, ср. гр. *Διὸς*. Этотъ вокализмъ сохранился въ двухъ греческихъ формахъ мѣстн. падежа съ нулевымъ окончаніемъ, превратившихся въ нарѣчія: *αἰ(F)έν* „всегда“, которое напоминаетъ скр. типъ *āhan* „днемъ“, и *αἰ(F)ές* „всегда“ (при *αἰῶ*, т. е. **aiʰo[h]-a*), или съ окончаніемъ *-i, *αἰ(F)εί* (-εἰ изъ *-ε[h]-t). — Другія формы мѣстнаго ед. ч. съ нулевымъ окончаніемъ имѣютъ долгую ступень вокализма, какъ напр.: скр. *vasāu*, зд. *vañhāu* „въ добрѣ“ съ древнимъ *-ōu (или *-ēu?), которое чередуется, по правилу, изложенному на стр. 138 и сл., съ *-ō, засвидѣтельствованнымъ др.-сл. нарѣчіемъ *дома* (отъ основы на *-u- **dom-eu-*); вед. *girá*, зд. *gāra* „на горѣ“ (отъ индо-иранской основы **g°rai-*), гдѣ конечное индо-иранское *-ā отражаетъ старое *-ē или *-ō, чередующееся съ *-ēi или *-ōi; зд. *aṇ* „днемъ“ (-ṇ изъ *-ān, первонач. *-ēn или *-ōn); можетъ быть, гр. нарѣчіе *νύκτωρ* „ночью“ и т. д. На этой долгой ступени вокализма, повидимому, основывается долгій гласный греческаго типа основъ на *-i-: гом. *πόλις*, атт. *πόλη*, гдѣ прибавленнымъ оканчивается обычное въ греческомъ окончаніе дательнаго и мѣстнаго *-i.

Во всѣхъ остальныхъ падежахъ окончанія начинаются либо гласнымъ, либо гласнымъ сонантомъ, и никогда не бываетъ нулевого окончанія: родит. и аблат. ед. ч. — *-es, *-os, *-z; дат. ед. *-ei; род. мн. *-ōm, *ōn; вин. мн. муж. и жен. р. *-ns род. дв. *-ous (или *eus, или *-aus?); им.,

зват. и вин. дв. ч. ср. р. *-ї. Мы находимъ въ этихъ падежахъ два типа вокализма элемента передъ окончаніемъ, которые различаются, смотря по словамъ:

1. Вокализмъ *е и, по крайней мѣрѣ въ родит. и аблат. основъ на *-i- и *-u-, вокализмъ *о въ элементѣ передъ окончаніемъ.

Этотъ вокализмъ мы встрѣчаемъ въ основахъ на *-men-, такъ напр. вед. bráh-mān- (ср. р.) „молитва“ и brah-mān- (муж. р.) „жрецъ“ имѣютъ въ род. ед. bráh-mān-aḥ, brah-mān-aḥ; въ дат. ед. bráh-mān-e, brah-mān-e; въ вин. мн. муж. р. brah-mān-aḥ; въ род. мн. bráh-mān-ām, brah-mān-ām; въ род. дв. bráh-mān-oḥ, brah-mān-oḥ; въ им. дв. ср. р. bráh-mān-ī. Точно такъ же и въ славянскомъ существительное ср. р. бръма имѣетъ въ род. ед. бръ-мен-е, въ дат. ед. бръ-мен-и, въ род. мн. бръ-мен-ъ, въ род. дв. бръ-мен-оу, въ им. дв. бръ-мен-и. И въ греческомъ мы имѣемъ ποι-μέν-ος, ποι-μέν-ας, ποι-μέν-ων, ποι-μέν-οιυ или съ распространіемъ во всемъ склоненіи ступени *о, являющейся въ винит. ед. и въ им. мн.: στῆ-μον-ος „основы (на ткацкомъ станкѣ)“, στῆ-μον-ας, στῆ-μόν-ων, στῆ-μόν-οιυ.

Тотъ же вокализмъ имѣетъ большинство основъ на *-u- и на *-i-; такъ напр.:

родит. и аблат. ед. ч.: скр. sūnó-ḥ „сына“, лит. sūnau-s, др.-сл. сынюу, гот. sunau-s (съ гласнымъ *о въ элементѣ передъ окончаніемъ); ср. гр. γλυκέF-ος „сладкаго“ съ господствующей въ греч. языкѣ формою окончанія *-os.

дат. ед.: скр. sūnāv-e, др.-сл. сынюв-и (съ о изъ первоначальнаго *е передъ в).

род. мн.: др.-сл. сынюв-ъ, гот. suniūw-e, ср. гр. γλυκέ(F)ων „сладкихъ“.

род. дв.: др.-сл. сынюв-оу, ср. гр. γλυκέ(F)οιυ.

или въ основахъ на *-i-:

родит. и аблативъ ед.: скр. máte-ḥ „мысли“, гот. austai-s „милости“ (вокализмъ элемента передъ окончаніемъ — *о).

род. мн.: зд. θγαυ-αῖν „трехъ“, др.-сл. трыи (изъ *treu-ōr) и т. д.

Единственное исключеніе представляетъ вин. мн. основъ на *-i- и на *-u- своими формами *-u-ns, *-i-ns: крит. οὖ-νς, гот. sunu-ns „сыновей“; гот. gasti-ns „гостей“, др.-прусск. ausi-ns „уши“.

2. Нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ.

Это нормальный вокализмъ въ основахъ на *-n-, кромѣ основъ на *-men-; такъ напр.

род. и аблат. ед. скр. *ḡú-n-aḥ* „собаки“, гр. *κν-ν-ός*, лит. *szu-ñ-(e)s*, др.-ирл. *co n* (изъ **ku-n-os*).

дат. ед. скр. *ḡú-n-e*, др.-ирл. *co in*.

вин. мн. скр. *ḡú-n-aḥ*, гр. *κν-ν-ας*, лит. *szu-n-is*, др.-ирл. *co-n-a*.

род. мн. скр. *ḡú-n-ām*, гр. *κν-ν-ων*, лит. *szu-n-ū*, др.-ирл. *co-n n*.

род. дв. скр. *ḡú-n-oḥ*, гр. *κν-ν-οῦ*.

Этотъ вокализмъ, довольно хорошо сохранившійся въ ведическомъ языкѣ, въ остальныхъ языкахъ встрѣчается довольно рѣдко; тѣмъ не менѣ слѣды его сохранилъ греческій языкъ, напр., въ род. ед. *ἄρ-ν-ός* „ягненка“ (им. ед. атт. *ἀρήν*), готскій языкъ — въ такихъ формахъ какъ род. мн. *unhs-n-e* „быковъ“ (дат. ед. *aunsin*) и т. д.

Для основъ на *-u-, кромѣ родит. и аблат. скр. *di-v-áḥ* „неба“, гр. *Δι-Ἔ-ός*, индо-иранскій языкъ даетъ много хорошихъ примѣровъ, а именно: род. и аблат. ед. скр. *paç-v-áḥ*, зд. *paç-v-ō* „скота“, дат. ед. скр. *paç-v-é*, вин. мн. скр. *paç-v-áḥ*, зд. *paç-v-ō*; род. мн. зд. *paç-v-ām*. Для основъ на *-i- можно привести скр. род. и абл. *áv-y-aḥ* „овцы“, гр. *οἴός* (изъ **ǝF-y-ός*).

То же касается основъ на *-nt-; такъ въ скр. при вин. ед. *br̥hánt-am* „высокаго“ мы имѣемъ въ род. и абл. ед. *br̥hat-áḥ* (гдѣ *-at-* изъ **-nt-*), дат. ед. *br̥hat-é*, вин. мн. *br̥rat-áḥ*, род. мн. *br̥hat-ām*, им. дв. ср. р. *br̥hat-í*. При скр. вин. ед. *dánt-am* „зубъ“ род. и аблат. имѣетъ форму *dat-áḥ* и т. д.; вокализмъ скр. вин. ед. *dánt-am*, сохраненный въ гр. *δδόντ-α* и въ лит. *dañt-i*, былъ распространенъ въ греческомъ и литовскомъ и на всѣ остальные падежи, откуда род. мн. гр. *δδόντ-ων*, лит. *dant-ū*; съ другой стороны гот. вин. ед. *tunþu* получилъ вокализмъ родительнаго, между тѣмъ какъ др.-сакс. *tand* сохранилъ вокализмъ винительнаго падежа ед. ч.; *-en-* латинскаго *dens* (основа *dent-*: род. мн. *dentum*) и *-ē-* др.-ирландскаго *dēt* могутъ отражать **-en-*, но скорѣе всего восходятъ къ распространенному во всемъ склоненіи **-ū-*. Нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ въ им. дв. ср. р. сохранился въ

зд. (vī-)sait-i, беот. (Fl-)xat-i, арм. (kh-)san „два десятка“ и т. д., гдѣ вокализмъ *k₁ mt- противопоставляется вокализму мн. ч. гр. (τρία-)κοιτ-α, арм. (ere-)sun „три десятка“.

Имена родства на *-r- въ указанныхъ падежахъ имѣють также нулевой вокализмъ; такъ въ род. ед. гр. πατρ-ός, лат. patr-is, арм. hawr (гдѣ -wr- отражаетъ *-tr- со слѣдующимъ гласнымъ). Имена дѣйствующихъ лицъ (nomina agentium), повидимому, имѣли въ тѣхъ же падежахъ гласный звукъ; напр. гр. δῶτορ-ος и т. д. (гдѣ *o замѣнило старое *e).

По общему правилу, установленному на стр. 150 и сл., одинъ только гласный элемента, предшествующаго окончанію, подвергается измѣненіямъ въ нормальныхъ формахъ. Тѣ основы, склоненіе которыхъ сопровождается измѣненіемъ вокализма элемента, предшествующаго суффиксу, измѣняютъ также и суффиксъ и потому оказываются во всѣхъ отношеніяхъ неправильными.

Это измѣненіе суффикса является почти исключительно въ именахъ ср. рода въ им. и вин. п. съ одной стороны, и въ остальныхъ падежахъ — съ другой; и это объясняется легко: дѣйствительно, только им. и вин. падежъ имѣетъ особую форму ср. рода и потому эти падежи выдѣляются изъ остального склоненія; и, кромѣ того, им. и вин. мн. ср. рода обыкновенно имѣетъ особую основу на *-ā-, произведенную отъ основы остальныхъ падежей и непримѣняемую въ остальномъ склоненіи.

α. Имена средняго рода.

1. Основы на *-eu- и на *-es- съ прибавленіемъ суффикса *-en-:

скр. dāgu „дерево“, род. и аблат. ед. d r ū - ŋ - a ḥ; гр. δῶρον „копье“, род. ед. δῶρ F - α - τος (старыя основы ср. р. на *-n- въ греческомъ переходятъ въ основы на -xt- = *-nt-). Мы имѣемъ слѣдовательно, *dōr-, *dor-, *der- (лит. der vā „еловое дерево“), *dr-; прибавленіе суффикса *-en- влечетъ за собою нулевую ступень вокализма элемента, предшествующаго суффиксу, по правилу, изложенному на стр. 232 сл.: нулевой вокализмъ корня въ скр. d r ū - ŋ - a ḥ „дерева“ совпадаетъ съ гом. δρου-μά „лѣсъ“ и скр. dru-má-h „дерево“, при гр. δῶρον и скр. dāgu, или съ вокализмомъ собирательнаго имени съ

суффиксомъ **-ā-*: **-ǝ-*: гр. *δρυς* (изъ **drw-ǝ-*) „дубъ“, ср. мн. ч. ср. р. др.-сл. *дрѣв-а* при *дрѣв-о* (изъ **derwo*, ср. лит. *dervā*).

вед. *jānu* „колѣно“, им. и вин. дв. *jānu-n-ī*, род. дв. *jānu-n-oḥ*; *jñu-* въ сложномъ словѣ *jñu-bādh-* „преклоняющій колѣна“; гр. *γόνυ*, *γόνυ(F)-α-(τος)*; *γυ-* въ сложномъ *γυόπετος* „падающій на колѣна“ и въ словѣ *γυός* „на колѣни“; лат. *genu*, съ *e*.

скр. *āyu* „вѣкъ“, мѣстн. ед. *āyu-n-i*; гр. *αἰF-έν* (мѣстн. падежъ, превратившійся въ нарѣчіе); зд. дат. ед. *yav-e* „для вѣчности“, твор. ед. *yav-a*.

скр. *çir-aḥ* „голова“, род. ед. *çir-ṣ-n-āḥ*, мѣстн. *çir-ṣ-āṇ-i*.

гр. *οὔς* „ухо“, др.-сл. *оухо* (изъ **ausos*), — род. гот. *aus-in-s*, гом. *οὔ-α-(τος)*. Двойств. число средняго рода отъ этой основы съ нулевымъ суффиксомъ засвидѣтельствовано зд. *uš-i*, др.-сл. *оуш-и*, лит. *aus-i*, и, вѣроятно, по аналогіи этого двойственного числа было создано лит. ед. ч. *aus-i-s* „ухо“ и лат. мн. ч. *aur-ēs*. Вокализмъ имѣеть, слѣдовательно, формы: **ous-*, **us-*, **aus-* (последнее съ протетическимъ **a*, ср. стр. 137).

2. Основы съ чередующимися **-er-* и **-en-*; типъ довольно частый:

гр. *ἥπαρ* „печень“, род. *ἥπα-α-(τος)*, зд. *yākarə*, съ **e*; скр. *yāk-r-t*, род. *yak-n-āḥ*, пехлевійское *jakar*, лит. *jek-n-(os)*, лат. *iesur*, *iesinoris* (вм. **ies-in-is*), съ **ē* въ элементѣ передъ суффиксомъ.

гом. *εἶαρ* (т. е. *ἦαρ*) „кровь“ съ **ē*; скр. *ās-r-k*, род. *as-n-āḥ*, лат. (діалектическое) *asir*, арм. *arīwn*, съ начальнымъ **a*.

гр. *ὑδ-ωρ* „вода“, род. ед. *ὑδ-α-(τος)*, скр. (*ud-aka-m*) род. *ud-n-āḥ* съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ суффиксомъ; др.-англ. *wæter* и др.-вр.-нѣм. *wazz-ar*, гот. род. ед. *wat-in-s* съ вокализмомъ **o* въ корнѣ, являющимся и въ др.-слав. *вода*; славянскій языкъ имѣеть также и **ē* въ производномъ *вядро* (собств. „(сосудъ) для воды“); то же и въ др.-исл. *vátr* (*á* отражаетъ **ē*) „мокрый“; арм. *get* (изъ **wedos*?) значить „рѣка“.

гр. *Ἔαρ* „весна“, лит. *vas-ag-(à)*; скр. *vas-an-(tāḥ)*, др.-сл. *вес-и-(а)*, всѣ съ вокализмомъ **e*; вокализмъ **ē* является

въ лат. *uēr*, др.-исл. *vár* (съ выпаденіемъ **s* между долгимъ гласнымъ и **r*).

Въ этихъ именахъ *-ег- и *-еп- суть, повидимому, вторичные суффиксы, присоединенные къ основѣ съ нулевымъ суффиксомъ, часто не засвидѣтельствованной; такъ напр. отъ основы **alk*- засвидѣтельствованной гр. дат. *ἀλκί* „защитѣ“ мы встрѣчаемъ форму *ἀλαρ* „защита“ съ суффиксомъ *-ег- (и *ἀλκί* „защита“ съ суфф. *-ā-).

Чередованіе *-г- и *-п- можетъ сочетаться съ предшествующими суффиксами; такъ армянскій языкъ имѣетъ им. и вин. *սըր* „колѣно“ изъ **g₁ōn-u-r*, гдѣ *r* чередуется съ носовымъ греческаго *ῥόν-F-α(τος)* и ведическаго дв. *jānu-p-i* „колѣна“. Армянскій языкъ имѣетъ даже такія прилагательныя, какъ *սար* „тяжелый“ съ *r* (происшедшимъ изъ ср. р. на *-ur) въ им. п., въ род. *սարս* (нормальный родительный основъ на *-u-), безъ *-г- и безъ *-п-, и въ им. мн. *սարս-ն-(kh)*, съ *-п-.

Суффиксы *-el- и *-en- чередуются въ вед. *ś(ú)v-ar* „солнце“ (и производное *śúr-ya-h*) — гр. *ἥλιος* (изъ **āF-él-ιος*), гот. *saui-l*, лит. *saui-l-(ē)*, лат. *sōl*, др.-ирл. *sūil* (значить „глазъ“), др.-сл. *слъ-н-ыце* — гат. *xvəng* (читай: *huvəng* изъ **suu-v-an-s*), гот. *su-p-(no)*.

β. Имена мужескаго и женскаго рода.

Примѣры рѣдки: *-ег- и *-еп- чередуются повидимому въ:

гр. *ἄκμ-ων*, *ἄκμ-ων-ος* „наковальня“, лит. *акмū* „камень“, род. *акм-еī-s*, скр. *áçmā* „камень“, род. ед. *áçm-an-aḥ* — др.-сл. *кѣмъ*, род. *кѣм-ен-е*, — др.-исл. *ham-ar-r* „молотъ“. Чередованія сложны: **kōm-* (др.-сл. *кѣмъ*), **kom* (др.-исл. *hamar*), **akt-* (съ протезой **a-*: скр. *áçmā*, гр. *ἄκμων*, лит. *акмū*); слѣдуетъ отмѣтить кромѣ того несовпаденіе гортанныхъ: скр. *ç*, но лит. и слав. *k*.

Первичная сравнительная степень на *-уес- получала вторичный суффиксъ въ косвенныхъ падежахъ: атт. вин. ед. *ἦδῖω* (изъ **Fādiōa*, **Fādiōha*), род. ед. *ἦδῖονος* (изъ **Fādiōnos*, съ *ī* по аналогіи съ *ἦδῖω*); индо-иранскій, латинскій и кельтскій провели всюду форму безъ вторичнаго суффикса, откуда род. ед. *svādīyasaḥ*, лат. *suāuīōris*; германскій и большинство греческихъ діалектовъ провели вездѣ форму съ вторичнымъ суффиксомъ, откуда вин. п. ед. ч. гот.

sūtizan „болѣе сладкій“, ион. ἡδίστονα (съ краткимъ ι). Слогъ, предшествующій суффиксу, не представляетъ чередованія гласныхъ.

Нулевой суффиксъ чередовался съ суффиксомъ *-oi- въ скр. rānthā-ḥ, зд. ranta „путь“ (*-ās изъ и.-е. *-ēs или *-ōs, происшедшаго изъ *-ēi-s или *-ōi-s?), твор. мн. скр. rathī-bhiḥ; род. ед. (отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ) скр. rath-āḥ, зд. рaθō; вокализму скр. rānthāḥ соотвѣтствуютъ: др.-слав. **пѣть**, лат. pons „мостъ“ (род. мн. pontium) и арм. hup „перевальъ“; вокализму скр. rathī-bhiḥ и rath-āḥ соотвѣтствуетъ др.-прусск. rintis „путь“; ср. также греч. тематическое производное πάτος „шагъ, тропинка“.

γ. Мѣсто ударенія.

Единственные языки, дающіе намъ свѣдѣнія объ измѣненіи мѣста ударенія при склоненіи одной и той же именной основы, — это ведическій, греческій, литовскій и тѣ славянскіе діалекты, которые не имѣютъ опредѣленнаго мѣста ударенія, т. е. главнымъ образомъ русскій и сербскій. Данныя греческаго затемняются вліяніемъ того закона, который ограничиваетъ мѣсто ударенія концомъ слова, а данныя литовскаго языка и славянскихъ нарѣчій затемняются многочисленными новшествами, свойственными только этимъ языкамъ. Въ греческомъ старая подвижность ударенія очень упростилась вмѣстѣ съ упрощеніемъ всего именного склоненія. Даже ведическій языкъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не представляетъ первоначальнаго состоянія. Такимъ образомъ о передвиженіяхъ ударенія въ индоевропейскомъ склоненіи мы имѣемъ еще менѣе свѣдѣній, нежели о чередованіи гласныхъ въ элементѣ, предшествующемъ окончанію.

Яснѣе всего передвиженіе ударенія наблюдается въ односложныхъ основахъ; возьмемъ основу *ped- „нога“.

Ед. ч.	вед.	греч.
Им.	pā́t	πούς (дор. πός)
Вин.	pād-am	πόδ-α
Род. Abl.	pad-āḥ	ποδ-ός
Мѣстн.	pad-í	ποδ-ί

Мн. ч.

Им.	pa d - a h	πό - ες
Вин.	pa d - á h	πόδ - ας
Род.	pa d - ā m	πόδ - ὠν
Мѣстн.	pa t - s ú	гом. ποσ - σί

Дв. ч.

Им. вин.	pa d ā	πόδ - ε
Род.	pa d - ó h	πόδ - οῖν

Согласіе ведическаго и греческаго языковъ относительно мѣста ударенія — полное, съ единственнымъ исключеніемъ винит. мн., гдѣ несоотвѣтствіе мѣста ударенія легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что оно измѣнено либо въ греческомъ, либо въ ведическомъ; нужно отмѣтить только, что совпаденіе скр. pa d - í съ гр. ποδ - í не доказываетъ того, будто мѣстн. падежъ первоначально имѣлъ удареніе на концѣ, такъ какъ другія формы мѣстнаго падежа имѣють удареніе на элементѣ, предшествующемъ окончанію, какъ напр. въ скр. kṣā m - i „на землѣ“. Литовскій языкъ даетъ нѣкоторое подтвержденіе фактовъ ведическаго и греческаго языковъ, противуполагая вин. ед. žą s - ĭ „гуся“ родительному мн. žą s - ū параллельно гр. χῆνα (изъ *χάυσ - α) и χῆνων (изъ *χάυσ - ὠν).

Подвижность ударенія, наблюдаемая на примѣрахъ односложныхъ основъ допускаетъ двоякое объясненіе: мы можемъ толковать это явленіе, какъ передвиженіе ударенія либо между окончаніемъ и элементомъ, предшествующемъ ему, либо между окончаніемъ и корнемъ, какъ въ настоящемъ времени глаголовъ (см. стр. 199 сл.). Наблюденіе надъ основами, состоящими изъ корня и суффикса, должно было бы разрѣшить этотъ вопросъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ затрудненіями.

Передвиженіе ударенія между извѣстными окончаніями и элементомъ, имъ предшествующимъ, засвидѣтельствовано ведическимъ языкомъ; на примѣръ:

	ед. ч.	мн. ч.	дв. ч.
Им. муж. р.	br̥h - ān „высокій“	br̥h - ánt - aḥ	br̥h - ánt - ā
Вин. муж. р.	br̥h - ánt - am	br̥h - at - áh	—
Род.	br̥h - at - áh	br̥h - at - ām	br̥h - at - óh
Дат.	br̥h - at - é	br̥h - ád - bhyaḥ	br̥h - ád - bhyaḥ
Им. ср. р.	br̥h - át	br̥h - ánt - i	br̥h - at - í

Но въ этомъ отношеніи ведическій языкъ стоитъ одиноко, и другіе языки не даютъ ничего подобнаго, кромѣ греческаго слова $\gamma\upsilon\upsilon\eta$ „жена“, вин. ед. $\gamma\upsilon\upsilon\alpha\iota\chi-\alpha$, род. ед. $\gamma\upsilon\upsilon\alpha\iota\chi-\acute{\omicron}\varsigma$. Греческое чередованіе ударенія въ формахъ $\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho-\alpha$, $\mu\alpha\tau\epsilon\rho-\acute{\omega}\nu$ не можетъ быть въ данномъ случаѣ поставлено въ параллель, такъ какъ здѣсь вокализмъ исключаетъ возможность сохраненія ударенія на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Балтійскія и славянскія нарѣчія, наоборотъ, даютъ примѣры передвиженія ударенія (отражающаго индо-европейское тоническое удареніе) между началомъ и концомъ слова; такъ въ литовскомъ мы наблюдаемъ слѣдующіе примѣры основъ на *-i-, *-u-, *-r- и *-n-:

Ед. ч.

Им. szirdis „сердце“	sūnūs „сынъ“	mótē „жена“	akmū „камень“
Вин. szirdį	súnų	móter-į	ākmen-į
Род. szirdės	sūnaūs	moteĩs	akmeĩs

Множ. ч.

Им. szirdys	súnūs	móters	ākmenis
Вин. szirdis	súnus	móteris	ākmenis
Род. szirdžių	sūnų	moterių	akmenių

Дв. ч.

Им. szirdi	sūnu	móteri	akmeniū
------------	------	--------	---------

То же самое въ русскомъ языкѣ: им. мн. кости, род. мн. костей, дат. мн. костямъ, въ чакавскомъ сербскомъ: им. мн. kōsti, твор. мн. košcāmī; и т. д.; въ русскомъ им. мн. новости, род. мн. новостей. Въ единственномъ числѣ можно отмѣтить соотвѣтствіе русскаго десять, род. десяти и лит. dēszimtis, род. deszimtės.

Слѣдовательно, между состояніемъ ведическимъ и балтійско-славянскимъ нѣтъ соотвѣтствія. Греческій въ этомъ отношеніи не даетъ почти ничего, такъ какъ въ многосложныхъ основахъ удареніе стало неподвижнымъ. Во всякомъ случаѣ противоположность формъ $\mu\eta\tau\eta\rho$, $\mu\eta\tau\rho\acute{\varsigma}$ и $\theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ (вѣроятно изъ * $\theta\upsilon\gamma\alpha\tau\eta\rho$), $\theta\upsilon\gamma\alpha\tau\rho\acute{\varsigma}$ подтверждаетъ древній характеръ балтійско-славянскаго типа. Даже и въ санскритѣ женскій родъ числительнаго „четыре“ въ им. и вин. имѣетъ форму $c\acute{a}tasraḥ$, а въ твор. $c\acute{a}tasṛbhīḥ$; ср. литовскія формы муж. р. вин. п. $k\acute{e}turis$ „четыре“, твор. $keturiaĩs$. Съ другой стороны предположеніе первоначальнаго передвиженія

ударения между началомъ и концомъ слова объясняетъ много сомнѣній въ вопросѣ о мѣстѣ ударения. Такъ основы на *-tei-, имѣющія въ греческомъ удареніе на корнѣ (типъ βᾶσις), въ ведическомъ и германскомъ имѣютъ удареніе на двухъ различныхъ мѣстахъ: ведич. языкъ имѣетъ рядомъ и mātiḥ и matīḥ „мысль“, герм. *burđi- (изъ *bhrti-) и *burđi (изъ *bhrti-) въ гот. (ga-)baurđs и др.-вр.-нѣм. (gi-)burt „рожденіе“ (др.-вр.-нѣм. t отражаетъ германск. *đ); эти явленія могутъ быть объяснены первоначальною подвижностью ударения, напр. санскритскимъ склоненіемъ вин. ед. mātim, род. ед. matéḥ, соотвѣтственно литовскому вин. ед. nakti „ночь“, род. ед. naktės. Точно также несоотвѣтствіе гр. πῆχυς и скр. bahúḥ „рука“, гр. πέλεκυς „топоръ“ и скр. paḡaṣ úḥ можно было бы объяснить перемѣщеніемъ ударения въ склоненіи подобно лит. вин. ед. sūnų „сына“, род. ед. sūnaūs.

Значительное число именъ въ ведическомъ, греческомъ, славянскомъ и балтійскомъ не представляютъ никакого перемѣщенія ударения въ склоненіи: въ такомъ случаѣ удареніе лежитъ на слогѣ, предшествующемъ суффиксу; такъ напр. скр. вин. ед. rúç-ant-am „блестящій“, род. ед. rúç-at-aḥ рядомъ съ brh-ánt-am „высокій“, род. ед. brh-at-áh.

Съ точки зрѣнія мѣста ударения особое положеніе занимаетъ звательный падежъ. Въ сакскритѣ онъ вообще не имѣетъ ударения; если же онъ находится въ началѣ предложенья, то онъ имѣетъ удареніе, но всегда на первомъ слогѣ; такъ напр. rítar „отецъ!“, dúhitar „дочь!“ при им. пад. ritā, duhitā. Греческій языкъ сохранилъ еще много остатковъ этого положенья ударения въ началѣ слова: πάτερ: πατήρ; θυγάτηρ: θυγάτηρ; Ἄπολλον: Ἀπόλλων; и т. д. Правило это примѣняется ко всякаго рода основамъ; такъ гр. δέσποτα: δεσπότης „господинъ“; ἀδελφε: ἀδελφός „братъ“; и т. д. Мало-русскій языкъ также противопоставляетъ зват. п. сестро именительному сестра.

2. Основы на *-ā- (или *-ē-).

Большинство этихъ основъ — женскаго рода, и мы видѣли на стр. 238, что *-ā- является признакомъ женскаго рода прилагательныхъ. Именит., зват. и винит. п. ср. р. на

-ā (-ə) съ собирательнымъ значеніемъ служить им., зват. и вин. п. мн. ч. для именъ ср. рода.

α. Окончанія.

Окончанія тѣ же, что и въ предшествующемъ типѣ, но окончанія, начинающіяся гласнымъ звукомъ, сливаются съ конечнымъ гласнымъ основы.

Имен. ед. ч. имѣетъ нулевое окончаніе, такъ что въ концѣ оказывается въ скр. -ā, въ др.-сл. а, въ лит. -а (изъ -o съ нисходящей интонаціей; такъ *mergā* „дѣвушка“ изъ **mergō*), въ дор. -ā (съ острымъ удареніемъ, если удареніе находится на концѣ слова; такъ дор. *παινᾶ*), гот. -a. — Конечное -ς въ греческихъ именахъ муж. р., какъ *πολίτης* „гражданинъ“ является греческимъ нововведеніемъ: ср. лат. *scriba* „писецъ“.

Винит. ед. ч.: скр. -ā-m, др.-сл. -ж, дор. -ā-v (подъ удареніемъ -ā-v).

Родит. и аблат. ед. ч.: скр. -āḥ (напр. въ *br̥hatyāḥ* „высокой“), лит. -os (съ восходящей интонаціей: -ōs), дор. -āς (подъ удареніемъ -āς), гот. -os, лат. -ās (напр. *pater familiās*); восходящая интонація объясняется, вѣроятно, индоевропейскимъ сліяніемъ изъ *-ā-es.

Дат. ед. ч.: скр. -ai (напр. въ *br̥hatyāi*), лит. -ai (съ восходящей интонаціей: -ai), дор. -āi, пишется -α (подъ удареніемъ -ā), гот. -ai; и здѣсь, повидимому, произошло сліяніе изъ *-ā-ei въ *-āi.

Им. п. мн. ч.: скр. -āḥ, лит. -os (съ восходящей интонаціей), гот. -os, осск. -as; вѣроятно, сліяніе изъ *-ā-es.

Вин. мн. ч.: скр. -āḥ, зд. -ā (изъ *-ās), лит. -as (изъ *-os съ нисходящей интонаціей); отсутствіе *n окончанія *-ns было объяснено на стр. 93.

Въ род. мн. ч. должно было произойти сліяніе изъ *-ā-ōm (или *-ā-ōn), засвидѣтельствованное литовскимъ -ū, гот. -o; но большинство языковъ имѣетъ новыя формы: скр. -ānām, гр. -ᾶων (изъ *-āhōn), откуда -ōn, лат. -ārum (изъ *-āsōm) и т. д.

Единственный падежъ, который имѣетъ особое окончаніе, это им., зват. и вин. дв. ч.: скр. -e, зд. -e (т. е. индоиранское *-ai), лит. -i (изъ -é съ нисходящей интонаціей,

отражающее *-ai съ нисходящей интонаціей), др.-сл. -ѣ. Окончаніе*-i, которое мы здѣсь находимъ повидимому совпадаетъ съ окончаніемъ им., зват. и вин. дв. ч. ср. р.

β. Вокализмъ.

Основы, оканчивающіяся на суффиксъ *-ā-, не представляютъ почти никакихъ измѣненій въ вокализмѣ элемента передъ окончаніемъ. Въ им., зват. и вин. ед. ч. ср. р. форма съ нулевымъ вокализмомъ *-ə была приспособлена къ выраженію им. п. мн. ч. ср. р., наравнѣ съ *-ā, какъ мы видѣли это выше на стр. 248, и ея уже нѣтъ въ склоненіи основъ на *-ā-. Конечный краткій звукъ зват. падежа гом. *ἰμφᾶ* „невѣстка“ и др.-сл. *сестро* можетъ отражать *-ə; въ этомъ звукѣ хотятъ видѣть и.-е. *-ā, только въ виду скр. *am̥ba* „мама!“; но этотъ скр. звательный представляетъ изъ себя слово дѣтскаго языка, и его конечное -a слѣдуетъ сопоставлять съ гр. *τάτα* и т. д. Суффиксъ имѣетъ форму *-ā-, т. е. ступень *e даже передъ окончаніями, начинающимися согласнымъ звукомъ, какъ напр. въ дат. мн. скр. *áçvā-bhyaḥ* „кобыламъ“, лат. *equā-bus*; др.-сл. *рѣка-мѣ*, лит. *гайко-мс* „рукамъ“. — Съ другой стороны форма им. дв. ч. имѣетъ нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ и, повидимому, должна быть установлена въ видѣ и.-е. *-ə-i, такъ какъ и.-е. *ə даетъ индо-иранское *a передъ i.

Основы на *-yā- и на *-yē- имѣютъ въ им. п. ед. ч. нулевую ступень вокализма въ элементѣ передъ окончаніемъ: скр. *br̥hat-ī* „высокая“; лит. *vežant-ī* (-ī изъ *-y) „везущая“, гот. *frijond-i* „подруга“; гр. *πότης, φέρουσα*. гр. *μύξ* (изъ *μῶh-yā) „муха“ при лит. *mus ē* (изъ *musjē).

Нулевой вокализмъ элемента передъ окончаніемъ является также въ индо-иранскомъ въ этихъ основахъ передъ окончаніями, начинающимися согласнымъ: скр. мѣстн. мн. ч. *br̥hat-ī-ṣu*, дат. мн. *br̥hat-ī-bhyaḥ*.

Чередованіе гласныхъ въ элементѣ передъ суффиксомъ мы наблюдаемъ только въ одномъ словѣ со значеніемъ „жена“: др.-прусск. *genna*, др.-сл. *жен-а*, др.-ирл. *ben*, арм. *kin* изъ и.-е. *g^wen-ā; род. ед. вед. *gnās(pātiḥ)*, др.-ирл. *m pā*, изъ и.-е. *g^wn-ās; кромѣ того это слово допускало измѣненіе

суффикса: греческое склонение его таково: атт. *γυνή, γυναῖκα, γυναῖκος*, беот. *βανᾶ*, вин. мн. *βανῆκας* (изъ **βαναικας*): *γυνή* и *βανᾶ* восходятъ къ **g^wōpā*; армянское склонение: *կն* (изъ **g^weṇā*), им. мн. *կապս* (*kh*) изъ **g^wōpai-* (ср. гр. *γυναι-κες*). Германскій языкъ имѣетъ основу на **-i-*, гот. *qens* „жена“, при скр. *-jāni-*, и основу на **-ā-* съ распространениемъ ея элементомъ **-n-*: гот. *qīno* „женщина“, род. ед. *qīnons* (вокализмъ корня **g^weṇ-*) рядомъ съ др.-исл. *kona* (вокализмъ корня **g^wōp-*). Санскритъ имѣетъ основу на **-i-* *jāniḥ* „женщина“. При такихъ условіяхъ невозможно возстановить индо-европейскій прототипъ слова, но измѣненіе суффикса очевидно; оно и объясняетъ разнообразіе вокализма **g^weṇ-*, **g^wēn-*, **g^wn-* или **g^wōp-*.

γ. Мѣсто ударенія.

Удареніе перемѣщалось въ спряженіи по крайней мѣрѣ части именъ этого типа. На это указываетъ балтійскій и славянскій языки; такъ лит. *galvā* „голова“, русск. *головá* и сербское чакавское *гла̀вá* (различіе коренной интонаціи — славянское новшество) имѣютъ слѣдующее склоненіе:

	лит.	русск.	сербс. чак.
Им. ед.	<i>galvā</i>	головá	гла̀вá
Вин. ед.	<i>galvą</i>	гóлову	гла̀ву
Род. ед.	<i>galvōs</i>	головѣ́	гла̀вѣ́
Им. мн.	<i>galvos</i>	гóловы	гла̀ви
Тв. мн.	<i>galvomis</i>	головáми	гла̀вáми

Основы на **-ā-* въ греческомъ не имѣютъ ничего подобнаго; въ основахъ на **-ya-* или **-ye-* мы имѣемъ: *μία* „одна“, *μίαν*, но *μᾶς*, *μᾶ*; ион. *ἄγυια* „улица“, *ἄγυιαν*, но *ἄγυιῆς*, *ἄγυιῆ*; *πλάταια*, *πλάταιαν*, но *πλαταιῆς*, *πλαταιῆ*, рядомъ съ лит. *áiszki* „ясная“, вин. ед. *áiszkią*, но род. ед. *áiszkiōs*.

3. Тематическій типъ на **-e-/-o-*.

Удареніе въ склоненіи не мѣняетъ мѣста (ср. стр. 152). Одинъ только зват. падежъ стоитъ въ сторонѣ: гр. *ἄδελφε* при *ἄδελφός*. — Тематическій гласный то имѣетъ отгѣнокъ **o*, то отгѣнокъ **e*, смотря по падежу. — Окончанія, от-

личающіяся отъ окончаній предшествующихъ двухъ типовъ, не всегда могутъ быть отдѣлены отъ тематическаго гласнаго.

Въ прилагательныхъ основы на *-e-/-o- характеризуютъ мужескій и средній родъ, но мы видѣли на стр. 237, что есть и существительныя женскаго рода этой же формы.

Склоненіе этихъ основъ слѣдующее:

Единственное число.

Им. п. муж. и жен. рода: *-os: скр. *vŕk-a-h* „волкъ“, зд. *vǣhrkō* (передъ ѣа „и“: *vǣhrkas-ѣа* „и волкъ“), лит. *vil̃k-a-s*, гр. *λύκ-ο-ς*, лат. *lup-u-s*, гот. *wulfs* (изъ **wulfaz*).— Отсутствіе тематическаго гласнаго въ им. п. основъ на *-yo- въ нѣкоторыхъ формахъ, какъ напр. въ зд. *āhniri-š*, отъ основы *āhuru-a* „ахуровъ“, было отмѣчено на стр. 220.

Зват. муж. и жен. р.: *-e: скр. *vŕk-a*, зд. *vǣhrk-a*, др.-сл. *вльх-ѣ*, гр. *λύκ-ε*, лат. *lup-e*. Лит. *vil̃kė* имѣетъ древнее **-ē*.

Винит. муж. и женск. р.: *-om, *-on: скр. *vŕk-a-m*, зд. *vǣhrk-ǣ-m*, лит. *vil̃ka* (а изъ *-a-n*; ср. др.-прусск. *dei-w-a-n* „бога“ при лит. *dēva*), гр. *λύκ-ο-ν*, лат. *lup-u-m*; точно такъ же др.-ирл. *fer n* „человѣка“ при лат. *vir-u-m*.

Им., зват. и вин. п. ср. р.: *-o-m, *-on: скр. *yug-ā-m* „ярмо“, гр. *ζυγ-ό-ν*, лат. *iug-u-m*, гот. *juk*; точно также зд. *xšaθr-ǣ-m* „царство“, др.-прусск. *labb-a-n* „благо“, др.-ирл. *dliged n* „долгъ“. — Это окончаніе отличается отъ нулевого окончанія атематическаго типа.

Родительный (отличный отъ аблатива). — Индо-иранская форма: скр. *-a-sya*, гат. *-a-hya*, соотвѣтствуетъ греческой формѣ: гом. *-οιο*, атт. *-ου* (слиянiе изъ *-οο*), дор. *-ω* (то же слиянiе) и армянскій *-ου*; напр. скр. *vŕk-a-sya*, гом. *λύκοιο*, ион.-атт. *λύκου*, дор. *λύκω*, арм. *gailou*. Германскія формы: гот. *-i-s*, др.-вр.-нѣм. *-e-s*, напр. гот. *wulf-i-s*, др.-вр.-нѣм. *wolf-e-s* восходятъ къ **-e-so*. — Латинскій и кельтскій имѣютъ одну форму на *-i* безъ тематическаго гласнаго: лат. *uir-i*, др.-ирл. огамическое *maḡi* „сына“, галл. *Segomar-i* (род. ед. отъ *Segomarios*), др.-ирл. *fir* (предполагающее **wirī*) „человѣка“; ср. падежъ на *-i* санскритскихъ основъ на *-a* въ соединеніи съ глаголами, напр. вед. *mithunī karoti* „спаривается“ къ вед. *mithunāḥ* „пара“; этотъ падежъ на *-i* имѣетъ точную параллель въ лат. *multi faciō* и т. д. — Славянскій и балтій-

скій языки утратили старую форму родительнаго падежа и, по аналогіи съ атематическимъ типомъ, употребляютъ форму аблатива также и въ значеніи родительнаго падежа.

Аблативъ: *-ōt: скр. -āt, зд. -āṭ (въ обоихъ случаяхъ долгое ā часто считается за два слога), др.-лат. -ōd (класс. лат. -ō), лит. -o (съ восходящей интонаціей), др.-сл. -ā: скр. vṛkāt, зд. vəhrkāṭ, др.-лат. lupōd, лит. viīko, др.-сл. влькя. — Особая форма аблатива ед. числа, отличная отъ формы род. ед., является однимъ изъ характерныхъ признаковъ тематическаго типа.

Творительный: *-ē и, можетъ быть, также *-ō: скр. vṛkā (только въ нѣкоторыхъ архаическихъ словахъ), зд. vəhrka, лит. vilkū (гдѣ -ū изъ *-ū); на отгнѣнокъ *-ē указываютъ латинскія нарѣчія типа certē „конечно“, которыя, повидимому, происходятъ изъ старыхъ творительныхъ падежей, и санскритское нарѣчіе (старый твор. п.) раꣳсā, др.-перс. расā, зд. расā „послѣ“, стоящее рядомъ съ зд. нарѣчіемъ расkāṭ „послѣ“ (старый аблативъ): противоположеніе зд. ṣ и k предполагаетъ *-ē въ первомъ случаѣ и *-ōt во второмъ (см. стр. 78 и 82). Точно также въ склоненіи указательнаго мѣстоименія мы встрѣчаемъ гот. hwe „какъ“, дор. πή(ποκα). — Существовала также форма съ окончаніемъ на *-bh- или *-m-: на нее указываетъ арм. gət-o-v „рѣкою“ и др.-сл. вльк-о-мь; и въ этомъ случаѣ тематическій гласный могъ быть *e, какъ напр. арм. -het-ə-w „послѣ“ рядомъ съ het-o-v „слѣдомъ“.

Мѣстный: *-ei и *-oi: скр. vṛk-e, зд. vəhrk-e, др.-сл. вльч-ъ, лит. нарѣчіе nam-ė „дома“; гр. нарѣчія οἶκ-οι и οἶκ-ει; лат. domi. — Окончаніе мѣстн. ед. *-i составляетъ дифтонгъ съ тематическимъ гласнымъ; интонація этого дифтонга восходящая, какъ на это указываютъ лит. namė, гр. ἰοδμοῖ (а также и удареніе гр. οἶκοι, при им. мн. ч. οἶκοι, ср. θεοῖ „боги“).

Дательный *-ōi: зд. vəhrk-āi, гр. λύκ-ωι (пишется λύκ-ω), θεῶ, лит. viīkui (-ui имѣетъ восходящую интонацію), др.-лат. діал. Numasioi, лат. lupō (ō изъ *-ōi). — Окончаніе дательнаго падежа слилось съ тематическимъ гласнымъ.

Множественное число.

Им. и зв. муж. и жен. р. *-ōs: скр. vṛk-āḥ, зд. vəhrk-ā (ā изъ *-ās; старая и мало-употребительная форма), гот. wulf-os; умбр. Ikuvinus „Игувинцы“, осск. Núvlanús „Ноланцы“; др.-ирл. fir-u (-u изъ *-ōs), служащее только

звательнымъ падежомъ. Окончаніе им. мн. ч. *-es слилось съ тематическимъ гласнымъ. — Во многихъ языкахъ эта форма была замѣнена формою съ окончаніемъ им. мн. указательнаго мѣстоименія *-oi: гр. λύχ-οι, др.-сл. вѣщ-и, лат. lupi (-i изъ древнелатинскаго -oe, отражающаго *-oi), др.-ирл. fir (изъ *wir-oi), служащее только им. пад.; германскій языкъ имѣетъ этотъ типъ только въ прилагательныхъ: гот. blind-ai „слѣпые“; слѣдовательно, мѣстоименное склоненіе проникло въ склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ черезъ посредство прилагательныхъ; сравнительно новый характеръ этой замѣны виденъ изъ того, что ирландскій языкъ сохранилъ форму *wirōs, отразившуюся въ формѣ firu, въ качествѣ звательнаго падежа и создалъ въ значеніи именит. форму *wiroi (fir); въ осско-умбрскомъ конечномъ *-ōs было сохранено и даже распространено на указательное мѣстоимѣніе, такъ что только германскій и индо-иранскій языки даютъ возможность установить индоевропейское различеніе формъ существительныхъ именъ отъ формъ указательнаго мѣстоименія.

Винительный муж. и жен. рода *-o-n-s: критск. λύχ-ο-νς (атт. λύχοις, лесб. λύχοις), гот. wulf-a-n-s; др.-прусск. deiw-a-n-s „боговъ“, арм. get-s „рѣки“ (-s изъ *-o-n-s).

Именит., зват. и винит. ср. р. — Конечное *-ā: *-ə есть не что иное, какъ им. ед. собирательнаго на *-ā (ср. стр. 245): вед. yug-ā „ярма“, гот. juk-a, др.-сл. иг-а; точно также зд. х̣šaθr-a „царства“; и гр. ζυγά, лат. iug-ā. Индоиранскій языкъ противопоставляетъ тематическій типъ на *-ā, вед. yugā, атематическому типу на *-ə: pātāni „имена“; но нѣтъ никакихъ указаній на то, что бы это противоположеніе было общеиндоевропейскимъ. Два обстоятельства указываютъ на особый характеръ конечнаго *-ā (*-ə): 1. Перемѣщеніе ударенія, засвидѣтельствованное славянскимъ языкомъ, которое противорѣчитъ общему правилу ударенія тематическаго типа: русск. ед. ч. ста́до, мн. ч. стада́; пѣсьмѣ, мн. ч. пѣсьма; эти два противоположенія вполне соотвѣтствуютъ греческому φύλον „родъ“: φύλη; νεῖρον „жила“: νεύρα, и скр. bhātrām „братство“: гр. φράτρα; скр. varṣām „дождь“: гом. ἐέροη. — 2. Множественное число на *-ā (*-ə) встрѣчается также и при ед. муж. р.: гр. μηρός „бедро“ — μήρα (съ характернымъ перемѣщеніемъ ударенія); лат. locus

„мѣсто“ — *loca*; русск. рогъ (род. ед. рога), мн. ч. рога́ (съ перемѣщеніемъ ударенія). Собирательное значеніе иногда ощущается и въ историческое время, такъ напр. мн. ч. гр. *κύκλα* „колеса“ отъ муж. рода *κύκλος* „кругъ“, которое имѣеть обыкновенно мн. ч. *κύκλοι*; греческому *κύκλα* соотвѣтствуетъ вед. *сакгā* „колеса“, къ которому была создана форма ср. р. ед. ч. *сакгāт* „колесо“. Сербскій языкъ тоже противопоставляетъ ед. ч. ср. р. *кòло* „колесо“ множественному ср. р. (собирательному) *кòла* „повозка“ (безъ перемѣщенія ударенія).

Родительный: *-ōm, *-ōn: гр. *λύκων* (и *θεῶν*); лит. *vilkū*, др.-сл. *влькѣ*; др.-ирл. *feg n-*; др.-лат. *deum*.

Творительный: *-ōis: скр. *vṛkaiḥ*, зд. *vəṛkaiš*, лит. *vilkaīs*, др.-сл. *влькы*, лат. *lupīs*; вѣроятно, также и гр. *λύκοις* (*θεοῖς*).

Мѣстный: *-oisu на основаніи индо-иранскаго и славянскаго: скр. *vṛkeṣu*, зд. *vəṛkaiṣu*, др.-сл. *вльчѣхъ*; ср. гом., лѣсб., ион. *λύκοισι*.

Дательный и аблативъ; падежъ на *-bh- или на *-m-: скр. *vṛkabhyaḥ*, др.-сл. *влькомѣ*, и т. д. Невозможно возстановить одну общую форму.

Двойственное число.

Именит., зват. и винит. муж. и жен. р. Индо-иранскій языкъ даетъ чередованіе вед. *vṛkaṁ*, *vṛkā* (зд. *vəṛka*), что предполагаетъ *-ōu: *-ō (можетъ быть, по аналогіи съ несомнѣнно индо-европейскимъ чередованіемъ формъ числительнаго „два“, вед. *duvāu*: *duvā*); другіе языки имѣють только *-ō: гр. *λύκω*, др.-сл. *влька*, лит. *vilkū* (-ū изъ *-ū).

Им., зват. и винит. ср. р.: скр. *yuḡé*, др.-сл. *нѣтъ*; зд. *xšaθre* „два царства“; окончаніе то же, что и въ атематическомъ типѣ.

Родительный. Др.-слав. *влькомѣ* представляетъ древнюю форму; скр. *vṛkaṁ* — форма мѣстоименія указательнаго.

Дательный и аблативъ. Падежъ на *-bh- или *-m-, для котораго трудно возстановить прототипъ: скр. *vṛkābhyaḥ*, зд. *vəṛkaiḥ*, др.-сл. *влькомѣ*.

В. Мѣстоименія указательныя, неопредѣленныя, вопросительныя и др.

Мѣстоименія указательныя, неопредѣленныя, вопросительныя и нѣкоторыя сходныя съ ними слова имѣли въ

индо-европейскомъ особое склоненіе, которое часто называютъ мѣстоименнымъ; это названіе неудачно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что самыя важныя изъ мѣстоименій, личныя, имѣютъ совершенно иное склоненіе, и во-вторыхъ, потому, что указательныя, неопредѣленныя и др. мѣстоименія бываютъ то прилагательными, то мѣстоименіями.

Для женскаго рода это склоненіе имѣетъ основу на *-ā-, для мужскаго и средняго — основу на *-o-; это, слѣдовательно, тематическое склоненіе, но окончанія отчасти отличаются отъ окончаній склоненія существительныхъ и прилагательныхъ. Даже болѣе того — и въ этомъ самая оригинальная черта этого склоненія — оно имѣетъ двѣ различныя основы, по крайней мѣрѣ для наиболѣе употребительныхъ словъ, одну для им. ед. муж. и жен. рода, другую — для остальныхъ формъ, въ томъ числѣ и для именит. и вин. ед. ср. р.

а. Основы.

По этому склоненію склоняются слѣдующія слова:

1. Указательное мѣстоименіе, указывающее на лицо или вещь, названныя выше или уже извѣстныя:

		Им. ед. ч. Основы остальныхъ формъ			
	муж. р.	женск. р.	муж. и ср. р.	женск. р.	
скр.	sa	sā	ta-	tā-	
дор.	δ	ᾱ̄ (атт. ῥ)	to-	tā-	
гот.	sa	so	ḥa-	ḥo-	

Балтійскій и славянскій языки распространили основы другихъ формъ и на им. пад. ед. ч.: лит. муж. р. ta-, жен. р. to-; др.-сл. муж. и ср. р. to-, жен. р. ta-.

Неопредѣленное и слабоуказательное значеніе этого мѣстоименія можно видѣть въ слѣдующемъ гомеровскомъ стихѣ:

А 43: ὣς ἔφατ' εὐχόμενος · τοῦ δ'ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων

„такъ онъ сказалъ, молясь, и услышалъ его Фебъ Аполлонъ“; понятно поэтому, что оно сдѣлалось простымъ членомъ въ греческомъ (послѣ того періода языка, который представленъ Гомеромъ) и въ германскомъ (послѣ Вульфилы).

2. Указательное мѣстоименіе, указывающее на близкій предметъ. — Во всѣхъ языкахъ, кромѣ индо-иранскаго, на

близкій говорящему лицу предметъ указываетъ звукъ *k₁-, при чемъ не легко установить индо-европейскую основу этого мѣстоименія и неизвѣстна древняя форма его им. п. муж. и жен. р.; склоняемыя формы въ лит. *szis*, род. *szib*; др.-сл. *сь*, род. *сего*; арм. *aus* со значеніемъ лат. „hic“ и *sa* со значеніемъ лат. „is“ (для самага близкаго предмета); гот. вин. муж. р. *hin*-(a), ср. р. *hit*-(a), дат. *himma*; только нарѣчія въ: лат. *ci-trā* „по сю сторону“; др.-ирл. *cē* (то же значеніе). Точное значеніе *k₁- опредѣляется тѣмъ, что это указательное мѣстоименіе въ соединеніи со словомъ „день“ даетъ значеніе „сегодня“: др.-сл. *днь-сь*, лит. *szėn-dėn*, гот. *himma daga*, др.-сакс. *hin-dag*, др.-вр.-нѣм. *hiutu* (форма искаженная изъ *hiu-tagu*), арм. *aus-awr*, атт. *тѣмеров*, гр. *сѣмеров* (изъ *k₁ *uameron*).

Въ индо-иранскомъ указательное мѣстоименіе, указывающее на близкій предметъ, имѣетъ сложную форму: скр. им. муж. р. *au-āt*, жен. р. *iu-āt* и отъ той же основы, по исключенію, и ср. р. *id-āt*; вин. муж. р. въ скр. *im-āt*, и ср. р. въ зд. *im-at*; родит. и большинство остальныхъ падежей образуется отъ основы *a-*: скр. *a-syá*, зд. *aiñhe* (изъ **a-sya*); и та же основа *a-* входитъ въ скр. сложное слово *a-dyá* „сегодня“. Въ лат. ему соотвѣтствуетъ анафорическое *is*, *id* и *eum*, *ea*, *eam* и т. д.; то же въ германскомъ: гот. *is*, *it-a*, род. ед. *is* и т. д.; основа *e-* ясна въ дат. п.: умбр. *esmei* „huic“. — Наконецъ, латинскій языкъ имѣетъ одно указательное мѣстоименіе, коренной элементъ котораго не можетъ быть сближенъ ни съ какимъ корнемъ другихъ языковъ, но склоненіе его аналогично склоненію предшествующаго мѣстоименія, со звукомъ *i* въ им. п. и со звукомъ *o* въ другихъ падежахъ: им. муж. р. *hi-c*, вин. *hup-c*, ср. р. *hoss*, *hос* (изъ **hod-ce*), основа *ho-* въ сложномъ *ho-die* „сегодня“.

3. Указательныя мѣстоименія, указывающія на отдаленный предметъ.

Мы встрѣчаемъ три главныя характеристики: *w, *n, *l.

Характеристика *w принадлежитъ востоку: им. ед. муж. и жен. скр. *asáu*, зд. *hāu*, др.-перс. *hāuv*; вин. ед. скр. *am-ūt*, род. *am-ūṣya*; иранскій имѣетъ основу *ava-*, которой соотвѣтствуетъ др.-сл. *оѡъ... оѡъ...* „одинъ... другой...“ (въ нѣкоторыхъ новыхъ славянскихъ языкахъ формы, восхо-

дѣшїа къ *онѣ*, гдѣ онѣ встрѣчаются, обозначаютъ близкій предметъ).

Характеристика *п является въ др.-сл. *онѣ*, лит. аĩ(a)s, арм. ауп „ille“, па „is“ (для отдаленнаго предмета), повидимому также и въ др.-вр.-нѣм. jēnēr „тотъ“ и гр. ἕτη „послѣ завтра“. — Отъ этого же указательнаго мѣстоимѣнїа произведены слѣдующїа слова со значенїемъ „другой“: скр. ántara-h „отличный отъ“, лит. аĩ-tras „второй“, гот. anþar „другой (изъ двухъ), второй“, гр. ἄ-τερο-ς (измѣненное въ атт. въ ἕ-τερο-ς).

Характеристика *l является прежде всего въ др.-лат. *ollus*, лат. *ille* и *ul-trā* „по ту сторону“ (противуположно *ei-trā*); въ ирл. *t-all* „ultra“, *an-all* и т. д.; въ сл. *ol-nĩ „прошлый годъ“ (др.-сл. *лани*, польск. *łoni* и т. д.). Отсюда произведены слѣдующїа слова со значенїемъ „другой“: гр. ἄλλος, лат. *alius*, ирл. *aile*, гот. *aljis*, арм. *ayl*.

4. Анафорическое и относительное мѣстоименїе.

Основа скр. *ya-*, зд. *ya-*, др.-сл. *ю-* (со слѣдующей частицей *же*: им. ед. м. р. *иже*, род. *югоже* и т. д.), гр. ὅ- служитъ относительнымъ мѣстоименїемъ; отступая отъ общаго правила, оно допускаетъ образованїе им. падежа на равнѣ съ прочими падежами. — Кромѣ того въ славянскомъ оно имѣетъ анафорическое значенїе, т. е. оно служитъ указанїемъ на лицо или вещь, уже извѣстную или раньше упомянутую; въ литовскомъ оно имѣетъ только анафорическое значенїе; возможно, что это употребленїе возникло изъ контаминаціи основъ *e/o- (ж. р. *ĩ-) съ *ye/o-; какъ анафорическое мѣстоименїе, оно является энклитикою и можетъ присоединяться къ прилагательнымъ для указанїа того, что имя, къ которому оно относится, опредѣлено: др.-сл. *добрыи* (изъ *добръ-и*), *добрѣ-и*, *добро-ю*; точно также и въ литовскомъ муж. р. *geràs-is* „хорошїй“, жен. р. *gerb-jì*; въ Zendскомъ основа *ya-*, поставленная въ томъ же падежѣ, какъ и имя, къ которому она относится, слѣдовательно, съ указательнымъ, а не относительнымъ значенїемъ, служитъ для соединенїа имени существительнаго съ другимъ существительнымъ или прилагательнымъ; такъ напр. въ вин. падежѣ *stārəṣ yim tištrīm* „звѣзду *Tištīriya*“.

5. Неопредѣленное и вопросительное мѣстоименїе.

Двѣ основы, обѣ характеризующія звукомъ *kʷ-, играютъ

двойкую роль неопредѣленного и вопросительнаго мѣстоименія:

*k^we-, *k^wo- (жен. р. *k^wā-): скр. ka- (им. муж. р. káḥ), зд. ča- (род. гат. ča-huā), ka- (ср. р. ka-t), др.-сл. ye- (род. ед. ye-co), ko- (дат. ko-moŷ), лит. ka-, гр. te- (род. téo, тоῦ), по- (въ нарѣчяхъ, какъ поῦ), лат. quo- (ср. р. quo-d), гот. hwa- (им. ед. hwas „кто?“).

*k^wei: скр. cit (первоначально ср. р., превратившійся въ нарѣчіе), зд. ci-š „кто?“, др.-сл. y-то, лат. qui-s, гр. τίς.

Трудно опредѣлить распредѣленіе этихъ основъ въ склоненіи: *k^wei- (муж. и ср. и жен. р.) образовывало им. ед. ч. муж. и жен. р. и им. и вин. ед. ср. р.: зд. čiš, cit, гр. τίς, τί, лат. quis, quid, др.-сл. y-(то) (только ср. р), но káḥ „кто?“, др.-сл. yz-(то), лит. kàs, гот. hwas, и соотвѣтствующая форма жен. р. скр. kā, лит. kà, гот. hwo, лат. (quae изъ *qua-i), повидимому, не менѣ древнія формы; *k^we- *k^wo- мы находимъ прежде всего въ род. п. гат. ča-huā „кого?“, гр. téo (тоῦ), др.-сл. ye-co.

Ударяемая формы въ началѣ предложенія имѣютъ вопросительное значеніе, какъ напр. гр. τίς; неударяемая формы, внутри предложенія, — неопредѣленное значеніе, какъ напр. гр. τίς.

Какъ мы видѣли уже на приведенныхъ примѣрахъ скр. an-yá-ḥ, лат. al-iu-s и т. д., эти основы допускаютъ вторичные суффиксы; такимъ образомъ санскритъ имѣетъ форму t-yá- рядомъ съ tá-, i-tara „другой“ рядомъ съ ay-ám, i-d-ám, ср. лат. i-terum; и т. д. Одни изъ этихъ словъ усвоили вполне склоненіе указательныхъ мѣстоименій: это слова со значеніемъ „другой“ (по отношенію ко многимъ): скр. an-yá-ḥ „другой“, an-yá-t, лат. al-iu-s, al-iu-d, гр. ἄλλος, ἄλλο и т. д.; другія имѣютъ лишь нѣкоторыя формы такого склоненія: это слова со значеніемъ „другой“ (изъ двухъ): лат. alter, alterum (по именному склоненію), род. ед. alter-ius и дат. alterī (по склоненію указательныхъ мѣстоименій), и вообще всѣ слова, образованныя суффиксомъ *-tero-.

Другія слова, въ особенности имѣющія значенія „одинъ“ и „весь“, заимствуютъ нѣкоторыя формы изъ склоненія мѣстоименій указательныхъ: таково скр. ékaḥ „одинъ“, зд. aēvō, др.-сл. єдинъ, арм. mi, лат. ūnus; скр. víçvaḥ и sárvaḥ „весь“, зд. vīspō, др.-сл. ньсь, лат. tōtus.

в. Склоненіе.

Формы склоненія отчасти совпадаютъ съ формами существительныхъ и прилагательныхъ на *-e/o- для мужскаго и средняго рода и на *-ā- для женскаго, отчасти отличаются отъ нихъ.

Мужескій и средній родъ.

Единственное число.

Именит. муж. р. — Характерная особенность существованія отдѣльной основы въ этомъ падежѣ, типа скр. *sá* = гр. *ὁ*, была отмѣчена на стр. 276. Нужно отмѣтить, что эта основа не имѣетъ окончанія *-s, особенность, являющаяся и въ др.-лат. *quo-i* (лат. *qui*) и въ лат. *hi-c*, *ille*, *iste*. — Когда основа имѣетъ окончаніе, то оно есть *-s: скр. *yá-h* „который“, гр. *ὅς*; соотвѣтствующій им. п. этой основы въ лит. есть *-i-s* въ *geràs-is* „хорошій“, *jìs* „онъ“, какъ и въ другихъ основахъ на *-yo-.

Вин. п. муж. р. — Окончаніе то же, что и въ существительныхъ: скр. *tá-m*, гр. *τόν*, гот. *þan-(a)*, и т. д.

Имен. и вин. п. ср. р. *-t: скр. *tá-t*, зд. *ta-t*, гр. *τό* (съ утратой конечнаго зубнаго, обычной въ концѣ слова, какъ и въ балтійскомъ и славянскомъ); др.-прусск. *sta*, др.-сл. *то*, гот. *þat-a* (гдѣ *t* отражаетъ **d*, являющее въ концѣ слова передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова, въ данномъ случаѣ передъ частицею *-a*), лат. *(is-)tu-d*. — Это окончаніе мы встрѣчаемъ и въ словѣ „другой“ (изъ многихъ), принадлежащемъ къ группѣ указательныхъ мѣстоименій съ элементами **l* или **n* (см. стр. 278): скр. *anuyá-t*, зд. *anua-t*; лат. *aliu-d*, гр. *ἄλλο*; но его нѣтъ въ словахъ со значеніемъ „одинъ“ и „весь“: лат. *ūnu-m*, *tōtu-m*, скр. *éka-m* „одно“, *vīçva-m* „все“, *sárva-m* „все“, гр. *ὅλ(F)ο-v*.

Родительный. — Формы различны въ разныхъ языкахъ: скр. *tá-sya*, гом. *τοῦ* (атт. *тоῦ*, дор. *τῶ*), гот. *þi-s*, др.-вр.-нѣм. *de-s*, какъ въ тематическомъ типѣ; отгѣнокъ **e* тематическаго гласнаго засвидѣтельствованъ соотвѣтствіемъ: гат. *ḥa-hya* „кого?“, др.-сл. *xe-co*, гом. *τέ-ο* (атт. *τοῦ*), др.-вр.-нѣм. *hw-e-s*.

Аблативъ (отличающийся отъ родит. п., какъ въ тематическомъ типѣ существительныхъ): скр. *tāt* (стало нарѣчіемъ), зд. *āt* (стало нарѣчіемъ), лит. *tõ*, др.-лат. *istõd*, лат. *istõ*.

Дательный *-smōi (?): скр. tá-smai, зд. aēta-hmāi; ср. др.-прусск. ste-smu и гот. ѓа-mma (гдѣ -mm- изъ *-sm-); арм. or-um „кому?“ (гдѣ -um изъ *-o-smōi?); умбр. esmēi „huic“, др.-сл. то-моу (безъ слѣда звука *s).

Мѣстный *-smi(?): скр. tá-smīn, зд. aēta-hmī, арм. or-um „въ которомъ“ (-um изъ *-o-smi?); умбр. esme; др.-сл. то-мь (безъ всякаго слѣда звука *s).

Творительный: зд. tā; нарѣчія въ гр. πω и дор. πή-(пожа), гот. ѓе (нарѣчіе), др.-прусск. ste „тѣмь“.

Множественное число.

Им. п. муж. рода *-i: скр. té (изъ индо-иран. *ta-i), гом. τοί, др.-сл. тн, лит. tē (-ē изъ балт. *-aī: др.-прусск. stai), лат. istī. — Индо-иранскій и германскій сохраняють противуположность им. мн. существительныхъ на *-ōs (скр. áçvāḥ „лошади“, гот. dagos „дни“) и указательнаго мѣстоименія на *-oi (скр. té, гот. ѓai); остальные языки сдѣлали всеобщимъ одинъ изъ этихъ двухъ типовъ; такъ лат. имѣеть equī, по образцу istī, но осскій имѣеть rūs „qui“, по образцу Nūvlanūs „Ноланцы“. — Такъ какъ соотвѣтствующій жен. р. не имѣеть въ мѣстоименіяхъ указательныхъ особой формы (скр. tāḥ, лит. tōs, гот. Ɔos и т. д.), то им. мн. на *-oi указательныхъ мѣстоименій былъ распространенъ на прилагательныя въ литовскомъ и въ германскомъ, и на всѣ имена на *-o- въ большинствѣ языковъ.

Винит. муж. р., какъ и въ существительныхъ: крит. τό-υς (атт. τούς), гот. ѓа-ns, др.-прусск. sta-ns).

Имен. и вин. ср. р., какъ и въ существительныхъ: вед. tā, др.-сл. та, и съ другой стороны гр. τά (съ короткимъ ᾶ), лат. istā.

Родительный *-isōm, *-isōn: скр. téṣām, зд. aētaē-ṣam, др.-прусск. stē-ison, др.-сл. тѣхъ (изъ *to-isōn); ср. гот. Ɔize и лат. istōrum.

Мѣстный *-isu въ индо-иранскомъ и славянскомъ: скр. téṣu, зд. aētaēṣu, др.-сл. тѣхъ; ср. гом., іон. τοῖσι, съ окончаніемъ -σι.

Дательный и аблативъ: скр. tébhyaḥ, зд. taēibyō, др.-лат. hībus; др.-сл. тѣмь, др.-лит. tēmus, др.-прусск. steimans, гот. Ɔaim (?).

Творительный: скр. tébhīḥ, зд. taēibīṣ, др.-сл. тѣми, гот. Ɔaim (?).

Какъ показываютъ приведенныя формы, за основнымъ *-o- въ родит., мѣстн., дат. и аблат. и въ творит. мн. ч. слѣдуетъ *-i-.

Двойственное число не представляетъ формъ отличныхъ отъ формъ склоненія существительныхъ.

Колебание мѣста ударенія, которое мы видимъ въ род. ед. скр. *asyá* рядомъ съ *ásya* и *tásya*, въ дат. *asmái* рядомъ съ *ásmái* и *tásmái* и т. д. представляетъ нарушение правила о неподвижности ударенія въ тематическомъ типѣ. Формы *asmái*, съ удареніемъ на концѣ, соотвѣтствуютъ славянскія (русск. томѹ) и германскія формы: гот. *hamša* изъ **hazmē*, предполагающаго **to-smē*; наоборотъ, атт. *toū* предполагаетъ **tó-syo*, такъ какъ **to-syó* дало бы гр. **тоб*; гот. *his* предполагаетъ **teso*; др.-прусск. *stēison* имѣетъ удареніе на коренномъ элементѣ.

Женскій родъ.

Спеціальныя формы женскаго рода въ мѣстоименіяхъ указательныхъ и менѣе многочисленны и менѣе ясны. Мы находимъ слѣдующія формы:

Единств. число.

Родит. и аблативъ *-e-syās, *-e-sās: скр. *tá-syāh*, зд. *aētan'hā*, др.-прусск. *ste-ssias*; гот. *hi-zos*.

Дательный: *-e-syāi, *-e-sāi: скр. *tá-syai*, зд. *ain'hāi* (изъ **a-syāi*), др.-прусск. *ste-ssiei*; гот. *hi-zai*.

Въ этихъ двухъ формахъ мы замѣчаемъ: основу **te-*; элементъ *-*sy-* чередующійся съ *-*s-* какъ и въ окончаніи род. муж. и ср. р. *-*syo*: *-*so* (ср. стр. 280); окончанія *-*ās* и *-*āi*, тождественныя съ окончаніями существительныхъ на *-*ā-*, какъ и въ муж. родѣ *-*ōi* въ формѣ *-*smōi* тождественно съ конечнымъ *-*ōi* дательнаго тематическихъ основъ. Мѣсто ударенія, предполагаемое на основаніи гот. *hizos*, *hizai*, не согласуется съ удареніемъ скр. *tásyāh*, *tásyai*, но соотвѣтствуетъ скр. *asyāh*, *asyāi*.

Творительный скр. *táyā*, зд. *aēta ya* напоминаетъ др.-сл. творит. *тож*.

Множественное число.

Родительный: *-*ā-sōm*, *-*ā-sōn*: скр. *tāsām* (и *āsām*), зд. *ānhām* (изъ **ā-sām*), гом., өссал, беот. *τᾶ-ων* (атт. *tōv*, дор. *τᾶν*), лат. *istā-rum*, осск. *eiza-zun(-e)* „eagum“. Это окончаніе было распространено на существительныя въ греческомъ и латинскомъ языкахъ.

С. Личныя мѣстоименія.

Формы личныхъ мѣстоименій настолько различны въ различныхъ языкахъ, что мы не можемъ возстановить индо-европейское состояніе. Но мы можемъ отмѣтить характерныя особенности этихъ формъ:

1. Единственное число съ одной стороны и множественное (и двойственное) съ другой для одного и того же лица обозначаются различными словами: лат. *ego* „я“ и *pōs* „мы“, тѣ „ты“ и *uōs* „вы“. И дѣйствительно множественное число имѣеть здѣсь особый смыслъ: *pōs* значитъ „я и другіе“.

2. Именит. пад. по правилу имѣеть основу отличную отъ основъ другихъ падежей: лат. *ego* и *shē*, гот. *weis* „мы“ и *uns* „насъ“ и т. д. Въ этомъ отношеніи личныя мѣстоименія похожи на указательныя.

3. Различіе грамматическаго рода ничѣмъ не выражается, что вполне согласуется съ отсутствіемъ прямого различія муж. и женскаго рода въ существительныхъ: лат. *tū* относится одинаково и къ мужчинѣ и къ женщинѣ.

4. Склоненіе личныхъ мѣстоименій отличается и отъ склоненія существительныхъ и отъ склоненія указательныхъ мѣстоименій.

5. Многіе падежи имѣють и ударяемыя формы и формы безъ ударенія.

Группа личныхъ мѣстоименій содержитъ мѣстоименія 1-го и 2-го лица въ трехъ числахъ и одно возвратное, служащее для всѣхъ чиселъ и для всѣхъ лицъ. Мѣстоименія личнаго 3-го лица нѣтъ.

Слѣдующія формы, индо-европейскій характеръ которыхъ засвидѣтельствованъ приблизительнымъ соотвѣтствіемъ по крайней мѣрѣ двухъ языковъ, дадутъ представленіе о склоненіи личныхъ мѣстоименій.

Единственное число.

Именит. падежъ. — 1-ое лицо: гр. *ἐγώ*, лат. *ego* (-ō изъ *ō), гот. *ik*, арм. *ez* (изъ *es), лит. *àsz* (*èsz*); Гомеръ имѣеть *ἐγώ* передъ гласнымъ и *ἐγὼ* передъ согласнымъ; начальное *ō- (или *ā-?), предполагаемое др.-слав. *азь*, др.-рус. *азь*

стоитъ одиноко, точно также какъ и придыхательный санскритскаго a h á m, ср. зд. a z ə m, др.-перс. a d a m (см. стр. 142).

2-ое лицо: гр. tú (и só), лат. tū, гот. þu, др.-исл. и др.-англ. þú, др.-вр.-нѣм. dū, лит. tū, др.-прусск. tou, др.-сл. **тѹ**; и скр. t(u)v-ám, зд. tvəm, tūm (съ индо-иранской частицей *am).

Въ санскритѣ, греч. и лат. нѣтъ неударяемыхъ формъ имен. падежа, такъ какъ им. пад. личного мѣстоименія въ этихъ языкахъ всегда былъ самостоятельнымъ словомъ, съ полнымъ значеніемъ: лат. ego uenio „я прихожу“. Но нѣкоторыя формы, которыя во многихъ языкахъ ставятся главнымъ образомъ послѣ глагола (или другого слова), указываютъ на существованіе энклитическихъ именительныхъ падежей: гат. tū (написаніе ū не указываетъ на то, чтобы здѣсь мы имѣли дѣло съ первоначальныхъ долгимъ звукомъ), др.-прусск. tu, др.-исл. þu, др.-англ. þu, др.-вр.-нѣм. -du (-t послѣ s въ такихъ формахъ, какъ bis-t), арм. du для 2-го лица; германскій и армянскій имѣютъ также неударяемое мѣстоименіе 1-го лица.

Остальные падежи имѣютъ основы *em- *m- въ первомъ лицѣ и *tew- *tw- и *t- (ср. стр. 140) во второмъ.

Винительный. — Индо-иранское ударяемое скр. mā m „меня“, tvām „тебя“, зд. mā m, θwām, неударяемое скр. mā, tvā, зд. mā, θwā; др.-сл. **мѹ**, **тѹ**; др.-прусск. miēn, tien; лат. mē, tē; гр. ударяемое ἐμέ, σέ (изъ *τFé), неударяемое με, σε; начальное *em- греческаго ἐμέ мы встрѣчаемъ и въ арм. is (изъ *im-s) и *twe, къ которому восходитъ се, въ арм. khe-z; др.-вр.-нѣм. mi b (обще-герм. *mi-k изъ *me-g₁e, ср. гр. ἐμέ-γῆ), di h (обще-герм. *hi-k, изъ *te-g₁e, ср. гр. σέ-γῆ); литовскія формы manę, tavę стоятъ особнякомъ.

Родительный ударяемый (отличный отъ аблатива): *mēne „меня“ въ зд. māna (и скр. māna съ -m- вмѣсто *-n-), др.-сл. **мене**, лит. manė; *tewe „тебя“ въ скр. tāva, зд. tava, др.-сл. **тебѣ** (измененное изъ *teke подъ влияніемъ дат. **тебѣ**), лит. tavė; форму *eme предполагаютъ арм. im и гр. ἐμεῖο, ἐμοῦ (*ēme + окончаніе род. пад. *-yo по типу τοῦο); *twe, *two „тебя“ предполагаются арм. kho, гр. σεῖο, σοῦ.

Дательный ударяемый: скр. māhy-a(m) „мнѣ“, лат. mihi, умбр. mēhe, изъ *meg₁hi, и арм. inj изъ *emg₁hi; скр. túbhy-a(m) „тебѣ“ (гдѣ -u- по аналогіи съ другими

падежами вмѣсто *-а-), гот. *taibya*, др.-сл. *тебѣ*, др.-прусск. *tebbe*, лат. *tibi*, умбр. *tefe*.

Родит. и дат. неударяемый: **moi*; **toi*: скр. *me*, *te*; зд. *mē*, *tē*; др.-сл. *ми*, *ти*; гр. *μοι*, гом. *τοι* (и атт. *σοι*).

Аблативъ, всегда съ ударениемъ: скр. *mát*, *tvát*; зд. *maṭ*, *ṭwaṭ*; лат. *mē(d)*, *tē(d)*.

Мѣстный, всегда съ ударениемъ: скр. *mé*, *tvé*, гр. *μοί* (*ἐμοί*), *σοί* (изъ **τφοι*).

Творительный. — Вполнѣ точныхъ соотвѣтствій нѣтъ: скр. *máya* имѣетъ отдаленное сходство съ др.-сл. *мѣноу*, и скр. *tváya* съ др.-сл. *тобоу*.

Множественное число.

Именит. падежъ. — 1-ое лицо. Есть два соотвѣтствія: скр. *va u - á m*, зд. *va ē m* (двусложное, первоначально **va u ē m*), гот. *weis*, др.-вр.-нѣм. *wir*, и съ другой стороны лит. *mēs*, др.-прусск. *mēs*, др.-сл. *мы* (гдѣ *-ы* по образцу *вѣ*), арм. *mekh*, ср. лесб. (*ḗm-*)*μες* (изъ *[*ḗs-*] *mēs* по образцу вин. п.).

2 лицо **yūs*: зд. *yūš* (энклитика), *yūž - ē m*, скр. *yū u - á m* (гдѣ *-y-* вмѣсто ожидаемаго *-r-* по аналогіи съ *va u - á m* „мы“), лит. *jūs*; др.-прусск. *iou s*, гот. *jus*; лесб. *ḗmμες*, изъ **us-*(*μες*) по аналогіи съ *ḗmμες* „мы“ и съ вин. *ḗmμε* „васъ“.

Остальные падежи имѣютъ основы **nō(s)-*, **ṇ(s)-* для перваго лица и **wō(s)-*, **u(s)-* — для втораго. Неударяемый род., дат. и вин. скр. *naḥ*, *vaḥ*, зд. *nō*, *vō*, др.-сл. *ны*, *вѣ*; ударяемый вин. лат. *nōs*, *uōs*; готскій имѣетъ для перваго лица *uns*, *uns-is* (изъ **ṇs*). Частица **-sme* прибавляется въ греч. и въ индо-иранскомъ къ ударяемой формѣ въ нулевой ступени вокализма, откуда **ṇsme*, **usme*, за свидѣтельствоваанныя лесб. *ḗmμε*, *ḗmμε*; характеристики вин. п. мн. числа были прибавлены въ атт. *ḗμας*, *ḗμας* и въ скр. *asmān*, *yuṣmān* (съ начальнымъ *y-* по образцу им. п.), и по образцу винит. п. были измѣнены всѣ остальные ударяемыя формы падежей въ греч. и скр.; такъ напр. гр. *ḗμῶν*, *ḗμῶν*. Славянскій языкъ представляетъ старое склонение: род. *намъ*, *вамъ*; дат. *намъ*, *вамъ*; твор. *нами*, *вами*, ср. лат. *nōbīs*, *uōbīs*: здѣсь нѣтъ звука **s*, который имѣется въ вин. п. — Не ясна роль основы **sw*, **s-* въ др.-ирл. *sib* „васъ“, кимр. *chwī* (изъ **swes*), гот. *izwis* (вин. и дат. п.), ср. также двойственное гр. *σ-φώ*.

Двойственное число.

Именительный — 1-ое лицо: др.-сл. *вѣ*, лит. *vè-(du)*, вед. *vām* (т. е. **vā-am*), др.-англ. *wī-(t)*.

2-ое лицо: вед. *yuv-ām*, лит. *jù-(du)*, др.-англ. *gi-(t)* (гдѣ *-i-* по аналогии съ первымъ лицомъ).

Какъ неударяемую (а также, повидимому, и ударяемую уже въ индо-европейскую пору) форму винит., родит. и дат. п. мы находимъ: скр. *па u*, гат. *pā*, др.-сл. *и*, гр. *ῶ* (только вин. п.); скр. *vām* (**vā-am*?), др.-сл. *в*.

Возвратное мѣстоименіе.

Основа возвратнаго мѣстоименія **sew-*, **sw-* (**s-*) аналогична основѣ мѣстоим. личнаго 2-го лица ед. ч. **tew-*, **tw-* (**t-*) и склоняется точно такъ же; именительнаго падежа, конечно, нѣтъ.

Винительный: др.-сл. *сѧ*; др.-прусск. *si en*; гом. *ῑ(F)έ* (и неударяемое *ῑ(F)ε*) и *έ(F)έ*; гот. *si-(k)*; лит. *save*.

Родительный ударяемый: др.-сл. *себѣ* (измѣнено изъ **себѣ*), лит. *save*, арм. *i w-r* (изъ **sewe-r*?); гом. *είο, οῦ* (изъ **ῑε-nyo*).

Дательный ударяемый: др.-сл. *себѣ*, др.-прусск. *sebbei*, лат. *sibi*, осск. *sifei*; ср. гр. *σφί(v)*.

Родит. и дательный неударяемый **soi*: пракр. *se*, зд. *hē* (и *ǰē* послѣ *i, u, r*), гом. *οί* (и *ῑ(F)οί*), др.-сл. *си*.

Латинское *se(d)* представляетъ старый аблативъ, гр. *ῑ(F)οί* (ср. скр. *sva u-ām* „для себя, изъ себя“?) старый мѣстный (и дательный?) и др.-сл. *сокоу*, до нѣкоторой степени старый творительный.

Значеніе этой основы — „принадлежащій кому либо“, и она примѣняется въ индо-европейскомъ ко всѣмъ числамъ и ко всѣмъ лицамъ, какъ и притяжательное прилагательное, отъ котораго оно произведено: *sváh*, *s(u)váh*, гр. *ῑ(F)ός*, лат. *suos* и т. д.; это состояніе сохранилось въ индо-иранскомъ, славянскомъ, балтійскомъ и даже въ гомеровскомъ греческомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: лит. притяжательный родит. *sāvo* относится къ 1 лицу въ предложении: *àsz taī sāvo tėvui pasakýsiu* „я скажу это своему отцу“, др.-сл. притяжательное *скон* относится ко 2-му лицу въ слѣдующей фразѣ: *иди въ домъ скон*; др.-сл. *рече къ себѣ* и *рѣша къ себѣ* — одинаково возможны.

Гомеръ ι 27: οὔτοι ἐγὼ γε
 '(F)ῆς γαίης δύναμαι γλυκερώτερον ἄλλο (F)ιδέσθαι

„я не могу себѣ представить ничего пріятнѣе своей (родной) земли“, гдѣ '(F)ῆς относится къ 1-му лицу ед. ч.

α 402: δώμασι '(F)οῖσι (F)ανάσσοις

„распоряжайся въ своемъ домѣ“, гдѣ '(F)οῖσι относится ко 2-му лицу ед. ч.

β 206: ἐν(F)εκα '(F)ῆς ἀρετῆς ἐριδαίνομεν

„мы состязаемся въ своей доблести“, гдѣ '(F)ῆς относится 1-му лицу мн. ч.; возвратное мѣстоименіе частію переписчиковъ было устранено въ подобныхъ сочетаніяхъ (см. различія различныхъ изданій).

Слово, обозначающее „принадлежащій кому либо“ не относится непременно къ подлежащему предложенія, какъ въ предыдущихъ примѣрахъ, но можетъ являться и въ фразахъ, подобныхъ слѣдующимъ:

лат. eum suos pater... ab amica abduxit

„его свой же отецъ... увелъ отъ подруги“ (eum и suos поставлены рядомъ).

лат. eos in ciuitates quemque suas dimisit

„отпустилъ ихъ cadaго въ въ свое государство“

Гомеръ, II 753: ἐή τέ μιν ὤλεσεν ἀλκή

„своя же сила его погубила“.

вед. na hi svám āyuṣ cikité jāneṣu

„не извѣстенъ людямъ ихъ собственный вѣкъ“.

Неударяемыя формы, которыя не составляютъ въ предложеніи фонетически отдѣльнаго слова, имѣютъ поэтому и болѣе слабый смыслъ, но значеніе „принадлежащій кому-либо“ все же замѣтно и въ нихъ; гом. '(F)ε и '(F)οι являются анафорическими мѣстоименіями, но употребляются только тогда, если слово къ которому они относятся стоитъ вблизи:

A 320: ἀλλ' ὃ γε Ταλθύβιον τε καὶ Εὐρυβάτην προσέ(F)ειπεν,
 τὼ '(F)οι ἔσαν κήρυκε...

„но онъ обратился къ Талеибію и Еврибату, они были у него вѣстниками...“

А 324: εἰ δὲ κὲ μὴ δώῃσιν, ἐγὼ δὲ κεν αὐτὸς ἔλωμαι
ἐλθὼν σὺν πλεόνεσσι · τό (F)οι καὶ ῥίγιον ἔσται

„если же онъ не отдасть, то я самъ приду съ большимъ количествомъ людей и возьму; тогда ему хуже будетъ“.

Характерное значеніе основы *sew-, *sw- (*s-) можно наблюдать и въ произведенныхъ отъ нея словахъ, какъ напр. въ скр. svadhā „привычка, обычай“, гр. (F)έθος „обычай (свойственный одной группѣ людей)“, гот. sidus „обычай“; др.-сл. свать („человѣкъ изъ своей собственной группы“), гр. εταῖρος (изъ *set-) Féτης „другъ“, лат. sēd- „въ сторонѣ“, гр. Ἰεκάς „отдѣльно, далеко“, Ἰεκάστος „каждый въ отдѣльности“, лат. sodālis (гдѣ sod- изъ *swedh-) „товарищъ“, гот. sibja „семья“ рядомъ съ скр. sabhā „собраніе“, и т. д.

Д. Употребленіе формъ склоненія.

Употребленіе категоріи числа, общей и глаголу, и имени, было уже изложено выше на стр. 155. Нужно прибавить только, что множественное число часто обозначаетъ одинъ предметъ, состоящій изъ многихъ частей, какъ напр. гр. ἄλες „соль“ въ противоположность къ ἄλις „соль“ (вещество) и „море“, — κρέα „мясо“, тоже и лат. carnēs, — гом. ζεαί „зерно“, вед. yāvāh (но также и yāvaḥ), — гом. ὄχεα „колесница“, др.-сл. колл, лат. bigae „колесница парой“, quadrigae „колесница четверней“. И такое употребленіе множ. числа встрѣчается даже тогда, когда дѣло идетъ о предметѣ, состоящемъ изъ двухъ главныхъ частей, какъ напр. „дверь“: вед. dūraḥ, др.-сл. двѣри, лит. dūrys, гр. θύραι (и πόλαι), лат. forēs; точно такъ же: лат. nārēs, гр. ῥίνες и лит. назгаі „носъ“ („ноздри“); др.-сл. оуста при скр. ὀσθαῖ „губа“ и т. д. Это объясняетъ возможность существованія словъ, употребляемыхъ только во мн. числѣ, какъ напр. именъ городовъ въ родѣ гр. Ἀθήναι, Πλαταιαί, или сложныхъ предметовъ, какъ лат. antae „пилястры“, вед. ātāḥ „косяки“ (ср. арм. [dɾ-]and „косяки“).

Что касается рода, то единственное противоположеніе, выражаемое въ склоненіи, есть противоположеніе средняго

вель въ вольной убогой нищетѣ и подвигахъ поста, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній. — (Сим. 8). Черноризецъ Арева, имѣя большое богатство, былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не желая слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ видѣнія пришедшихъ къ нему ангеловъ и діаволовъ. Послѣ этого онъ покался, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню. — (Пол. 1). Никита затворникъ, желая приобрести у людей славу, несмотря на запрещенія и увѣщанія игумена, удалился въ затворъ. Но скоро, какъ предрекалъ игумень, онъ прельщенъ былъ бѣсомъ, который являлся ему въ образѣ ангела и при помощи котораго Никита дѣйствительно прославился у людей. Наконецъ, изъ его отвращенія къ книгамъ Новаго Завѣта, которыхъ онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, было познано, что онъ прельщенъ нечистой силой. Святые отцы, собравшись къ прельщенному и помолившись надъ нимъ, прогнали отъ него бѣса. Послѣ этого, вышедъ изъ затвора, Никита предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное житіе. Потомъ онъ сдѣлался Новгородскимъ епископомъ. — (Пол. 3). Агапитъ, бывшій въ монастырѣ еще при Антоніи, имѣлъ даръ врачеванія и многимъ изъ братіи подавалъ помощь. Былъ въ это время нѣкій врачъ, родомъ армянинъ, умѣвшій точно предсказывать день смерти больныхъ; но однажды больной, обреченный армяниномъ на смерть черезъ 8 дней, былъ исцѣленъ Агапитомъ. Армянинъ сталъ ненавидѣть Агапита и искалъ случая ему отомстить; давалъ ему отравное зѣлье, но тотъ пилъ его безъ вреда. Между тѣмъ разболѣлся князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, и такъ какъ армянинъ не могъ его вылѣчить, то былъ приглашенъ Агапитъ; дѣло увѣнчалось успѣхомъ, но Агапитъ не хо-

тѣль взять за это отъ князя никакого вознагражденія и лишь послѣ долгихъ уговоровъ согласился, чтобы принесенное ему золото было роздано нищимъ. Когда затѣмъ заболѣлъ самъ Агапитъ, то армянинъ предсказалъ ему смерть черезъ 3 дня, а Агапитъ — лишь черезъ три мѣсяца; между тѣмъ, когда армянинъ заболѣлъ самъ, то обратился за помощію къ Агапиту, послѣ смерти котораго въ предсказанный имъ трехмѣсячный срокъ, проникшись уваженіемъ къ святости Агапита, вступилъ въ монастырь. — (Пол. 6). Моисей Угринъ, братъ убитаго вмѣстѣ со св. Борисомъ на Альтѣ, бѣжалъ въ Польшу, понравился тамъ одной очень богатой и знатной вдовѣ, которая непремѣнно желала его имѣть своимъ мужемъ. Но Моисей рѣшительно отказался отъ этого, увидавъ въ этомъ полную для себя гибель, и устоялъ на своемъ даже и тогда, когда полька купила его себѣ въ качествѣ раба и подвергла его мученіямъ. Претерпѣвъ жестокія муки, Моисей вернулся въ Печерскій монастырь и врачевалъ тамъ силой Божіей недугъ плотской страсти¹⁾.

Что касается историческаго значенія Кіево-Печерскаго Патерика, то оно внѣ всякаго сомнѣнія. Конечно — какъ это было уже указано, когда шла рѣчь о первыхъ явленіяхъ агиографической литературы XI—XII вѣковъ — не слѣдуетъ упускать изъ виду подражательности этихъ разсказовъ о подвижникахъ византійскимъ образцамъ не только въ литературной манерѣ, но и въ содержаніи, вслѣдствіе чего многія черты являются въ нихъ не отраженіемъ дѣйствительности, но слѣдами книжной начитанности авторовъ и слуховъ о подвижникахъ, также съ чертами извнѣ заимствованными и фантастическими; но, съ другой стороны, и самая жизнь русскихъ подвижниковъ складывалась въ значительной степени по чужеземнымъ образцамъ, съ которыми

1) Голубинскій. И. Р. Ц., I, перв. пол., 2 изд., стр. 765—770.

они познакомились изъ переводныхъ патериковъ и изъ разсказовъ бывалыхъ людей. Независимо отъ этого, въ нашемъ Патерикѣ проскальзываютъ и живыя черты дѣйствительности. Изъ разсказовъ о подвижникахъ мы знаемъ о томъ, какъ жили въ монастырѣ иноки, чѣмъ они занимались, какова была внѣшняя обстановка этой жизни, кто посѣщалъ монастырь изъ постороннихъ, какъ относились къ монастырю князья, высшее духовенство и бояре, изъ какихъ сословіи поступали въ монашество и т. п. Конечно, въ цѣляхъ составителей Патерика прежде всего лежала мысль о возвеличеніи подвижниковъ и мѣста ихъ подвиговъ, о побужденіи къ подражанію послѣднимъ, но тѣмъ драгоцѣннѣе являются для историка отрицательныя черты этой жизни, появившія въ разсказы т. ск. сами собою, въ силу своей фактичности. Такимъ образомъ, мы видимъ тутъ примѣры любостыжательности, непримиримой вражды, тщеславія и т. д. Аванасія затворника братія не спѣшатъ погребать, потому что онъ былъ бѣдень; Арева былъ такъ скупъ, что готовъ былъ ради умноженія своихъ сбереженій умереть съ голоду. Инокъ изъ бояръ Сергій, получивъ передъ смертью своего духовнаго брата деньги съ просьбой отдать ихъ потомъ сыну покойнаго, отказывается отъ исполненія даннаго имъ умиравшему обѣщанія и обличенъ въ этомъ иконою Богоматери. Титъ и Евагріи такъ ненавидѣли другъ друга, что даже передъ смертью первого второй не хотѣлъ съ нимъ примириться. Никита, желая пріобрѣсти мірскую славу, удаляется въ затворъ. Съ другой стороны — великій князь Святополкъ, съ цѣлю воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ, позволяетъ ограбить инока Прохора; князь Мстиславъ подвергаетъ пыткамъ ни въ чемъ неповиннаго инока Θεодора, а князь Ростиславъ, по дорогѣ на богомолье въ Печерскій монастырь, позволяетъ своей свитѣ „ругаться“ надъ преп. Григоріемъ и, недовольный его предсказаніями, велитъ даже связать ему руки и ноги и съ камнемъ на шеѣ бросить его

въ воду; бояринъ Василій не вѣритъ въ св. мощи, и многія не хотятъ вѣритъ въ истинность чудесъ, творимыхъ инокомъ Θεодоромъ по молитвамъ преп. Антонія и Θεодосія¹⁾. Все это — живыя черты современности, драгоцѣнные для историка.

3.

Серапіонъ Владимірскій; содержаніе и характеръ его поученій.

Съ этимъ именемъ связывается представленіе о самомъ яркомъ выразителѣ такого теченія въ древне-русской учительной литературѣ, въ силу котораго проповѣдникъ внёсиль въ рамки обязательной схемы обличеній живыя черты современности, не увлекаясь высокимъ, но отвлеченнымъ и сухимъ краснорѣчіемъ византійскихъ образцовъ. О жизни его мы знаемъ то, что въ 1274 году, когда Серапіонъ былъ Печерскимъ архимандритомъ, Кіевскій митрополитъ Кирилль II поставилъ его епископомъ Владимірскимъ, Суздальскимъ и Нижегородскимъ, а въ слѣдующемъ 1275 году Серапіонъ скончался и былъ похороненъ во Владимірѣ. Кромѣ того, въ Лѣтописи сохранилось извѣстіе, что онъ былъ „учителенъ зѣло въ божественномъ писаніи“. По достовѣрнымъ даннымъ, Серапіону принадлежитъ пять поученій, сохранившихся въ двухъ знаменитыхъ сборникахъ конца XIV в. „Златая Цѣпь“ (первыя четыре поученія) и т. наз. „Паисіевскій Сборникъ“ (пятое поученіе); всѣ эти пять поученій въ древнѣйшихъ спискахъ носятъ на себѣ имя ихъ автора. Въ ученой литературѣ были попытки приписать Серапіону и нѣкоторыя другія поученія, но безъ достаточныхъ основаній²⁾.

Первое изъ пяти поученій Серапіона было произнесено

1) Абрамовичъ, Д., назв. соч., стр. 190—204.

2) Пѣтуховъ, Е. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. СПб. 1888, стр. 7—16.

или составлено около 1230 года, остальные же, вѣроятно, въ самые послѣдніе годы жизни проповѣдника. Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ, кромѣ обычныхъ обличеній, вытекавшихъ изъ подчиненія указанной проповѣднической схемѣ, даетъ еще много мѣста яркому изображенію татарскаго нашествія и тяжелыхъ послѣдствій его для Россіи; онъ является искреннимъ и краснорѣчивымъ выразителемъ того покаяннаго настроенія, которое овладѣло въ ту пору многими русскими умами, видѣвшими въ татарскомъ погромѣ олицетвореніе Божьяго гнѣва за грѣхи, хотя мысль эта о причинной связи земныхъ несчастій съ грѣховной жизнью лежала въ основѣ общаго религіознаго міровоззрѣнія той эпохи, и Серапіонъ далъ ей лишь яркія формы изъ наблюденій живой дѣйствительности. Четвертое и пятое поученія, кромѣ этихъ особенностей, заключаютъ въ себѣ еще указанія на два замѣчательныхъ факта тогдашней народной жизни: практиковавшееся испытаніе „вѣдьмъ“ холодной водой и истребленіе ихъ огнемъ (четвертое поученіе) и затѣмъ — выгребаніе изъ земли похороненныхъ утопленниковъ, которые, по народному повѣрію, могли вредить благопріятной погодѣ и урожаю (пятое поученіе). Внесеніе въ свою проповѣдь этихъ чертъ народнаго быта и высоко-гуманная точка зрѣнія, проявленная проповѣдникомъ при ихъ обличеніи, выдѣляютъ въ глазахъ историка литературы незаурядную личность Серапіона, какъ человѣка и какъ писателя. Не обладая большой ученостью, отсутствіе которой самымъ благопріятнымъ образомъ сказалось на простотѣ и доступности его поученій, Серапіонъ однако же владѣлъ извѣстной долей тогдашняго образованія, интересовался современной жизнью на Руси и за ея предѣлами, задумывался надъ страшными событіями своей эпохи и высказывался по ихъ поводу. Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ обнаружилъ способность стать выше господствующихъ понятій и внести въ ихъ содержаніе такіе глубоко-интересные вопросы народ-

ныхъ нравовъ и психологій, которые обезпечили его произведеніямъ важное историческое значеніе. Формой своихъ проповѣдей онъ примыкаетъ къ тому теченію въ нашей учительной литературѣ, которое характеризуется простотой, непосредственностью и отсутствіемъ искусственныхъ приемовъ книжнаго ораторства и къ которому на первыхъ шагахъ существованія нашей учительной литературы принадлежатъ также поученія Луки Жидята и Θεодосія Печерскаго, много уступающія въ другихъ отношеніяхъ плодамъ выдающагося литературнаго дарованія Серапіона. Съ другой стороны, по своей литературной манерѣ, Серапіонъ является полной противоположностью Иларіону и въ особенности Кириллу Туровскому, въ трудахъ которыхъ сказалось вліяніе другого, искусственнаго, теченія русской учительной литературы древнѣйшей эпохи.

Что касается положенія Серапіона относительно южной или сѣверо-восточной литературной области, то оно при- близительно такъ же двойственно, какъ и положеніе Кіево-Печерскаго Патерика. Въ самомъ дѣлѣ, Серапіонъ былъ архимандритомъ Печерскаго монастыря и, б. м., его постриженникомъ, о чемъ мы не имѣемъ свѣдѣній; епископствовалъ онъ во Владимірѣ и Суздальѣ; его проповѣдническіе труды могутъ быть приурочены то къ югу, то — вѣроятно, въ большей своей части — къ сѣверо-востоку; откуда былъ родомъ Серапіонъ — мы не знаемъ, да это и не представляется особенно важнымъ въ данномъ случаѣ. Общій характеръ и содержаніе его произведеній таковы, что скорѣе располагаютъ отнести этого проповѣдника къ сѣверо-востоку, нежели къ Кіеву; въ частности, свѣдѣнія о волхвахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ четвертомъ поученіи, приурочиваются, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, гораздо болѣе къ сѣверо-востоку (Ростовъ, Суздаль) и къ сѣверу (Новгородъ), чѣмъ къ югу¹⁾. Поэтому,

1) Ср. у П ѣ т у х о в а, назв. соч., стр. 57—62.

намъ представляется болѣе естественнымъ отнести Серапіона въ категорію тѣхъ писателей сѣверо-восточной Руси XIII вѣка, которые являются соединительнымъ звеномъ между сѣверо-востокомъ и Кіевомъ, придерживаются литературныхъ традицій кіевской школы, но живутъ новой жизнью и черпаютъ изъ нея матеріалы для своихъ наблюденій и писательства.

4.

Моленіе Даниіла; спорные пункты въ пониманіи этого произведенія; его научная разработка; первоначальный составъ памятника и позднѣйшія передѣлки; его историческое значеніе.

Вопросъ объ этомъ интересномъ и своеобразномъ памятникѣ принадлежитъ къ числу весьма запутанныхъ и имѣетъ свою длинную исторію въ научной литературѣ.

Первое указаніе на „Моленіе“ или „Слово“ Даниіла и обнаруженіе его, хотя и съ нѣкоторыми пропусками, принадлежитъ Карамзину въ его „Исторіи“. Болѣе полное изданіе сдѣлано было въ 1821 году К. Ѡ. Калайдовичемъ въ извѣстномъ сборникѣ „Памятники російской словесности XII вѣка“. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ работъ относительно этого памятника какъ по опубликованію новыхъ списковъ, такъ и по историко-литературной оцѣнкѣ со стороны Д. Н. Толстого, В. М. Ундольскаго, П. А. Безсонова, И. Я. Порфирьева и др., нашедшій себѣ объединеніе въ изданіи И. А. Шляпкина: Слово Даниіла Заточника по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1889 (Пам. Др. Письм. № LXXXI). Названная работа г. Шляпкина какъ бы заканчиваетъ собою первый періодъ въ изученіи этого памятника. Результаты были таковы. Установлены были двѣ редакціи памятника, изъ которыхъ первая, т. е. первоначальная („Слово“), отнесена была къ XII вѣку, а вторая („Моленіе“), составляющая ея передѣлку,

къ XIII-му. Первая представлена была четырьмя списками: Толстовскимъ, Калайдовича, Академическимъ и Морозовскимъ — всѣ не моложе XVI вѣка, а вторая имѣлась въ двухъ спискахъ: Чудовскомъ и Ундольскаго, причемъ послѣдній писанъ былъ въ XV в. и являлся самымъ древнимъ изъ всѣхъ сдѣлавшихся извѣстными списковъ этого памятника. Остальные два списка, Соловецкій и Д. Н. Толстого, не представляли особеннаго интереса. такъ какъ „Моленіе“ въ нихъ являлось явной передѣлкой значительно болѣе поздняго времени, и потому они не могли имѣть существеннаго значенія въ разрѣшеніи вопросовъ, возникшихъ вокругъ памятника столь отдаленной эпохи. Кромѣ того, со времени статьи Безсонова (1856) признавалось, что ни одна изъ этихъ двухъ редакцій не представляетъ собою первоначальнаго вида памятника, но что ближе къ послѣднему стоитъ все-таки I редакция, а II редакция является съ менѣе древними чертами. Затѣмъ, считалось болѣе или менѣе принятымъ, что I редакция имѣетъ подъ собою дѣйствительный фактъ обращенія нѣкоего Данила, заточеннаго на озерѣ Лачѣ, къ князю, каковымъ считали одни Юрія Долгорукаго (1108—1157), другіе — Ярослава Владиміровича, правнука Владиміра Мономаха (1182—1199), третьи — Андрея Владиміровича Добраго (1102—1141), владѣвшаго Переяславлемъ въ 1135—1141 годахъ; II редакция имѣла чисто литературное происхожденіе: имя автора этой передѣлки неизвѣстно, адресатомъ же явился князь Ярославъ Всеволодовичъ, владѣвшій Переяславлемъ Южнымъ-Рязанскимъ (ум. въ 1246 году). Рядомъ съ этимъ высказывалась и такая точка зрѣнія (г. Модестовымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1880 № 10), что вообще „Моленіе“ лишено исторической основы, а является лишь литературной формой съ произвольными именами автора и князей. Раздѣляя этотъ взглядъ, г. Щуратъ (Записки науковаго товариства имени Шевченка, т. IX. 1896) высказалъ предположеніе, что на появленіе

ніе „Моленія“ могли повліять византійскія произведенія, вродѣ просительныхъ поэмъ Михаила Глики XII в. или его современника Θεодора Птохопродрома.

Съ 1896 года обнаруживается рѣзкій поворотъ въ изученіи и истолкованіи „Моленія“ Даниїла. Начало этому положено было А. І. Лященкомъ въ его статьѣ „О времени написанія Слова Даниїла Заточника“ (Труды Рижскаго Археологическаго Съѣзда. Т. I). Онъ устанавливаетъ совершенно новый взглядъ на соотношеніе I и II редакцій памятника, считая первоначальной II-ую, а въ I-ой видя лишь ея передѣлку. Такъ какъ эта т. наз. II редакція возникла въ XIII вѣкѣ, будучи обращена Даниїломъ къ князю Ярославу Всеволодовичу, бывшему нѣсколько разъ Новгородскимъ княземъ, и такъ какъ дѣятельность его въ Новгородѣ особенно замѣтной была въ 1223—1236 годахъ, то г. Лященко этими хронологическими предѣлами и опредѣляетъ время появленія памятника; упоминаніе въ „Моленіи“ Переяславля онъ объясняетъ лишь тѣмъ, что переяславскія войска принимали участіе въ походахъ Ярослава Всеволодовича въ пользу Новгорода; авторъ „Моленія“ Даниїль, по предположенію г. Лященка, былъ дружинникъ князя Ярослава, сосланный имъ на озеро Лаче, вѣроятно за трусость на войнѣ. Т. о., согласно этой гипотезѣ, памятникъ по его первоначальному возникновенію переносится изъ XII въ XIII столѣтіе. Т. наз. I редакцію г. Лященко признаетъ поздней передѣлкой оригинала XIII вѣка, возникшей, вѣроятно, въ XVI вѣкѣ; такъ какъ тогда имя Ярослава Всеволодовича уже никому не было извѣстно, то редакторъ этой передѣлки, имѣя въ виду исключительно литературную точку зрѣнія на дѣло, замѣнилъ его „сыномъ Владиміра“, подразумевая, вѣроятно, подъ именемъ Владиміра популярную, особенно въ московскую пору, личность Владиміра Мономаха.

Въ 1900 году появился новый пересмотръ вопроса объ исторической обстановкѣ „Моленія“ и объ его редакціяхъ

со стороны В. М. Гуссова¹⁾. Новый изслѣдователь принимаетъ главное положеніе г. Лященка объ относительной древности обѣихъ редакцій и относитъ первоначальную редакцію, имѣющую историческую основу, также къ XIII вѣку, но такъ какъ адресатъ Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ пору своего отрочества и потерялъ это княженіе лишь пятнадцати лѣтъ отъ роду, то г. Гуссовъ находитъ болѣе вѣроятнымъ, что „Моленіе“ обращено было къ нему въ то время, когда онъ позднѣе получилъ отъ отца въ удѣлъ Переяславль Сѣверный-Суздальскій, а это было въ 1213 году; здѣсь Ярославъ княжилъ до 1236 года, и эти рамки 1213—1236 опредѣляютъ время написанія „Моленія“, которое, такимъ образомъ, является памятникомъ „ростовско-суздальской литературы“. Передѣлку этого памятника, въ цѣляхъ исключительно литературныхъ, г. Гуссовъ относитъ предположительно къ Новгороду и ко времени значительно позже XIII вѣка. По вопросу о литературномъ составѣ первоначальной редакціи памятника г. Гуссовъ отрицательно относится къ попыткамъ отыскать ему какую-либо готовую схему въ своихъ или иноземныхъ источникахъ: онъ находитъ, что эта схема была выработана авторомъ самостоятельно.

Наконецъ, точка зрѣнія Лященка и въ особенности Гуссова нашла себѣ поддержку въ лицѣ В. М. Истрина²⁾. Принимая цѣликомъ выводы послѣдняго относительно времени и мѣста возникновенія памятника, а также адресата его, г. Истринъ останавливается на трудности изученія того мѣста памятника, гдѣ говорится о Лачь-озерѣ,

1) Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника. Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Т. VIII. Одесса 1900, стр. 1—34.

2) Былъ ли „Даніиль Заточникъ“ дѣйствительно заточень? Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Т. X. 1902, стр. 55—74.

какъ мѣстѣ заточенія Даниїла: объ этомъ Лачь-озерѣ нѣкоторые списки (Ундольскаго и Чудовскій, т. е. какъ разъ именно представители первоначальной редакціи) не упоминаютъ, и авторъ задается вопросомъ: былъ-ли вообще куда бы то ни было заточенъ Даниїль? и не есть ли упоминаніе о Лачь-озерѣ („кому Лаче озеро, а мнѣ много плача исполнено“) такая же литературная игра словъ, какъ и упоминаніе о Переяславлѣ и Бѣлоозерѣ: („кому Переяславль, а мнѣ Гореславль . . . кому Бѣлоозеро, а мнѣ черныя смолы“)? Въ результатѣ своего изслѣдованія г. Истринъ получаетъ выводъ, что въ первоначальномъ текстѣ памятника не было указанія не только на Лачь-озеро, какъ мѣсто ссылки Даниїла, но и вообще не упоминалось о ссылкѣ; а если Даниїль не былъ никуда ссылаемъ, то и нѣтъ основанія поддерживать традиціонное названіе „Даниїла-заточника“¹⁾. Передъ нами, такимъ образомъ, просто нѣкій Даниїль, написавшій въ XIII вѣкѣ обращеніе къ князю Ярославу Всеволодовичу. Со своей точки зрѣнія авторъ рисуетъ его слѣдующими чертами: „Нашъ авторъ, повидимому, сынъ зажиточныхъ родителей, которые когда то давали ему средства на существованіе. Но онъ чѣмъ то провинился передъ ними, и они его прогнали, вслѣдствіе чего онъ попалъ въ положеніе блуднаго сына. Мы не знаемъ вины автора передъ своими родителями: можетъ быть, онъ дѣйствительно покучивалъ или, можетъ быть, не занимался тѣмъ, чего хотѣлось родителямъ — во всякомъ случаѣ онъ очутился въ бѣдности. Къ физическому труду; повидимому, онъ не привыкъ: онъ не хочетъ идти на боярскій дворъ подъ благороднымъ предлогомъ избѣжать холопьяго имени, а на самомъ дѣлѣ потому, что физическій трудъ ему не по силамъ . . . Не смотря на свою юность, онъ признавалъ

1) Исторію возникновенія этой традиціи о ссылкѣ см. у Истрина: стр. 71—73.

себя стоящимъ въ умственномъ отношеніи выше многихъ другихъ, что было вполне справедливо, и потому обращается прямо къ князю съ просьбой взять его подъ свое покровительство . . . Онъ проситъ князя помочь ему выдти изъ бѣдности — по двумъ причинамъ: князь самъ по себѣ добръ и милостивъ, какимъ и должно быть князю, а онъ — мудръ и ученъ“. Онъ проситъ князя взять его къ себѣ на службу и въ подтвержденіе своего права на это указываетъ на свою опытность и умъ, которыя онъ приобрѣлъ благодаря житейскимъ невздамъ и прилежному чтенію книгъ. „Авторъ особенно выставляетъ на видъ свою книжную мудрость, что и понятно. Онъ не хочетъ исполнять при дворѣ князя низшія должности, считая себя способнымъ къ высшимъ. Тогда остаются двѣ сферы дѣятельности, въ которыхъ онъ могъ бы проявить свои способности: княжескій совѣтъ и военная служба“. Признавая себя неспособнымъ къ военной службѣ, онъ проситъ князя опредѣлить его къ себѣ въ качествѣ совѣтника: мудрые совѣтники нужны какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ¹⁾. Въ концѣ своего изслѣдованія, считаясь однакоже съ традиціей о заточеніи Даниила, въ связи съ лѣтописнымъ упоминаніемъ подъ 1378 годомъ объ озерѣ Лаче, „идѣже бѣ Даниилъ заточеникъ“, Истринъ допускаетъ возможность и такого предположенія, что въ данной традиціи сказалось смѣшеніе двухъ Даниловъ: „одного, жившаго въ Переяславлѣ и не бывшаго въ заточеніи, но написавшаго къ князю Посланіе, и другого, посланія не писавшаго, но находившагося въ заточеніи на озерѣ Лачѣ. Преданіе съ теченіемъ времени могло легко смѣшать обоихъ Даниловъ, тѣмъ болѣе, что и само содержаніе могло подать поводъ къ такому смѣшенію“²⁾. Мы, со своей стороны, находимъ воз-

1) Тамъ же, стр. 68—71.

2) Тамъ же, стр. 73.

возможнымъ вполне примкнуть къ гипотезѣ, установленной въ трудахъ Лященко, Гуссова и Истрина, и съ этой точки зрѣнія должны теперь взглянуть, въ краткихъ чертахъ, на „Моленіе“, какъ литературный памятникъ, возникшій на сѣверо-востокѣ въ XIII вѣкѣ и на его дальнѣйшую судьбу.

„Моленіе“ въ общемъ имѣетъ нѣкоторый планъ: оно состоитъ изъ небольшого вступленія, весьма обширной главной части и краткаго заключенія.

Вступленіе исполнено риторическаго пафоса и заключаетъ въ себѣ выраженіе намѣренія автора обратиться къ своему князю, при чемъ уже тутъ высказывается высокое мнѣніе автора о своемъ умѣ, учености и краснорѣчіи.

Въ подробностяхъ, главная часть лишена какого-либо опредѣленнаго распорядка. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ обращеній къ князю, неизмѣнно начинающихся словами: „княже мой господине...“ Всего болѣе говоритъ авторъ о себѣ самомъ: онъ оставленъ отцомъ, матерью и друзьями, заброшенъ, беззащитенъ, находится въ нищетѣ; онъ проситъ князя обратить на него вниманіе и взять къ себѣ на службу въ качествѣ совѣтника, при чемъ попутно расточаетъ князю похвалы и лесть; онъ особенно хвалитъ въ себѣ умъ и книжное образованіе и, повидимому, для доказательства этого послѣдняго, а также и для вящаго убѣжденія князя ссылается на разные историческіе примѣры, начиная съ „египетскихъ мудрецовъ“, Давида и Соломона, и кончая русскими князьями Святославомъ, Святополкомъ и Ростиславомъ, нуждавшимися въ мудрыхъ совѣтникахъ для своихъ предпріятій. Восхваляя умъ, авторъ обрушивается на глупость и на „безумныхъ“. Затѣмъ, повторяя указаніе на свою нищету, авторъ предполагаетъ, что, м. б., князь посоветуетъ ему, для избавленія отъ нея, выгодно жениться на богатой невѣстѣ, и это предположеніе даетъ ему поводъ высказаться противъ безнравственности женитьбы по расчету: тутъ мы имѣемъ тираду — впрочемъ, весьма умѣренную —

противъ женщинъ, со ссылкой на какія-то „мирскія притчи“; другой предполагаемый совѣтъ князя поступить для избавленія отъ нищеты въ монастырь вызываетъ со стороны автора осужденіе тѣхъ людей, которые изъ выгоды принимаютъ на себя „святительскій санъ“. Въ концѣ главной части имѣется описаніе скоморошскихъ чужеземныхъ игръ, съ цѣлію указать, что даже клоуны и актеры „имѣють у поганыхъ салтановъ и у королей честь и милость“.

Въ краткомъ заключеніи авторъ, снова указывая на качества своего ума и образованія, обращается съ благопожеланіями къ князю и родной землѣ — между прочимъ: „не дай же, Господи, въ полонъ земли нашея языкомъ, не знающимъ Бога“¹⁾.

Таково первоначальное содержаніе памятника, возникшаго въ первой половинѣ XIII вѣка и представленнаго т. наз. II редакціи по старой терминологіи. Передѣлка его, съ неопредѣленнымъ обращеніемъ къ „сыну великаго царя Владиміра“, представленная списками т. наз. I редакціи подъ именемъ „Слова о Даніилѣ Заточникѣ“²⁾, вноситъ въ прежнее „Моленіе“ новыя черты — далеко не въ пользу литературнаго достоинства труда Даніила. Главная часть произведенія получаетъ подъ перомъ новаго редактора уже совершенно хаотическій видъ, превращаясь въ рядъ отрывковъ, не связанныхъ между собою никакой основной мыслью и давшихъ Голубинскому право охарактеризовать все это произведеніе какъ „нескладную болтовню“³⁾. Но есть и характерныя измѣненія: умѣренная тирада Даніила противъ женщинъ обращается у новаго редактора въ обширный, фанатическій трактатъ „о злыхъ женахъ“, весьма типичный для древне-русскаго аскетическаго міровоззрѣнія и напоминающій многочисленныя т. наз. „слова о женахъ“; этотъ

1) По изданію Шляпкина, стр. 34—55.

2) По изданію Шляпкина: стр. 2—31.

3) И. Р. Ц., Т. I, перв. пол., 2 изд., стр. 868.

трактатъ въ свое время, когда т. наз. I редакція считалась первоначальнымъ видомъ труда Даниила, подалъ поводъ¹⁾ къ сопоставленію даннаго мѣста не только съ упомянутыми „словами о женахъ“, составленіе которыхъ относится уже къ болѣе позднимъ вѣкамъ нашей письменности, нежели первая половина XIII вѣка, но и съ переводнымъ сборникомъ „Пчела“, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, также относится къ болѣе поздней эпохѣ и едва ли находится въ дѣйствительной связи съ первоначальнымъ видомъ труда Даниила; съ точки зрѣнія новаго соотношенія редакцій нашего памятника указанныя особенности т. наз. I редакціи объясняются весьма просто. Съ другой стороны, въ этой позднѣйшей передѣлкѣ выпущены нападки на монашествующихъ, что, вѣроятно, объясняется духовнымъ званіемъ новаго редактора чужого произведенія, смотрѣвшаго на свою задачу какъ на литературное упражненіе, безъ всякой дѣйствительной подкладки. Именно этимъ отношеніемъ къ дѣлу должна быть объясняема и нелѣпая вставка въ разсматриваемой передѣлкѣ передъ заключительной частью „Слова“: „Снъ словеса азъ Даниилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣ озерѣ, и запечатавъ въ воску и пустихъ во езеро, и возьмъ рыба поже, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узре князь сіе написаніе и повелѣ Даниила свободити отъ горькаго заточенія“. Кто былъ неумѣлый передѣльватель этого ростовско-суздальскаго произведенія XIII вѣка, сказать трудно: б. м., онъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ Новгороду, судя по упоминанію имени Новгорода въ его редакціи, („кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали“), но возможно, что и это есть лишь литературный оборотъ рѣчи; когда была сдѣлана передѣлка, для сужденія объ этомъ мы также не имѣемъ никакихъ

1) Въ статьѣ акад. М. И. Сухомлинова: О псевдонимахъ въ древней русской словесности. Изв. II Отд. А. Н. Т. IV (1855), стр. 132—140. 149—153.

данныхъ, такъ какъ упоминаніе имени князя (уже не въ въ заглавіи, какъ въ первоначальной редакціи, а лишь въ текстѣ: „сыне великаго царя Владимира“ и съ опущеніемъ ссылокъ на другихъ русскихъ князей) не можетъ дать для заключеній по этому вопросу никакихъ надежныхъ указаній.

Остальныя двѣ передѣлки нашего памятника относятся къ XVI—XVII вѣкамъ. Одна изъ нихъ опубликована И. Я. Порфирьевымъ по списку XVI—XVII в. Соловецкой библиотеки въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1882 № 6¹⁾. Трудно сказать, который изъ двухъ видовъ произведенія Даниила имѣлъ подъ руками новый редакторъ — первоначальный или вторичный; есть слѣды пользованія и тѣмъ и другимъ, но слѣды пользованія вторымъ ярче и очевиднѣе. Эта вторая передѣлка не закончена, обрываясь словами: „орелъ птицамъ царь, а левъ звѣремъ, а осетръ рыбамъ“. Имя Даниила, который „сѣдѣше на Бѣлѣ озерѣ“, тутъ оставлено, но князь, къ которому обращается авторъ, названъ то „Владиміромъ“, то „сыномъ царя Всеволода“: однимъ словомъ — полная путаница и литературный произволь. Какъ отличительная черта этой редакціи, могутъ быть отмѣчены усиленныя нападки на бояръ: „конь тученъ, яко врагъ сапаетъ на господина своего; тако бояринъ богатъ и силенъ смыслить на князя зло“ и т. п.

Наконецъ, еще болѣе отдаленную отъ первоначальнаго оригинала передѣлку труда Даниила представляетъ текстъ, опубликованный Д. Н. Толстымъ по рукописи XVII в. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1842 года, т. XXII²⁾. Тутъ уже совсѣмъ нѣтъ имени князя, къ которому обращено „Слово“, и вообще эта передѣлка не носитъ никакихъ личныхъ чертъ; по объему эта передѣлка самая краткая,

1) По изданію Шляпкина: стр. 59—63.

2) По изданію Шляпкина: стр. 67—70.

и въ ней нѣтъ никакихъ сколько-нибудь характерныхъ прибавокъ.

Такъ постепенно вывѣтривалось на протяженіи вѣковъ это произведеніе XIII вѣка, теряя, подъ перомъ разныхъ книжниковъ, свои историческія черты, свою реальность и свои литературныя краски. Этими особенностями оно ярко выдѣляется на фонѣ своей литературной эпохи, какъ весьма замѣчательное произведеніе свѣтскаго характера, вызвавшее своими достоинствами цѣлый рядъ позднѣйшихъ передѣлокъ и подражаній.

Историческое значеніе этого памятника сѣверо-восточной литературы первой половины XIII вѣка очень хорошо сформулировано В. М. Истринымъ: „Онъ имѣетъ для насъ значеніе не столько какъ выраженіе тѣхъ или другихъ идеаловъ какой-либо части тогдашняго общества, напр. дружины, а какъ показаніе извѣстнаго литературнаго развитія и просвѣщенія въ очень опредѣленное время, именно въ первой половинѣ XIII вѣка, и въ опредѣленной мѣстности, именно на сѣверо-востокѣ. Его значеніе — въ тѣсной связи со всѣми другими произведеніями той же мѣстности и той же эпохи. Памятникъ этотъ свидѣтельствуетъ о начитанности автора, объ его литературныхъ способностяхъ, объ его умѣнью располагать все свое твореніе въ очень ясномъ порядкѣ. Самый фактъ появленія письма не безынтересенъ и характеренъ. Нужно представить себѣ всю тогдашнюю обстановку. Даніилъ, частный чловѣкъ, пишетъ просительное письмо своему князю, находясь въ томъ же городѣ. Съ одной стороны, Переяславль въ то время былъ городомъ очень небольшимъ, а съ другой — князь въ то время стоялъ настолько близко къ народу, что въ письменной просьбѣ не было никакой нужды. Кромѣ того, это не просто просьба, а литературное произведеніе. Очевидно, Даніилъ смотрѣлъ на свое письмо какъ на рекомендацію своей учености и надѣялся на ея дѣйствіе, а это свидѣтельствуетъ, что ученость

могла въ то время цѣниться. Быть можетъ, Даніилъ видѣлъ и примѣры такой оцѣнки“¹⁾.

5.

Другія литературныя явленія Сѣверо-восточной Руси. — Житія ростовскихъ святыхъ. — Отраженіе татарскаго нашествія въ литературѣ. — Слово о погибели русской земли. — Лѣтописи и ихъ иллюстраціи; сношенія со славянскимъ западомъ; полемическія сочиненія. — Нѣкоторые выводы и наблюденія.

Обратимся теперь къ обзорѣнью другихъ проявленій литературнаго движенія на сѣверо-востокъ въ „средніе вѣка“ нашей письменности.

Житія. На первомъ планѣ стоятъ житія ростовскихъ церковныхъ дѣятелей: епископа и правителя Ростова Леонтія (ум. 1073), его преемника Исаіи (ум. 1090) и затѣмъ ростовскаго чудотворца, архимандрита Богоявленскаго монастыря Авраамія (ум. 1077). Т. о., дѣятельность этихъ лицъ относится ко второй половинѣ XI вѣка, а ихъ прославленіе въ народъ ко второй половинѣ XII и началу XIII вѣка. Но ученая критика, гл. обр. въ лицѣ проф. В. О. Ключевскаго, встрѣчаетъ большія затрудненія въ томъ, чтобы отнести составленіе ихъ житій, несомнѣнно имѣвшее мѣсто на сѣверо-востокѣ, къ совершенно опредѣленному времени: первая редакція житія Леонтія составилаь, вѣроятно, въ промежуткѣ 1194—1204 годовъ, между тѣмъ какъ первая редакція житія Исаіи не можетъ быть отнесена ранѣе 1474 года; что же касается Авраамія, то легендарная основа его житія дошла до перваго ея редактора не раньше XIV вѣка²⁾. При такомъ положеніи вопроса, разсмотрѣніе названныхъ житій въ литературномъ отношеніи теряетъ подъ собою твер-

1) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 258—259.

2) Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871, стр. 3—35.

дую почву, въ виду невозможности болѣе или менѣе точно приурочить эту сложную (къ тому же принадлежащую разнымъ лицамъ въ разныхъ ея стадіяхъ) работу къ опредѣленному историческому моменту.

Болѣе матеріала судить о себѣ даетъ житіе знаменитаго Владимірскаго князя Александра Невскаго (ум. 1263), написанное лицомъ, близкимъ къ событіямъ, и представляющее любопытное явленіе для характеристики литературныхъ приемовъ на сѣверо-востокѣ Руси въ XIII вѣкѣ¹⁾. Авторъ въ своемъ изложеніи не былъ чуждъ нѣкоторой искусственности, но его главной цѣлью было изложеніе дѣйствительныхъ событій, какъ онъ ихъ зналъ и понималъ, а еще болѣе того впечатлѣнія, какое въ свое время произвела на современниковъ личность популярнаго и безспорно выдающагося своими качествами князя; авторъ обладаетъ извѣстной долей книжной начитанности и пользуется ея запасами, когда ему нужно отгѣнить личность и поведеніе своего героя въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ его жизни. Хотя онъ сознаетъ, что пишетъ житіе святого, но онъ далекъ отъ желанія принести въ жертву агіографической условности реализмъ и фактичность своего повѣствованія. Эти качества неизвѣстнаго намъ по имени автора — вѣроятно, родомъ владимірца или вообще съ сѣверо-востока — даютъ основаніе видѣть въ немъ сторонника, конечно безсознательнаго, той реалистической школы въ области житійнаго повѣствованія, которое возникло на югѣ и получило свое главное выраженіе въ агіографическихъ трудахъ преп. Нестора и отчасти въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ. Вскорѣ, въ послѣдующее время именно на сѣверо-востокѣ образуется новая агіографическая школа съ чертами искусственности, риторизма и неисторичности²⁾.

1) Въ Лаврентьевской Лѣтописи подъ 1263 годомъ: см. изд. 1872, стр. 453—457.

2) Ключевскій, назв. соч., стр. 67—71.

Можно полагать, что въ XIII вѣкѣ на сѣверо-востокѣ зарождаются основы чрезвычайно цѣнныхъ по литературнымъ и историческимъ даннымъ ростовской легенды о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ, муромской о Петрѣ и Февроніи и др., но такъ какъ самая обработка въ литературную форму этого матеріала имѣла мѣсто позднѣе ¹⁾, то здѣсь приходится ограничиться только простымъ указаніемъ на нихъ, подобно упомянутымъ ранѣе житіямъ ростовскихъ угодниковъ. Цѣннымъ остается лишь стоящее внѣ сомнѣнія приуроченіе этого литературнаго матеріала къ сѣверо-восточной области и къ исторической обстановкѣ разсматриваемой нами теперь эпохи.

Отраженіе татарскаго нашествія въ литературѣ. Изъ внѣшнихъ историческихъ событій наибольшее вліяніе на литературу оказало, конечно, татарское нашествіе. Самый фактъ этого народнаго бѣдствія произвелъ подавляющее впечатлѣніе на всѣ общественные классы, ослабилъ духовныя силы, въ томъ числѣ и литературу. Подъ вліяніемъ страшныхъ событій, мысль русскаго человѣка обратилась, съ одной стороны, къ покаянію и молитвѣ, къ отысканію въ этихъ бѣдствіяхъ слѣдовъ наказанія за грѣховную жизнь: такова была точка зрѣнія духовенства, находившая себѣ основу и поддержку въ общихъ религіозныхъ представленіяхъ о цѣлесообразности и глубокой причинной связи жизненныхъ событій съ волею Бога, и этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе, напр., въ поученіяхъ Серапіона. Съ другой стороны, народный умъ и чувство искали въ несчастныхъ событіяхъ современности доказательствъ народной силы, уступающей теперь могуществу болѣе внушительному, но нечестивому, и таящей въ себѣ залогъ будущаго великаго возрожденія. Такова полудуховная-полусвѣтская повѣсть „О Калкскомъ побоищѣ и 70-ти храбрыхъ“, явившаяся

1) Буслаяевъ, Ѳ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. II, стр. 156.

литературнымъ результатомъ пораженія при Калкѣ въ 1224 году, существовавшая сначала отдѣльно, а затѣмъ попавшая въ лѣтописи¹⁾; она также, подобно поученіямъ Серапіона, оканчивается размышленіемъ автора, что описанныя бѣдствія являются результатомъ грѣховной жизни и гордости князей. Когда въ 1237 году татары пришли снова, нанесли жесточайшее разореніе и наложили свою тяжелую руку на сѣверо-востокъ, то эти событія вызываютъ новую работу фантазіи въ литературномъ направленіи: такова, напр., Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ и о разореніи Рязанской земли²⁾. Произведеніе это свѣтскаго характера и, по своимъ литературнымъ приѣмамъ, кое въ чемъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ; въ немъ уже нѣтъ покаяннаго элемента и душевной подавленности; мысль автора находитъ себѣ выходъ изъ бѣдственнаго положенія и утѣшеніе въ описаніи храбрости и героизма своихъ князей, гордость которыхъ характеризуется уже не какъ недостатокъ, а какъ достоинство.

Но едвали не самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ откликомъ на событія татарскаго нашествія въ эту эпоху является „Слово о погибели рускыя земли“, къ сожалѣнію дошедшее до насъ лишь въ незначительномъ отрывкѣ. Этотъ отрывокъ имѣетъ однако же такія литературныя достоинства утраченнаго или вообще предполагаемаго цѣлаго, которыя заставляютъ, безъ всякой натяжки, сблизать этотъ памятникъ сѣверо-восточной поэтической литературы XIII в. съ Словомъ о Полку Игоревѣ.

„Слово о погибели рускыя земли“ найдено въ Сборникѣ Псковскаго Печерскаго монастыря XV вѣка и напечатано Х. М. Лопаревымъ (Пам. Древней Письменности. № LXXXIV: Слово о погибели рускыя земли. Вновь

1) Лаврентьевская Лѣтопись подъ 1223 годомъ: см. изд. 1872, стр. 477—483.

2) Срезневскій, И. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. I—XL. Спб. 1867, № XXXIX.

найденный памятникъ XIII вѣка. Спб. 1892). Отъ него сохранилось всего 45 строкъ, и другого списка памятника до сихъ поръ неизвѣстно. Послѣ отрывка Слова въ рукописи идетъ Житіе Александра Невскаго, извѣстное по Лѣтописи, чѣмъ и оканчивается самая рукопись. Сохранившійся отрывокъ начинается вступленіемъ, въ которомъ восхваляется красота и величіе „русской земли“. Дальнѣйшія строки посвящены изображенію этого величія и красоты въ старину; широкимъ размахомъ очерчиваются необъятныя границы Руси, слава ея князей „Всеволода“, отца его Юрія, князя Кіевскаго, и дѣда его „Владиміра Мономаха“, передъ которымъ Половцы и Литва трепетали, Угры ограждали свои каменные города желѣзными воротами, и только „нѣмцы“ (шведы) спокойно жили далеко за синимъ моремъ; даже самъ византійскій царь Мануилъ посылалъ къ Владиміру дары, чтобы тотъ не взялъ Царяграда. Но — такъ было въ прошломъ, а при „нынѣшнемъ Ярославѣ и братѣ его Юріи князѣ Владимірскомъ“ наступила „болѣзнь крестьяномъ“. На этомъ оканчивается сохранившійся отрывокъ, при чемъ подъ „болѣзнию“, судя по именамъ князей, приходится разумѣть не иное что, какъ татарское нашествіе. Едва ли можно сомнѣваться, что „нынѣшній“ Ярославъ отрывка есть уже знакомый намъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь Переяславскій, къ которому Даніилъ обращалъ свое „Моленіе“.

Т. о., возникновеніе „Слова“ надо относить къ первой половинѣ XIII вѣка, а по мѣсту — къ сѣверо-восточной Руси. Можно предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ началомъ исторической поэмы, въ которой, судя по заглавію, должно было быть изображено нашествіе татаръ. Уже изъ сохранившагося отрывка видно, что авторъ поэмы, человѣкъ очевидно книжный, допускалъ рядомъ съ историческими чертами и явныя преувеличенія, когда описывалъ могущество Владиміра Мономаха и его предшественниковъ, въ отношеніи внѣшнихъ границъ Руси, или изображалъ страхъ пе-

редь ними знаменитаго царя Мануила (1143—1180). Не говоря о хронологическомъ несопадении, вся эта тирада отзывается фантастическими чертами народной поэзии, которая дѣйствительно знаетъ „грознаго царя Этмануйла Этмануйловича“, принимавшаго пословъ „Владимира князя Кіевскаго“ и даже сдѣлавшагося впоследствии его тестемъ¹⁾, но не унижавшагося до уплаты ему дани изъ страха нападения на его столицу. Отрывокъ оканчивается на самомъ интересномъ мѣстѣ — началѣ, повидимому, главной части поэмы: я не могу согласиться съ издателемъ „Слова“, что подь „болѣзнью крестьяномъ“ нужно понимать „междоусобія удѣльной системы, оказавшіяся столь гибельными во время татарскаго нашествія“²⁾, и думаю, что естественнѣе разумѣть тутъ самое нашествіе.

Авторъ поэмы намъ не извѣстенъ. Издатель отрывка находитъ, что „сближеніе“ его съ Даніиломъ-Заточникомъ „имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе“³⁾; но его смущало то, что Даніилъ по признаваемой тогда древнѣйшей редакціи былъ относимъ къ XII вѣку. Съ принятіемъ новой точки зрѣнія на Даніила, написавшаго свое „Моленіе“ въ XIII вѣкѣ и обращавшагося именно къ тому самому Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, о которомъ упоминаетъ какъ о „нынѣшнемъ“ и неизвѣстный авторъ нашего „Слова“, такое затрудненіе устраняется, и напр. В. М. Истринъ высказываетъ уже вполне опредѣленное предположеніе, что „авторъ того и другого произведенія (т. е. и „Моленія“ и „Слова о погибели рускія земли“) одинъ и тотъ же“⁴⁾. Я полагаю, что далѣе самаго осторожнаго предположенія въ этомъ вопросѣ идти нельзя, п. ч. о литературной манерѣ автора „Слова“ мы знаемъ слишкомъ мало по сохранившему от-

1) Изд. Лопарева, стр. 13—14.

2) Тамъ же, стр. 16.

3) Тамъ же, прим. на стр. 11.

4) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 267.

рывку; содержание же послѣдняго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ „Моленіемъ“. При весьма замѣтномъ расцвѣтѣ сѣверо-восточной литературы въ первой половинѣ XIII вѣка нѣтъ никакой необходимости стремиться приписывать выдающіяся произведенія непременно одному лицу.

О художественныхъ достоинствахъ этого произведенія по нѣсколькимъ сохранившимся строкамъ судить, конечно, очень трудно. Я не могу оспаривать предположенія издателя, X. М. Лопарева, что „это только начало великолѣпной поэмы XIII вѣка“ и что она (поэма) составляетъ часть цѣлой трилогіи, въ которую, кромѣ „Слова“, входили еще другія два произведенія: „О смерти великаго князя Ярослава“ и „О житіи великаго князя Александра“, но я не могу ни слова прибавить и въ подкрѣпленіе этой догадки. Съ другой стороны, трудно согласиться и съ болѣе чѣмъ сдержаннымъ отзывомъ объ этомъ произведеніи проф. Владимірова, который находитъ его „въ поэтическомъ отношеніи крайне неудачнымъ“¹⁾. Онъ, кромѣ того, полагаетъ, что „начало Слова вызываетъ сильное сомнѣніе по несоответствію съ духомъ древне-русскихъ памятниковъ“. Но развѣ характеръ и духъ древне-русскихъ памятниковъ такъ опредѣленно очерчены, что на основаніи ихъ можно судить о самой подлинности новыхъ открытій въ той же области древне-русской литературы? Затѣмъ авторъ находитъ, что произведеніе это „мало чѣмъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ“; мнѣ же думается, напротивъ, что этотъ отрывокъ именно „напоминаетъ“ Слово о Полку Игоревѣ — только, конечно, въ весьма слабой степени, по скольку подобный отрывокъ вообще можетъ быть сравниваемъ съ единственнымъ до сихъ поръ въ своемъ родѣ цѣльнымъ поэтическимъ произведеніемъ нашей древней письменности.

1) Древняя русская литература, стр. 367—368.

Лѣтописи и ихъ иллюстраціи; полемическія сочиненія.

Изъ другихъ явленій сѣверо-восточной литературы первой половины XIII вѣка здѣсь можно отмѣтить прежде всего работы надъ лѣтописью. Мы имѣемъ тутъ, съ одной стороны, Переяславскую Лѣтопись, составленную въ Суздальской землѣ во второмъ десятилѣтіи XIII вѣка, между 1214—1219 годами, при переяславскомъ князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, племянникѣ Андрея Боголюбскаго — того самаго, къ которому обращено было „Моленіе“ Даниіла и о которомъ упоминается въ „Словѣ о погибели рускія земли“. Памятникъ этотъ изданъ княземъ М. Оболенскимъ: Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. М. 1851. Съ другой стороны — работы надъ Владимірской Лѣтописью, результаты которыхъ дошли до насъ въ великолѣпномъ экземплярѣ конца XV вѣка подъ видомъ такъ наз. Радзивиловской или Кенигсбергской Лѣтописи, изданной О. Л. Д. П. въ 1902 году (№ СХVIII). По изслѣдованіямъ Шахматова¹⁾, первая попытка составить во Владимірѣ лѣтописный сводъ восходитъ къ 1185 или 1186 году; въ основаніе свода была положена Кіевская Лѣтопись въ редакціи, доходившей повидимому до 1175 года. Вторая редакція Владимірскаго свода была составлена около 1192 года съ цѣлію дополнить и исправить сводъ 1185 года. Третій Владимірскій сводъ доходилъ предположительно до 1216 года и оказалъ извѣстное вліяніе на составленіе упомянутой Переяславской Лѣтописи. Наконецъ, около того же времени явились попытки составить лѣтопись и въ Ростовѣ. Впослѣдствіи, въ началѣ XIV вѣка, эти лѣтописи — особенно Владимірская и Переяславская — оказали свое вліяніе на составленіе общерусскаго лѣтописнаго свода, а въ 1377 году, при составленіи Лаврентьевскаго свода, на него оказала значительное вліяніе

1) Изслѣдованіе о Радзивиловской или Кенигсбергской Лѣтописи. СПб. 1902, стр. 86—100.

Ростовская Лѣтопись. Что же касается Радзивиловской Лѣтописи, то въ основу ея легли Лаврентьевскій и Переяславскій своды. Радзивиловская Лѣтопись замѣчательна еще и въ другомъ отношеніи: она снабжена множествомъ иллюстрацій, взятыхъ, какъ надо полагать, изъ дошедшей до насъ иллюстрированной Переяславской Лѣтописи XIII вѣка. Акад. Н. П. Кондаковъ высказываетъ, по поводу этихъ иллюстрацій, любопытныя соображенія о томъ, что внесенныя въ нихъ бытовыя особенности, при своей греческой основѣ, обнаруживаютъ славянское вліяніе и указываютъ на „связь западно-славянскаго міра съ Суздальской Русью XIII—XIV столѣтій“¹⁾. Это соображеніе даетъ поводъ акад. В. М. Истрину вспомнить и о двухъ переводныхъ памятникахъ, „Сказаніи объ Индійскомъ царствѣ“ и „О двѣнадцати снахъ царя Шахаиши“, время появленія которыхъ, и именно на сѣверо-востокъ Руси, онъ склоненъ относить также къ XIII вѣку, а посредникомъ между этими восточными сказаніями и русской письменностью считать Далматинское побережье. Онъ полагаетъ, что „такое совпаденіе (относительно иллюстрацій и названныхъ памятниковъ) даетъ большую увѣренность въ томъ, что съ возникновеніемъ сѣверо-восточнаго центра начались сношенія Суздальской Руси съ Западной Европой и прежде всего съ западными славянами; сношенія же эти указываютъ на литературное и общественное развитіе сѣверо-восточной Руси, начавшееся съ конца XII вѣка и проявившееся въ XIII вѣкѣ“²⁾. Наконецъ, къ этой же эпохѣ литературнаго подъема на сѣверо-востокъ въ XIII вѣкѣ тотъ же авторъ не прочь отнести и группу произведеній, направленныхъ противъ евреевъ, про-

1) Замѣтки о миниатюрахъ Кенигсбергскаго списка Начальной Лѣтописи. СПб. 1902, стр. 15.

2) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 264. Ср. Истрина „Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей“: Лѣтопись Ист.-фил. Общ. при Новор. Унив. Т. XIII (1905), стр. 181—182.

тивъ которыхъ именно около этого времени въ Литвѣ или на сѣверо-востокъ Руси — вслѣдствіе ихъ движенія изъ Литвы и Польши и начавшейся, вѣроятно, еврейской пропаганды — можно наблюдать извѣстное возбужденіе и стремленіе доказать, что политическая жизнь евреевъ кончилась и что ученіе ихъ ложно: первой цѣли могла служить Толковая Палея, а второй такъ наз. Архивскій (Гудейскій) Хронографъ: оба памятника представляютъ собою оригинальныя произведенія русской литературы, замѣчательныя и по широтѣ плана, и по содержанію, и по своей идейности¹⁾.

Какъ можно видѣть изъ предшествующаго изложенія, свѣдѣнія наши о литературныхъ явленіяхъ сѣверо-восточной Руси въ первой половинѣ XIII вѣка слишкомъ отрывочны и скудны для того, чтобы можно было сдѣлать какіе-либо прочные выводы; однако нѣкоторыя наблюденія напрашиваются сами собою.

Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію самый фактъ замѣтнаго литературнаго возбужденія въ указанное время на сѣверо-востокъ. Результаты предпринятой тутъ литературной работы позволяютъ установить извѣстную связь ея съ литературой „древнѣйшей“ эпохи. Дѣятели сѣверо-восточной литературы дѣйствовали подъ вліяніемъ кіевского образованія и кіевскихъ литературныхъ навыковъ и традицій; главный литературный матеріалъ они заимствовали изъ Кіева, подобно тому какъ Кіевъ въ свое время заимствовалъ этотъ матеріалъ изъ Византіи. Но вмѣстѣ съ готовыми данными болѣе или менѣе общаго характера, сѣверо-восточная литература восприняла въ себя и живое вліяніе современности, которое обнаружилось въ связи этой литературы съ

1) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 260—261. 262—263.

мѣстной общественной и политической жизнью, хотя факты этой связи — по условіямъ литературнаго развитія той эпохи — и не могутъ быть обозначены съ достаточной отчетливостью. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно эта сравнительная близость къ реальной дѣйствительности и была одной изъ главныхъ особенностей, обусловившихъ дальнѣйшее движеніе сѣверо-восточной литературы; здѣсь мы, какъ въ кievскую эпоху, видимъ сначала нѣсколько литературныхъ центровъ (Владимірь, Ростовъ, Муромъ, Переяславль и др.), но, по мѣрѣ развитія политической и культурной самостоятельности сѣверо-востока, эти мѣстные центры въ XV вѣкѣ нашли себѣ извѣстное объединеніе въ Москвѣ, давшей намъ уже въ XVI вѣкѣ не сѣверо-восточную, а московскую литературу, которая явилась выразительницей общерусскихъ литературныхъ стремленій въ средніе вѣка нашей письменности. Что касается специально-литературныхъ качествъ сѣверо-восточной письменности XIII вѣка, то тутъ мы не можемъ отмѣтить обилія выдающихся писательскихъ дарованій или произведеній, которое могло бы поставить эту литературу въ уровень съ кievскимъ періодомъ; но, съ другой стороны, краткость времени, въ которое мы можемъ наблюдать эту письменность, и отрывочность доступныхъ для насъ ея результатовъ лишаютъ насъ возможности дѣлать объ этомъ достаточно увѣренныя заключенія¹⁾.

Однако извѣстное объединеніе сѣверо-восточныхъ литературныхъ стремленій въ XV вѣкѣ въ Москвѣ отдѣляется отъ краткаго періода ея возбужденія въ XIII вѣкѣ довольно длиннымъ періодомъ литературнаго затишья, которое падаетъ на вторую половину XIII-го и XIV вѣкѣ. Мы обладаемъ за это время весьма малымъ количествомъ литературныхъ произведеній, изъ

1) Ср. объ этомъ у В. М. Истрина: Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 253—257.

которыхъ объ однихъ (напр., послѣднія поученія Серапіона Владимірскаго) было уже сказано, а о другихъ (сочиненія митр. Кипріяна, попытки въ области исторической повѣсти и т. п.) будетъ сказано позже, по ихъ связи съ литературными явленіями XV вѣка. Въ замѣнъ этого, на фонѣ упомяну- таго затишья мы наблюдаемъ въ XIV вѣкѣ умственные броженія, являющіяся подкладкой дальнѣйшаго развитія лите- ратуры: таково, съ одной стороны, указанное уже полити- ческое и культурное объединеніе, приведшее къ результа- тамъ московской литературы въ XV вѣкѣ, а съ другой — развитіе ересей. Самымъ яркимъ выраженіемъ этого по- слѣдняго броженія въ XIV-мъ вѣкѣ является ересь стриголь- никовъ, первое упоминаніе о появленіи которой въ Новгородѣ имѣется въ Лѣтописи подъ 1376 годомъ. Вышедшее, по- видимому, съ запада¹⁾, это религіозное вольномысліе, съ большой дозой раціонализма, отразилось косвенно кое въ чемъ и на литературѣ: напр., любопытное посланіе Нов- городскаго архіепископа Василія (1331—1352) къ Тверскому епископу Θεодору о „земномъ рабѣ“²⁾ служить, повидимому, отзвукомъ скептицизма въ области русской религіозной мысли въ XIV вѣкѣ.

Не останавливаясь на этой переходной и скудной въ литературномъ отношеніи эпохѣ, переходимъ къ главнѣйшимъ литературнымъ фактамъ XV вѣка и прежде всего къ тѣмъ, которыя явились ближайшимъ результатомъ идейныхъ бро- женій предшествующаго времени.

1) Любопытныя соображенія и указанія объ этомъ имѣются въ стятѣ В. О. Бояновскаго: Русскіе вольнодумцы XIV—XV вв. „Новое Слово“ 1896 № 12, стр. 157—160.

2) П. С. Р. Л. VI, стр. 87—89; VII, стр. 212—214.

Б. Литературныя явленія XV вѣка.

1.

Идея единства Русп. — Общерусскіе лѣтописные своды.

Какъ уже было сказано, въ XIV вѣкѣ замѣтны первые признаки сознанія политическаго и духовнаго объединенія на сѣверо-востокѣ Русп. Весьма замѣчательно, что идеология предшествовала тутъ самымъ фактамъ. Это нагляднымъ образомъ доказывается возникновеніемъ въ XIV и XV вв. общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Разъясненіемъ этого вопроса, какъ и многихъ другихъ въ области древне-русскаго лѣтописанія, наука въ особенности обязана А. А. Шахматову. Путемъ анализа Новгородской 4-ой и обѣихъ редакцій т. наз. Софійской 1-ой Лѣтописи изслѣдователь приходитъ къ убѣжденію, что въ первой четверти XV вѣка, или точнѣе въ 1423 году, въ княженіе Василія Дмитріевича, въ Москвѣ былъ составленъ общерусскій лѣтописный сводъ, заключавшій въ себѣ обширныя извлечения изъ мѣстныхъ лѣтописей новгородскихъ, тверскихъ, ростовскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ и т. д.; это — т. наз. „Владимірскій Полихронъ“ 1423 года¹⁾. Этотъ памятникъ, свидѣтельствующій о значительной зрѣлости идеи объединенія русской земли вокругъ Москвы, возникъ въ то время, когда Москва фактически далеко еще не закончила осуществленіе своей объединительной политической программы, соперничая въ своемъ могуществѣ съ Нижнимъ-

1) „Общерусскій лѣтописный сводъ — говоритъ Шахматовъ — могъ быть названъ Владимірскимъ полихрономъ именно потому, что составленъ митрополитомъ, кафедральнымъ городомъ котораго считался Владимір (ср. опредѣленіе патріаршаго собора о перенесеніи кафедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ 1354 г. и соображенія Голубинскаго въ И. Р. Ц., II, 1, стр. 140). Весьма возможно, что официальнымъ названіемъ общерусскаго свода и было „Владимірскій полихронъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 № 9, стр. 176).

Новгородомъ, Тверью, Рязанью: т. о., идея объединенія, сознание его необходимости и неизбежности опережаетъ самый фактъ такого объединенія; политическая дальновидность и литературная работа шли впереди успѣховъ оружія и дипломатіи.

Это вполнѣ выясняется изъ самаго характера лѣтописнаго свода. Онъ отражаетъ въ себѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, все наличное тогдашнее русское лѣтописаніе, начиная съ древнѣйшаго, кіевскаго, и кончая позднѣйшимъ — московскимъ, нижегородскимъ и т. д. Наряду съ самыми древними памятниками, сюда внесены и такіе, напр., какъ Фотіево посланіе 1417 года, духовная митр. Кипріяна 1406 года. Включая въ свой трудъ столь обширный матеріаль, московскій сводчикъ оставлялъ однако же неприкосновенными разныя мелкія особенности, которыя находилъ въ мѣстныхъ источникахъ, не обезличивалъ ихъ: т. о., мысли и чувства какого-нибудь рязанскаго, смоленскаго или псковскаго лѣтописца, сопровождавшія описаніе того или иного событія въ мѣстныхъ лѣтописяхъ, заносились и въ общій сводъ, редакторъ котораго не стремился къ освѣщенію событій съ какой-либо своей точки зрѣнія. Этотъ компилятивный механизмъ сказался и въ наиболѣе щекотливыхъ моментахъ его труда: напр., титулъ великаго князя носить въ московскомъ общерусскомъ сводѣ не одинъ только московскій князь, но также рязанскій, нижегородскій, смоленскій и др.; ясно, что въ данномъ случаѣ сводчикъ слѣдовалъ подлиннымъ выраженіямъ своихъ оригиналовъ. Въ самомъ разказѣ мы видимъ слѣды продолжавшейся въ XIV—XV вв. борьбы разныхъ князей за свое политическое преобладаніе; съ Москвой соперничаютъ Нижній и Рязань, а Новгородъ и Псковъ живутъ совершенно независимой, отдѣльной жизнью. Въ сводѣ заносится, напр., рѣзкій отзывъ нижегородскаго лѣтописца о событіи 1393 года, и симпатіи послѣдняго лежатъ, конечно, не на сторонѣ московскаго князя, а напротивъ — своего

природнаго князя Бориса Константиновича. И при всемъ этомъ, сводчикъ интересуется всей русской землей, самыми отдаленными ея городами и областями, не приведенными еще къ какой-либо единой политической связи; съ одинаковымъ интересомъ онъ заноситъ въ свой трудъ описанія моровой язвы въ Псковѣ въ 1352 году и въ Переяславлѣ-Залѣскомъ въ 1364 году, при чемъ сопровождаетъ ихъ благочестивыми разсужденіями псковича и переяславца; какія-нибудь небесныя знаменія, видѣнныя въ Новгородѣ, Москвѣ или Твери, одинаково находятъ себѣ мѣсто въ его лѣтописи, рядомъ съ указаніемъ на то впечатлѣніе, какое они производили на мѣстное населеніе. Характернымъ въ данномъ случаѣ является именно то, что, при всей компилятивности повѣствованія, у сводчика виденъ общій интересъ ко всей русской землѣ, а не къ какой-либо отдѣльной ея области. Опредѣляя въ⁷ общемъ литературные источники Владимірскаго полихрона 1423 года, Шахматовъ указываетъ на: 1. лѣтописные своды, 2. выборки изъ мѣстныхъ лѣтописей, 3. хронологическіе сборники, 4. произведенія духовной литературы, 5. грамоты и посланія, 6. юридическіе акты и памятники, 7. произведенія народной словесности.

Мѣстомъ возникновенія такого свода могла быть только Москва: никуда не могло быть стянуто такое количество лѣтописнаго матеріала, какъ именно въ Москву, и весьма вѣроятно, что работа эта совершена была по мысли московскаго митрополита, бывшаго тогда единственнымъ лицомъ, въ которомъ официально признавалось и даже подчеркивалось единство русской земли со стороны Константинопольскаго патріарха: въ XIV в. объ этомъ не разъ бывали оттуда напоминанія митрополитамъ Алексію и Кипріану, слишкомъ увлекавшимся симпатіями къ Москвѣ и забывавшими „русскую землю“, „Русь“ вообще; нечего и говорить о томъ, что только одинъ московскій митрополитъ могъ своей властью приказать доставить въ Москву отъ мѣстныхъ

епископовъ и монастырей списки лѣтописей, выписки и вообще разнаго рода необходимый для свода матеріалъ: житія, поученія, повѣсти, посланія и т. п. Исслѣдователь полагаетъ, что инициатива общерусскаго лѣтописнаго свода принадлежала митрополиту Фотію (1408—1431), а выполнение этого дѣла поручено было извѣстному Пахомію-сербу¹).

Шахматовъ, пришедшій къ этимъ выводамъ о возникновеніи въ Москвѣ въ первой четверти XV вѣка, въ митрополичьей канцеляріи, общерусскаго лѣтописнаго свода, углубляетъ свои изслѣдованія надъ этимъ памятникомъ какъ въ его прошломъ, такъ и въ послѣдующей судьбѣ; онъ находитъ возможнымъ предполагать, съ одной стороны, что общерусскія лѣтописныя компиляціи существовали уже въ XIV вѣкѣ, а съ другой указываетъ на то, что трудъ Пахомія продолжалъ перерабатываться въ смыслѣ сокращенія: первую редакцію такого сокращенія онъ относитъ къ 1448 году, вторую къ 1499, третью къ 20-мъ годамъ XVI вѣка. Но эти наблюденія уже не имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ большого интереса, который почти цѣликомъ исчерпывается указаніемъ на многозначительный фактъ возникновенія въ XV в. памятника, свидѣтельствующаго о наличности идеи объединенія на Руси въ эту пору. Впрочемъ, должно здѣсь отмѣтить, что все-таки не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать этого факта: отъ компилятивной работы въ митрополичьей канцеляріи до яснаго сознанія необходимости политическаго и духовнаго объединенія въ сколько-нибудь широкихъ общественныхъ кругахъ еще было далеко. Кромѣ того, не вполне убѣдительно представляется и догадка Шахматова о томъ, что авторомъ компиляціи былъ именно Пахомій; этотъ вопросъ требовалъ бы еще новыхъ изслѣдованій, хотя въ данномъ случаѣ онъ также не имѣетъ для насъ большого значенія.

1) Шахматовъ, А. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1900 № 9, стр. 118. 162—168; № 11, стр. 152—153.

2.

Оживленіе интереса къ Византіи. — Повѣсть о взятіи Царяграда; ея нравственный и политическій смыслъ. — Теорія о Москвѣ-третьемъ Римѣ. — Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ.

Въ XV вѣкѣ получаетъ большое оживленіе на Руси интересъ къ Византіи. Какъ уже не разъ указано было мною раньше, отношенія къ Византіи были въ Россіи давнія и исконныя. Оттуда получено было ею христіанство, начатки литературы, первые церковные администраторы; съ Византіей были постоянныя живыя связи путемъ паломническихъ хожденій въ Царьградъ и въ Палестину; реальною связью съ нею была власть Константинопольскаго патріарха, выражавшаяся въ поставленіи русскихъ митрополитовъ сначала кіевскихъ, потомъ „всея Руси“. Къ XV вѣку эти фактическія отношенія, все болѣе и болѣе скрѣплявшіяся единствомъ православной вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоненіемъ и отчужденіемъ отъ „схизматическаго“ запада, начали стремиться къ полученію принципіальной формулировки и литературной обработки. Особо важнымъ поводомъ къ этому послужило завоеваніе Константинополя въ 1453 году турками, поведшее за собою прекращеніе политическаго существованія Византійской имперіи. Литература приняла на себя задачу опредѣлить отношеніе къ этому выдающемуся событію и сдѣлать изъ него тѣ выводы, которые вытекали изъ прежнихъ отношеній Руси къ Византіи, ея современнаго положенія и ея правъ на будущее.

Среди относящихся сюда литературныхъ произведеній особое мѣсто занимаетъ „Повѣсть о взятіи Царяграда“, возникшая первоначально отдѣльно и вошедшая потомъ въ разнаго рода сборники и лѣтописные своды¹⁾.

1) В. Яковлевъ. Сказаніе о Царьградѣ по древнимъ рукописямъ. Спб. 1868; Никоновская Лѣтопись, подъ 1453 годомъ: П. С. Р. Л.

Въ болѣе полныхъ изводахъ повѣсть состоитъ изъ двухъ частей: объ основаніи Царяграда и о взятіи его турками. Объ основаніи Царяграда разсказывается, что римскій царь Константинъ Флавій, заботясь о расширеніи христіанской вѣры, задумалъ основать городъ, для чего посланные „мудрые мужи“ и нашли подходящее мѣсто. Не обошлось тутъ и безъ пророческаго сна, въ которомъ царю указано было на великую будущность воздвигаемаго города; смыслъ пророчества былъ таковъ, что новый городъ сдѣлается нѣкогда ареной борьбы христіанства съ бусурманствомъ, что послѣднее сначала одолѣетъ первое, но что въ концѣ концовъ побѣда останется за христіанствомъ. Весьма вѣроятно, конечно, что этотъ разсказъ, какъ и дальнѣйшее краткое повѣствованіе объ основаніи Царяграда, о свезенныхъ въ него драгоценныхъ сокровищахъ и о нѣсколькихъ годахъ напряженной работы надъ его постройкой, есть позднѣйшая вставка лица, желавшаго, такъ сказать, округлить первоначальный разсказъ лишь о паденіи Царяграда отъ руки турокъ въ 1453 году. Разсказъ же объ этомъ послѣднемъ событіи начинается съ того, какъ „безбожный Махметъ брань воздвиже противъ Константинограда, не по чину, но противу сдержанія клятвы; воинство приведе зѣло много по земли и по морю и ратовати нача, и пришедъ внезапно и градъ обступи со многими силами.“ Затѣмъ идетъ описаніе того впечатлѣнія, которое произвело это появленіе врага на царя Константина, войско, духовенство и все городское населеніе. Стали молиться Богу и дѣлать приготовленія къ оборонѣ. Между тѣмъ турки не замедлили начать приступы на городъ, повторявшіеся нѣсколько разъ и уносившіе

ХП, стр. 78—81. 83—97. Пересказъ „повѣсти“ по разнымъ спискамъ, съ присоединеніемъ комментарія и нѣкоторыхъ справокъ съ византійскими, латинскими и восточными памятниками, сдѣланъ былъ И. И. Срезневскимъ: Ученыя Записки II Отд. А. Н., кн. I (1854), отд. III, стр. 103—133.

громадное количество жертвъ съ той и другой стороны. Царь лично объѣзжалъ разныя части города, прося войска и всѣхъ участниковъ защиты стоять твердо, и всѣ давали свое обѣщаніе положить „голови свои за православную вѣру и за святыя церкви“. Но вотъ въ ночь на 24 мая осажденные были свидѣтелями слѣдующаго чуда: весь городъ освѣтился заревомъ; сначала подумали, что это пожаръ, но потомъ оказалось, что изъ оконъ храма св. Софіи поднялось огромное пламя, окружило церковный куполь и, обратившись въ „неизреченный свѣтъ“, ушло на небо. Бояре и другіе ближніе люди истолковали это видѣніе царю такъ, что это былъ ангель Божій, служившій къ охраненію св. Софіи: теперь онъ оставилъ церковь, и это — явное указаніе на то, что городъ будетъ преданъ врагамъ. Всѣ умоляли царя оставить городъ, но онъ рѣшился умереть и осуществилъ свое рѣшеніе въ одинъ изъ дальнѣйшихъ пристуновъ турокъ, за которымъ послѣдовало взятіе непріателемъ города: „и тако — говоритъ авторъ въ заключительныхъ строкахъ Повѣсти — грѣхъ ради нашихъ беззаконный Махметъ, сѣдя на престолѣ царетѣмъ, благороднѣйша суца всѣхъ иже подь солнцемъ и изобладаша владѣющихъ двѣма части вселенныя, и одолѣ одолѣвшихъ гордаго Артаксеркса, невмѣстимаго пучинами морскими и вои вода шире земля и потреби потребившихъ Трою предивную, седмидесяти четырьми краями обороняемую“¹⁾.

Весьма вѣроятно, что это — русское сочиненіе, написанное очевидцемъ событія, какъ о томъ можно заключать изъ отдѣльныхъ частей описанія и отсутствія какихъ-либо ссылокъ на посторонніе источники, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ авторъ прямо говоритъ: „отъ иныхъ же тако слышахомъ“. Болѣе точному выясненію вопроса объ авторѣ „Повѣсти“ послужило опубликованіе новаго ея списка,

1) По изд. В. Яковлева, стр. 113—114.

найденнаго арх. Леонидомъ¹⁾. Издатель относитъ списокъ къ началу XVI вѣка; онъ замѣчателенъ находящимся при немъ послѣсловіемъ, изъ котораго видно, что „списателемъ“ Повѣсти былъ нѣкто Несторъ-Искандеръ, русскій по происхожденію и невольный потурченецъ. Изъ послѣсловія не видно, почему Несторъ вынужденъ былъ служить въ турецкихъ войскахъ, но, потурченный, онъ втайнѣ оставался христіаниномъ. Находясь среди осаждавшихъ Константинополь, онъ съ тяжелымъ сердцемъ смотрѣлъ на успѣхи турокъ и, повидимому, велъ дневникъ всей осады. Когда городъ былъ взятъ, Несторъ сблизился съ греками-христіанами, записалъ отъ очевидцевъ свѣдѣнія о положеніи осажденныхъ въ городѣ и вообще о ходѣ дѣла съ греческой стороны. Потомъ онъ привелъ свои записки въ порядокъ и, т. о., составилъ „Повѣсть о Царьградѣ“ въ „воспоминаніе своего языка“, т. е. для славянъ. Какъ перешла повѣсть въ Россію, въ послѣсловіи нѣтъ свѣдѣній. Покойный издатель этого интереснаго списка объясняетъ, почему названное послѣсловіе не имѣется при другихъ спискахъ: б. м., переписчиковъ смущало то обстоятельство, что авторъ былъ потурченецъ, хотя и невольный, а это могло ослабить впечатлѣніе отъ разказа о борьбѣ христіанъ съ „безбожными“, исполненной такого многозначительнаго смысла для первыхъ. Т. о., если принять указанія изложеннаго „послѣсловія“ за достовѣрныя²⁾, то мы имѣемъ дѣло съ исторической повѣстью, написанной русскимъ въ самомъ началѣ второй половины XV вѣка.

Для русскихъ читателей памятникъ этотъ былъ не однимъ лишь разказомъ о происшедшихъ событіяхъ. Важна была не только фактическая сторона „Повѣсти“, но и ея нравственный и политическій смыслъ: Царьградъ палъ

1) Повѣсть о Царьградѣ, Нестора-Искандера, XV в. Спб. 1886 (Пам. Древн. Письм. № LXII).

2) Ср. Л. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Спб. 1890, стр. 32.

„грѣхъ ради нашихъ“ (по изд. Яковлева, стр. 59) или „понеже безаконія наша превзыдоша главы наша и грѣхи наша отяготѣша сердца наша“ (П. С. Р. Л. XII, стр. 88). Другіе выражались по этому вопросу еще болѣе опредѣленно: напр., извѣстный публицистъ XVI вѣка Иванъ Пересвѣтовъ, котораго „Сказаніе о царѣ турецкомъ Махметѣ“ помѣщено въ „Никоновской Лѣтописи“ непосредственно за „Повѣстью“ о паденіи Царьграда, прямо говоритъ, что „вельможи царевы“ ради личнаго обогащенія продавали правосудіе и мѣшали царю Константину ввести въ государство необходимыя улучшенія (П. С. Р. Л. XII, стр. 103). Итакъ, Царьградъ палъ; но православное чувство русскаго человѣка не могло примириться съ мыслью, чтобы погибло и христіанство, авторитетнымъ источникомъ котораго была для него въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Византія. Къ XV вѣку политическое и общественное самосознаніе въ Россіи настолько выросло, увѣренность въ своихъ жизненныхъ силахъ настолько окрѣпла, что весьма естественнымъ былъ такой выводъ изъ факта паденія Царьграда: Царьградъ палъ, но у него есть готовый преемникъ по царской власти и по власти святительской; этотъ преемникъ — Россія, и на нее должно перенести историческія права и обязанности Византіи; послѣднія облекались въ мысль о необходимости борьбы съ турками, въ конечномъ результатѣ которой предполагалась побѣда и обладаніе Константинополемъ: тутъ мы видимъ корень и программу т. наз. впоследствии „восточнаго вопроса“.

Вопросъ о преемствѣ царской власти изъ Византіи окруженъ цѣлымъ рядомъ литературныхъ памятниковъ провиденціального или мистическаго характера. Подобные памятники были еще у грековъ и задолго до паденія Византіи. Отголоски такой литературы мы видѣли уже въ Повѣсти о Царьградѣ (сонъ царя Константина Флавія о будущности Царьграда). Въ греческой литературѣ распространено было не

мало сказаній о будущей судьбѣ имперіи, въ видѣ загадокъ, ямбическихъ стиховъ, сновидѣній благочестивыхъ мужей: таковы, напр., предсказанія Льва Премудраго, патріарховъ Меодія и Геннадія, Сивиллины книги пророчествъ. Смысль ихъ всѣхъ былъ одинъ и тотъ же: Византія будетъ предана въ руки внѣшняго врага, но въ концѣ концовъ будетъ спасена посланнымъ свыше царемъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ въ исторіи Византіи предсказанія эти относительно внѣшняго врага примѣнялись то къ арабамъ, то къ славянамъ, то къ крестоносцамъ, то наконецъ къ туркамъ. Самыя предсказанія также мѣнялись въ своей формѣ, принимали разнообразныя литературныя виды. Эти памятники находили себѣ распространеніе, въ переводахъ, и въ Россіи въ разнаго рода сборникахъ вродѣ „Цвѣтника“, „Лебеда“, „Книги Льва царя Премудраго“ и т. п. и позднѣе, въ XVI вѣкѣ, заносились даже въ официальные памятники, напр. въ Степенную книгу. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная роль въ подогрѣваніи интереса къ этой литературѣ и къ соединеннымъ съ ней политическимъ мечтаніямъ и ожиданіямъ принадлежала южнымъ славянамъ. Въ XIV вѣкѣ болгарскій властитель Александръ и сербскій Душанъ мечтаютъ о завоеваніи Константинополя и даже именуютъ себя „царями“; одновременно съ этимъ, у болгаръ и у сербовъ являются свои, независимые отъ константинопольскаго, патріархи. Но осуществленіе политическихъ мечтаній относительно Византіи оказалось не по плечу южно-славянскимъ государямъ: въ концѣ концовъ имъ самимъ пришлось потерять свою политическую независимость. Тогда мысль о единственномъ правѣ на преемство византійской власти въ будущемъ переносится на Россію, и южно-славянскіе выходцы, въ родѣ извѣстнаго серба Пахомія, остаются далеко не безучастными къ поддержанію этихъ тенденцій въ Россіи. Самый фактъ паденія Византіи въ половинѣ XV вѣка далъ могучій толчокъ дальнѣйшему росту названной идеи. Уси-

ленно стали комментироваться старыя византійскія „сказанія“ и „пророчества“. Въ „пророчествѣ Льва“ говорилось, что послѣ овладѣнія Константинополемъ невѣрными явится нѣкій „русый народъ“ (ξαναθὸν γένος), который освободитъ Византію и воскреситъ ея могущество: изъ этого „русаго“ народа сдѣланъ былъ просто „русскій“ народъ — и старая провиденціальная мечта получила новое подкрѣпленіе. Во второй половинѣ XV вѣка мысль эта, сначала лишь косвенно и въ общихъ чертахъ, находитъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ, посвященныхъ въ своей главной части другимъ предметамъ. Такъ, въ „Похвальномъ словѣ“ инока Ѳомы тверскому князю Борису Александровичу, составленномъ около 1453 года, довольно ясно проскальзываетъ стремленіе автора возвеличить упомянутаго князя наименованіемъ его „великимъ самодержцемъ“, „вторымъ Константиномъ“, „воистину достойнымъ вѣнцу царскому“¹⁾. Въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ высказывается ту же мысль относительно московскаго князя неизвѣстный авторъ „Похвалы великому князю Василію Васильевичу“, составляющей часть „Слова о составленіи осьмого собора латынскаго и о изверженіи Сидора Прелестнаго“, написаніе котораго можетъ быть отнесено къ 1461 году²⁾. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка мысль эта получаетъ уже вполне конкретныя формы. Въ послѣдней четверти XV вѣка (до 1491 года, а по другому мнѣнію — въ началѣ XVI вѣка) возникаетъ извѣстное сказаніе „о князьяхъ владимірскихъ“ и цѣлый рядъ другихъ, сходныхъ съ нимъ по содержанію

1) Лихачевъ, Н. П. Инока Ѳомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. (Пам. древней письменности № CLXVIII). Спб. 1908, стр. LVIII—LX.

2) Рецензія А. С. Павлова на книгу А. Попова „Историко-литературный разборъ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875“: Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1878, стр. 292—294.

и основной идеѣ¹⁾. Здѣсь устанавливается прежде всего прямая генеалогическая связь между римскимъ „Августомъ кесаремъ“ и русскимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ и затѣмъ разсказывается, какъ во время побѣдоноснаго похода Владиміра „на Тракію“ тогдашній византійскій царь Константинъ Мономахъ шлетъ къ русскому князю дары, между ними „крабицу сердоликову“, которой „Августъ кесарь римскій веселяшеса“, и „ожереліе, иже на плещу своею пошаше“, съ золотой цѣпью „на славу и честь и вѣнчаніе“. Смысль этого „сказанія“ совершенно ясенъ: онъ заключался въ стремленіи установить преемственную законную связь относительно царской власти между римскимъ кесаремъ Августомъ, византійскимъ императоромъ и русскимъ Владиміромъ Мономахомъ, предкомъ князей Московскихъ; выводъ относительно послѣднихъ по вопросу о преемствѣ царской власти отъ Византіи также вытекалъ самъ собою. Въ 1511 году царскій дьякъ Мунехинъ привезъ изъ Москвы въ Псковъ „хронографъ“, родъ всемірно-исторической компиляціи, составленной впервые въ 1442 году — какъ думаетъ Шахматовъ, упомянутымъ сербомъ Пахомиемъ²⁾; этотъ хронографъ потерпѣлъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. рядъ измѣненій, а въ 1512 году новую обработку, вѣроятно подъ перомъ друга упомянутаго Мунехина, старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоея³⁾, одного изъ виднѣйшихъ литературныхъ выразителей византійско-русской идеи о преемствѣ царской власти: хронографъ оканчивается разсказомъ о паденіи Царьграда въ формѣ характернаго „плача“ по поводу этого событія.

Наиболѣе полное развитіе идеи о преемствѣ царской власти или о „Москвѣ — третьемъ Римѣ“ находимъ мы въ

1) И. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. Спб. 1895, стр. 62—133. 588—604.

2) Къ вопросу о происхожденіи хронографа. Спб. 1899, стр. 78—81.

3) Тамъ же, стр. 111.

другомъ трудѣ старца Филоея, въ его „Посланиі къ царю и великому князю Ивану Васильевичу“, подѣ которымъ нѣкоторые разумѣли Ивана III, а новѣйшій изслѣдователь литературной дѣятельности Филоея проф. Малининъ¹⁾ — Ивана IV. Во всякомъ случаѣ, оно²⁾ является литературнымъ произведеніемъ первой половины XVI вѣка. Изложенная тутъ теорія Филоея можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ. Всѣми человѣческими дѣлами управляетъ Божья воля; ею цари возводятся на престолы, ею же достигается всякая правда на землѣ. Согласно съ пророческими книгами, старый Римъ, уклонившись въ ереси, палъ божьимъ соизволеніемъ; новый Римъ, т. е. Константинополь, также погибъ, измѣнивъ православію и принявъ латинство. Софія Цареградская была попрана и досталась въ руки невѣрныхъ. Теперь остается третій Римъ — Москва, сияющая благочестіемъ и славной соборной церковью Успенія Божьей Матери. Этотъ Римъ есть послѣдній въ исторіи человѣчества, а четвертому Риму не бывать. Поэтому, русскій царь есть единственный православный царь на землѣ, и царство русское есть послѣднее міровое царство, за которымъ послѣдуетъ царство Христа. Исходная точка теоріи Филоея заключалась въ извѣстномъ пророчествѣ Даниила о четырехъ монархіяхъ, изъ которыхъ послѣдней, по толкованію большинства христіанскихъ писателей, является Римская имперія: этимъ объясняется схема непосредственнаго преемства у Филоея отъ Рима къ Константинополю и затѣмъ Москвѣ.

Намъ нѣтъ необходимости слѣдить въ дальнѣйшемъ изложеніи ни за источниками теоріи старца Филоея въ прошломъ, ни за ея реальными приложеніями къ русской

1) Старець Елеазарова монастыря Филоей и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе В. Малинина. Кіевъ 1901, стр. 374—375.

2) Напечатано въ „приложеніяхъ“ къ сочиненію г. Малинина, стр. 57—66.

дѣйствительности въ настоящемъ (современномъ для теоріи) и будущемъ. Съ теоріей о „третьемъ Римѣ“ намъ нужно было познакомиться лишь какъ съ однимъ изъ проявленій византійскаго вліянія къ русскую жизнь и литературу; послѣдняя вспышка этого могучаго историческаго воздѣйствія относится именно къ концу XV и началу XVI вѣка и, достигнувъ своей кульминаціонной точки, падаетъ, отживаетъ свой вѣкъ, уступая во второй половинѣ XVI вѣка мѣсто новымъ теченіямъ, шедшимъ съ запада. О другихъ сочиненіяхъ старца Филоея мы говорить не станемъ, но должны отмѣтить тутъ безспорно выдающуюся личность этого своеобразнаго философа-идеолога русской старины, политическая теорія котораго находилась въ извѣстномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ другими его литературными трудами¹⁾. Какъ можно видѣть, теорія о „Москвѣ-третьемъ Римѣ“, имѣющая столь отдаленные корни въ прошломъ, пережила рядъ столѣтій, чтобы явиться въ XIX вѣкѣ виднымъ составнымъ элементомъ политическаго міровоззрѣнія славянофиловъ, поскольку дѣло шло о разрѣшеніи „восточнаго вопроса“ и будущей судьбѣ Константинополя.

Въ тѣсной связи съ теоріей о „третьемъ Римѣ“ стоитъ и извѣстная повѣсть „о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ“²⁾. Въ то время, какъ въ теоріи старца Филоея говорилось о преемствѣ свѣтской верховной власти, тутъ рѣчь идетъ о преемствѣ власти духовной — также изъ Рима въ Россію, но не въ Москву, а въ Новгородъ: именно, новгородскій архіепископъ является законнымъ наслѣдникомъ единой власти въ православной церкви, какъ московскій царь является наслѣдникомъ власти свѣтской, и какъ эмблемой

1) М а л и н и н ъ, назв. соч., стр. 756—761.

2) Напечатана въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ Кушелева-Безбородко, вып. I (1860), стр. 287—298, и отдѣльно въ брошюрѣ: Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зелии, еже есть табацѣ. Изд. Д. Кожанчикова. Сиб. 1861, стр. 1—46.

свѣтскої власти были регалии, перешедшія отъ римскаго кесаря, черезъ византійскаго императора, къ русскому Владимиру Мономаху — какъ это изложено было въ „Сказаніи о князьяхъ владимірскихъ“ — такъ и эмблемой власти духовной является бѣлый клобукъ, перешедшій изъ Рима, черезъ константинопольскаго патріарха, къ новгородскому владыкѣ Василию.

Въ предисловіи къ „Повѣсти“, имѣющемъ форму „посланія Дмитрія — грека-толмача новгородцамъ архіепископа Геннадія“, говорится, что эту „повѣсть“ Дмитрій досталъ въ Римѣ отъ „книгохранителя римскія церкви“ Іакова, списалъ ее „въ тайнѣ подлинно“ и подноситъ архіепископу. Кто былъ этотъ Дмитрій — извѣстный ли Дмитрій-толмачъ, ѣздившій, въ качествѣ посла, въ Римъ при в. кн. Василии Ивановичѣ, или Дмитрій Траханіотъ, или Дмитрій Ларевъ — гадать бесполезно, п. ч. во всякомъ случаѣ имя это поставлено здѣсь произвольно; гораздо цѣннѣе, въ историческомъ отношеніи, упоминаніе имени Геннадія, извѣстнаго новгородскаго архіепископа (1484—1504), виднѣйшаго церковнаго дѣятеля конца XV и нач. XVI вѣка и дѣятельнаго участника работъ по составленію полнаго славянскаго индекса библейскихъ книгъ. Временемъ дѣятельности Геннадія опредѣляются и хронологическія границы возникновенія „повѣсти“, составленіе которой нѣкоторые изслѣдователи, напр. проф. М а л и н и н ъ (назв. соч., стр. 503), относятъ къ 1491—1492 годамъ. Во всякомъ случаѣ, это произведеніе въ общемъ современно трудамъ Филовея, а для опредѣленія того, предшествовало ли оно этимъ послѣднимъ, какъ думаетъ тотъ же авторъ (см. стр. 535), или, напротивъ, слѣдовало за нимъ, мы не имѣемъ вполнѣ надежныхъ указаній.

Содержаніе повѣсти таково. Однажды римскій царь Константинъ (тотъ самый, именемъ котораго начинается рассказъ „Повѣсти о Царьградѣ“) жестоко заболѣлъ, и римскіе „волхвы“ посовѣтовали ему для исцѣленія отъ болѣзни

выкупаться въ крови перворожденныхъ младенцевъ; для этого приказано было принести 3.000 такихъ дѣтей. Но въ ночь, предшествовавшую предположенному убіенію дѣтей, царю явились въ видѣніи апостолы Петръ и Павелъ, обѣщая ему исцѣленіе, если онъ приметъ крещеніе. Царь послушался этого совѣта и, призвавъ на другой день епископа Сильвестра, принялъ отъ него крещеніе, былъ нареченъ именемъ Флавія и, дѣйствительно, выздоровѣлъ. Желая воздать Сильвестру наибольшую почесть, Константинъ предложилъ ему возложить на него „царскій вѣнецъ“, но тотъ отказался, и затѣмъ, при новомъ посредничествѣ апостоловъ Петра и Павла, рѣшено было предоставить Сильвестру ношеніе „бѣлаго клобука“. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ Константинъ, оставивъ Римъ, поселился въ основанной имъ Византіи. Послѣ смерти Сильвестра бѣлый клобукъ былъ предметомъ большого почтенія со стороны его преемниковъ по сану римскаго духовнаго владыки — вплоть до „папы Фармуса“ (Формозы), который, уклонившись отъ апостольскаго ученія въ „ересь“, возненавидѣлъ клобукъ и положилъ его въ сокровенное мѣсто. Прошло еще много лѣтъ, и новый папа, стремясь совсѣмъ избавиться отъ священнаго клобука, отправилъ его съ какимъ-то „Индрикомъ“ въ море, въ „дальнія страны“. Однако это предпріятіе постигла неудача, клобукъ вернулся и посланъ былъ, по приказанію ангела, въ Константинополь, гдѣ и принятъ былъ съ величайшей честью патріархомъ Филоеемъ. Филоеей думалъ удержать эту святыню въ Константинополѣ, но ему явились въ видѣніи два мужа — папа Сильвестръ и царь Константинъ — и завіщали отослать клобукъ въ Новгородъ. Тамъ былъ тогда архіепископомъ Василій, освѣдомленный въ видѣніи ангеломъ объ имѣющемъ прибыть клобукѣ; Василій принялъ его съ почестью, сопровождавшія его патріаршія грамоты прочелъ народу вслухъ, а самый клобукъ поставилъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ въ храмѣ св. Софіи. Многіе приходили

потомъ въ Новгородъ, дивились на ходящаго въ этомъ клубкѣ архіепископа, „повѣдающе о семь во всѣхъ царствахъ и странахъ“.

Включая повѣсти о Царьградѣ и о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ въ составъ оригинальныхъ русскихъ произведеній, мы должны однако же имѣть въ виду, что доказать полную ихъ свободу отъ непосредственныхъ византійскихъ литературныхъ вліяній невозможно: первая повѣсть цѣликомъ, а вторая въ первой своей половинѣ близко касается Византіи, и весьма вѣроятно пользованіе со стороны авторовъ этихъ произведеній какими-либо византійскими источниками; русскій же авторъ или передѣлыватель той и другой повѣсти могъ въ тѣхъ или иныхъ частяхъ дополнить уже готовый рассказъ или сократить, внеся въ него, кромѣ того, свою окраску, сообразно господствовавшимъ тенденціямъ, и т. о. усвоить ихъ не только по формѣ, но и по духу русской литературѣ.

3.

Возобновленіе южно-славянскаго вліянія. — Новые приемы въ агіографіи. — Дѣятельность митр. Кипріяна, Епифанія Премудраго и Пахомія Логоѣта.

Характернымъ литературнымъ явленіемъ второй пол. XIV и нач. XV в. нужно считать также возобновленіе южно-славянскаго вліянія. На одну сторону этого вліянія — въ области политическихъ тенденцій — было указано выше. Другой стороной его является область агіографіи, и приложеніе южно-славянскаго воздѣйствія къ области житійной литературы опять-таки находитъ себѣ извѣстное объясненіе въ фактахъ самой русской жизни.

Каковы бы ни были размѣры и общій характеръ вліянія татарскаго нашествія на ходъ русской жизни, о чемъ имѣются разнорѣчивыя сужденія, выступаетъ не подлежащій

сомнѣнію фактъ, что на извѣстную часть народа это событіе произвело подавляющее впечатлѣніе. Созерцательные и проникнутые религіознымъ стремленіемъ умы нашли въ немъ богатую пищу для размышлений, и неоднократно указанія лѣтописцевъ, что татарское нашествіе случилось „грѣхъ ради нашихъ“, были отзвукомъ настроенія широкаго круга людей той эпохи — тѣмъ болѣе, что такая точка зрѣнія вполне гармонировала и съ общими чертами тогдашняго религіозно-аскетическаго міровоззрѣнія. Усилилось стремленіе къ иноческой жизни; стали возникать въ большомъ количествѣ монастыри; особенно отмѣченъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи XIV вѣкъ, въ который возникло монастырей почти въ четыре раза болѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ. Въ монастыри шли не только тѣ, кто искалъ въ нихъ мѣста для подвиговъ религіознаго благочестія, но и тѣ, кто стремился къ простой безопасности отъ тревогъ и случайностей тогдашней мірской жизни; наконецъ, тамъ могли находить себѣ удовлетвореніе запросы книжной любознательности и вообще стремленіе къ просвѣщенію. Такъ, въ эту эпоху русскаго средневѣковья, отмѣченную политическими броженіями, усиленной колонизаціей народныхъ массъ съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ, наличностью внѣшняго господства „невѣрныхъ“ и хаотичностью общихъ идейныхъ стремленій, отразившейся и на литературѣ, возникаетъ рядъ монастырей, игравшихъ въ позднѣйшіе вѣка очень видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, напр. Троице-Сергіевскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Волоколамскій. Знаменитый дѣятель XIV вѣка Стефанъ Пермскій основалъ нѣсколько монастырей на самыхъ сѣверныхъ окраинахъ тогдашней Россіи. Естественно, что такое тяготѣніе къ монастырской жизни, рядомъ съ наличностью чуждыхъ иноческому идеалу явленій, не могло не вызвать также и цѣлаго ряда замѣчательныхъ подвижниковъ, обращавшихъ на себя вниманіе народа еще при жизни, а чаще послѣ смерти; усиленно ходили рассказы объ ихъ

благочестивой жизни, о совершаемыхъ ими или при ихъ гробѣ чудесахъ. Имена такихъ лицъ дѣлались драгоцѣннымъ достояніемъ народной памяти; ихъ слава вызывала разнообразные знаки почтенія со стороны князей, духовенства, боярства и народныхъ массъ; чувствовалась потребность закрѣпить словомъ свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ этихъ подвижниковъ, и это неминуемо должно было повлечь за собою возникновеніе мѣстной житійной литературы. Но своихъ силъ для созданія такой литературы было недостаточно, и на помощь къ нимъ пришли дѣятели изъ южнаго славянства.

Литературныя связи у русскихъ съ южнымъ славянствомъ были, какъ извѣстно, весьма давнія; особенно значительной была въ этомъ отношеніи роль Болгаріи, давшей русской письменности, при ея зарожденіи въ XI вѣкѣ, большое количество литературныхъ произведеній византійскаго происхожденія; но личныя сношенія съ южными славянами въ древнюю пору не были у насъ оживлены. Въ XII—XIII вв. южно-славянское вліяніе значительно ослабло и возобновилось лишь во второй половинѣ XIV вѣка. Причиной этого возобновленія было съ одной стороны то, что сама русская литература, находившаяся въ XIII и перв. пол. XIV в. въ неблагопріятныхъ условіяхъ для своего развитія, была наиболѣе открыта проникновенію чужеземныхъ вліяній, а съ другой, наоборотъ, для южно-славянскихъ литературъ конецъ XIII и почти весь XIV вѣкъ были временемъ наибольшаго разцвѣта и оживленія. Въ это время, по словамъ А. И. Соболевскаго, „старые переводы съ греческаго одинъ за другимъ были подвергнуты пересмотру и исправленію, на основаніи сличенія съ оригиналами; между ними были тексты и Священнаго Писанія, и свято-отеческихъ твореній, и житій святыхъ, и хронографовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ явился рядъ новыхъ переводовъ всевозможныхъ произведеній греческой литературы: и богослужебныхъ пѣснопѣній, и сочиненій св. отцовъ, и свѣтскихъ повѣстей; наконецъ, появились кое-какіе, впрочемъ

сравнительно очень немногіе, оригинальные труды южно-славянскихъ авторовъ — почти исключительно житія¹⁾. Съ половины XIV вѣка усиливаются личныя сношенія русскихъ людей съ южно-славянскими дѣятелями, причемъ мѣстомъ этихъ сношеній являются по преимуществу Константинополь и Аѳонъ, въ которыхъ сосредоточивалась главнымъ образомъ дѣятельность болгарскихъ и сербскихъ книжниковъ этой эпохи. Во второй половинѣ XIV вѣка въ Константинополѣ завелась даже небольшая колонія русскихъ монаховъ, занимавшихся перепиской и отчасти переводами книгъ. Такъ, въ 80-хъ или 90-хъ годахъ XIV вѣка жилъ въ Константинополѣ игуменъ Серпуховскаго монастыря Аѳанасій Высоцкій, ростовецъ родомъ, ученикъ преп. Сергія; слѣдомъ его книжной дѣятельности является, м. пр., сборникъ, переписанный по его указанію, съ южно-славянскаго оригинала въ Константинополѣ и дошедшій до насъ въ копіи XVI вѣка вмѣстѣ съ „послѣсловіемъ“, излагающимъ обстоятельства возникновенія рукописи²⁾; въ 1383 году былъ изготовленъ въ Константинополѣ однимъ изъ членовъ русской колоніи списокъ Евангелія, тщательно исправленнаго по греческому тексту³⁾; есть мнѣніе въ пользу того, что и знаменитый текстъ Новаго Завѣта, сохранившійся въ чудовскомъ списокѣ половины XIV вѣка и приписываемый перу митр. Алексія, сдѣланъ былъ также въ Константинополѣ⁴⁾; имѣются указанія и на другія рукописи, писанныя въ XIV и XV вѣкахъ русскими въ Константинополѣ⁵⁾.

Сношенія съ Аѳономъ были также довольно оживленны, хотя авторитетъ „Святой Горы“ въ глазахъ русскихъ и не опирался на столь отдаленныя преданія, какъ авторитетъ

1) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ, стр. 8.

2) Востоковъ, А. Описаніе Рум. Музея, стр. 516—517.

3) Описаніе рук. Моск. Синод. Б-ки I, стр. 254—256.

4) Соболевскій, назв. соч., стр. 10. 26—31.

5) Тамъ же, стр. 24—26.

Константинополя. Въ XIV—XV вѣкахъ на долю Аѳона выпала борьба съ еретическими мнѣніями Варлаама и Акиндина и съ католической пропагандой по вопросу объ уніи; въ этой борьбѣ аѳонскіе иноки показали не только стойкость своихъ религіозныхъ воззрѣній, но и выдающуюся образованность; въ ихъ средѣ оказались и простые начетчики, вродѣ Максима Кавсокаливскаго, увлекавшіе своей энергіей и темпераментомъ, и весьма ученые книжники, какъ Григорій Синаитъ, Нифонтъ, патріархи Аѳанасій, Каллисть I и Каллисть II, Діонисій, Григорій Палама¹). Изъ русскихъ монаховъ, бывшихъ на Аѳонѣ во второй половинѣ XIV вѣка, можно отмѣтить игумена одного изъ новгородскихъ монастырей Иларіона, вынесшаго со Святой Горы Тактиконтъ Никона Черногорца, архимандрита Печерскаго Досифея; въ 30-хъ годахъ XV вѣка былъ на Аѳонѣ іеромонахъ Аѳанасій Русинъ, переписавшій тамъ въ 1431 году Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго, копія съ котораго, сдѣланная уже въ Россіи, находится среди рукописей Троице-Сергіевой Лавры (Описание рук. Тр.-С. Лавры, III, стр. 141), а въ слѣдующемъ году онъ переписалъ, въ лаврѣ св. Аѳанасія, Житіе Григорія Омиритакаго, списокъ съ котораго былъ сдѣланъ позднѣе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ²). Оригиналами для переписки нашимъ книжникамъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ являлись болгарскія и сербскія рукописи; значительное количество этихъ рукописей перешло и въ Россію, служа тутъ также предметомъ изученія и подражанія. Если мы посмотримъ теперь, имѣя въ виду эти обстоятельства, на русскія рукописи XV вѣка, то увидимъ многочисленныя и яркіе слѣды подражанія русскихъ переписчиковъ южно-славянскимъ образцамъ въ особенностяхъ языка (средне-

1) Горскій, А. В.): О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII вѣка. „Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ“, VI, кн. 1 (1848), стр. 119—144.

2) Соболевскій, назв. соч., стр. 31—32.

болгарскаго), правописанія, начертанія буквъ и орнамента. Это могучее южно-славянское вліяніе не ограничилось одной внѣшностью; оно коснулось и литературныхъ вкусовъ и отразилось на самомъ содержаніи литературныхъ произведеній, возникшихъ на русской почвѣ въ XV вѣкѣ.

Выдающееся мѣсто въ этомъ процессѣ возобновившагося южно-славянскаго вліянія занимаетъ личная литературная дѣятельность южно-славянскихъ выходцевъ въ Россіи. Самыми извѣстными изъ нихъ являются трое: митрополитъ Кипріанъ, родомъ повидимому болгаринъ; затѣмъ, также болгарскій уроженецъ и родственникъ Кипріана, митрополитъ Григорій Цамблакъ; наконецъ — сербъ Пахомій Логоетъ, пріобрѣтшій въ Россіи громкую литературную извѣстность. Всѣ три названные писателя были горячими любителями книжнаго дѣла, побывали на Святой Горѣ и, кромѣ того, двое первыхъ изъ нихъ обладали недюжинной по тому времени образованностью.

О Григоріи Цамблакѣ тутъ много распространяться не приходится. Его своеобразная жизненная судьба, навлекшая на него тяжелыя обвиненія и нерасположеніе съ разныхъ сторонъ въ Россіи, была одной изъ причинъ весьма малой извѣстности его произведеній на русской почвѣ; они облечены главнымъ образомъ въ форму церковныхъ поученій, но были между ними и два житія — Стефана Дечанскаго и Іоанна Новаго, изъ которыхъ послѣднее привлекло къ себѣ нѣкоторое вниманіе русскихъ книжниковъ лишь въ XVI и XVII вв.¹⁾

Митрополитъ Кипріанъ. Кипріанъ какъ до своего пріѣзда въ Россію, такъ и послѣ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ и съ Аеономъ, хорошо былъ знакомъ съ фактами литературнаго движенія въ этихъ

1) А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Спб. 1904, стр. 456—465.

центрахъ и вообще былъ лицомъ прекрасно подготовленнымъ къ роли литературнаго посредника между южнымъ славянствомъ и Россіей. Поставленный константинопольскимъ патріархомъ въ митрополиты Южной Руси по ходатайству литовскаго князя, Кипріанъ прибылъ въ Кіевъ около 1377 года, а въ слѣдующемъ 1378 году, спустя четыре мѣсяца послѣ смерти митрополита Алексѣя, явился въ Москву на его мѣсто, но встрѣтилъ здѣсь довольно недружелюбный пріемъ; тогда онъ отправился для достиженія той же цѣли въ Константинополь. Однако надо было вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ въ это время въ Москвѣ происходили замѣшательства именно по вопросу о замѣщеніи каеэдры, оставшейся вакантною послѣ Алексѣя; претенденту было недостаточно получить согласіе патріарха, надо было получить еще и одобреніе московскаго великаго князя. Въ санѣ московскаго митрополита появились на короткое время сначала Михаилъ, а затѣмъ Пимень; однако великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, питая нерасположеніе къ Пимену, вскорѣ вызвалъ изъ Кіева Кипріана, и тотъ явился въ Москву въ маѣ 1381 года, но пробылъ здѣсь лишь семь мѣсяцевъ — до прибытія Пимена изъ Константинополя; окончательно онъ былъ признанъ митрополитомъ московскимъ не ранѣе 1390 года, умеръ въ 1406 году. Объемъ литературной дѣятельности Кипріана съ трудомъ поддается опредѣленію. По старому мнѣнію, пущенному въ оборотъ В. Н. Татищевымъ, Кипріану усвоилось написаніе многихъ житій святыхъ, сочиненіе Степенной книги, обширныя работы въ области лѣтописей и пр., но новѣйшая критика, въ лицѣ Голубинскаго, находитъ возможнымъ считать Кипріана лишь авторомъ житія митр. Петра, посланія къ игумену Аѳанасію и лѣтописныхъ записей, вошедшихъ въ составъ Никоновской Лѣтописи¹⁾. Для насъ имѣетъ

1) И. Р. Ц., II, перв. пол., стр. 347—354.

интересъ въ данномъ случаѣ Житіе Петра (ум. 1326), одного изъ предшественниковъ Кипріяна по митрополичьей кафедрѣ въ Москвѣ. До Кипріяна существовало житіе митр. Петра, усвояемое въ нѣкоторыхъ спискахъ ростовскому епископу Прохору (ум. 1328), но, написанное весьма кратко, оно уже не удовлетворяло потребностямъ новой эпохи, и Киприанъ принялъ на себя задачу восполнить этотъ недостатокъ. Въ основу своего труда¹⁾, написаннаго во всякомъ случаѣ послѣ 1390 года, Киприанъ положилъ Житіе, приписываемое Прохору, дополнилъ его нѣкоторыми указаніями фактическаго характера и облекъ въ совершенно новую литературную форму, внушенную ему полученнымъ имъ образованіемъ и знакомствомъ съ южно-славянскою агиографическою литературою. Въ этомъ трудѣ впервые является на русской почвѣ искусственное житійное повѣствованіе, небогатое фактами, но изложенное пространно и витіевато. Легендарные элементы, бывшіе уже въ трудѣ предшественника Кипріяна, разрастаются подъ перомъ послѣдняго до значительныхъ размѣровъ. Къ сообщенному тамъ преданію о видѣніи матери передъ рожденіемъ Петра, Киприанъ прибавляетъ новое — о чудесномъ дарованіи отроку успѣха въ наукахъ. Подвижничество въ монастырѣ, гдѣ постригся двѣнадцатилѣтній Петръ, настоятельство въ основанной имъ обители на Ратѣ и другія событія изъ жизни описываемаго лица переданы Киприаномъ въ совершенно стереотипной формѣ, указанной южно-славянскими образцами; въ началѣ житія помѣщено витіеватое предисловіе, въ концѣ — краснорѣчивое похвальное слово, а самый рассказъ о жизни святителя украшенъ въ разныхъ мѣстахъ вводными разсужденіями, лишенными

1) Напечатанъ въ Степенной Книгѣ, ч. I (М. 1775), стр. 410—424: „Мѣсяца декемврія въ 21 день. Житіе и подвига и мало исповѣданіе чудесе иже во святыхъ отца нашего Петра архіепископа Кіевскаго и всея Русіи, списано Киприаномъ смиреннымъ мнихомъ и митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Русіи“.

фактическаго содержанія и ненужными по существу. Главная задача труда — по заявленію самого автора — заключалась въ томъ, чтобы похвалить святого; этимъ опредѣляется и планъ сочиненія, и его содержаніе, и характеръ изложенія¹⁾.

Епифаній Премудрый. Прежде чѣмъ перейти къ Пахомію Логовету, литературная дѣятельность котораго въ области агіографіи относится ко второй и третьей четверти XV вѣка, мы должны, въ виду хронологической послѣдовательности, обратить вниманіе на одного замѣчательнаго русскаго агіобиографа, писавшаго въ первой четверти XV вѣка и обнаружившаго не только превосходное знакомство съ житійной южно-славянскою литературой своего времени, но и выдающееся литературное дарованіе. Это былъ инокъ Троице-Сергіева монастыря Епифаній, получившій прозваніе „Премудраго“ за высокое достоинство своихъ произведеній. О жизни его мы имѣемъ очень мало извѣстій. Изъ написаннаго Епифаніемъ Житія Стефана Пермскаго видно, что въ юности онъ жилъ съ этимъ святителемъ въ ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова, пользовался его пріязнью и часто бесѣдовалъ съ нимъ „о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ писанія или о строкѣ“. Отсюда можно заключить о рано развившейся въ Епифаніи любви къ книжнымъ занятіямъ. То же житіе даетъ основаніе предполагать, что Епифаній пришелъ въ ростовскій монастырь, еще въ молодыхъ лѣтахъ, значительно позже Стефана, не задолго до его ухода на проповѣдь, т. е. до 1379 года, и вскорѣ перешелъ въ другой монастырь, Троице-Сергіевъ, гдѣ находился въ общеніи съ преп. Сергіемъ до самой смерти послѣдняго (ум. 1391). Скончался онъ, вѣроятно, между 1418—1421 годами²⁾.

1) Ключевскій. Житія святыхъ, стр. 84—85.

2) Тамъ же, стр. 88—92.

Епифаній написавъ житія обоихъ знаменитыхъ подвижниковъ, съ которыми судьба поставила его въ ближайшія отношенія.

Житіе Стефана Пермскаго (ум. 1396) написано Епифаніемъ вскорѣ послѣ смерти святителя¹⁾. Произведеніе это очень обширно. Оно состоитъ изъ пространнаго предисловія, въ которомъ авторъ высказываетъ удивленіе передъ заслугами Стефана и извиняется передъ читателемъ въ своей „грубости“ и „невѣжествѣ“. Затѣмъ подробно излагается жизнь святого, при чемъ авторъ въ особенности останавливается на просвѣщеніи имъ зырянъ христіанской вѣрой и на составленіи пермской азбуки (авторъ сопоставляетъ Стефана съ первоучителемъ Кирилломъ). Въ концѣ, послѣ статьи „о преставленіи Стефана“, помѣщены о немъ „плачи“: пермскихъ людей, пермской земли (гдѣ онъ былъ епископомъ), наконецъ „плачь и похвала инока-списающа“. Трудъ Епифанія чрезвычайно любопытенъ и по фактическимъ даннымъ, и по изложенію. Впрочемъ, фактическіе элементы житія не соотвѣтствуютъ тому обильному матеріалу, которымъ располагалъ авторъ по собственнымъ наблюденіямъ („своими очима видѣхъ“) и по слуху („отъ старыхъ мужъ“). Главное вниманіе Епифанія было направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ своего труда похвалу святому: отсюда смѣшеніе житійныхъ и панегирическихъ элементовъ, изложенныхъ въ лирической формѣ. Внѣшняя форма сочиненія Епифанія представляется въ высшей степени искусственной, напыщенной и витіеватой, увеличивая до крайности объемъ повѣствованія и дѣлая его чтеніе затруднительнымъ даже для современниковъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ не былъ „въ Аѳинѣхъ отъ юности“, не учился „у

1) Напечатано въ „Пам. стар. р. лит.“ Кушелева-Безбородко, вып. IV (1862), стр. 119—171; отдѣльно: Житіе св. Стефана, епископа Пермскаго. Написано Епифаніемъ Премудрымъ. Изд. Археографической Комиссіи. Спб. 1897.

философъ ихъ ни плетенія ритороска, на витійскихъ глаголь“ и не навекъ „хитрорѣчія“, однако въ дѣйствительности все его сочиненіе со стороны изложенія есть, по его собственному выраженію, чрезвычайно искусственное „плетеніе словесъ“. По мѣстамъ витійство автора положительно не знаетъ границъ; но средства этого витійства въ общемъ сводятся къ амплификаціямъ, тавтологическимъ выраженіямъ и оборотамъ. Характеризуя святого, онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, а въ другомъ даже 25 эпитетовъ. Вотъ послѣднее мѣсто (въ „плачѣ и похвалѣ инока списающа“): „Что еще ты нареку? Вожа заблужшимъ, обрѣтателя погыбшимъ, наставника прельщеннымъ, руководителя умомъ ослѣпленнымъ, очистителя оскверненнымъ, вискателя расточеннымъ, стража ратнымъ, утѣшителя печальнымъ, кормителя алчущимъ, подателя требующимъ, наказателя несмысленнымъ, помощника обидимымъ, молитвенника тепла, ходатая вѣрна, поганымъ спасителя, бѣсомъ проклинателя, кумиромъ потребителя, идоломъ попирателя, Богу служителя, мудрости рачителя, философіи любителя, цѣломудрію дѣлателя, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ перметѣй писателя?“ (Пам. стар. р. лит., IV. 169). Начитанность Епифанія въ священномъ писаніи громаднa: для подтвержденія своихъ словъ онъ выписываетъ пять, иногда до восьми текстовъ; кромѣ того, онъ знаетъ Хронографъ, Палею, Лѣствицу, Патерикъ, знакомъ съ сочиненіемъ Черноризца Храбра, со многими произведеніями прошлой и современной агіологической и церковно-ораторской литературы. Авторъ постоянно уклоняется отъ главной нити разсказа, и его изложеніе богато совершенно посторонними эпизодами; лирической элементъ чрезвычайно обилень. Иногда витійство Епифанія принимаетъ стихотворную форму; такъ, волхвъ обращается къ пермскимъ людямъ со слѣдующими словами: „отеческихъ боговъ не оставляйте, а жертвъ и требъ ихъ не забывайте, а старыя пошрины не покидывайте, давныя вѣры не пометывайте“

(Пам. стар. р. лит., IV. 138). — Подобными же свойствами отличается и другой агиографическій трудъ Епифанія — житіе Сергія Радонежскаго, писанный, по словамъ самого автора, черезъ 26 лѣтъ послѣ смерти Сергія, т. е. въ 1417—1418 гг.¹⁾ Въ общемъ это произведеніе написано по тому же плану и съ тѣми же приѣмами, что и въ житіи Стефана, отъ котораго оно, впрочемъ, отличается бѣльшимъ фактическимъ содержаніемъ; это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе не въ перемѣнѣ теоретическихъ взглядовъ Епифанія на искусство писательства, но въ томъ, что по отношенію къ Сергію авторъ располагалъ бѣльшимъ запасомъ наблюденій, болѣе близкимъ знакомствомъ съ описываемыми событіями. Кромѣ того, въ этомъ произведеніи сказалась еще одна черта, которую мы не встрѣчаемъ въ предшествующемъ трудѣ Епифанія: подчеркнуты нѣкоторыя тенденціи моральнаго, общественнаго и политическаго характера, очевидно явившіяся результатомъ новыхъ наблюденій Епифанія надъ современностью и особой обстановки жизни, въ которой находился описываемый имъ подвижникъ. „Въ житіи Сергія — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей этой стороны труда Епифанія²⁾ — отразился прежде всего культъ смиренія и снисхожденія, далѣе — принципъ иноческой нестяжательности; житіе освѣщаетъ близость Сергія и духовную его поддержку велико-княжескому дому, но позволяетъ подозрѣвать въ біографѣ несочувствіе московской власти, когда она подавляла мѣстные интересы, и несочувствіе политическимъ миссіямъ Сергія,

1) Напечатано арх. Леонидомъ: Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ (Пам. др. письм. и искусства). Спб. 1885. О другихъ изданіяхъ см. у Е. Е. Голубинскаго: Преп. Сергія Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Сергіевъ Посадъ 1892, стр. 80.

2) Ка д л у б о в с к і й, А. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, стр. 178—179.

направленнымъ въ сторону, противоположную этимъ мѣстнымъ интересамъ“.

Оба агиографическіе труда Епифанія обнаруживаютъ въ немъ большое и яркое литературное дарованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они свидѣтельствуютъ о полной еще неупорядоченности новаго житійнаго стиля на русской почвѣ. Несомнѣнно, что самъ Епифаній стремился къ подражанію южно-славянскимъ образцамъ, но его собственный стиль, вслѣдствіе большой оригинальности таланта автора, вышелъ въ высшей степени своеобразнымъ и не подѣлалъ для позднѣйшихъ писателей, которые хотѣли бы подражать „премудрѣйшему“ Епифанію. Этимъ и слѣдуетъ объяснять сравнительно малую извѣстность его трудовъ въ древней русской письменности.

Пахомій Логоетъ. Третьимъ изъ южно-славянскихъ выходцевъ, трудившимся въ качествѣ русскаго писателя, былъ сербъ Пахомій Логоетъ. Свѣдѣнія о его жизни очень скудны, и до сихъ поръ изслѣдователи не согласны даже въ томъ, когда онъ прибылъ въ Россію и съ какого мѣста въ ней началъ свою литературную дѣятельность. Получивъ образованіе на Аѳонѣ и принявъ тамъ санъ іеромонаха, Пахомій, въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ, явился въ Россію, по мнѣнію И. Е. Некрасова¹⁾, не ранѣе 1425 года, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ В. Яблонскаго²⁾ между 1429 и 1438 годами; въ то время какъ первый упомянутый авторъ, а также В. О. Ключевскій³⁾ склонны были начинать пребываніе Пахомія на Руси съ Москвы, В. Яблонскій возвращается къ старой гипотезѣ, высказанной еще митр. Евгеніемъ и архіеп. Филаретомъ, что первымъ мѣстомъ дѣятель-

1) Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка. Записки Новороссійскаго Университета. Т. VI (1871), стр. 32.

2) Пахомій Сербъ и его агиографическія писанія. Біографическій и библиографически-литературный очеркъ. Спб. 1908, стр. 15—16.

3) Назв. соч., стр. 119.

ности сербскаго пришельца въ Россіи былъ Новгородъ¹⁾, гдѣ имъ написаны были служба и похвала Варлааму Хутынскому, служба Знаменію Богородицы и Житіе Варлаама; затѣмъ, около 1440—1443 годовъ онъ явился въ Москву и поселился въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, занимаясь тутъ составленіемъ житій Сергія, Никона, митр. Алексія и др.; въ концѣ 1459 или началѣ 1460 года мы видимъ его снова въ Новгородѣ, потомъ въ 1461—1462 году опять въ Москвѣ, а въ 1462—1463 г. въ Бѣлоозерѣ; дальнѣйшая судьба Пахомія совершенно неизвѣстна: можно предполагать лишь, что въ 70-годахъ XV в. бывалъ онъ у Троицы и въ Новгородѣ, б. м. на Устюгѣ, и умеръ не ранѣе 1484 года²⁾; предположеніе Некрасова³⁾, что Пахомій работалъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ еще въ 90-хъ годахъ XV в. встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе въ необходимости предполагать исключительно долгую жизнь этого автора, на что мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ указаній.

Литературная дѣятельность Пахомія была весьма обширна и, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, шла въ двухъ направленіяхъ — въ области лѣтописанія и агіографіи. Выше было указано (стр. 177) на мнѣніе акад. Шахматова о томъ, что выполненіе идеи обще-русскаго лѣтописнаго свода въ 20-хъ годахъ XV в. должно быть приписано Пахомію: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что это былъ, вѣроятно, первый или одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ, совершенныхъ Пахоміемъ въ Россіи; нельзя не признать, что недостаточность нашихъ свѣдѣній о времени пріѣзда сербскаго выходца въ Россію лишаетъ это предположеніе значительной доли вѣроятности, особенно если принять во вниманіе обширность этой работы. Шахматову принадлежитъ, какъ упомянуто, и другое пред-

1) Назв. соч., стр. 13.

2) В. Яблонскій, стр. 16—20.

3) Назв. соч., стр. 58.

положеніе — о томъ, что Пахомій составилъ въ 1442 году первоначальную редакцію русскаго хронографа. Столь же предположительно, но весьма увѣренно приписывалъ Пахомию профессоръ А. С. Павловъ авторство упомянутаго выше историко-полемическаго „Слова о составленіи осьмого собора латынскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго“¹⁾. Но мы не будемъ слѣдить за этой частью дѣятельности Пахомія не только потому, что она составляетъ пока лишь научную гипотезу, но и потому, что съ этой стороны Пахомій совершенно былъ неизвѣстенъ своимъ современникамъ и ближайшимъ поколѣніямъ въ Россіи. Напротивъ, онъ пользовался широкой и громкой извѣстностью какъ авторъ житій и похвальныхъ словъ и даже занималъ въ этомъ отношеніи въ Россіи XV вѣка какъ бы официальное положеніе, которое онъ создалъ себѣ своими литературными способностями, выдающимся трудолюбіемъ и легкой приспособляемостью къ условіямъ жизни.

Агіографическіе труды Пахомія могутъ быть распределены на двѣ категоріи: одни написаны были имъ уже на основаніи ранѣ существовавшихъ произведеній, причемъ Пахомій лишь сокращалъ или видоизмѣнялъ свой оригиналъ, не внося отъ себя лично ничего новаго, кромѣ стілія; другіе были составлены имъ, по устнымъ преданіямъ, болѣе или менѣе самостоятельно. Къ первымъ могутъ быть отнесены житія Сергія²⁾, митр. Алексія, Варлаама Хутынскаго, Новгородскаго архіепископа Моисея³⁾ и сказаніе о кн. Михаилѣ Черниговскомъ; ко вторымъ — житія игумена Троице-Сергіева монастыря Никона⁴⁾, новгородскаго архі-

1) Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 285—288. 294.

2) Напечатано въ Четвѣхъ-Миняхъ митр. Макарія, сентябрь III (1883), 1563—1578.

3) Напечатано въ приложеніи къ труду В. Яблонскаго, стр. LXXXI—XCI.

4) Тамъ же, стр. LXIV—LXXXI.

епископа Евѣимія, Саввы Вишерскаго, Кирилла Бѣлозерскаго¹⁾ и б. м. нѣкоторыхъ другихъ. Надо имѣть въ виду, что нѣтъ возможности точно опредѣлить объемъ литературной дѣятельности Пахомія, какъ агіобіографа: ему, какъ въ свое время весьма извѣстному писателю, могло приписываться и дѣйствительно приписывалось многое такое, на усвоеніе чего Пахомію не имѣется документальныхъ или вообще вполне убѣдительныхъ доказательствъ: напр., это можно сказать о житіи архіепископа новгородскаго Іоанна. На свою авторскую задачу при составленіи житій Пахомій смотрѣлъ съ исключительно внѣшней стороны. Онъ мало дорожилъ истиной въ изложеніи прошлыхъ событій и, имѣя своей цѣлю исключительно возвеличеніе святого, въ изобиліи подбиралъ для своего разсказа подходящія черты, вовсе не считаясь со степенью ихъ исторической достовѣрности. При такомъ взглядѣ на дѣло, подъ перомъ Пахомія съ одной стороны возникали сообщенія безусловно недостовѣрныя, но нужныя для идеализаціи описываемаго подвижника, а съ другой — стирались цѣнныя для историка черты, которыя находилъ Пахомій въ своихъ письменныхъ источникахъ, но не считалъ ихъ соотвѣтствующими своей панегирической цѣли. Поэтому, житія, написанныя Пахоміемъ, въ общемъ имѣютъ характеръ литературныхъ шаблоновъ, соотвѣтствующихъ тому представленію о житіи, какъ пространномъ похвальномъ словѣ, какое составилось у Пахомія на основаніи его знакомства съ соотвѣтствующими образцами южно-славянской литературы. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ сравненіе его съ Епифаніемъ Премудрымъ, къ которому подаетъ поводъ житіе Сергія, написанное Пахоміемъ на основаніи труда Епифанія. Трудъ Епифанія по своимъ обширнымъ размѣрамъ и по характеру изложенія не былъ удобенъ для чтенія его въ церкви, и Пахомій взялъ на

1) Тамъ же, стр. I—LXIII.

себя задачу приспособить именно къ этой цѣли свое повѣствованіе о знаменитомъ подвижникѣ. Для этого нужно было сократить оригиналъ Епифанія и затѣмъ сосредоточить главное вниманіе на посмертныхъ чудесахъ святого, представлявшихъ особую назидательность для церковнаго чтенія. Сокращая Епифанія, Пахомій, вмѣстѣ съ его риторическими отступленіями и украшеніями, выпустилъ и тѣ живыя наблюденія, которыя внесъ Епифаній по личнымъ воспоминаніямъ и рассказамъ очевидцевъ, напр. касательно первыхъ шаговъ пустынноческой жизни Сергія и основанной имъ обители. Какъ иностранецъ, чуждый мѣстныхъ интересовъ и не желавшій навлекать на себя чье-либо неудовольствіе въ Москвѣ, Пахомій совершенно опускаетъ объясненіе Епифанія, что переселеніе отца Сергія изъ Ростова было вызвано главнымъ образомъ московскими насиліями. Иныя умолчанія и поправки вызваны цѣлями отвлеченной идеализаціи, въ ущербъ истинѣ. Такъ, по Епифанію, Сергій, уходя въ пустыню, отдаетъ свою долю отцовскаго наслѣдства младшему брату, а у Пахомія — бѣднымъ. п. ч. такъ было приличнѣе сказать въ житіи; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и гадовъ, а у Пахомія звѣри и змѣи были лишь внѣшней оболочкой бѣсовъ, нападавшихъ и искушавшихъ Сергія. По рассказу Епифанія, Сергій ушелъ изъ своего монастыря на Киржачъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ братіи не желали имѣть его игуменомъ, и во главѣ ихъ былъ братъ его Стефанъ, однажды изрекшій въ церкви на Сергія „многа, еже не лѣпо бѣ“, но Пахомій нашелъ нужнымъ просто умолчать объ этомъ непріятномъ дѣлѣ, объяснивъ удаленіе Сергія желаніемъ отыскать мѣсто для безмолвія, постоянно нарушавшагося приходившими богомольцами. Игнорируя любопытныя фактическія подробности въ послѣдовательномъ изложеніи Епифанія о постепенномъ ростѣ основанной Сергіемъ обители, новый агіобиографъ замѣняетъ все это общими мѣстами.

Единственнымъ фактическимъ дополненіемъ со стороны Пахомія является его рассказъ объ открытіи мощей преподобнаго и о его посмертныхъ чудесахъ¹⁾. Житіе Сергія было, какъ полагають²⁾, однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Пахомія по прибытіи его въ Москву. Болѣе важны въ историческомъ отношеніи тѣ труды Пахомія, которые онъ писалъ на основаніи имъ самимъ собраннаго матеріала и уже не имѣлъ возможности руководиться какимъ-либо готовымъ образцомъ; лучшими изъ ихъ числа являются житія архіепископа Евѳимія и Кирилла Бѣлозерскаго. Оба они отличаются въ литературномъ отношеніи неровностями и отсутствіемъ послѣдовательности въ рассказѣ; авторъ, по видимому, не могъ справиться съ неравномѣрностью въ разныхъ частяхъ имѣвшагося подъ руками матеріала. На этихъ работахъ съ особенной ясностью сказывается та черта Пахомія, какъ писателя, что его не интересовали ни факты, ни идеи и настроенія современной ему русской церковной жизни, которыя онъ могъ бы использовать въ своемъ трудѣ съ нравственно - назидательною цѣлью; напр., представляется весьма удивительнымъ, что въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго онъ не высказываетъ своего взгляда на всѣхъ интересовавшій тогда вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, въ развитіи котораго мнѣнія бѣлозерскихъ иноковъ и самого основателя этой обители занимали столь выдающееся мѣсто; все это было чуждо Пахомію, потому что не соответствовало его главной цѣли — дать образъ святого подвижника въ общихъ рамкахъ церковной идеализаціи, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ условіямъ русской жизни. Житіе Евѳимія³⁾ написано, вѣроятно, въ концѣ 50-хъ годовъ XV вѣка, а житіе Кирилла въ началѣ 60-хъ. — Нѣкоторые житійные труды Пахомія снабжены особыми присоеди-

1) Ключевскій, назв. соч., стр. 129—132.

2) В. Яблонскій, назв. соч., стр. 62.

3) Напечатано въ Пам. стар. р. лит. IV, стр. 16—26.

ными къ нимъ „похвальными словами“, которыя впрочемъ писались имъ и независимо отъ житій: къ числу первыхъ принадлежатъ похвальныя слова Варлааму Хутынскому и Сергію Радонежскому, а ко вторымъ — Знаменію Б. М. въ Новгородѣ¹⁾ и на Покровъ. Кромѣ того, имъ написано значительное количество „службъ“ — въ томъ числѣ Саввъ Вишерскому, Евѣимію Новгородскому, Кириллу Бѣлозерскому. Популярность литературнаго имени Пахомія была причиною того, что ему приписывается въ рукописяхъ рядъ такихъ трудовъ богослужебнаго и агиографическаго характера²⁾, принадлежность которыхъ этому автору ничѣмъ не можетъ быть доказана.

Общее впечатлѣніе отъ литературныхъ трудовъ Пахомія въ области агиографіи вѣрно выражено новѣйшимъ изслѣдователемъ: „Не внося самобытнаго идейнаго творчества въ русскую письменность, Пахомій не принесъ оригинальнаго въ сравненіи со своими учителями и въ области внѣшней обработки матеріала. То тяжелое впечатлѣніе, которое выносится изъ прочтенія писаній славнаго въ старину ритора, объясняется дѣланностью, натянутостью и искусственностью его риторическихъ украшеній. Отсутствіе искренняго чувства, живого творчества вездѣ замѣняется шаблонной книжностью. Образцы и фигуры, обычно не вытекающія изъ содержанія, не вызванныя ни теченіемъ мысли, ни эстетикой чувства, вдвигаются въ рассказъ или приклеиваются къ нему просто потому, что они, вычитанные у предшественниковъ панегиристовъ, въ обиліи роились въ памяти автора, что это было такъ принято у его учителей и правилось русскимъ читателямъ и слушателямъ, какъ повинка послѣ забытаго въ эпоху татарщины художественнаго краснорѣчія Кирилла

1) Напечатано въ приложеніи къ труду В. Яблонскаго, стр. ХСII—СІ.

2) Тамъ же, стр. 198—217.

одинъ регулировалъ строй Великаго Княжества Литовскаго сразу послѣ введенія повѣтовой организаціи, а другойъ закрѣпилъ то, что выработывалось и развивалось въ этой организаціи въ послѣдующіе годы. Повѣтъ въ своемъ значеніи шляхетской корпораціи растетъ съ ростомъ сознанія его „повѣтниковъ“. Организація военной земской службы и шляхетская система сбора податковъ идутъ рука объ руку съ повѣтовымъ судомъ въ дѣлѣ созданія у „повѣтниковъ“ сознанія своего повѣта, какъ самостоятельной единицы народа-шляхты. Это сознаніе крѣпнетъ и крѣпнетъ. „Рушеня“ повѣтовъ, въ военномъ сборѣ или въ помощь администраціи „на непослушныхъ“, и защита сообщая своей общей безопасности уже при нормальномъ теченіи жизни Княжества должны были напоминать о повѣтѣ, какъ шляхетской единицѣ, тѣмъ изъ „повѣтниковъ“, кто мало имѣлъ дѣла съ повѣтовыми урядами и шляхетскими собраніями по условіямъ своей личной жизни. Но въ години безкорольвѣ сознаніе единства повѣта должно было быть еще яснѣе: тревожность и опасность времени съ отсутствіемъ „звирхности господарской“ и врагами внѣшними и внутренними, неся съ собою тревогу и опасенія, этимъ самымъ должны были спланивать шляхту повѣта тѣспѣе. Каптуровые суды, составляемые самою шляхтою, и чрезвычайныя постановленія съѣздовъ требовали постоянныхъ выступленій народа-шляхты Княжества, какъ его повѣтовъ. Быть можетъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ значенія повѣта, какъ шляхетской корпораціи, былъ повѣтовый сеймикъ, который, какъ увидимъ ниже, также росъ вмѣстѣ съ ростомъ шляхетскаго повѣта, не заставъ съ момента своего учрежденія, а развиваясь и укрѣпляя свои значеніе и силу. При томъ строѣ, который закрѣпился къ концу XVI столѣтія, шляхетскій повѣтъ заслоняетъ передъ наблюдателемъ жизни Великаго Княжества Литовскаго значеніе повѣта, какъ единицы территориальнаго дѣленія Литовско-Русскаго „панства“. Это понятно. Народъ-шляхта покрываетъ своимъ властнымъ и громкимъ голосомъ слабые голоса другихъ группъ населенія, размѣстившихся въ повѣтѣ-единицѣ областного дѣленія рядомъ со шляхтою, и въ эти голоса часто бываетъ нужно очень вслушиваться, чтобы ихъ уловить. Голосъ шляхты ихъ заглушаетъ и звучитъ тѣмъ сильнѣе, что онъ

образуется самъ изъ не всегда согласнаго хора отдѣльныхъ повѣтовъ. Но и значеніе повѣтоваго дѣленія, какъ дѣленія областного, было достаточно велико. Это дѣленіе создало областныя единицы съ размежеванными границами вмѣсто прежнихъ сбивавшихся въ своихъ границахъ „земель“, которыя назывались иногда воеводствами; это дѣленіе внесло и опредѣленность въ терминологию областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго, въ которой потребность несомнѣнно чувствовалась.

Итакъ, новый повѣтъ сталъ, во-первыхъ, совершенно опредѣленною единицею областного дѣленія Литовско-Русскаго „панства“ и, во-вторыхъ, единицею дѣленія народа-шляхты этого „панства“, составившей повѣтомъ земскій полкъ и административно-судебный и политическій округъ, хранящій въ своихъ повѣтовыхъ книгахъ свои права и привилеи и держащій въ своихъ рукахъ всѣ свои уряды, одни замѣщая своимъ избраніемъ, другіе только подчиняя своему суду и повѣтовой присягѣ, не допуская, сколько возможно, къ власти въ своемъ округѣ и къ участию въ своихъ дѣлахъ не только „заграничниковъ“ Литовско-Русскаго „панства“, но и своего повѣта.

Въ своихъ требованіяхъ реформы областного суда Литовско-Русская шляхта указывала на порядки Подляшья и въ нихъ усматривала образецъ, на общія очертанія котораго она могла сослаться, добиваясь осуществленія выдвигаемой ею реформы. Подляшье имѣло свои внутреннія особенности, явившіяся результатомъ образованія этой земли, какъ области Литовско-Русскаго государства, а также результатомъ состава ея шляхты. Въ XVI столѣтіи именовъ Подляшья называлась территория, занятая повѣтами Дорогицкимъ, Мельницкимъ и Бѣльскимъ. Земля Берестейская, входившая раньше въ составъ Подляшья, уже не считалась къ этому времени его частью¹⁾. Свое названіе, внѣ всякаго сомнѣнія, Подляшье получило, благодаря своему пограничному положенію съ Польшею, которая часто обозначалась

1) Ср. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 15—18.

на русскомъ языкѣ словомъ „Ляхи“¹⁾. Особенно яснымъ становится происхожденіе слова Подляшье, если не упускать изъ виду его латинскую транскрипцію „Podlachia“²⁾. Дорогичинь, Мельникъ и Бѣльскъ были въ XIII столѣтіи городами Волынскихъ князей Рюрикова дома³⁾. Въ XIV столѣтіи вмѣстѣ съ остальною Волынскою землею округи этихъ городовъ вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства и въ эту эпоху они выдѣлились въ особую часть территоріи, которая и стала называться Подляшьемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, совершенно не сливаясь съ землею Волынскою. Въ концѣ XIV вѣка Подляшье было передано Ягайломъ Мазовецкому князю Янушу. Бѣльскъ вернулся въ составъ Великаго Княжества Литовскаго уже довольно скоро, въ великокняженіе Витовта, но Дорогичинь и Мельникъ оставались соединенными съ Мазовіей до середины XV вѣка, и лишь въ 1443 году были выкуп-

1) Нпр., см. подъ словомъ „Ляхи“ на стр. 80 въ указатель къ XX-му тому Русской Исторической Библиотеки. На греческомъ языкѣ Польша также называлась Ляхіей — нпр., „ἡ κράλις τῆς Λαχίας“ (Болевславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1907. Стр. 161—162).

2) Нпр., въ латинскомъ текстѣ 1-го артикула I-го раздѣла II-го статута читается: „in Magno Ducatu Lituaniae ac in eius municipiis, Russia, Kiiouia, Samagitia, Volhinia, Podlachia et in Smolenscensi, Polocensi, Vitebscensi, Mscislauiens tractu ac in aliis Magni Ducatus Lituaniae partibus“ (Collectanea ex Archivo Collegii Juridici. Tomus VII. P. 1). Въ русской исторической литературѣ совершенно напрасно стремились называть Подляшье Подлѣсьемъ или Подлясьемъ, ставя это слово въ связь со словами „лясь“ и „лѣсь“, а не со словомъ „ляхъ“. На IX-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ на такомъ словопроизводствѣ настаивалъ о. Левъ Паевскій при обсужденіи реферата А. И. Павинскаго („О Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ“), указывая на примѣръ Е. М. Крыжановскаго (Труды IX-го Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г. Томъ II. М. 1897. Протоколы, стр. 40—41). Также Подлѣсьемъ называли Подляшье М. О. Кояловичъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. П. Дашкевичъ и др. (Ср. М. К. Любавскій, *op. cit.*, стр. 18).

3) О православныхъ храмахъ и святыняхъ Мельника и Бѣльска см., нпр., А. Андріашевъ, Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія, стр. 97—98. (Сборникъ сочиненій студентовъ Императорскаго Университета Св. Владиміра. Выпускъ VI. Издавъ подъ редакціей В. С. Иконниковъ. Кіевъ 1888. Или отдѣльно — Кіевъ 1887).

лены великимъ княземъ Казимиромъ у Мазовецкаго князя Болеслава.

По возвращеніи въ составъ Литовско-Русскаго государства округи Бѣльска, Дорогичина и Мельника вошли въ составъ Троцкаго воеводства, а не Волынской земли и оставались частью военнаго округа Троцкаго воеводы вплоть до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ¹⁾. Но Дорогичинскій, Мельницкій и Бѣльскій повѣты, несмотря на принадлежность ихъ къ военному округу Троцкаго воеводы, несомнѣнно представляли собою нѣчто, съ одной стороны, выдѣляющееся изъ состава Троцкаго воеводства, а съ другой стороны, объединенное своимъ строемъ и внутреннею жизнью. Объ этомъ говоритъ прежде всего общее названіе Подляшья, усвоенное этимъ повѣтамъ²⁾, и особый воевода Подляшскій, существовавшій съ 1514 года³⁾, хотя его воеводство и становилось въ военномъ рушеньѣ подъ команду Троцкаго воеводы, а, какъ увидимъ ниже, послѣдній не желалъ отказываться и отъ своихъ судебныхъ правъ въ повѣтахъ воеводы Подляшскаго. Внутри самихъ Подляшскихъ повѣтовъ, повидимому, произошло выдѣленіе изъ состава Дорогицкаго повѣта, повѣта Мельницкаго, который являлся раньше слитымъ съ землею Дорогицкою⁴⁾. Въ XVI столѣтіи повѣты Дорогицкій, Мельницкій и Бѣльскій являются тремя составными частями Подляшья; Подляшская земля состоитъ изъ нихъ. Но неопредѣленность термина „повѣтъ“ въ эпоху до реформы 1565—1566 годовъ, уже отмѣченная нами выше⁵⁾, даетъ себя чувствовать и въ Подляшьяхъ. Рядомъ съ тремя большими Подляшскими повѣ-

1) О судьбахъ Подляшскихъ повѣтовъ въ XIV и XV вѣкахъ см. М. К. Любавскій, *op. cit.*, стр. 15—22 и Ф. И. Леонтовичъ, *Очерки исторіи Литовско-Русскаго права (Образованіе территоріи Литовскаго государства)*, стр. 53—56.

2) Примѣровъ источники даютъ очень много: имѣнія „на Подляши“ (нпр., *Archiwum Książąt Sanguszków*, III, № CDLII), „земля Подляшская“ (нпр., „*wojewali zemlu Wołynskiui u Podlaszskiui u Ladzkiui*“ — П. С. Р. Л. XVII, ст. 561) и т. д.

3) J. Wolff. *Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego*. Str. 42.

4) См. М. К. Любавскій, *Областное дѣленіе и мѣстное управленіе*, стр. 20 и 189.

5) I глава.

тамъ, т. е. Бѣльскимъ, Дорогицкимъ и Мельницкимъ, акты XVI столѣтія называютъ повѣтами и части этихъ трехъ большихъ частей, на которыя распадается Подляшская земля этого времени. Въ листѣ Сигизмунда Стараго отъ 24 марта 1522 года, писанномъ къ нѣкоторымъ раднымъ панамъ съ назначеніемъ ихъ въ комиссію по опредѣленію границъ Литовско-Русскаго государства и Мазовецкаго княжества, читаемъ: „какъ ли жъ бы зъ стороны княжатъ ихъ милости Мазовецкихъ подданныхъ ихъ милости привилія передъ вами, обопольными комисарми, вказывали, ижъ бы княжатъ ихъ милости Мазовецкихъ предки въ тотъ часъ, какъ поветы наши Подьяльшскіе, Бельскую землю и Ганезъ, и Тыкотинъ, и Дорогицкую землю ко князству Мазовецкому въ заставе мели, а будутъ ли давали подданнымъ своимъ у границы тыхъ нашихъ поветовъ земли пашныи и сеножати и борти, — таковыхъ бы есте привилевъ не пріймовали, ани судили, ани въ которой моцы ихъ не мели“¹⁾. Одинъ изъ актовъ 1533 года говоритъ о повѣтахъ Бѣльскомъ, Брянскомъ и Суражскомъ²⁾. Между тѣмъ парафіи Брянская, Тыкотинская и Суражская входили въ составъ Бѣльской земли-хоругви³⁾. Посмотримъ теперь, что представлялъ собою строй Подляшья въ XVI столѣтіи, до общей повѣтовой реформы Великаго Княжества Литовскаго, произведенной въ шестидесятихъ годахъ этого столѣтія.

Организація областного суда въ Подляшья выдѣляла эту землю изъ ряда остальныхъ земель Литовско-Русскаго государства. Уже задолго до повѣтовой реформы Подляшская земля имѣла шляхетскій земскій судъ, серьезно ограничивавшій судебную власть господарскихъ намѣстниковъ, и имѣла рядъ судебныхъ урядовъ, которыхъ не было въ остальныхъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго. Эта судебная организація была результатомъ введенія въ Подляшья Польскихъ судебныхъ институтовъ и Польскаго права.

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1061.

2) Этотъ актъ приводитъ изъ 18-ой книги Литовскихъ Записей Метрики г. Барановекій (Ignacy Tadeusz Baranowski. Podlasie w przededniu Unii Lubelskiej. Odbitka z „Przeglądu Historycznego“, tomu VII. Warszawa 1909. Str. 21).

3) См. выше, стр. 10 и стр. 32, прим. 1.

Уже въ XV столѣтіи великій князь Казимиръ надѣлилъ Дорогицкую землю Польскимъ судебнымъ правомъ, сдѣлавъ это привилеемъ, не дошедшимъ, къ сожалѣнію, до насъ или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстнымъ еще изслѣдованію до настоящаго времени. Бѣльская земля получила подобнаго же содержанія привилей отъ великаго князя Александра въ 1501 году. Къ содержанію этого привилея теперь и обратимся.

Привилей, данный Бѣльской землѣ великимъ княземъ Александромъ въ 1501 году¹⁾, указываетъ три вида суда въ Бѣльскомъ повѣтѣ: 1) судъ старосты, 2) судъ судьи и подсудка и 3) соединеніе обонхъ этихъ судовъ въ одинъ. Господарскій староста только „четыре артыкулы на замку ма судить: первшы артыкуль — о розбиты альбо о злупеные на добровольной дорозѣ, альбо о крадежъ; другій артыкуль — коли хто квалтомъ на чый домъ найдетъ; третій — о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ квалтѣ; четвертый — о пожару“²⁾. Такимъ образомъ, судъ старосты вѣдаетъ извѣстные *quatuor articulos iudicii castrensis* Польскаго права, т. е. *stuprum, incendium, latrocinium, vim armatam alienis aedibus illatam*. Всѣ остальные судебныя дѣла подлежатъ суду судьи и подсудка: „судья тежъ съ подсудкомъ вси инны рѣчи ма судить, ницъ не допушаючи до старосты надъ преречоны артыкулы, кторы залежуть на старосту“³⁾. Такъ раздѣляется компетенція суда старосты и суда судьи и подсудка. Соединеніе этихъ судовъ въ одинъ должно разбирать жалобы „русиновъ“ на „поляковъ“: „если бы тежъ нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка, — староста нашъ и тежъ судья и съ подсудкомъ того Поляка мають судить“⁴⁾.

Свои полномочія суды Бѣльскаго повѣта получали отъ

1) Изданія этого привилея: 1) *Działyński, Zbiór Praw Litewskich*, str. 82—91; 2) *A. Z. P. I, № 189*; 3) въ систематическомъ сводѣ уставныхъ земскихъ грамотъ въ трудѣ М. Н. Ясинскаго *Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства*. О неправильности обозначенія изданіемъ этой грамоты въ Актахъ Западной Россіи данною „жителямъ Бельской области“ см. у М. Н. Ясинскаго — *op. cit.*, стр. 94.

2) *A. Z. P. I, № 189, 7.*

3) *Ibidem*, 8.

4) *Ibidem*, 6.

господаря. Староста назначался господаремъ безъ всякаго участія повѣта¹⁾; судья и подсудокъ — думаемъ, идя въ разрѣзъ съ установившимся въ исторической литературѣ мнѣніемъ²⁾, — подлежали также назначенію великаго князя, безъ обязательнаго предварительнаго избранія шляхтою кандидатовъ на эти должности. Основанія для того, чтобы это утверждать, слѣдующія: 1) текстъ привилея 1501 года не говоритъ ни слова, что кандидаты на эти должности должны избираться шляхтою, и 2) извѣстны случаи назначенія господаремъ на эти должности лицъ по ихъ собственнымъ челобитьямъ и по ходатайству за нихъ близкихъ къ великому князю лицъ³⁾. Назначенія на судебныя должности въ Бѣльскій повѣтъ, которыя выдвигаются въ исторической литературѣ, какъ примѣры назначеній „согласно съ привилеями“⁴⁾, мы не можемъ признать таковыми по двумъ основаніямъ: 1) объ избраніи ихъ „de jure communi Regni“ говоритъ привилей не Бѣльскому повѣту, а Дорогицкой землѣ, съ которымъ познакомимся ниже, и 2) приводимые примѣры говорятъ не объ избраніи шляхтою кандидатовъ, изъ которыхъ дѣлаеть выборъ великій князь, а о ходатайствѣ ея за опредѣленное лицо, какъ она ходатайствовала и при назначеніяхъ на уряды хоружихъ⁵⁾, что вовсе не доказываетъ обязательности предварительнаго избранія шляхтою кандидатовъ на этотъ урядъ.

На рѣшенія суда старосты, согласно общимъ порядкамъ Великаго Княжества Литовскаго, жалобы приносятся господарю. Указанія на это нѣтъ въ привилеѣ Бѣльскому повѣту, но, что это было такъ, подтверждается актами начала XVI столѣтія⁶⁾. Рѣшенія суда судьи и подсудка обжаду-

1) Уставная земская грамота Бѣльскому повѣту не знаетъ права населенія на участіе въ этомъ назначеніи, каковое имѣли Витебская, Полоцкая и Жомойтская земли. См. систематическій сводъ уст. з. грамотъ у М. Н. Ясинскаго, *op. cit.*, стр. 118—119.

2) См. М. К. Любавскій, *Обл. дѣленіе и мѣстное управленіе*, стр. 19—20 и І. Т. Вагановскі, *op. cit.*, стр. 17.

3) Примѣры приведены г. Барановскимъ (*Op. cit.*, стр. 17).

4) І. Т. Вагановскі, *op. cit.* Str. 17—18.

5) См. выше, стр. 27.

6) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 828.

ются недовольными также на судъ великаго князя, съ вызовомъ предъ него судьи и подсудка: „едно бы ся кгда пригодило съ пригоды, судья съ подсудкомъ нѣкто-рего землянина судили, а естлибы ся ему видѣло зъ того кривду, теды таковыи землянинъ може судью съ подсудкомъ позвать предъ насъ“ — гласить привилей 1501 года¹⁾. Позвы на судъ должны быть посылаемы черезъ вознаго, а не черезъ дѣтскаго²⁾.

Вотъ въ основныхъ чертахъ судебное устройство Бѣльскаго повѣта по привилею 1501 года. Этотъ привилей говорить, что Бѣльскому повѣту даются такія же права, какія уже даны повѣту Дорогицкому. Права эти называются латинскимъ текстомъ грамоты „*jus polonicum terrestre*“³⁾. Но они даются, „едно вынемши нѣкоторые впады“ — „*casibus duntaxat aliquibus exceptis*“. Возможно двоякое пониманіе послѣдней фразы: 1) можно думать, что въ ней идетъ рѣчь о сохраненіи особенностей отъ Польскаго права въ Дорогицкой землѣ, а стало быть, и въ Бѣльской, которая получаетъ строй Дорогицкой, 2) можно думать, что эта фраза говорить объ особенностяхъ Бѣльскаго повѣта по сравненію съ Дорогицкимъ. Въ случаѣ перваго, имѣемъ дѣло съ указаніемъ на отличіе судебного строя этихъ двухъ Подляшскихъ повѣтовъ отъ Польши, въ случаѣ втораго — отличіе ихъ одного отъ другаго, т. е. указаніе на отсутствіе единства въ судебномъ устройствѣ Подляшской земли этого времени. Вопросъ этотъ едва ли можетъ быть разрѣшенъ безъ текста привилей XV столѣтія, выданнаго Дорогицкой землѣ великимъ княземъ Казимиромъ, а потому еще разъ приходится пожалѣть объ его неизвѣстности изслѣдованію. Извѣстные въ настоящее время законодательные акты, организующіе судъ въ Дорогицкой землѣ, относятся къ XVI столѣтію и были изданы позднѣе привилей 1501 года, даннаго Бѣльской землѣ. Къ содержанію этихъ законодательныхъ актовъ теперь и обратимся.

2 іюня 1511 года были утверждены великимъ княземъ

1) А. З. Р. I. № 189. 9.

2) Ibidem, вступительная статья.

3) Русскій текстъ испорченъ. Латинскій текстъ у Дзялынскаго — Zbior. Str. 83.

Сигизмундомъ „Члонки, которые маеть судити староста въ земли Дорогицкой“¹⁾. Этимъ документомъ опредѣлена судебная компетенція Дорогицкаго старостинскаго уряда и урегулирована совмѣстная дѣятельность его и земскаго суда въ дѣлахъ, которыя они вѣдаютъ сообща. Старостинскому суду, суду старосты „на замку“, подлежатъ только „четыри члоньки“, которые обозначены въ привилеѣ, а именно „квалтъ домовый, пожара, паненскій або невестскій квалтъ а розбой на добровольной дорозе“. Дѣла по „шкодамъ“ господарскому „дереву бортному“ разбираются выѣзжающею на мѣсто комиссіею, состоящею изъ гаевника, городского вижа, двухъ коморниковъ (судьи и подсудка) и городского писаря. Если эта комиссія не постановитъ окончательнаго рѣшенія дѣла, она представляетъ его старостѣ и судѣ съ подсудкомъ, „и они мають тому конецъ вчинити“. Для разрѣшенія дѣлъ о границахъ выѣзжаетъ на мѣсто староста вмѣстѣ съ судьей и съ подсудкомъ, и письменоводство въ такихъ дѣлахъ принадлежитъ писарю старосты²⁾. Въ военное дѣло староста не имѣетъ права мѣшаться: его вѣдаютъ судья и подсудокъ. Что касается избранія вознаго, то послѣдняго „маеть староста посполъ зъ судьей и съ подсудкомъ и со всею землею обирати“. Уже эти постановленія ясно показываютъ тенденцію ограниченія старостинской власти, но и по отношенію къ четыремъ старостинскимъ артикуламъ, отданнымъ въ исключительное вѣдѣніе суда старосты, пересказываемый документъ вноситъ существенное ограниченіе въ пользу земскаго суда: „а безъ лица злодейства староста не маеть судити — маеть судити судья съ подьсудкомъ“. Иными словами, даже дѣла старостинскихъ артикуловъ переходятъ въ вѣдѣніе земскаго суда, если преступникъ не пойманъ съ поличнымъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда суду предстоитъ разбираться въ доказательствахъ совершенія преступленія обвиняемымъ.

2 марта 1516 года Дорогицкая земля получила новый при-

1) Цитируемъ по изданію въ XX-мъ томѣ Русской Исторической Библіотеки (ст. 665—666). Другія изданія этихъ „Члонковъ“ — Dziariuski, Zbiór Praw Litewskich, str. 117—118 и А. З. Р. II, № 64.

2) „А светки маеть пописовати и листы судовые давати писарю старостинь“.

вилей отъ того же великаго князя Сигизмунда¹⁾. Настоящій привилей выданъ господаремъ послѣ представленія ему прежде выданныхъ этой землѣ привилеевъ. Теперь Дорогицкой землѣ въ совершенно категорической формѣ дается Польское право, „*jus Polonicum*“, содержимое въ Польскихъ статутахъ. Этотъ привилей, указавъ на предоставленіе шляхтѣ и обывателямъ Дорогицкаго повѣта²⁾ земскаго Польскаго права великими князьями Казимиромъ и Александромъ, признаетъ излишнимъ перечисленіе по артикуламъ того, что имѣется въ Польскихъ статутахъ, перечисленіе, которое дѣлали привилей указанныхъ великихъ князей³⁾.

1) *Ponowienie nadania praw Polskich ziemi Drohickej roku 1516. Działyński. Zbior praw Litewskich. Str. 118—121.* Нужно думать, что одновременно съ Дорогицкимъ повѣтомъ получилъ подобный же привилей и повѣтъ Бѣльскій. Въ одномъ „вырокѣ“ Сигизмунда Стараго отъ 17 марта 1516 года стоитъ: „и земине Бѣльскіи положили передъ нами привилей нашъ, который же есмо имъ на тое право дали“ (Р. Ист. Б. XX, ст. 886). Привилей 1501 года былъ данъ великимъ княземъ Александромъ, а не Сигизмундомъ, и эти слова указываютъ на выдачу этимъ послѣднимъ новаго привилей Бѣльскому повѣту.

2) „*Quod licet nobiles et terrigenae nostri districtus Drohiciensis, de speciali concessione praedecessorum nostrorum, huius Magni Ducatus nostri Lithuaniae ducum, jure terrestri Polonico, more nobilium terrigenarum, in regno nostro Poloniae degentium, gauderent et uterentur, haberentque desuper litteras et munimenta eorundem praedecessorum nostrorum, videlicet, serenissimorum olim principum, foelicis recordationis, Kazimiri genitoris et Alexandri germani nostrorum, charissimorum Poloniae regum et hujus ducatus Lithuaniae ducum, successive concessa*“.

3) „*Quia tamen in eisdem literis seu privilegiis, coram nobis ad praesens originaliter productis et exhibitis, multa comperimus articulatim superuacuae descripta, quae in libris statutorum regni nostri Poloniae specificae et per expressum continentur, et juxta nonnulla, quae in perniciem, jacturam et oppressionem non modicam eorundem subditorum nostrorum fuere adjecta: hoc idem jus Polonicum eisdem subditis nostris nobilibus et terrigenis, privilegiatis et non privilegiatis, hoc est, jus habentibus et non habentibus, districtus praefati Drohiciensis, praesentibus et futuris eorumque successoribus, conjunctim et diuisim, de certa scientia et gratia fauoreque speciali ducatus nostris, de nouo iterum dandum et conferendum duximus, damusque et conferimus, in omnibus punctis, articulis et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur, in eodem districtu nostro tenentes et obseruantes, omnes et singulos articulos juri praedicto Polonico, ac justitiae, quomodolibet contrarios, in literis et privilegiis praefatis praedecessorum nostrorum praedictorum, uti praefertur, expressos et specificatos, oppressionem huiusmodi subditorum nostrorum*“.

Польское право признается за Дорогицкою землею „in omnibus punctis, articulis et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur“. Все, противорѣчащее въ старыхъ привилеяхъ Польскому праву, отмѣняется настоящимъ привилеемъ. Привилей подтверждаетъ отмѣну дѣтскихъ, какъ органа областного Дорогицкаго уряда, устанавливаетъ обязательность употребленія латинскаго языка во всѣхъ судебныхъ вызовахъ „iuxta consuetudinem iuris terrestris Polonicæ“. Польскимъ правомъ, говоритъ привилей, предусмотрено, чтобы на земскіе и замковыя уряды назначались люди осѣлые и родичи той земли, должностными лицами которой они дѣлаются. Поэтому и Дорогицкому повѣту гарантируется Сигизмундомъ I-мъ право избранія его обывателями земскихъ урядниковъ, но съ обязательнымъ утверженіемъ ихъ господаремъ; что же касается урядниковъ замковыхъ, то право ихъ назначенія принадлежитъ исключительно великому князю, но изъ обывателей и родичей Дорогицкаго повѣта, притомъ обязательно католиковъ¹⁾. Отъ суда земскихъ урядниковъ и старосты апелляція идетъ къ господарю. Наконецъ, Дорогицкій повѣтъ получаетъ особую повѣтовую земскую печать. Привилей 1516 года много разъ повторяетъ о руководствѣ Дорогицкаго повѣта Польскимъ правомъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ называетъ право Краковское и Мазовецкое, въ частности земли Плоцкой. Мы изложили основное содержаніе привилея, остальные статьи его говорятъ о подробностяхъ.

Таковы привилей, выданные Литовско-Русскими господарями Бѣльскому и Дорогицкому повѣтамъ. Привилей

praefatorum in se continentes, et in nihilum redigentes cassantesque et mortificantes ac extinguentes perpetuo et in aeuum tenore praesentium mediante“.

1) „ . . . praesenti priuilegio nostro id ipsum singulariter instituimus et ordinamus, ut in eodem districtu Drohiciensi huiusmodi officiales terrestres, per liberam electionem indigenarum et uniuersorum nobilium conuentionaliter congregatorum, de iure communi regni fieri solitam, ad eadem officia sua, totiens quotiens per decessum uacatura, non nisi cum ratihabitione nostra ducali, successorumque nostrorum, Magni Ducatus Lituaniae ducum; castrenses vero, pro arbitrio nostro duntaxat, ex eisdem incolis et indigenis districtus praedicti Drohiciensis, per nos et successores nostros Lituaniae duces, dum modo uterque ipsorum officialium romanae religionis essent, deinceps instituerentur“.

повѣту Мельницкому не дошелъ до насъ. М. К. Любавскій полагаетъ, что, „можетъ быть, его даже и совсѣмъ не было, благодаря тому, что Мельницкій повѣтъ составлялъ прежде одно цѣлое съ Дорогицкимъ“¹⁾. Дѣйствительно имѣются основанія для того, чтобы говорить о тѣсной связи этихъ повѣтовъ. Въ 1547 году Сигизмундомъ Августомъ Польское право было подтверждено обоимъ этимъ повѣтамъ вмѣстѣ, однимъ привилеемъ²⁾. Можно думать, что самое выдѣленіе Мельницкаго повѣта изъ состава Дорогицкой земли произошло, благодаря возникновенію особаго для него состава шляхетскаго суда, который извѣстенъ актамъ уже въ эпоху до Дорогицкаго привилея 1516 года³⁾. Но и по отношенію къ суду Мельницкій повѣтъ не былъ вполне самостоятельнымъ округомъ до середины XVI столѣтія. Мельницкій подкоморскій судъ былъ учрежденъ только въ 1547 году⁴⁾, и возможно, что до этого времени Мельницкій повѣтъ входилъ въ составъ судебного округа Дорогицкаго подкоморія⁵⁾. Еще отъ 1550 года имѣемъ указаніе источниковъ, что въ Дорогицкомъ и Мельницкомъ повѣтахъ былъ одинъ общій хоружій⁶⁾. Наконецъ, извѣстное уже намъ „Списанье поветовъ Великаго Князства Литовскаго и вриадниковъ въ нихъ“, составленное при введеніи повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, говоря о хоругви Подляшскаго воеводства, называетъ „хоруговъ Дорогицкую и Мельницкую“⁷⁾.

Обратимся теперь къ Литовско-Русскимъ актамъ и постараемся привлечь ихъ данныя къ характеристикѣ строя Подляшскихъ повѣтовъ въ эпоху дѣйствія изложенныхъ привилеевъ. Акты двухъ первыхъ десятилѣтій XVI столѣтія постоянно говорятъ объ особомъ правѣ Дорогицкаго

1) М. К. Любавскій. Обл. дѣленіе и мѣстное управленіе. Стр. 20. Ср. стр. 189.

2) *Ibidem*. Стр. 20.

3) См., нпр., указаніе на Мельницкихъ судью и подсудка въ документахъ, находящихся между актами января 1516 года — Р. Ист. Б. XX, ст. 255.

4) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 534, прим. 1.

5) См. I. T. Вагаповскі, *op. cit.*, стр. 15, прим. 2.

6) *Ibidem*.

7) См. выше, стр. 105, прим. 2.

и Бѣльскаго повѣтовъ. „Право Дорогицкое“¹⁾, „право Дорогицкое земское“²⁾, „право писаное Дорогицкое“³⁾, „право“ Бѣльское⁴⁾ очень часто упоминаются актами. Оно признается и дѣйствуетъ. Но нужно отмѣтить, что въ началѣ XVI вѣка, по крайней мѣрѣ до привилея 1516 года, Дорогицкое право не было точно извѣстно Литовско-Русской центральной власти. Въ самомъ дѣлѣ, при разборѣ въ 1511 году одного суднаго дѣла Сигизмундомъ Старымъ совмѣстно съ его радю было постановлено: „мають въ томъ вси земляне Дорогицкіе опытаны быти — такъ ли есть въ нихъ право“, какъ его примѣняетъ обжалованный судебный приговоръ Дорогицкаго намѣстника⁵⁾. Что касается Польскихъ урядовъ въ Подляшѣ, то они дѣйствуютъ во всѣхъ трехъ Подляшскихъ повѣтахъ въ первыя два десятилѣтія XVI вѣка. Акты знаютъ судей и подсудковъ⁶⁾, возныхъ⁷⁾, повѣтовъ Дорогицкаго, Бѣльскаго и Мельницкаго, знаютъ и подкоморіевъ двухъ первыхъ повѣтовъ⁸⁾. Упоминаются источниками и книги повѣтовыхъ судовъ въ ихъ значеніи хранилища приговоровъ и документовъ⁹⁾.

Мы видѣли выше, что съ теченіемъ времени Литовско-Русская шляхта стала смотрѣть на судебный строй Подляшья, какъ на желательный для перенесенія и въ остальные земли Литовско-Русскаго государства. Иными глазами смотрѣлъ на этотъ строй тотъ классъ Княжества, который держалъ въ рукахъ главное вліяніе на ходъ его жизни. Паны относились отрицательно къ институтамъ Польскаго

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 213, 214, 269, 344, 345, 612, 655.

2) Ibidem. Ст. 656—657.

3) Ibidem. Ст. 342.

4) Ibidem. Ст. 886—887.

5) Р. Ист. Б. XX. Ст. 664.

6) Нпр., судья Дорогицкій (Р. Ист. Б. XX, ст. 662—663, 787—788, 1183—1184), подсудокъ Дорогицкій (ibidem, ст. 662), судья Бѣльскій (ibidem, ст. 153, 206, 302, 346, 387, 417, 982, 1549), судья Мельницкій (ibidem, ст. 255, 1035), подеудокъ Мельницкій (ibidem, ст. 255).

7) Нпр., ibidem, ст. 268, 283, 663, 1184.

8) Нпр., ibidem, ст. 1033, 1444.

9) Нпр., ibidem, ст. 213, 214, 215, 268 и др. Кромѣ судебныхъ урядовъ на Подляшѣ рано упоминаются и войскіе, которыхъ еще не было въ это время въ другихъ земляхъ Княжества, нпр., войскій Дорогицкій (ibidem, ст. 283, 900), войскій Бѣльскій (ibidem, ст. 655).

права, созданнымъ въ Подляшскихъ повѣтахъ. Представители этого класса, получавшіе старостинскіе уряды въ Подляшьѣ, оказывались ограниченными въ своихъ правахъ, къ которымъ они привыкли, занимая такіе же уряды въ остальныхъ земляхъ Княжества, притомъ иногда одновременно съ Подляшскими. Указанія на борьбу старость съ Польскимъ правомъ Подляшья акты сохранили отчетливо. Такъ, въ 1509 году въ Краковѣ Сигизмунду Старому жаловался Дорогицкій намѣстникъ, господарскій маршалокъ, панъ Янъ Литаворъ Хребтовичъ, что Дорогицкій судья Миколай Водынскій дѣлалъ въ Дорогичинѣ „съемъ“ и что „тамъ месту его милости Дорогицкому квалтъ, розъкрывавенъе сталося черезъ того судью и его помочники“. Водынскій объяснилъ, что „онъ того сойму не справялъ, нижли роки были, подлугъ звычайя земьского, а земляне Дорогицкин вси на роки зѣхалися и къ листу господарьскому“. Но панъ Литаворъ возразилъ: „а въ Соколове, на Божье Тело, съемъ есте мели съ чією волею?“¹⁾ Между записями 1512 года въ Литовской Метрикѣ сохранилась жалоба того же пана Литавора, что Дорогицкіе земляне „справуються и рядять не подлугъ ихъ права писаного“. Отвѣтомъ на эту жалобу было приказаніе великаго князя „подъ его милости господарьскимъ великимъ караньемъ“, чтобы Дорогицкіе земляне строго держались права, дарованнаго имъ великими князьями Казимиромъ и Александромъ и подтвержденнаго Сигизмундомъ²⁾. Можно думать, что и изложенные нами выше привилей 1511 и 1516 годовъ, данные Дорогицкому повѣту, должны быть разсматриваемы въ связи съ этою борьбою господарскихъ намѣстниковъ съ неудобнымъ для нихъ Подляшскимъ строемъ. Если это было такъ, то привилей 1516 года былъ, конечно, серьезнымъ пораженіемъ намѣстниковъ.

Но проявленія недовольства Подляшскими порядками со стороны Литовско-Русскихъ пановъ не прекратились и послѣ 1516 года. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія Троцкій воевода, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ жаловался великому князю Сигизмунду: „кривда и ущипокъ“

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1183—1184.

2) Ibidem. Ст. 1186.

дѣлается Троцкому воеводѣ тѣмъ, что господарь писалъ „до всего повету Белскаго, абы ся не отзывали ни до кого, толко до старосты“. Гаштольдъ находилъ такой новый порядокъ „з великимъ утисненемъ справедливости ихъ, ижъ то имъ отнято, што передъ тымъ бывало“, а именно право, въ случаѣ „кривды“ отъ судьи или старосты, аппеллировать въ отсутствіи господаря къ Троцкому воеводѣ. Гаштольдъ просилъ великаго князя, чтобы онъ далъ ему „листъ свой до повѣту Белскаго“ — „если бы кому отъ старосты, або отъ судьи кривда у правѣ была, а о то звался бы до воеводы, абы имъ того не забороняли, а тамъ бы предъ“ Гаштольдъ „собе справедливости дотягали, яко предъ воеводою, ведлугъ давности“¹⁾. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что панъ Гаштольдъ этимъ больше отстаивалъ интересы и права Троцкаго воеводскаго уряда, въ округъ воеводства котораго входило Подляшье, чѣмъ интересы правосудія, какъ таковаго.

Но, рядомъ съ указаніями на недовольство Подлянскимъ судебнымъ строемъ среди отдѣльныхъ Литовско-Русскихъ пановъ, источники сохранили указанія на выраженіе такого недовольства дѣлою радю Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1538 году къ Сигизмунду Старому въ Краковъ прибыли панъ Станиславъ Орвидъ и панъ Миколай Юндиль въ посольствѣ „отъ пановъ радъ Князства Великаго Литовскаго и отъ всего рыцарства“, съ Новгородскаго сейма, обсуждавшаго дѣла безъ присутствія великаго князя²⁾. Паны-рада „казали“ этимъ посламъ о Подляшьѣ „припоменути“ господарю слѣдующее. На своихъ судебныхъ сѣздахъ³⁾ паны-рада встрѣчаются съ листами, представляемыми отъ подсудимыхъ „абы ихъ панове не судили“. Этыхъ листовъ паны-рада „не повинни подлѣ права пріимовати, которые выходятъ ку отволоцѣ справедливости, яко ся то частокротъ трафуеть, ижъ и до повѣту Бѣльскаго и до повѣту Мельницкаго, которые, ачъ кольвекъ ся своими особливими справы межн собою справують, а предся въ

1) Сборникъ Матеріаловъ I. Малпновскаго. Стр. 399.

2) Объ этомъ сеймѣ см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ. стр. 273—282.

3) Объ этихъ сѣздахъ — I ст., VI, 5 п 7.

тѣлѣ Великого Князства Литовскаго сѣдять; одначе жъ и тые повѣты листовъ таковыхъ, которые бы вышли отъ“ господаря „напротивку статуту ихъ, не пріймуютъ и во всѣмъ статутомъ своимъ справуются“. Судебный строй Подляшья, съ его самостоятельностью, приходитъ въ столкновѣнiя съ общимъ судебнымъ строемъ Княжества, и паны-рада требуютъ уступки отъ Подляшья въ такихъ случаяхъ, а не уступки со стороны цѣлаго Литовско-Русскаго государства. Господарю паны-рада поручаютъ передать: „если же, милостивый королю, тые вышей реченые повѣты, будучи члонки Великого Князства, права своего уживаютъ и листовъ отъ ваше милости противку права своего не пріймуютъ, а и ваша милость тежъ, господарь нашъ, завжды оныхъ повѣтовъ при ихъ правѣ заховати звыкла, про то жебы тежъ и Великое Князство, яко голова оныхъ повѣтовъ, не мѣло ся справовати и во всемъ заховано быти подлѣ права своего посполитого, всему оному панству Великому Князству и землямъ и повѣтомъ даного, але жебы хто кольвекъ якого непослушенства паномъ ихъ милости противу листомъ ваше милости не привлащилъ, тогда ихъ милость, яко повольные слуги, и таковыя листы праву своему противные пріймуютъ, и, если же ваша милость повѣты Великого Князства при ихъ статутѣхъ заховывати рачишь, панове ихъ милость покорнѣ просятъ, абы и все Великое Князство при своемъ посполитомъ правѣ было заховано“¹⁾.

Эта просьба пановъ-радъ отстаиваетъ права Литовско-Русскаго государства во всѣхъ земляхъ, которыя въ его составъ входятъ. Панская тенденцiя въ ней закрыта идеей государственной. Совершенно открыто выступаетъ эта тенденцiя въ другой просьбѣ, представленной великому князю тогда же. Жомонтскiй староста²⁾ „передъ паны радами и передъ всимъ посполствомъ оновѣдалъ жалъ и зельжене стану своего и вказывалъ листъ позовный намѣстника Браньскаго и Суражскаго Миколая Корицкаго подъ тытуломъ и подъ печатью его, гдѣ пишеть, приказуючи пану старостѣ, абы очевистѣ передъ нимъ альбо передъ его намѣстникомъ ку праву сталъ“. Передъ нами выступаетъ

1) А. Ю. и З. Р. I. № 101 (стр. 95).

2) Панъ Янъ Николаевичъ Радзивиль.

другая сторона Подляшскаго судебнаго строя, съ которою не могло мириться Литовско-Русское панство, избалованное своимъ исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ: пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ¹⁾, повѣтовый судъ осмѣливается привлекать на свой форумъ, притомъ это дѣлаетъ урядникъ, стоящій по своему положенію неизмѣримо ниже раднаго пана. Оскорбленіе ясно чувствуется въ тѣхъ словахъ, которыя рада Княжества поручила передать господарю по поводу этого дѣла: въ вызовѣ къ Подляшскому суду „немалое зельженіе особы пана старостинное, не послѣднѣйшее рады ваше милости, замыкается, абы мѣль панъ староста, такъ поважная особа рады ваше милости, обличнѣ становится передъ такъ ровнымъ чоловѣкомъ, а²⁾ звлаща передъ врядникомъ его, яко онъ описуетъ; жалъ бы ся того, милый Боже, абы рада ваше милости онога панства Великаго Князства къ таковому зниженью становъ своихъ мѣли приходити; и казали панове рада то вашой милости повѣдити, ижъ мають ихъ милость право посполитое, всему панству отъ ваше милости даное, которымъ ся справують и судять, и подъ нимъ сѣдять и съ него ся веселять; а подъ право Польское, которое собѣ земляне повѣту Бѣльскаго упросили, не подданы суть панове рада и вся земля Литовская, але овшемъ зъ него вызволены“³⁾. Въ виду всего этого паны-рада просятъ великаго князя ихъ „при правѣхъ и вольностяхъ ихъ заховать, абы ку легкости становъ своихъ не были на томъ таковыми неслушными листы передъ врядникомъ повѣту Бѣльскаго потягиваны“. Соответствующее приказаніе должно быть послано великимъ княземъ и Бѣльскимъ урядникамъ, притомъ господарь долженъ имъ „грознѣ рассказать, ажебы ся учтивѣ противъ особамъ радъ“ господарскихъ „заховали“⁴⁾.

1) См. выше, стр. 18.

2) Исправляемъ изъ „о“ изданія.

3) „Кгдажь ся такъ въ каждомъ правѣ заховывааетъ, и въ духовномъ и въ цесарскомъ, же тотъ, хто жалуетъ на кого, маеть его тымъ правомъ доходити, подъ которымъ оный, на кого жалуетъ, сѣдитъ, а не тымъ правомъ, подъ которымъ самъ жалобникъ сѣдитъ; а такъ, естли же што панъ староста будетъ кому съ повѣту Бѣльскаго виненъ, хочеть каждому правъ быти въ своемъ правѣ, на роцѣхъ судовыхъ передъ паны радами, а ни передъ врядникомъ Суражскимъ.“

4) А. Ю. и З. Р. I. № 101 (стр. 95—96).

Итакъ, въ основѣ недовольства Подляшскими судебными порядками, обнаруживающагося въ заявленіяхъ Литовско-Русскаго правящаго класса, отмѣчаются двѣ тенденціи: 1) аристократическая тенденція панскаго класса и 2) тенденція государственная — стремленіе охранить государственные институты Княжества въ ихъ общемъ для всего Литовско-Русскаго „панства“ значеніи. Подляшье дѣйствительно должно было останавливать на себѣ вниманіе рады Великаго Княжества Литовскаго, какъ хранительницы государственнаго достоинства и цѣлости государства. Хорошо извѣстно различіе взглядовъ на отношенія Польши и Княжества, на смыслъ и значеніе ихъ связей, которое существовало въ обоихъ этихъ государствахъ. Рада Великаго Княжества Литовскаго должна была бдительно охранять свое „панство“ отъ всякихъ посползновеній на него со стороны Польши, и съ этой точки зрѣнія Подляшье при дѣйствіи въ немъ Польскаго права, при неупотребленіи его урядами государственнаго, т. е. русскаго, языка и при пограничности его съ Польшею не могло не возбуждать извѣстныхъ опасеній. Въ самомъ дѣлѣ, источники знаютъ заявленія господарю „отъ княжатъ и панятъ и отъ земянъ пограничныхъ о кривдахъ ихъ незносныхъ, которыи мають отъ пановъ Поляковъ и отъ пановъ Мазовшанъ“¹⁾, знаютъ и заботы о точномъ опредѣленіи границъ съ Мазовіей²⁾, знаютъ и укрывательства преступниковъ изъ Княжества въ Мазовіи³⁾. Рада Литовско-Русская должна была и изъ соображеній государственныхъ зорко слѣдить за Подляшьемъ; она должна была бороться противъ установленія его слишкомъ тѣсныхъ связей съ Польшею, опасныхъ для Литовско-Русскаго „панства“⁴⁾. Въ то же время она должна была и охранять обще-государственную идею Княжества, когда ей грозилъ ущербъ со стороны внутренняго строя Подляшья, имѣвшаго тенденцію развиваться дальше на основѣ Польскаго права, а не хранить лишь то, что было даровано ему господарскими привилеями.

Судебный строй Подляшскихъ повѣтовъ не былъ однимъ

1) А. З. Р. III. № 4 (13).

2) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1040—1041, 1058—1062, 1193—1194.

3) Нур., *ibidem*, ст. 1306.

4) Ср. А. З. Р. II, № 222.

и тѣмъ же за все время отъ дарованія имъ великими князьями уставныхъ грамотъ до отторженія ихъ къ Польшѣ въ 1569 году. Въ самомъ дѣлѣ, начало избранія повѣтовой шляхтою своихъ земскихъ урядниковъ не принадлежало этимъ повѣтамъ въ болѣе ранніе годы XVI столѣтія. Такъ, „листъ Миколаю Водынскому на судейство Дорогицкое по смерти Завишиной“, выданный Сигизмундомъ Старымъ 10 января 1507 года¹⁾, ни слова не говоритъ объ избраніи на судейскій урядъ Водынскаго Дорогицкою шляхтою. Господарь просто назначаетъ его на „судейство Дорогицкое“, если надъ больнымъ судьей Завишею „Божья воля станеться“, и дѣлаетъ это по простому челобитью Водынскаго. Мы видѣли выше²⁾, что Бѣльскій привилей 1501 года молчитъ о выборѣ землянами судьи и подсудка. Этотъ выборъ устанавливается лишь Дорогицкимъ привилеемъ 1516 года³⁾. Но и послѣ изданія этого привилея извѣстны случаи единоличнаго назначенія господаремъ земскихъ урядниковъ, на что изъ Подляшья жаловались еще въ 1551 году⁴⁾. По отношенію къ замѣщенію уряда подкоморія также нужно признать сохраненіе господаремъ права назначенія на этотъ урядъ исключительно по своему желанію. Въ 1547 году на Виленскомъ сеймѣ шляхта Мельницкаго повѣта просила великаго князя объ учрежденіи въ ея повѣтѣ уряда подкоморія, безъ котораго трудно разбирать „граничныя sprawy“. Господарь учредилъ этотъ урядъ, но объявилъ, что назначить на него опредѣленное лицо лишь позднѣе, притомъ кого самъ пожелаетъ⁵⁾. Можно думать, что, даровавъ Польское право Подляшью, Литовско-Русскіе господа не очень охотно поступались въ его пользу своими прерогативами и далеко были не прочь отъ расширенія на его счетъ правъ своей „звирхности господарской“. Не совсѣмъ сочувственно встрѣчалось и требованіе Подляшанами осѣлости въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ для ихъ должностныхъ

1) Приложение № 14 къ Областному дѣлевію и мѣстному управленію М. К. Любавскаго.

2) Стр. 151.

3) См. выше, стр. 155.

4) I. T. Wa g a n o w s k i. Op. cit. Str. 22.

5) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 534, прим. 1.

лицъ. Уступая въ этомъ по отношенію къ однимъ урядамъ, государь вовсе не былъ склоненъ этого дѣлать по отношенію къ другимъ еще въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія¹⁾. Не желалъ великій князь отказываться и отъ своихъ правъ на спадковую шляхту Подляшья, что выводило ее изъ подъ Польскаго шляхетскаго суда; онъ сохранялъ ее по всеѣмъ дѣламъ въ присудѣ господарскаго старосты-державцы²⁾.

Привилеи, данные великими князьями Подляшскимъ повѣтамъ, рассмотрѣнные нами выше, говорятъ о повѣтовомъ судѣ, его организаціи и правѣ, которымъ этотъ судъ долженъ руководствоваться въ своей дѣятельности. Они молчатъ объ остальныхъ сторонахъ повѣтоваго строя; отсюда, естественно, надо заключать, что онѣ были такими же, какъ и въ остальныхъ частяхъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ указанномъ выше³⁾ столкновеніи Дорогицкаго намѣстника Яна Литавора Хребтовича съ земскимъ Дорогицкимъ судьёю ясно замѣтно опасеніе шляхетскихъ собраній въ формѣ, не сходной съ обычною формою этихъ собраній въ Княжествѣ вообще. Послы Подляшскихъ повѣтовъ на вальные сеймы до реформы 1565—1566 годовъ избирались, повидному, такъ же, какъ это дѣлалось и въ остальныхъ земляхъ Литовско-Русскаго государства, т. е. безъ созыва господарскими листами мѣстной шляхты въ предсеймовыя собранія и безъ отправки на эти собранія господарскихъ пословъ, которые сообщали бы собравшейся шляхтѣ о предметахъ занятій предстоящаго сейма. Правда, что и на сеймахъ до реформы 1565—1566 годовъ встрѣчаемъ пословъ отъ каждаго Подляшскаго повѣта отдѣльно, а не отъ цѣлой земли Подляшской, но и сеймовые представители остальныхъ частей Литовско-Русскаго государства бывали на сеймахъ не только отъ цѣлыхъ крупныхъ земель-воеводствъ, но и отъ частей послѣднихъ. Такъ, на Виленскомъ сеймѣ 1559 года госпо-

1) На Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ осѣлость въ повѣтѣ была признана обязательною для войскныхъ (*ibidem*, стр. 191—192), но встрѣтила затрудненія въ признаніи для старосты, хотя и не для остальныхъ городскихъ урядовъ (*ibidem*, стр. 190).

2) *Ibidem*. Стр. 493.

3) Стр. 158.

дарю были принесены просьбы какъ земель Жомойтской и Полоцкой и повѣта Витебскаго, такъ и повѣта Мстиславскаго¹⁾, бывшаго частью воеводства Виленскаго. Представителями Подляшскихъ повѣтовъ на вальныхъ Литовско-Русскихъ сеймахъ ко времени реформы 1565—1566 годовъ были хоружіе и послы, точно такъ же, какъ и отъ остальныхъ земель Княжества; черезъ нихъ „zwykłem obyczajem“ передавали на сеймы свои просьбы повѣты Подляшья, какъ свидѣтельствуеть текстъ отвѣтовъ Сигизмунда Августа на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ²⁾. На тотъ же Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій повѣты представили просьбы о томъ, чтобы у нихъ отбывались сеймики по Коронному обычаю и чтобы къ нимъ въ повѣты господарскіе листы писались на латинскомъ или польскомъ языкахъ, такъ какъ русскаго языка они не понимаютъ. Отвѣтомъ Сигизмунда Августа было слѣдующее: все Великое Княжество Литовское раздѣлено на новые повѣты „dla sądow u innych przypadkow ziemskich“, въ этихъ повѣтахъ учреждены сеймики; сеймики будутъ всегда отбываться и въ Подляшскихъ повѣтахъ, но не иначе, какъ по разрѣшенію и распоряженію государя, притомъ въ то же самое время, когда они будутъ собираться и въ остальныхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ. По отношенію къ требованію латинскаго или польскаго языка великій князь высказался такъ: не на русскомъ языкѣ въ Подляшье пишутся изъ господарской канцеляріи лишь листы судебного содержанія, по вопросамъ же земскимъ листы по всѣмъ повѣтамъ Княжества пишутся по-русски, но государь распорядится, чтобы такіе листы посылались въ Подляшье и на польскомъ языкѣ³⁾. Но немного позднѣе, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, Сигизмундъ Августъ категорически отказалъ Подляшью въ его желаніи относительно языка господарскихъ листовъ. На просьбу Дорогицкаго повѣта, чтобы въ него „листы съ канцелярии его королевской милости латинскіе, або полскіе

1) А. З. Р. III. № 24.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 184.

3) „Wszakoz roskaze iego kro. msc., aby tez u polskim pismem takowe rzeczy czasem s kancelaryey do was odprawowano“. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 186.

выдаваны были, а не рускіе“, великій князь отвѣтилъ: „яко первой завжды, такъ и теперъ мають¹⁾ быти листы съ канцлерей его королевской милости писаные и выдаваны рускимъ писмомъ и языкомъ по всему панству его королевской милости Великому Князству Литовскому“²⁾. Самые отвѣты господаря, какъ и просьбы Подляшскихъ повѣтовъ, вошли въ акты Городенскаго сейма 1568 года на русскомъ языкѣ³⁾, а не на польскомъ, какъ это бывало раньше. Объяснить это строгое требованіе общаго государственнаго языка Великаго Княжества Литовскаго въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, конечно, нужно, съ одной стороны, ростомъ сознанія государственнаго единства Княжества, бывшимъ результатомъ конституціи II-го статута, и естественнымъ желаніемъ Литовско-Русскихъ становъ подчеркнуть это единство въ виду близости Уніи съ Польшею — съ другой⁴⁾.

По отношенію къ сбору серебщины Подляшье не выдѣлялось по сравненію съ остальными землями Великаго Княжества Литовскаго, какъ не выдѣлялось и по общей организаціи земской военной службы. Мы видѣли выше⁵⁾, что въ эпоху до реформъ 1565—1566 годовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ чрезвычайная серебщина собиралась со шляхты хоружими. Такой же способъ ея сбора существовалъ и на Подляшьѣ: ее собираетъ хоружій⁶⁾, а не повѣтовые поборцы, какъ это повелось въ годы послѣ реформы. Земская военная служба на Подляшьѣ также не выдѣляла его изъ ряда остальныхъ земель Литовско-Русскаго государства. Имѣя своего воеводу, Подляшье не образовало собою особой части земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, а входило въ составъ военнаго округа Троцкаго

1) Исправляемъ изъ „маеть“ изданія.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 492.

3) Ibidem. Стр. 491—493.

4) Въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія сознаніе государственнаго значенія русскаго языка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ видно и изъ того, что земскіе привилеи этого времени составлялись на рускомъ языкѣ исключительно. И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго. Журн. Мин. Нар. Пр. 1903. IV. Стр. 275—276.

5) Стр. 4.

6) Приложение № 11 къ Литовско-Русскому сейму М. К. Любавскаго.

воеводы¹⁾, въ то время какъ Жомойтъ и Волянъ образовали особые военные округа, отдѣльные отъ округовъ Виленскаго и Троцкаго воеводъ, — Жомойтъ становилась въ общемъ собраніи земскаго войска Княжества подъ начальствомъ своего старосты, Волянъ — подъ начальствомъ маршалка земли Волинской²⁾.

Итакъ, отличіемъ Подляшья отъ остальныхъ земель Литовско-Русскаго государства, признаннымъ привилеями, выданными ему великими князьями, были лишь организациія суда его повѣтовъ и Польское право, которымъ эти суды должны были руководиться. Но рядомъ съ этимъ юридически закрѣпленнымъ отличіемъ Подляшскіе повѣты имѣли и отличіе, которое должно быть признано болѣе глубокимъ, которое и вызвало утвержденіе въ немъ Польскаго права. Разумѣемъ бытовую укладъ Подляшья, явившійся результатомъ его предшествующей жизни и состава его шляхетнаго населенія. Бытовой укладъ жизни Подляшья несомнѣнно стоялъ гораздо ближе къ укладу Польскому, чѣмъ къ Литовскому и Русскому³⁾. Дѣленіе шляхты Дорогицкаго и Бѣльскаго повѣтовъ на парафіи⁴⁾ бросается въ глаза при просмотрѣ списковъ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго: его нѣтъ въ перечняхъ земскихъ воиновъ ни одной изъ остальныхъ Литовско-Русскихъ земель. Останавливаетъ на себѣ вниманіе и желаніе имѣть дѣло лишь съ латинскимъ или польскимъ языками въ листахъ господарскихъ и вообще въ документахъ, съ которыми приходится имѣть дѣло шляхтѣ Подляшскихъ

1) См. выше. стр. 31.

2) См. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстн. управленіе, стр. 211 и 855—856.

3) Сдѣланная Я. Ѳ. Головацкимъ попытка обрисовать бытъ Подляшской шляхты не можетъ быть признана удавшеюся, такъ какъ въ его брошюрѣ, посвященной изученію этого быта, въ дѣйствительности приведенъ матеріалъ, касающійся почти исключительно Городенскаго повѣта (№№ II—VI его выписокъ изъ актовыхъ книгъ Виленскаго Центральнаго Архива), т. е. территоріи такъ называемой Руси Литовской или Черной Руси. Къ Подляшью относится лишь одинъ изъ приведенныхъ въ этой брошюрѣ документовъ (№ I). Яковъ Головацкій. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Вильна 1888.

4) См. выше, стр. 10 и 32. Ср. „Попись“ 1567 года листы 378—674.

повѣтовъ: первый изъ этихъ языковъ былъ ей знакомъ, какъ языкъ католической церкви и судебныхъ документовъ¹⁾, второй былъ, очевидно, языкомъ, на которомъ она говорила. Были и другія особенности, бросающіяся въ глаза даже при простомъ просмотрѣ источниковъ, говорящихъ о Подляшьяхъ. Къ числу ихъ можетъ быть отнесено хотя бы настолько распространенное обращеніе Польской монеты, что Польскіе золотые считались болѣе обычною монетою Подляшья, чѣмъ Литовскіе гроши²⁾. Особое положеніе Подляшья въ составѣ земель Великаго Княжества Литовскаго ясно сознавалось и въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, когда, какъ мы видѣли выше, Литовско-Русскіе станы такъ старались отстаивать государственное единство Княжества. Въ речесѣ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ находимъ постановленіе о производствѣ новой помѣры въ Подляшской землѣ для болѣе правильнаго распредѣленія повинностей по зем-

1) См. Яковъ Головацкій, *op. cit.*, стр. 8 (выписка изъ книги Дорогичинскаго земскаго суда). Ср. Р. Ист. В. XX, ст. 900 (записной листъ, „писанный по-латинѣ“).

2) Такъ, въ записи одного суднаго дѣла, сдѣланной 22 февраля 1566 года, читаемъ слѣдующее. — „Панъ Рафаль, оказавши у права моцъ зуполную отъ малжонки своее Ганны Федоровны, черезъ уמוцованаго пріятели своего Якуба Кресинскаго поведиль, ижъ на тотъ позовъ отказывати не повиненъ, абовемъ не водлугъ обычаю въ немъ монета описана, ачъ золотые помениль, шесть сотъ золотыхъ полугрошковъ Литовское монеты, але не описаль у позве, естли черленые золотые, естли Польскіе, а Литовскихъ золотыхъ ни якихъ нетъ, и тые золотые якою личбою монеты личоны быти мають? Бо нышная личба черленымъ золотымъ, а нышная Польскимъ, о што они не ведають, яко отказовати. И просиль, абы ся на позве поправоваль а того доложылъ, якіе золотые, бо, чога на позве доложено не будетъ, на то сторона отказовати не повинъна. Отъ Тура прокураторъ его Андрей Романовскій поведиль: позовъ естъ узять подде листу описнаго; яко на листе черлеными золотыми не поменено, такъ тежъ и на позве писати мусяль; а ижъ то на Подляшью деелосе, пре то золотыми описано подылугъ звычайу тамошняго Подляшскаго“. Лит. Метр. $\frac{II}{51}$ л. л. 1—1 об. Весь документъ находится на л. л. 1—4 об. Его заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Справа Яна Туровича съ паномъ Рафаломъ Прокулемъ и малжонкою его Ганьюною о шесть сотъ золотыхъ оправы матки его Барбары, отъца его Курыла Тура на третей части именеи Литвиновскихъ записаное“. Ср. артикуль „о отпущенъе золотого военнаго Подляшаномъ“ въ ухваль Городенскаго сейма 1568 года (Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 475).

ской военной службѣ, такъ какъ „Подляшане тежъ ровно з Литвою войну служити мають“. Эта помѣра должна быть произведена не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ, а именно — „черезъ комисаровъ, з Литвы и съ Подляшья на то высланныхъ“¹⁾. То же особое положеніе Подляшья отмѣчается документами и не государственнаго значенія. Такъ, въ одной изъ записей Литовской Метрики, относящихся къ судебному дѣлу князя Петра Стефановича Збаражскаго съ панами Кишками о наслѣдствѣ послѣ пана Станислава Петровича Кишки, говорится объ имѣніяхъ въ Литвѣ, на Руси, на Волыни и на Подляшьяхъ²⁾. Выдѣленіе Подляшья изъ остальныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго отмѣчается и другими документами³⁾. Языкъ актовъ Литовско-Русскихъ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 452 (артикулъ 4).

2) „Лета Божьего Нароженья тисеча пятсотъ 69 м[е]с[е]ца ноябр[а] 8 дня. Г[о]с[по]д[а]рь король его милость и великій князь Жигимонтъ Августъ рачыль розказати до книгъ своихъ г[о]с[по]д[а]рьскихъ записати. Што которая справа межы тыми особами, з одное стороны — княземъ Петромъ Стефановичомъ Збаразскимъ, воеводичомъ Троцкимъ, з другое стороны — паномъ Николаемъ Петровичомъ Техановскимъ Кишкою, воеводою Подляшскимъ, старостою Дорогицкимъ, а крайчимъ Великаго Князства Литовскаго, паномъ Яномъ Кишкою и братомъ его милости паномъ Станиславомъ, Станиславовичи Кишчичи, воеводичи Витебскими, и сестрою ихъ паньною Ганьною — то есть о имениа Камень, Жобринь, Воротнево и данники на Руси Лукомъцы и о иншіе имениа, къ нимъ прислухаючіе, въ Литве, на Руси и на Волыни, и на Подляшю, и о доходы съ тыхъ именией, и тежъ о скарбы, чого князь Петръ Збаразскій на панехъ Кишкахъ доходить по пане Станиславе Петровичу Кишчичу, яко матерыны пана Станиславы, на него правомъ слушнымъ спалое, пно г[о]с[по]д[а]рь его милость“ Запись эта находится на л. л. 211—215 книги 51 Литовскихъ Судныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. Заголовокъ записи: „Зложенъ року на вырокъ князю Збаражскому съ паны Кишками о маетность по пану Станиславе Кише“. По дѣлу князя Збаражскаго и пановъ Кишекъ есть еще нѣсколько документовъ въ той же книгѣ.

3) Напримѣръ, „листъ умоцованый Андрию Мацкевичу на дохоженъе правомъ именией, отъ воеводы Полоцкого его к[о]р[о]левской м[ил]ости записаныхъ по малжонце его пани Петрунели Радивилловне“, отъ имени Сигизмунда Августа говоритъ такъ — „Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ кому бы то належало ведати. Што которое право и листы воевода Полоцкій, панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно отъ малжонки своее, небощцы панее Петрунели Радивилловны, на две части всихъ именией, у Великомъ Князстве Литовскомъ и на Подляшью лежачыхъ, въ певной суме пенезей, такъ же золото, серебро, клейноты и

даже времени послѣ Люблинской Уніи хорошо помнитъ главныя составныя части Великаго Княжества Литовскаго, независимо отъ официальнаго раздѣленія его на воеводства и повѣты, а по отношенію къ Подляшью это было тѣмъ естественнѣе, что оно выдѣлялось изъ состава земель Княжества уже извѣстными намъ особенностями своего внутренняго строя¹⁾.

Что же давало Подляшье Литовско-Русской шляхтѣ своимъ строемъ въ эпоху до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ? Это были несомнѣнно впечатлѣнія судебной организаціи, которая сводилась къ большей свободѣ Подляшской шляхты отъ пановъ Княжества. Общая подеудность панства и шляхетства одному и тому же шляхетскому суду была яркимъ выраженіемъ идеи равенства обѣихъ этихъ частей „народа“ государства. Середина XVI столѣтія была временемъ, когда шляхта Литовско-Русскаго государства совершенно опредѣленно стремилась къ превращенію въ такихъ же „пановъ“, какими былъ панскій классъ, стоявшій надъ нею. Она хочетъ такихъ же панскихъ правъ, она хочетъ и сліянія съ собою пановъ въ единый „народъ-шляхту“. Торжествомъ шляхетскаго движенія середины XVI столѣтія и были реформы шестидесятихъ годовъ этого вѣка. Въ годы этого движенія до реформы шляхта остальныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго встрѣчалась съ Подляшанами и на вальныхъ сеймахъ, и въ военныхъ сборахъ и походахъ. Этого мало, часть ея владѣла имѣніями на Подляшьѣ. Знакомство съ судебнымъ строемъ Подляшской земли распространялось все больше и больше среди Литовско-Русской шляхты, и общія впечат-

вси речи рухомые, ему певнымъ записомъ описаные, маеть, тогда съ певныхъ а слушныхъ прычинъ впродречоный воевода Полоцкій оные две части имейей Литовськихъ и Подлясьскихъ, такъ же золота, серебра и речей рухомыхъ, отъ вышей менованое малжонки его ему записаныхъ, намъ г[о]с[по]д[а]ру пустилъ а все право свое на насъ влилъ и то певными записы своими достаточне описаль“ Документъ находится на л. л. 176 об. — 177 книги 51 Литовскихъ Судныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. Дата его: Люблинь, 16 апрѣля 1569 года.

1) Такъ, долго еще сохранялось именованіе „землями“ воеводствъ Полоцкаго и другихъ, или староства Жомойтскаго (нпр., Вил. Арх. Сб. I, № 50; см. ниже, Приложенія, стр. 31, 72, 85 и др.).

лѣнія этого строя, естественно, запомнились ей: они падали на благоприятную почву стремленій шляхты Княжества къ уничтоженію исключительнаго положенія пановъ въ государствѣ. Вопросъ о томъ Польскомъ правѣ, которымъ руководились Подляшскіе суды въ своей дѣятельности несомнѣнно любопытенъ, и нужно желать, чтобы историки Польскаго права подвергли его детальному изученію на основаніи актовъ судовъ Подляшья. Но, конечно, не это уголовное или гражданское право въ его артикулахъ привлекало къ себѣ Литовско-Русскую шляхту, а общія очертанія большей независимости шляхтича отъ пана и одинаковой ихъ подсудности останавливали на себѣ ея вниманіе, страстно искавшее новыхъ основаній для того, чтобы добиться осуществленія стремленія къ торжеству шляхетской идеи. Шляхта Княжества добивается выборнаго шляхетскаго суда въ каждомъ хоружествѣ¹⁾ и осѣлыхъ шляхетскихъ возныхъ²⁾ по примѣру Подляшья — первый передастъ въ руки шляхетскаго суда судебную власть изъ рукъ вельможнаго пана, господарскаго намѣстника, а учрежденіе вторыхъ отниметъ у него право посылать на оффиціальныя освидѣтельствованія кривдъ, ранъ и т. п. своихъ слугъ, которымъ не довѣряетъ шляхта и пользованіе которыми намѣстникомъ слишкомъ ясно подчеркиваетъ болѣе панскій, чѣмъ государственный характеръ его суда и управленія. На перенесеніе артикуловъ гражданскаго и уголовного права Польши нѣтъ и намекъ въ просьбахъ Литовско-Русской шляхты къ ея господарю. Бѣльскій привилей 1564 года и реформы II-го статута дали шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго то, чего она добивалась по отношенію къ суду³⁾. Эти реформы давали шляхтѣ Княжества больше, чѣмъ до этого времени имѣли сами Подляшане⁴⁾. Получивъ то, чего добивалась, Литовско-Русская шляхта уже не могла смотрѣть

1) См. выше, стр. 23.

2) См. выше, стр. 22.

3) См. выше, стр. 55—56 и 107 и сл.

4) См. опредѣленіе значенія Бѣльскаго привилея 1564 года для Подляшья въ отвѣтъ Сигизмунда Августа на одну изъ просьбъ повѣтовъ Подляшья, представленныхъ ему на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ — Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 185—186 (artycul 4).

на Подляшье, какъ на землю, порядки которой она хочетъ перенести въ остальные земли Княжества. Конституція II-го статута, организовавъ Литовско-Русскую шляхту какъ „народъ“ государства, держащій въ своихъ рукахъ государственную власть вмѣстѣ съ панами-радою и господаремъ, вызвала и ростъ въ ней государственнаго сознанія. Теперь охрана единства и цѣлости Великаго Княжества Литовскаго стала задачею его народа-шляхты не менѣе, чѣмъ его пановъ-рады, и мы видѣли уже распространеніе государственнаго русскаго языка Княжества на Подляшье послѣ введенія конституціи 1566 года: Сигизмундъ Августъ, конечно, считался съ настроеніемъ Литовско-Русскихъ становъ этого времени. Переводя отдѣльныхъ шляхтичей послѣ новаго разграниченія повѣтовъ, созданныхъ реформою 1565—1566 годовъ, подъ Польское право, которымъ руководились Подляшскіе суды въ своей дѣятельности, тотъ же великій князь требуетъ, чтобы они судились Литовскимъ статутомъ въ дѣлахъ „господарскихъ“¹⁾. Господарь, та-

1) Вотъ образецъ господарскаго листа такого содержанія. — „Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій etc. Озваймуемъ тымъ листомъ нашимъ нынешнимъ и напотомъ будучимъ. Билъ намъ чоломъ землянинъ нашъ Богданъ Григоревичъ Старуновъ и поведилъ передъ нами, ижъ держитъ онъ именье набытое, купленое отъ некоторое шляхты замку нашего Бельскаго, у-въ обрубе певномъ на Гвозной лежачое; ино дей новымъ росписаньемъ поветовъ въ томъ паньстве нашомъ, Великомъ Князтве Литовскомъ, до суду земскаго въ поветъ Бельскій онъ съ тымъ именемъ своимъ на Гвозной не принять, зачпмъ, до суду замку нашего Бельскаго бываючи притягиванъ, трудность немалую въ томъ себе пріймуеть; а, ижъ бы онъ самъ и потомъкове его въ пришыле часы за притягиваньемъ его отъ враду замку нашего Бельскаго ку праву и присуду замку тамошнему трудности не мели и не пріймовали, билъ намъ чоломъ, абыхмо ласку нашу г[о]с[по]д[а]рскую учинили а тое именье его, въ томъ повете вышей мененомъ, у-въ обрубе на Гвозной лежачое, купномъ набытое, съ права, присуду, послушеньства и всякое повинности замку нашего Бельскаго вынемъши, подъ право Подляшское и присудъ городской и земскій до Бранска поддали и тымъ Подляшскимъ правомъ ему и потомъству его съ того именья судити и правовати ся позволили, якожъ и панъ Виленскій, гетманъ найвызшій Великаго Князтва Литовскаго, староста Городенскій и Могилевскій, панъ Григорей Алексанъдровичъ Ходъкевича насъ за нимъ о то жедалъ. А такъ мы, з ласки наше г[о]с[по]д[а]рское, на жеданье и причину его милости пана Виленскаго и на чоломъбитье его то учинили, тое именье его вышей мененое все, въ томъ обрубе на Гвозной,

кимъ образомъ, охраняеть себя и свои интересы отъ права Польскаго. Тутъ можно предполагать и личный интересъ господарскій, какъ руководящее начало требованія великаго князя, но онъ шелъ во всякомъ случаѣ рука объ руку съ тою тенденціею охраны государственнаго единства Великаго Княжества Литовскаго, которая отмѣчена нами. Такъ опасеніе ущерба всему государству отъ слишкомъ большого развитія особенностей Подляскаго строя, *mutatis mutandis*, перешло отъ пановъ-рады Княжества къ его господарю и его шляхетскимъ станамъ вообще наканунѣ оторванія Подляшья отъ Литовско-Русскаго „панства“ и присоединенія Подляскаго воеводства къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

съ права, присуду, послушенства и всякое повинности замку нашего Бельскаго вынемши и вызволивши, подъ право Подляское и присудъ городовый и земскій до Бранска вечно поддали и симъ листомъ нашимъ подъяемъ. И вже отъ сего часу онъ самъ и потомки его съ того имения своего, въ томъ вышей мененомъ обрубе на Гвозной лежа- чого, не передъ владомъ нашимъ замковымъ Бельскимъ, але передъ владомъ городовымъ и земскимъ Бранскимъ до права становитися и правомъ Подляшскимъ судитися мають вечными часы; веде въ речахъ нашихъ г[о]с[по]д[а]рскихъ онъ и потомкове его не иначе, одно статутомъ и правомъ Великаго Князтва Литовскаго передъ владомъ нашимъ замковымъ Бельскимъ судитися будуть повинныи. А про то, пану Троцкому, старосте Бельскому, пану Юрью Александровичу Ходкевича и нанотомъ будучимъ старостамъ нашимъ Бельскимъ и подстаростимъ ихъ тамошнимъ Бельскимъ о томъ ведомость даючи, приказуемъ, абы того землянина нашего Богдана Григорьевича Старунова и потомковъ его съ того вышей писаного имения его, на Гвозной лежа- чого, въ присудъ свой замковый Бельскій не притягивали и никоторое трудности ему самому и потомкомъ его не задавали, але во всемъ напротивъ его водле сего листу нашего заховали, иначе того не чинечи. И на то есмо дали тому земенину нашему Богдану Григоревичу Старунову сесь нашъ листъ, подписавши его рукою нашою г[о]с[по]д[а]рскою, до которого на твердость того и печать нашу привесити казали“. Дата листа: Кнышпнъ, 14 августа 1568 года. Листъ имѣеть „подписъ руки г[о]с[по]д[а]рское“. Лит. Метр. $\frac{1}{49}$ л. л. 22 об. — 23. („Привилей Богдану Старунову, выимуучи его зъ вынемъ его на Гвозной отъ присуду Бельскаго, и прилучене до повету Бранскаго“).

Глава III.

Шляхта Литовско-Русскихъ повѣтовъ.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и тотъ общественный классъ, который обращался въ повѣтовыхъ обывателей по-реформенныхъ повѣтовъ. Тяглая и военная служба господарскихъ подданныхъ, въ общемъ значеніи этого выраженія, въ до-реформенное время. Группы населенія, служившія въ эту эпоху военную земскую службу: слуги замковые, путные, панцырные, доспѣшные, щитные и конные, бояре и земляне. Шляхетство въ до-реформенное время. Панскіе бояре и земляне въ ту же эпоху. Повѣтовое шляхетство послѣ реформы 1565—1566 годовъ. Основанія для признанія шляхтичемъ. Шляхетская осѣлость въ повѣтѣ. Осѣлость въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно. „Спольныя“ имѣнія. Сыновья при родителяхъ. Мобилизація шляхетскаго землевладѣнія и имѣнія, не подлежащія отчужденію. Шляхта „убогая“. Шляхта „неосѣлая“. Шляхта, служащая панамъ. Шляхта „спадковая“. Татары-шляхта. Конные мѣщане въ ихъ повѣтовыхъ правахъ. Общій взглядъ на повѣтовую шляхту эпохи послѣ реформы 1565—1566 годовъ.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и II статуть, какъ кодексъ, ее закрѣпившій, раздѣлили шляхту Великаго Княжества Литовскаго на повѣтовыя шляхетскія корпораціи. „Народъ-шляхта“ былъ организованъ въ повѣты, образовавъ единицы военнаго дѣленія, суда, администраціи и сеймикования. По повѣтамъ онъ осуществлялъ свои шляхетскія права и несъ свои государственныя обязанности. Но реформа 1565—1566 годовъ не была въ силахъ вполне выдержать ту идею, которая лежала въ ея основѣ. Эта идея, которой нельзя отказать въ стройности, можетъ быть формулирована какъ „уроженое шляхетство“ и „повѣтовая осѣлость“ для „повѣтниковъ“. Эти два принципа легли въ основу признанія лица членомъ шляхетскаго повѣта. Они одни должны давать шляхтичу повѣтовыя шляхетскія права, они одни должны налагать на него повѣтовыя шляхетскія

обязанности, они одни организуютъ шляхту Княжества въ повѣтовые корпораціи. Но идея проводилась черезъ реальныя условія того соціального строя, который существовалъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ ко времени реформы и который слагался постепенно подъ вліяніемъ его предшествующей исторіи. Реформа должна была брать шляхту такую, какою она была въ дѣйствительности въ моментъ утвержденія новаго повѣтоваго строя, и постараться организовать ее на основѣ своей идеи. А это дѣйствительное положеніе шляхты имѣло въ себѣ много такого, что нелегко укладывалось въ тѣ рамки, которыя ставила для повѣтоваго шляхетства реформа. Къ шестидесятымъ годамъ XVI столѣтія шляхта Великаго Княжества Литовскаго не успѣла еще ни вполне обособиться отъ другихъ классовъ населенія, ни вполне сплотиться внутри себя. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ и по отношенію къ ряду отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ слагалась Литовско-Русская шляхта, реформа и дѣйствительность столкнулись, и въ отдѣльныхъ случаяхъ должны были пострадать или стройность повѣтовой идеи, или интересы группъ населенія, которыя до реформы болѣе или менѣе сближались со шляхтою. Посмотримъ же на то, что представляла собою Литовско-Русская шляхта къ срединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка и насколько она успѣла дифференцироваться отъ другихъ классовъ населенія.

Господарскіе подданные, какъ совокупность населенія господарскихъ земель, издавна дѣлились на двѣ основныя группы, которыя различались по службѣ, отправляемой ими на господаря. Эта служба могла быть или тяглою, или военной. Первая была несеніемъ „повинностей тяглыхъ мужицкихъ“, вторая — боярскою службою войны. Источники очень отчетливо сохранили это основное раздѣленіе господарскихъ подданныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1543 году къ Городецкому старостѣ Ивану Михайловичу¹⁾ явился землянинъ королевы и великой княгини Боны, „именемъ Тимохоей Барановичъ“, съ такою жалобой: подстароста Михайловича „въ подводы его женеть и въ повинности

1) Староста Пинскій, Кобринскій, Клецкій, Городецкій, Рогачевскій, державца Селецкій.

тяглые его втягиваетъ, которыхъ деи и отецъ мой ку замку Городецкому не служывалъ, и тыхъ повинностей тяглыхъ мужыцкихъ николи еси не полнивалъ и зъ листы не бжчывалъ, кромъ службы посполъ съ бояры Городецкими, яко и инные земляне служатъ, служывалъ, няжли, яко Татарове въ Городку были, листы побрали“. Иванъ Михайловичъ, „хотечы того добре вѣдати, если же онъ есть боярынъ, або ни“, посмотрѣлъ въ книгахъ, „которые, бздечы, полнисывалъ по всей земли Великого Князства Литовского“ дворянинъ Боны, панъ Кирдей, „а въ тыхъ книгахъ нашолъ, ижъ есть написано: службы инкаторое ку замку тяглое служыти, кромъ съ бояры на войну бздити“. Послѣ этой справки Иванъ Михайловичъ постановилъ: „а такъ я, разумѣючи, ижъ онъ у книгахъ боярыномъ написанъ, zostавилъ еси его пры томъ стародавномъ звычаю — не маеть онъ [въ] подводы и съ листы и ни на которые повинности службы тяглые бздити, лечъ съ бояры Городецкими посполъ на войну бздити мають, колы господарь король часу прышлого противъ неприятелю бхати роскажетъ“¹⁾.

Вотъ другой примѣръ. Въ одномъ изъ актовъ Литовской Метрики, находящемся между записями 1516 года, встрѣчаемъ такія слова нѣсколькихъ бояръ господарскихъ: „мы службу служимъ земскую, какъ и инши бояре, а они намъ велятъ дякла давати и въ подводы ходити, вернуть насъ у тяглую службу, а мы здавна, за предковъ нашихъ, тяглое службы не служивали, нежли земскую службу служимъ, какъ и инши бояре“²⁾. То же самое раздѣленіе службы господарю на военную земскую и тяглую услышимъ и изъ устъ мѣщанъ и господарскихъ подданныхъ. 26 мая 1520 года, во время разбора дѣла о повинностяхъ Эдитовскихъ мѣщанъ, послѣдніе, со своимъ войтомъ во главѣ, заявили: „тяглое службы“ со Эдитовскою волостью „не служивали, няжли служимъ конемъ на войну...“³⁾, а 12 марта 1522 года нѣсколько Слонимскихъ господарскихъ людей представили листъ великаго князя, „ижъ имъ посполъ зъ волостью инкаторое службы тяглое не надобе

1) Ревизія пущь . . . Стр. 338.

2) Р. Ист. Б. XX. Ст. 349.

3) Ibidem. Ст. 1453.

служити, сена косити, въ ловы и на толоку ходити и серебрящизны давати, только мають на войну конемъ служити“¹⁾).

Присматриваясь къ подданнымъ Литовско-Русскаго господаря, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ основныя группы. Одна группа тянеть различныя „потягли“ на господаря, другая несеть на него военную службу. Но это раздѣленіе не представляется настолько выдержаннымъ и яснымъ, чтобы не было ряда переходныхъ, промежуточныхъ группъ, стоявшихъ между чисто тяглымъ и чисто военнымъ классами господарскихъ подданныхъ въ общемъ значеніи этого выраженія. До-реформенный социальный строй Великаго Княжества Литовскаго, въ своихъ общихъ очертаніяхъ, довольно ясно обрисовывается уже въ настоящее время въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ его изученію²⁾. Это изученіе успѣло собрать обширный матеріалъ, значительно его систематизировать и опредѣлить общій характеръ социальнаго строя Литовско-Русскаго государства. Задачею дальнѣйшаго изученія этого строя, на нашъ взглядъ, въ настоящее время является уже изслѣдованіе его не какъ общихъ явленій въ цѣльной картинѣ Великаго Княжества Литовскаго и его общественныхъ классовъ, а какъ явленій

1) Ibidem. Ст. 1553.

2) Литература по исторіи Литовско-Русскихъ бояръ, слугъ и крестьянъ, въ главной своей части, сведена въ трудахъ М. С. Грушевскаго (Исторія України-Руси. Том V. Примітки), М. В. Довнаръ-Запольскаго (Государственное хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, стр. 586—589 и Очерки по организаціи Западно-Русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ, стр. 1—9) и Ѳ. И. Леонтовича (Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Журн. Мин. Юстиціи 1907, V, стр. 222, прим. 1). Къ указаніямъ этихъ трудовъ нужно добавитъ Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, и Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ Архива Юго-Западной Россіи. Кромѣ того о сословномъ строѣ Литовско-Русскаго государства говорятъ и общіе труды по исторіи Россіи (особенно К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайскаго). Сверхъ того могутъ быть указаны старыя работы, нпр., И. Порай-Кошица (Историческій рассказъ о Литовскомъ дворянствѣ. СПб. 1858), И. Д. Бѣляева (Разказы изъ Русской Исторіи, IV. М. 1872), М. О. Безъ-Корниловича (Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся. СПб. 1855. См. стр. 257—259 — „Бояре Панцырные, Путные и Служки“) и отдѣльныя статьи въ Памятныхъ Книжкахъ губерній Западнаго края.

жизни и строя отдѣльныхъ земель, составившихъ Литовско-Русское государство. И способъ образованія этого государства, и строй его съ сохраненіемъ мѣстной старинны и мѣстныхъ особенностей требуютъ вниманія къ изученію явленій мѣстной организаціи. Въ настоящее время задачей изученія внутренняго строя Литовско-Русскаго государства въ до-реформенную эпоху уже можетъ быть поставлено изслѣдованіе этого мѣстнаго строя, какъ модификаціи тѣхъ общихъ очертаній, которыя добыты уже изслѣдованіемъ до настоящаго времени. Само собою разумѣется, что мы не можемъ ставить себѣ подобной задачи въ настоящемъ короткомъ очеркѣ, котораго цѣлью является лишь указаніе тѣхъ группъ Литовско-Русскаго населенія до-реформенной эпохи, которыя сближались въ военной службѣ съ классомъ, ставшимъ повѣтовою шляхтою въ эпоху послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Этого мало. Намѣчая лишь въ самыхъ общихъ чертахъ отдѣльныя группы населенія, служившія военную службу, которую служила и шляхта, мы не ставимъ своею задачею исчерпывающую характеристику этихъ группъ. Наша задача гораздо скромнѣе. Она состоитъ въ указаніи лишь тѣхъ сторонъ въ положеніи этихъ группъ населенія, которыя сближаютъ ихъ со шляхтою и отъ нея отдѣляютъ, несмотря на это сближеніе. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній и обратимся къ обзору тѣхъ группъ населенія, которыя въ до-реформенную эпоху сближались съ Литовско-Русскою шляхтою этого времени.

Военная земская служба, ставшая въ послѣдствіи основой для привилегированнаго положенія служившей ей шляхты, въ болѣе раннее время сливала боярство-шляхту съ группами населенія, стоявшими ниже его на ступеняхъ соціальной лѣстницы Литовско-Русскаго государства, да и потомъ требовала особыхъ мѣръ для искусственнаго раздѣленія ихъ. Источники знаютъ хорошо переходъ простыхъ крестьянъ-подданныхъ съ тяглою на военную службу. 3 февраля 1496 года великій князь Александръ далъ Троцкимъ людямъ, Миколою Яновичу, Миколою Медкеиновичу и Націю Ромейковичу съ братією, грамоту, оставляющую ихъ при военной службѣ съ освобожденіемъ отъ потяглей¹⁾. Изъ

1) Акты Литовско-Русскаго государства. I. Стр. 65—66.

этой грамоты узнаемъ, что дѣдъ этихъ людей, Яновичъ, служилъ великому князю Витовту, и послѣдній „за его службу вызволилъ того Яновича со всехъ службъ и потяглей и дачокъ и листъ дей былъ ему на то свой далъ“. Затѣмъ потомковъ Яновича другіе Троцкіе люди стали „прискивати“ въ службу съ ними и къ уплатѣ поборовъ. Смотрѣвшій это дѣло Троцкій воевода, панъ Иванъ Монивидъ, „досмотрель и доведаль ся, штожь великій князь Витовтъ того деда ихъ Яновича за его службу вызволилъ“ отъ потяглей и дачекъ, „нижли дей казалъ ему служити доспехомъ а конемъ“. Попытка Троцкаго городничія, пана Стрета, требовать съ нихъ дякла вызвала новое разсмотрѣніе ихъ правъ Троцкимъ воеводою, наномъ Петромъ Яновичемъ. Наконецъ, подтвержденіе своихъ правъ эти потомки Яновича испросили у великаго князя Александра, который и далъ его имъ: „нехай они служатъ“ господарю „доспехомъ и конемъ, а потяглей и дачокъ не надобе имъ некоторыхъ знати, подлугъ того, какъ великій князь Витовтъ вызволилъ деда ихъ Яновича“.

Такой переводъ крестьянъ на службу конемъ и доспехомъ совершался и позднѣе. Вотъ примѣръ, относящійся къ XVI столѣтію. Королева и великая княгиня Бона въ одномъ изъ листовъ, выданныхъ ею въ 1526 году ¹⁾, говоритъ, что ей билъ челомъ Лукьянъ Полюховичъ Дмитровичъ со своею братією „рожоною“ ²⁾ о томъ, чтобы „ихъ отъ службы тяглое отпустили и казали имъ службою военною часу войны“ великой княгинѣ „служити“. За нихъ ходатайствовалъ передъ Бонаю и ея писарь, староста Пинскій и Клецкій, панъ Иванъ Михайловичъ, „повѣдаючи“ ей „вѣрныя послуги того Полюха, такъ у стереженью границъ“ ея „отъ князя Чорторыскаго, такъ тежь и во иныхъ многихъ речахъ“. Въ виду всего этого Бона постановила: „на его чоломбитье то есмо вчинили и службы тяглое ихъ есмо вызволили и казали есмо имъ намъ службою военною, часу войны, зъ ихъ отчизны посполъ зъ иными бояры нашими Пинскими, межы которыхъ ихъ на боярство полнчаемъ, якъ на то служить; а службы тяглое имъ не знати, а ни поплатовъ платити“.

1) Ревизія пущь. . . . Стр. 285—286.

2) Богданъ, Грынецъ, Малець, Степанъ и Сенець.

Такъ просто совершился переводъ тяглыхъ людей въ ряды боярства. Въ пятидесятыхъ годахъ XVI столѣтія Полюховичи уже именуются землянами Пинскаго повѣта¹⁾. Ни о какомъ „пасованьѣ“, пожалованіи герба или принятіи въ гербъ Польскою шляхтою нѣтъ и рѣчи въ документахъ подобнаго содержанія, а между тѣмъ всѣ эти потомки тяглыхъ людей вступили позднѣе въ ряды шляхты, боярства и землянства. Близость боярства и тяглыхъ людей въ сознаніи общества того времени иллюстрируется и браками между боярскими семьями и семьями простыхъ подданныхъ²⁾. Всѣ служатъ службу государю — одни тяглую, другіе военную; тяглые также могутъ быть переведены на военную службу, хотя это и увеличить тяжесть тягла для ихъ товарищей, которые поэтому иногда и стараются вернуть къ себѣ обратно своихъ прежнихъ „попечниковъ“, отошедшихъ отъ нихъ черезъ этотъ переводъ³⁾.

Между боярствомъ и тяглыми стоитъ группа населенія, носившая названіе „слугъ“. Это названіе имѣло широкое примѣненіе, и подъ нимъ объединялись люди весьма различнаго общественнаго положенія. Слугами государя великаго князя источники называютъ и князей⁴⁾, и пановъ⁵⁾, и бояръ-шляхту, и мѣщанъ, и жидовъ-мытниковъ, и т. д.⁶⁾. Составъ слугъ удѣльныхъ князей также очень разнообразенъ⁷⁾. Извѣстны источникамъ и слуги вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, также разнообразнаго состава⁸⁾. Но въ рядахъ „слугъ“ наше вниманіе должны обратить на себя лишь тѣ слуги, обязанностью которыхъ была военная служба. Такіе слуги были и въ частныхъ имѣніяхъ, но еще больше ихъ было на государскихъ земляхъ, въ различныхъ державкахъ и старостахъ. Къ этимъ государскимъ слугамъ военнаго назначенія и постараемся присмотрѣться поближе.

Государскіе слуги военнаго назначенія распадаются

1) Ревизія пущъ. . . . Стр. 285.

2) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 443.

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 632—633.

4) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр. 256.

5) Нпр., Ревизія пущъ . . . , стр. 327.

6) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 406—408.

7) Нпр., Ревизія пущъ . . . , стр. 112, 114, 342 и др.

8) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 9, 36, 72, 1238, 1241, 1455, 1539.

на слѣдующія группы: 1) слуги замковые, 2) путные и 3) панцырные, щитные, dospѣшные, конные. Всѣ они имѣютъ земли на службѣ того или другого изъ указанныхъ видовъ. Бона въ одной изъ своихъ грамотъ 1551 года такъ говоритъ о Васильковской землѣ въ селѣ Купятычахъ: „которую передъ тымъ слуга нашъ замковый, небожчыкъ Бортромей на службѣ стрѣлецкой держалъ“¹⁾. Слуги при господарскихъ замкахъ хорошо извѣстны описаніямъ послѣднихъ²⁾. Иногда при замкахъ называются ихъ описаніями и слуги путные и панцырные. Перечень такихъ слугъ встрѣчаемъ, напримеръ, въ описаніи Полоцка, совершенномъ въ 1552 году³⁾. Оба эти разряда слугъ Полоцкаго замка ставятъ коней „ку службе земской“ и сверхъ того несутъ различныя повинности, даютъ подводы и стаціи, рубятъ городъ, „справуютъ“ станы, платятъ бобровщину, вносятъ на сторожу, на воеводу и т. д., въ различныхъ размѣрахъ и въ различныхъ соединеніяхъ этихъ повинностей и платовъ. Живутъ они селами различной величины, иногда въ нѣсколько десятковъ слугъ. Нѣкоторые слуги имѣютъ своихъ „людей“, съ которыхъ получаютъ обычный доходъ землевладѣльца⁴⁾. Въ числѣ панцырныхъ слугъ Полоцкихъ есть нѣсколько человекъ, освобожденныхъ великимъ княземъ Александромъ отъ путной службы съ переводомъ ихъ на службу панцырную⁵⁾.

Обязанность слугъ путныхъ — „путь“ или „дорога“. Въ актѣ разбора дѣла двухъ Негневицкихъ слугъ путныхъ въ 1514 году (на нихъ жаловался Сигизмунду Старому господарскій писарь Святоша и Вколовичи) приведено содержаніе листа великаго князя Александра съ такимъ рѣшеніемъ: „мають они сами и съ своими дядками и зъ ихъ братьею, и съ своимъ плѣмѣнемъ служити службою путною и на дорогу съ ними ходити, и сено косити, и дякла давати, и на толоку ходити, подлугъ давного обычая; нежли только не мають съ топоромъ къ двору на роботу ходити“⁶⁾. Эти Негневичане были пожалованы великимъ княземъ Святошѣ и Вко-

1) Ревизія пущь . . . Стр. 220.

2) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 166—169.

3) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 45—55.

4) Нпр., *ibidem*, стр. 46.

5) *Ibidem*. Стр. 45.

6) Р. Ист. Б. XX. Ст. 92.

ловичамъ съ половиною двора Негневичъ 1). Служба „пути“ или „дороги“ состояла въ исполненіи разныхъ порученій по доставкѣ листовъ, перевозкѣ денегъ и т. д. 2). Путные слуги господарскіе должны были составлять охрану тѣхъ дворянъ и должностныхъ лицъ, которые исполняли эти порученія. Отсюда ясно, что путные слуги должны были быть людьми вооруженными. Въ одномъ судебномъ актѣ 1509 года приведены такія слова Панышевичей, людей Бездѣдовскаго стана Полоцкаго повѣта: „мы дей меншчане Полоцкіи, а земли подъ собою маемъ купъчин, а съ того служимъ путною службою, въ панъцирехъ“ 3).

Совершенно понятно привлеченіе путныхъ слугъ и къ земской военной службѣ — у нихъ имѣются кони и вооруженіе, и они могутъ стать въ ряды земскаго войска, о пополненіи которыхъ такъ печется центральная власть Литовско-Русскаго государства. Господарскіе слуги путные распредѣлялись по замкамъ и дворамъ господарскимъ, обслуживая нужды опредѣленныхъ округовъ управленія. Но по тѣмъ же округамъ, какъ хоружествамъ, дѣлилось и земское войско Княжества, и земская военная служба, въ силу ея первенствующаго значенія для государства въ тяжелый своиими войнами XVI вѣкѣ, начинаетъ перевѣшивать службу путную въ оцѣнкѣ значенія путныхъ слугъ для государства. Характерной иллюстраціей этого можетъ служить заключенный 2 мая 1527 года договоръ Полоцкаго воеводы и Дорогичинскаго старосты, пана Петра Станиславовича Кишки съ господарскими людьми путными Сорочинцами, „которые здавна хоживали на войну двема коньми на службу господарскую“ 4). Панъ Кишка „поднялъ ся за нихъ два кони ставити збройне на службу господарскую, на войну, а тые Сорочинцы подняли ся“ ему „за то служити — на толоку ходити до двора“ его. Это должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока панъ Кишка держитъ Дорогичинь. Когда онъ съѣдетъ съ Дорогичина, Сорочинцы „мають сами службу господарскую военную заслу-

1) Ср. *ibidem*, ст. 994.

2) Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстн. управленіе, стр. 348 и И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 448 (путные слуги землевладѣльцевъ).

3) Р. Ист. Б. XX. Ст. 618.

4) Акты Литовско-Русскаго государства. I. Стр. 205.

говати“ и не будутъ уже служить пану Кишкѣ. Въ этомъ договорѣ нѣтъ ни слова о путной службѣ, которой можетъ мѣшать отбываніе толокъ на дворѣ пана Кишки; лишь служба земская военная фигурируетъ въ немъ — съ одной стороны, снятіе ея съ Сорочинцевъ является платою имъ за ихъ трудъ отъ лица, которому они будутъ служить; съ другой стороны, государство получало гарантію въ отсутствіи для него ущерба отъ частной службы путныхъ слугъ, эту службу на себя принявшихъ.

Какъ мы видѣли выше, путные слуги иногда имѣли своихъ людей. Поэтому мы ихъ можемъ встрѣтить и въ универсалахъ о сборѣ серебщины, которая наложена на господарскихъ и частно-владѣльческихъ подданныхъ. Въ такихъ универсалахъ слуги путные стоятъ рядомъ съ князьями, панамъ и боярами¹⁾. Но своимъ положеніемъ они очень отличаются отъ шляхты. Такъ, давая въ 1551 году различныя права и преимущества Мстиславскимъ и Радомскимъ князьямъ, панамъ и шляхтѣ, Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ прибавляетъ, что этимъ будутъ пользоваться жалуемые „кроме слугъ путныхъ, которые особливую повинность къ службамъ нашимъ мають“²⁾. Путная служба соединена съ дякломъ и исполненіемъ повинностей, которыя несутся и тяглыми людьми, хотя часть платовъ и повинностей тяглыхъ людей съ путныхъ и сложена. Въ одномъ документѣ 1496 года о Перелайскихъ путныхъ слугахъ отъ имени великаго князя говорится такъ: „а они деи передъ тымъ тою службою не служивали и мезлевого не даивали, и сена не воживали, ниязли деи служить намъ службою путною и въ заставу ходять и дякло дають“³⁾. Эти повинности отличаютъ слугъ путныхъ отъ бояръ. Но, несмотря на это, несеніе земской военной службы настолько сближаетъ ихъ съ послѣдними, что рядомъ съ названіемъ „слуги путные“ они усваиваютъ и названіе „бояре путные“.

Устава на волоки, данная въ 1557 году, говоритъ отъ имени господаря: „бояре путные, стародавние, а не въкупные, хочемъ мѣти, абы были на двухъ волокахъ постановлены,

1) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 186.

2) А. Ю. и З. Р. I. № 124.

3) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 70.

съ которыхъ бы за вси повинности, пѣнязми ошачовавши водлѣ кгрунту, яко люди осадные платили, а на службу тяглую и въ подводы ходити не повинни; а коли зъ розказанья нашего на дорогу поѣдутъ, того году ничего платити не мають, а безъ воли и розказанья нашего вряду нашему ихъ на дорогу и нигдѣ не посылати; а будучи на дорозѣ, служити имъ по старому; навязка имъ, яко и передь тымъ, водлѣ статуту. Служокъ съ такихъ же боярь ревизоры обирати и не болпшъ, только съ потребу, при каждомъ замку и дворѣ нашомъ zostавити мають; которыхъ служба будетъ ѣздити зъ листы нашими до дворовъ, тому вряду прилеглыхъ, и съ пѣнязми платовъ нашихъ до Вильни, до скарбу, и за кривдами подданныхъ колеею зъ розказанья вядового ѣздити; а за то имъ на одинъ конь двѣ волоки вольныхъ отъ всихъ платовъ мѣти, и на потребу вряду ѣздити не повинни¹⁾. Передь нами разборъ путныхъ слугъ, которыхъ число къ срединѣ XVI столѣтїя было очень значительно. Одни изъ нихъ были признаны „боярами“, и служба имъ должна предписываться лишь господаремъ, а не мѣстными урядами. Эти путные бояре платятъ со своей земли денежную подать, но свободны отъ натуральныхъ повинностей. Въ случаѣ призыва господаремъ на путную службу, подать ими уже не вносится за тотъ годъ, въ которомъ они исполняютъ эту службу. Съ другой стороны, изъ состава путныхъ слугъ выдѣляются служки для постоянной службы. Они надѣляются землею, въ размѣрѣ двухъ волокъ, свободныхъ ото всѣхъ платовъ, и съ этихъ двухъ волокъ несутъ службу на одномъ конѣ. Реформа 1557 года вносила, такимъ образомъ, слѣдующее въ устройство господарскихъ слугъ путныхъ: 1) она освобождала всѣхъ ихъ отъ натуральныхъ повинностей и 2) раздѣляла ихъ на двѣ группы — меньшую, служекъ, и большую, боярь, изъ которыхъ вторая, естественно, должна была имѣть тенденцію къ большому или меньшему тяготѣнїю къ остальному боярству.

Отъ путныхъ слугъ обратимся къ слугамъ панцирнымъ, щитнымъ, доспѣшнымъ и коннымъ. Всѣ эти названїя обозначали одну и ту же группу слугъ, которая служила конно и збройно военную службу. Въ однихъ мѣстностяхъ они

1) А. З. Р. III. № 19. I, 1.

носили преимущественно одни изъ этихъ названій, въ другихъ — другія ¹⁾, но самая служба была одна и та же. Это ясно указываютъ акты. Въ одномъ изъ листовъ Сигизмунда I-го, данномъ въ 1511 году, удовлетворяется просьба Городенскаго соляника Станка Юевича съ тремя его сыновьями о переводѣ ихъ на панцырную службу и отдается такой приказъ Городенскому старостѣ: „твоя бы милость вже тое соли на нихъ брати не велель — нехай они служатъ намъ панцерною службою, на войну ходять по тому, какъ и инши слуги наши панцерныи посполъ з бояры намъ служить“ ²⁾. Служба доспѣшная — то же самое, что и служба панцырная. Въ 1497 году великому князю Александру били челомъ люди Дубровенскаго пути Золотовляне, Гридко Мартиновичъ и Жданецъ Антоновичъ съ братією, на Сенька Тереховича ³⁾, что онъ неправильно считаетъ ихъ своими людьми, выпросивъ ихъ у господаря „за мало“. Сенько объяснилъ, что эти люди живутъ въ сельцѣ Золотовичахъ, полученномъ имъ отъ великаго князя, „а служба съ того сельца идетъ одна панцырная“. Послѣ провѣрки дѣла на мѣстѣ посланнымъ отъ Александра дворяниномъ Бокеемъ, великій князь постановилъ рѣшеніе въ пользу Тереховича: „нехай онъ тое сельцо держить, а намъ съ того службу доспешную служить; а тымъ людъцемъ, Гридъку Мартиновичу а Жданцу Анѣтоновичу и ихъ братыи, казали есмо“ Тереховичу „служити“ ⁴⁾.

Слуги щитные до такой степени сливаются со слугами панцырными, что встрѣчаемъ даже ихъ общіе списки, какъ слугъ щитныхъ и панцырныхъ вмѣстѣ. Такъ, въ реестрѣ Смоленскихъ князей, бояръ и слугъ, сохранившемся въ Литовской Метрицѣ между записями конца XV столѣтія ⁵⁾, встрѣчаемъ, напримѣръ, не только „слугъ паньсырныхъ и щитныхъ Опацькихъ“ ⁶⁾, но и подъ заголовкомъ „Юревъ-

1) Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстн. упр., стр. 352—355.

2) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 149.

3) Писарь воеводы Виленскаго и канцлера, пана Миколая Радзивила.

4) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 159—161. Тотъ же документъ изданъ М. В. Довнаръ-Запольскимъ — Акты Л.-Р. государства, I, № 47.

5) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 477—508.

6) Ibidem. Ст. 507.

ского путя слуги панъсырныи“ находимъ вмѣстѣ и панцырныхъ, и щитныхъ слугъ, переписанныхъ въ перемежку¹⁾. Одинъ и тотъ же видъ службы влекъ за собою и общіе списки слугъ, эту службу служившихъ.

Служба конная также была службою вооруженнаго челоуѣка. Въ одномъ листѣ королевы и великой княгини Бона отъ 30 іюля 1554 года читаемъ: „мають тые слуги наши верхунисаныи, сами, жоны, дѣти и потомки ихъ тое дворище Лахвицкое въ селѣ Плотницы со всѣмъ на все, яке въ собѣ и въ границахъ и обыходѣхъ своихъ съ стародавна маеть и яко до сего часу ужывали и держали, со всѣмъ по тому, яко въ листѣ небошика пана Ивана Михайловича описано есть, держати и его вжывати, а съ того службу военную сбройно мають служыти, гдѣ потреба вказываетъ, будутъ по тому, якъ иншіе слуги наши тамошные служатъ, яко писано есть въ листѣ небошика пана Ивана Михайловича“. Этотъ Иванъ Михайловичъ былъ старостою Пинскимъ, Кобринскимъ и Клецкимъ, и его листъ, на который ссылается Бона, говорить о передачѣ имъ предку этихъ слугъ пустого дворища Лаховицкаго въ Пинской волости „на конной службѣ“²⁾.

Источниками состоянія военно-служилыхъ слугъ были: 1) рожденіе, 2) принятіе на службу. Въ спискахъ военно-служилыхъ слугъ постоянно встрѣчаемъ сыновей, стоящихъ рядомъ съ отцами. Такъ, въ списокѣ Смоленскихъ военно-служилыхъ слугъ, сохранившемся въ записяхъ Литовской Метрики между актами конца XV столѣтія, встрѣчаемъ рядъ сыновей, находящихся или „у разделе“ и „у поделе“, или „не у поделе“ со своими отцами³⁾. Что касается до второго источника изучаемаго состоянія, то принятымъ въ число слугъ могъ быть всякій вольный челоуѣкъ. Въ одномъ судномъ актѣ начала XVI столѣтія слуги Гриньковичей (Нарушъ съ сыномъ) заявляютъ, „штожь дей они ихъ верънуть въ неволю, а предки дей ихъ люди вольныи, прихожыи съ Крева; и коли дей они именьи своими делилися, мы дей имъ то припомнили, ижъ мы люди вольныи, абы

1) Ibidem. Ст. 491—493.

2) Ревизія пущь . . . Стр. 301—302.

3) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 488 и сл.

се нами не делили; а братья и дяди наши и тыми деі разы служать у Крєве посполу зъ бояры панцирною служъбою“¹⁾. Въ другомъ документѣ, датированномъ 1554-мъ годомъ, читаемъ заявленіе двухъ Пинскихъ слугъ (Василь Янковичъ и Ѳедко Рутцевичъ) о томъ, что староста Пинскій „далъ предку ихъ, человѣку вольному, прихожому съ Кієва, дворыще пустое . . . на конной службѣ держати, ихъ вызволивши отъ службы колейницкой, которую они передъ тымъ на замокъ Пинскій служывали, а старыи колеса только оправляли“²⁾. На военную службу переводились нерѣдко и простые тяглые люди, какъ это мы видѣли выше. Сверхъ того эту службу иногда несли и мѣщане, не выходя изъ своего мѣщанскаго класса³⁾.

Обратимся теперъ къ Литовско-Русскому боярству и постараемся обозначить его отличие и связи съ разсмотрѣнными группами населенія. Принадлежность къ боярскому классу опредѣляется службою „войны“; эта служба и есть служба боярская. Бояринъ со своей земли „маеть службу служити конно, збройно, часу потребы войны“⁴⁾. Въ силу этого всѣ, кто служатъ такую службу, могутъ называться боярами. Въ рядахъ бояръ стоятъ даже лица, обладающія княжескимъ титуломъ⁵⁾. Но перегородки, отдѣлявшія боярство отъ другихъ классовъ населенія, не отличались ни прочностью, ни полною опредѣленностью. Мы уже видѣли, что слуги также несли военную, т. е. боярскую службу. Внутри самого боярскаго класса были различныя группы: одни бояре несли только военную земскую службу, другіе соединяли ее съ тѣми или иными повинностями. Но, чѣмъ дальнѣе шло время, тѣмъ яснѣе опредѣляется черта, характеризующая боярскій классъ въ его основномъ ядрѣ. Эта черта — исключительная военная земская служба со своихъ имѣній безъ всякихъ другихъ повинностей и подачекъ повѣтовымъ державцамъ. Бояре „посѣдныє“ и несущіе повинности кромѣ военной службы начинаютъ обособляться

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 811.

2) Ревизія пущъ . . . Стр. 301—302.

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 555.

4) Ревизія пущъ . . . Стр. 153.

5) Нпр., Акты Л.-Р. государства, I, стр. 38, или Р. Ист. Б. XXVII, ст. 477 и сл.

отъ бояръ, знающихъ только эту службу какъ свою исключительную обязанность. Выработывается понятіе „вольности боярской“, въ которой бояринъ держитъ свою землю¹⁾, и эта вольность является сѣменами „вольности шляхетской“, выросшей на ея основѣ. Военная служба считалась вводящею лицо, ее несущее, въ ряды боярства. Но акты знаютъ и переходы бояръ въ ряды простыхъ тяглыхъ людей: несеніе военной службы могло становиться не подѣ силу боярину, и онъ спускался въ ряды людей тяглыхъ. Въ 1522 году Виленскій каштелянъ, Жомонтскій староста, панъ Станиславъ Яновичъ даже имѣлъ специальное порученіе привести въ извѣстность бояръ-шляхту, которые, оставивъ боярство, перешли на тяглую службу. Онъ былъ „посланъ отъ великого князя на выведане шляхты, которые, за великими упадками своими не могучы послуги военной служыти з домовъ своихъ, почали великому князю податокъ давати“²⁾. Это „выведане“ бояръ-шляхты, отказывавшихся отъ своего боярства, производилось въ томъ самомъ году, когда на вальномъ Виленскомъ сеймѣ было составлено „описанье артыкулу о выводе шляхецтва за примовою“³⁾, имѣющее цѣлью охрану шляхетской „чести“, отъ которой, однако, въ дѣйствительности приходилось отказываться части боярства-шляхты, въ силу отсутствія матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для несенія боярской военной службы. Указаній на выходъ бояръ изъ боярской службы съ переходомъ въ городъ-мѣсто или на простую тяглую службу источники даютъ много⁴⁾.

Но та же военная служба, которая выдѣляла боярскій классъ изъ остального населенія, и сближала его съ послѣднимъ. Военная служба была слишкомъ нужна государству, чтобы оно могло отказаться отъ требованія ея со всѣхъ тѣхъ группъ населенія, которыя могли эту службу нести по своему экономическому состоянію. Мы видѣли выше⁵⁾, что путные слуги, которые уже тянули тягло, были

1) Ср. А. Вил. XXIV, стр. 72.

2) А. Вил. XXIV. № № 19—21.

3) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1114.

4) Нпр., А. Вил. XXIV, № № 19, 21 и др.

5) Стр. 182—184.

привлечены къ службѣ войны. То же самое было сдѣлано и по отношенію къ мѣщанамъ. I статуть требуетъ, чтобы „уси мещане и подданные“ господарскіе „часу навалное потребы и з иншими людьми“ господарскими „земскими войну служили, або з дозволеньемъ“ великаго князя „на войну выправляли“¹⁾. Статуты 1566 и 1588 годовъ повторяютъ то же самое требованіе, лишь яснѣе обозначая, что оно относится къ мѣщанамъ²⁾. Такимъ образомъ, мѣщанство также привлекалось къ военной службѣ, и описанія повинностей съ мѣщанскихъ имѣній хорошо знаютъ военную земскую службу съ послѣднихъ³⁾. Знаютъ мѣщанъ въ военныхъ сборахъ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго и переписи его, какъ они знаютъ и слугъ путныхъ въ составѣ этого войска⁴⁾. Въ виду всего этого необходимо признать, что служеніе земской военной службы не было тѣмъ принципомъ, который могъ бы съ полною опредѣленностью раздѣлить все населеніе Великаго Княжества Литовскаго на двѣ части: служащихъ войну и ея не служащихъ. Служеніе войны отдѣляло только тяглыхъ людей въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. крестьянскую массу, отъ классовъ, надъ нею стоявшихъ, но отнюдь не могло, само по себѣ, служить дифференціаціи этихъ послѣднихъ; наоборотъ, оно ихъ сблизало одинъ съ другимъ.

1) I ст., II, 1.

2) „Хочемъ тежъ мѣти и уставуемъ, абы подданные наши вси мѣщане ку валной потребѣ зъ иншими людьми нашими войну служили, або зъ дозволеньемъ нашимъ водлѣ постановевеня нашего на войну выправлявали“. II ст., II, 1. Ср. III ст., II, 1.

3) Нпр., Полоцкая Ревизія 1552 года, стр. 31 и сл. Ср. Сборникъ статей, посвященныхъ Василю Осиповичу Ключевскому, часть I (М. 1909), стр. 254—255.

4) „Ухвала“ 1529 года: л. 214—216 об. — „Мещанъ Полоцкихъ люди. Выслуга и купля ихъ“ (ст. 195—196 изданія; то же въ изданіи А. Вил. XXIV, стр. 55), л. 219 — „Мещане Витебскіи, которые люди свои мають“ (ст. 198 изданія). Та же ухвала: нпр., — „Того жъ повѣту Керновскаго слуги господарскіи путвыи, кождый именемъ написанъ“ (л. 50 об., ст. 48 изданія), или — „А то слуги путныи села Жолдунскаго“ (л. 51, ст. 48 изданія), или — „То бояре путныи Жолудскіи, конемъ служить“ (л. 91 об., ст. 89 изданія). Та же „ухвала“ вноситъ на свои страницы иногда и сокольниковъ, и садовниковъ, и кухарей. — „Того жъ замку Новгородскаго соколники“, „А то садовники Новгородскіи“, „А то кухари Новгородскіи“ (л. л. 33 об.—34 об., ст. 37 изданія).

Боярство должно было привлекать въ свои ряды лицъ, которыя имѣли какую-либо матеріальную возможность нести боярскую военную службу. Бояринъ — не „простой“ человекъ. Это хорошо знаетъ современное общество. „Были двѣ сестре, ино одна пошла за боярина, теща моя, а другая за простого человека“ — читаемъ слова господарскаго боярина (Лавринъ Яновичъ) въ одномъ судебномъ актѣ начала XVI столѣтія¹⁾. Въ числѣ лицъ, бывавшихъ при до-реформенномъ судѣ во время разбора дѣлъ, встрѣчаемъ господарскихъ бояръ²⁾, рядомъ съ хоружими, конюшими и другими урядниками³⁾. Вмѣстѣ съ господарскими намѣстниками бояре разсматриваютъ тяжбы⁴⁾. Званіе боярина цѣнно; сынъ боярина называется „боярскимъ сыномъ“⁵⁾, какъ сынъ воеводы — воеводичемъ, сынъ старосты — старостичемъ, сынъ хоружія — хоружичемъ и т. д. Одинъ изъ бояръ повѣта-хоружества несетъ въ военныхъ сборахъ хоругвь, это — бояринъ-хоружій⁶⁾. Являясь первоначально обозначеніемъ рода службы, боярство затѣмъ становится обозначеніемъ класса. Лицо, принадлежащее къ нему, занимающая должность и не военную, продолжаетъ называться бояриномъ. Такъ являются бояре-дьяки⁷⁾, бояре-попы⁸⁾ и т. д.⁹⁾. Право именоваться бояриномъ основывается на владѣніи землей, съ которой идетъ боярская служба. Бояринъ, занимающій какую-либо должность, продолжаетъ нести по этой землѣ свою боярскую службу, отбывая ее лично, или выставляя за себя другого коннаго ратника. Последнее долженъ дѣлать и престарѣлый или больной бояринъ, не имѣющій возможности лично отправлять военную боярскую службу¹⁰⁾. Земля „на службѣ боярской“

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 443.

2) Нпр., А. Вил. XVII, № 690.

3) Ср. Журн. Мни. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 297. О доходѣ боярина, „который, при суде будетъ“, см. Р. Ист. Б. XX, ст. 924.

4) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 589—590.

5) Нпр., А. Вил. XXIV, № 16, или Ревизія пуць . . . , стр. 282.

6) Нпр., Ревизія пуць . . . , стр. 228.

7) Нпр., Акты Л.-Р. государства, I, стр. 55, или Ревизія пуць . . . , стр. 150.

8) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 678—679.

9) Бояринъ-слуга (Ревизія пуць . . . , стр. 328).

10) Такъ, господарскій бояринъ Амбросъ Лихій въ своей записи отъ 6 августа 1538 года говоритъ: „а такъ я, Амбросъ Лихій, будучи

должна выставлѣть коннаго ратника въ земскомъ войскѣ во всякомъ случаѣ. Но бояриномъ можетъ продолжать называться и человекъ, утратившій уже боярскую землю. Между записями Городенскаго суда за 1555 годъ встрѣчаемъ такую¹⁾. Городенскій господарскій бояринъ Захарьяшъ Швалевичъ и его жена „заставили“ своего сына Путила Городенскому жиду Мисану Хацкевичу за 95 грошей²⁾. Этотъ Путило, однако, сбѣжалъ отъ кредитора своихъ родителей и „занесъ“ отъ него сермягу и сорочку. Мисанъ Хацкевичъ обратился съ жалобою на Швалевича въ судъ, и судъ постановилъ: „... сказали есмо, абы Захарьяшъ водлугъ того листу своего вызнаного тому жиду тую полторы копы и пять грошей заплатилъ, а ижъ поруки по собѣ твердое тому жиду не далъ, а оселости певное подъ собою не мель, подали есмо его съ права тому жиду, маеть его въ себе ховати ажъ до того часу, покуль ему тые пенези его заплатитъ“. Такимъ образомъ, передъ нами бояринъ, не имѣющій „осѣлости“. Онъ все-таки, несмотря на отсутствіе у него земли „на службѣ боярской“, продолжаетъ называться бояриномъ, т. е. передъ нами то же явленіе, которое такъ хорошо наблюдается по отношенію къ такъ называемой „неосѣлой шляхтѣ“ позднѣйшаго времени.

Итакъ, терминъ „бояре“ выработался въ обозначеніе военного класса, независимо отъ размѣровъ землевладѣнія лицъ, въ него входившихъ, а стало быть независимо отъ боевой силы, которую каждый бояринъ могъ собою представить. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ терминъ не опредѣлился настолько, чтобы отдѣлнить группу населенія, имъ по преимуществу обозначаемою, т. е. землевладѣльцевъ, несущихъ исключительно военную службу, отъ другихъ группъ, соединяющихъ эту службу съ другими повинностями, — боярами называются и путные слуги. Но въ боярствѣ, съ одной стороны, выработывается сознаніе наслѣдственности и по-

при старости своей вже службы господарское служити недужъ, взялъ есми собѣ за сына мѣсто пана Василья Богдановича и тую выслужку свою ему поступилъ; а онъ маеть мене до смерти ховати и службу господарскую за мене служити, а по смерти моей душею моею печаловатися“. Ревнзія пущъ... Стр. 200.

1) А. Вил. XVII. № 976.

2) „у полторы копы и въ пяти грошохъ.“

томственности боярскаго званія, а, съ другой — и сознание раздѣленія боярскаго класса по степени матеріальнаго достатка лицъ, въ этотъ классъ входящихъ. Акты сохранили выраженія „уроженный бояринъ“¹⁾, „родовитый бояринъ“²⁾, а рядомъ съ этими и выраженія — бояре „подлѣйшіе“³⁾, „добрые“⁴⁾ и „знаменитые“⁵⁾. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, хорошо сознаваемое обществомъ того времени разслоеніе боярскаго класса. Но необходимой становилась и выработка особаго названія для этого класса въ его главной и основной части, т. е. въ части, служившей исключительно военную земскую службу. Этотъ классъ былъ основой военныхъ силъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ становился силою, которая брала на себя значеніе цѣлой „земли“ Великаго Княжества Литовскаго, заслоняя собою все остальное его населеніе⁶⁾. Такимъ названіемъ и становится имя „бояре-шляхта“, или просто „шляхта“, которое усваивается боярствомъ „вольнымъ“⁷⁾, т. е. свободнымъ ото всѣхъ повинностей, кромѣ службы господарской и земской военной. Но прежде чѣмъ перейти къ изученію термина „шляхта“ въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ эпоху до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, остановимся на землянахъ Великаго Княжества Литовскаго, которые стоятъ въ источникахъ рядомъ съ боярами и боярами-шляхтою Литовско-Русскими.

Слово „земянинъ“ обыкновенно выводятъ изъ Польши⁸⁾. Можетъ быть и дѣйствительно слово „земянинъ“ вело свое

1) Нпр., А. Вил. XXIV, стр. 112.

2) Нпр., *ibidem*, стр. 282.

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 498.

4) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 1026.

5) Нпр., *ibidem*, ст. 998.

6) Нпр., „панове рада Великаго Князьства около того намовляли зъ землю, то есть рыцарствомъ Великаго Князьства“. Акты Р.-Л. государства. I. Стр. 234 (1529 г.).

7) Нпр., А. Вил. XXIV, стр. 289 (№ 180).

8) Ѡ. Н. Леонтовичъ даже считаетъ самихъ Литовско-Русскихъ землянъ Польскаго происхожденія. Онъ говоритъ, сливая вмѣстѣ пановъ и землянъ: „кромѣ бояръ, въ литовско-русскихъ актахъ съ XIV в. упоминаются также *nobiles*, паны и земляне, — польская шляхта, жившая на Волини, Подоліи, Подляхія и другихъ областяхъ, соедѣнныхъ съ Польшей“ (Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Журн. Мин. Юст. 1907, V, стр. 224. Ср. *ibidem*, стр. 244).

начало отъ Польскаго „ziemianin“, но возможно и другое предположеніе. Литовско-Русскіе акты знаютъ выраженіе „земскіе люди“. Такъ, въ одномъ листѣ Сигизмунда Стараго отъ 6 августа 1528 года читаемъ, что великому князю были челомъ его „земскіе люди“ Жомоитскіе Дирвянской волости, Мартинъ Юревичъ и его братаничъ Матеі Яновичъ. Они представили господарю листъ великой княгини Елены, въ которомъ значится слѣдующее. Елена „опытывала“ господарскаго маршалка, своего охмистра, пана Войтеха Яновича и Дирвянскаго тивуна Петра Билевича „о некоторыхъ боярѣ Дирвянскихъ“, и „оны передъ ее милостью поведили, ижъ дей и отецъ здавна служиваль военною службою, а не тяглою, и въ томъ оне оставлены; и казала ей милость тымъ людемъ служити шляхецкою службою, по тому, какъ и предки ихъ служили, и листъ свой на то имъ дала“. Юревичъ и Яновичъ просили Сигизмунда I-го о выдачѣ имъ его листа такого же содержанія. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу и далъ имъ такой листъ — „нехай они служатъ намъ службою шляхецкою подле листу невестки нашею Александровое, ее милости Алены“¹⁾. Съ выраженіемъ „земскіе люди“ вполне гармонируетъ и выраженіе „земская служба“, которую эти люди служатъ. Мы не беремъ рѣшать вопроса о томъ, было ли выраженіе „земскіе люди“ своего рода осмысленіемъ слова „земянинъ“ или „земенинъ“, какъ и слово „землянинъ“, или же наоборотъ слово „земяне“ получило свое развитіе изъ выраженія „земскіе люди“ подъ вліяніемъ Польскаго языка, изъ котораго было заимствовано и слово „шляхта“.

Въ актахъ XVI столѣтія очень трудно установить какое-нибудь различіе между землянами и боярами по существу. Какъ мы видѣли выше, въ 1543 году къ Пинскому, Кобринскому, Клецкому, Городецкому и Рогачевскому старостѣ, державцѣ Селецкому, пану Ивану Михайловичу явился землянинъ Городецкій королевы и великой княгини Боны Тимошеі Барановичъ и заявилъ, что подстароста пана Ивана Михайловича „въ подводы его женеть и въ повинности тяглые его втягиваетъ“. Этихъ повинностей къ Городецкому замку не несъ его отецъ, да и самъ Барановичъ тѣхъ

1) А. Вил. XXIV. № 34.

тяглыхъ мужицкихъ повинностей никогда также не исполняли и съ листами не ѳзживалъ, но несъ службу вмѣстѣ съ боярами Городецкими, какъ и иные земляне служить. Цанъ Иванъ Михайловичъ, „хотечы того добре вѣдати, если же онъ есть боярынъ, або ни“, посмотрѣлъ „у книгахъ тыхъ“, которыя были составлены для всей земли Великаго Княжества Литовскаго дворяниномъ Боны, паномъ Кирдеемъ; Михайловичъ въ этихъ книгахъ наводитъ справку, обозначенъ ли въ нихъ Барановичъ „бояриномъ“. Справка показала, „някъ есть написано: службы никоторое ку замку тяглое служыти, кромъ съ бояры на войну ѳздити“. Въ виду этого, панъ Иванъ Михайловичъ постановилъ¹⁾: такъ какъ Барановичъ въ книгахъ этихъ написанъ бояриномъ, то онъ долженъ и оставаться въ боярствѣ по старому, а слѣдовательно и не обязанъ въ „подводы и съ листы и ни на которые повинности службы тяглые ѳздити, лечъ съ бояры Городецкими посполъ на войну ѳздити мають, колы господарь король часу прышлого противъ непріятелю ѳхати роскажетъ“²⁾. Такимъ образомъ, землянинъ пишется въ книгахъ бояриномъ и служить съ боярами боярскую военную службу. Примѣровъ именованія землянъ боярами можно привести немало. Такъ, Пинскій землянинъ Иванъ Григорьевичъ называется въ листѣ Боны — „подданный нашъ, боярынъ Пинскій Иванъ Григорьевичъ“³⁾; Семень Юхновичъ Орда въ привилеѣ Боны отъ 1532 года именуется земляниномъ, а въ ея же привилеѣ отъ 1528 года — бояриномъ⁴⁾ и т. п.

Землянская служба опредѣляется источниками не всегда одинаково. Въ однихъ случаяхъ имѣемъ опредѣленіе ея какъ службы войны вмѣстѣ съ исполненіемъ нѣкоторыхъ повинностей, въ другихъ — какъ исключительно служеніе войны конно и збройно. Въ однихъ документахъ читаемъ о землянахъ: „но служыти имъ, какъ же которымъ земляномъ — города робити пойти и инныя службы служыти, которые земляне служить“⁵⁾; въ другихъ: „а маеть онъ намъ съ тыхъ двухъ земель землянскую службу служыти на кони на добромъ

1) Ср. выше, стр. 175—176.

2) Ревнзія пуць . . . Стр. 338.

3) Ibidem. Стр. 264.

4) Ibidem. Стр. 81—83.

5) Ревнзія пуць . . . Стр. 290.

а въ зброи суполной такъ, какъ которые земляне наши служатъ на конѣхъ на добрыхъ и въ зброяхъ суполныхъ, а онъ маеть намъ такожь службу служыти на кони на добромъ а въ зброи суполной“¹⁾. Если военная служба съ имѣнія для землянина обязательна, то неисполненіе этого обязательства, конечно, должно вызывать лишеніе землянина его имѣнія. Такъ оно было и въ дѣйствительности. Когда Берестейскій землянинъ Дремликъ Талюшковичъ не явился на военную службу, великій князь Александръ конфисковалъ его отчину, мотивировавъ эту конфискацію слѣдующими словами: „тое именъе взяли есмо къ своей руке въ того земенна Берестейского, въ Дремлика, для такового его выступу, ижъ онъ, видечы насъ, пана своего, въ поля вытягнувши и не хотячи намъ служити посполъ зъ земляны, зъ братьею своею, втекъ нешляхотне зъ земли наше до Коруну Полское и отголь злодейскимъ обычаемъ зъездки чиниль въ землю нашу“²⁾.

Въ числѣ землянъ встрѣчаемъ и слугъ³⁾, и бояръ⁴⁾, и православныхъ священниковъ⁵⁾, и т. д. Подобно боярамъ, земляне бывали и господарскіе, великаго князя⁶⁾, и князей удѣльныхъ⁷⁾, и панскіе⁸⁾. Какъ бояре, такъ и земляне иногда называются по замкамъ, къ которымъ они тянутъ военною службою⁹⁾. Въ „Ухвалѣ“ Виленскаго сейма 1528 года находимъ лишь землянъ Каменецкихъ¹⁰⁾, Берестейскихъ¹¹⁾ и Подляшскихъ¹²⁾; по отношенію къ остальнымъ землямъ Княжества „Ухвала“ не употребляетъ слова „землянинъ“ вмѣсто слова „бояринъ“. Можно дѣйствительно полагать, что названіе „земляне“ было усвоено главнымъ образомъ и

1) Ibidem. Стр. 342.

2) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 812—813.

3) Нпр., Ревизія пущь . . . , стр. 335.

4) Нпр., *ibidem*, стр. 338.

5) Нпр., А. Вил. XXIV, № 8, или А. З. Р. III, № 75.

6) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 1257.

7) Нпр., Ревизія пущь . . . , стр. 336.

8) Нпр., А. Вил. II, стр. 1.

9) Нпр., Ревизія пущь . . . , стр. 335.

10) Л. 100 (ст. 100 изданія) — „То земляне, что людей не мають“.

11) Л. 100 об. (ст. 100 изданія).

12) Л. 101 об. (ст. 101 изданія) и л. л. 117—193 (ст. 120—182 изданія).

въ болѣе раннее время землями, лежавшими ближе къ Польской границѣ¹⁾. Но уже къ серединѣ XVI столѣтія землянъ встрѣчаемъ и въ другихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго²⁾. Въ эпоху послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ слово „земянинъ“ стало примѣняться постоянно для обозначенія повѣтовыхъ шляхтичей, хотя рядомъ съ „земянами господарскими“ того или другого повѣта, какъ себя постоянно называютъ въ это время шляхтичи³⁾, продолжали существовать и земяне панскіе⁴⁾.

Итакъ, въ концѣ концовъ нужно признать, что земяне не были чѣмъ-либо особымъ отъ боярства, по крайней мѣрѣ наканунѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Въ это время слово „земяне“ обозначало ту же группу населенія, которая обозначалась и словомъ „бояре“.

Мы разсмотрѣли тѣ группы населенія Литовско-Русскаго государства, которыя служили военную земскую службу. Изъ этихъ группъ источники выдѣляютъ шляхту, или боярь-шляхту, какъ они обычно ее называютъ. Не всегда легко опредѣлить лицъ, которыя входятъ въ эту группу: сами источники часто употребляютъ безъ всякаго различія и выраженіе „бояре“ и выраженіе „бояре-шляхта“⁵⁾. Самое польское слово „шляхта“ явилось переводомъ латинскаго слова „nobiles“ въ раннихъ привилеяхъ великихъ князей на права боярству⁶⁾. Шляхетство, какъ оно понималось въ эту пору, соединяясь съ существенными правами его обладателей⁷⁾, должно было обусловливаться для пановъ и шляхты Литовскихъ двумя тре-

1) Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣл. и мѣстн. управление, стр. 534 и сл.

2) Нпр., земяне Пинскіе (Ревизія пуць . . ., стр. 239 и др.), земяне Витебскіе (І. Малиновскій, Сборникъ Матеріаловъ, стр. 365) и т. д.

3) Примѣры постоянно въ любой книгѣ повѣтовыхъ судовъ.

4) О панскихъ землянахъ этого времени см. ниже.

5) Такъ напримѣръ, въ 1522 году Виленскій каштелянъ и староста Жомойтскій, панъ Станиславъ Яновичъ при разсмотрѣннй просьбы Ловцы Яновича, „абы былъ пры шляхетстве оставленъ“, спрашивалъ его околичныхъ сосѣдей: „если бы былъ правы боярынъ?“ Послѣ ихъ утвердительнаго отвѣта просьба была удовлетворена. А. Вил XXIV. № 19.

6) Ср. латинскій и польскій тексты Городельскаго привилея 1413 г., изданные en regard Дзялынскимъ — Zbiór Praw Litewskich. Str. 7—20.

7) Изложеніе содержанія привилеевъ 1387 и 1413 годовъ см. на стр. 463 и сл. Литовско-Русскаго сейма М. К. Любавскаго.

бованіями: 1) принадлежностью ихъ къ католической церкви и 2) принятіемъ ихъ Польскою шляхтою въ свои гербы¹⁾. Такимъ образомъ, нужно признать, что въ томъ видѣ, какъ оно предполагалось вначалѣ, шляхетство должно было служить дѣлу сліянія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, которое обѣщаль Ягайло своимъ Кривскимъ актомъ 1385 года. Но, какъ оказался неисполнимымъ самъ Кривскій актъ, такъ оказались неисполнимыми и тѣ ограниченія шляхетства требованіемъ католической религіи и Польскаго герба, которыя предполагались для Литовско-Русскихъ шляхтичей. Городельскій привилей 1413 года такъ опредѣленно ихъ выдвинувшей, не считался въ этомъ постановленіи съ состояніемъ боярства областей-аннексовъ, которое было такимъ же военнымъ и землевладѣльческимъ классомъ, какъ и боярство собственной Литвы и такъ называемой Руси Литовской. Это боярство въ коренныхъ русскихъ областяхъ исповѣдывало православную вѣру и совѣтъ не относилось такъ дружелюбно къ Польшѣ, чтобы сливаться со шляхтою послѣдней путемъ принятія ея гербовъ, едва ли особенно и цѣнныхъ въ его глазахъ. При враждебномъ отношеніи къ католичеству православія этихъ земель съ самаго начала въ нихъ христіанства, „Лядская вѣра“ стояла между русскими областями-аннексами и Польшею, препятствуя установленію ихъ слишкомъ тѣсныхъ связей со шляхтою послѣдней. А между тѣмъ фактически боярство аннексовъ нисколько не отличалось отъ шляхты Литвы и Руси Литовской, ни своею военною службою, ни своимъ вліяніемъ въ мѣстной жизни. Верховная власть Великаго Княжества Литовскаго нуждалась одинаково и въ боярствѣ аннексовъ, и въ боярствѣ государственнаго ядра.

Мы имѣемъ опыты обхода слишкомъ узкихъ воротъ, которыя поставилъ Городельскій привилей, уже въ XV столѣтіи²⁾. Слѣдующее столѣтіе принесло съ собою напряжен-

1) „Praeterea praedictis libertatibus, privilegiis et gratiis tantummodo illi barones et nobiles terrae Littwaniae debent uti et gaudere: quibus arma et clenodia nobilium regni Poloniae sunt concessa, et cultores christianae religionis Romanae ecclesiae subiecti, et non schismatici vel alii infideles“, XIV артикулъ Городельскаго привилея. (Цитируемъ по изданію Дзялынскаго — *Zbior Praw Litewskich*, str. 16).

2) См. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 430—431.

ную внѣшнюю борьбу Литовско-Русскаго государства съ сосѣдями, когда военный классъ, естественно, сталъ особенно нуженъ, а слѣдовательно, и его интересы стали особенно близки верховной власти, да когда и самъ онъ могъ смѣлѣе и упорнѣе защищать эти интересы. Въ XVI столѣтїи верховная власть совершенно отказалась отъ требованія Польскаго герба и католической религїи для правъ шляхетства. „Описанье артыкулу о выводе шляхетства за примовою“, сохранившееся въ Литовской Метрицѣ между записями 1522 года и изданное на Виленскомъ сеймѣ, устанавливаетъ такіе способы для „вывода“ шляхетства: 1) свидѣтельство двухъ шляхтичей подъ присягою въ томъ, „пачъ тотъ, кому приганено, съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одною кровнью имъ есть братъ“, 2) такое же свидѣтельство одного шляхтича съ присягою самого доказывающаго свое шляхетство и 3) простое удостовѣреніе документа, что данное лицо бояринъ. Послѣдній способъ особенно характеренъ. Вотъ слова о немъ „артыкула“: „пакъ ли жь бы тотъ, кому наганено, не могъ ни одного шляхтича на то себе мети, а естли бы на то мель листь у себе старый, великого князя Витольта и Жикгимоньта, або отца нашего Казимера, короля его милости, або некоторыхъ пановъ радъ высокихъ, а въ томъ бы листе писано его бояриномъ не подле его поведанья, ни жили або у праве съ кимъ будетъ стояль, або отъ кого до него листь будетъ, писанъ шляхтичомъ, — тымъ онъ листомъ маеть шляхетство свое вывести“¹⁾. Такимъ образомъ, простое обозначеніе лица бояриномъ въ какомъ-либо листѣ, сдѣланное не по голословному, простому заявленію его самого, доказываетъ его шляхетство. Этого мало. Силу такого доказательства имѣютъ не только листы великихъ князей, но и листы радныхъ пановъ „высокихъ“, т. е. удѣльныхъ князей и крупныхъ пановъ. Очевидно, что много накопилось недоразумѣній и трудностей въ отдѣльныхъ случаяхъ при опредѣленїи шляхетства, если великому князю Сигизмунду Старому пришлось пойти на такое расширеніе способовъ доказыванія правъ на шляхетство.

Статутъ 1529 года опускаетъ этотъ послѣдній способъ

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1114 (№ 388). Тотъ же документъ — М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 440, прим. 32.

доказыванія шляхетства и даже вносить ограниченія въ другія части приведеннаго сейчасъ „артыкула“. Онъ признаетъ лишь два способа доказыванія шляхетства для Литовско-Русскаго шляхтича — „тубыльца“: 1) представленіе двухъ шляхтичей, „зъ отца и матки“, и присяга этихъ шляхтичей и 2) если „ся родъ звель“, то представленіе бояръ-шляхты околичныхъ, „которые бы знали его, иже есть шляхтичъ“, причемъ эти бояре приносятъ присягу въ присутствіи самого доказывающаго, „иже онъ есть з роду шляхтичъ“¹⁾. Но на практикѣ это ограниченіе не осуществилось, и листы, о которыхъ говоритъ „артыкулъ“ 1522 года, продолжали служить доказательствомъ шляхетства въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда его приходилось провѣрять властямъ²⁾.

Основнымъ вопросомъ, на который нужно было давать себѣ отвѣтъ властямъ при признаніи шляхетства лица, былъ вопросъ: что такое „зъ роду шляхтичъ“? Естественно, что на этотъ вопросъ въ различныхъ частяхъ Великаго Княжества Литовскаго и даже различными лицами въ одной и той же землѣ давался различный отвѣтъ: въ однихъ случаяхъ будетъ отвѣтомъ указаніе на гербъ шляхетскаго рода, требуемый старыми привилеями³⁾, въ другихъ объ этомъ гербѣ не будетъ ни слова⁴⁾. Но какое-нибудь твердое основаніе для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить шляхетство и классъ, который на него имѣетъ право, выработать было необходимо. Такимъ основаніемъ и явилась „шляхетская служба“ землевладѣльца со свободою ото всѣхъ другихъ повинностей. Такимъ образомъ, принадлежность къ католической религіи и связь со шляхтою Польши замѣнились чисто своею Литовско-Русскою бытовою основою, которая одна оказалась въ силахъ вывести вопросъ изъ той запутанности, въ которой онъ находился. Доказываніе шляхетства этою службою и свободою отъ другихъ повинностей и стало главнымъ, основнымъ „доводомъ шляхетства“; остальные основанія для этого доказыванія обратились лишь въ сравнительно рѣдко выдвигаемая въ дѣйствительности. Но

1) I ст., III, 11.

2) Нпр., А. Впл. XXIV, № 58.

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 633.

4) Нпр., А. Впл. XXIV, №№ 20, 34 и др.

эта шляхетская служба, какъ основаніе для шляхетства, тѣсно сближается и въ концѣ концовъ совпадаетъ совершенно и съ обычною боярскою службою. Въ самомъ дѣлѣ вотъ опредѣленія актами той и другой службы: „а маеть онъ и его потомки зъ отчизны своей и зъ того приданья нашего намъ и потомкомъ нашимъ службою военною служити часу войны, яко имъ есть обычаемъ, бояромъ нашимъ, шляхтѣ“¹⁾, говоритъ одинъ актъ о службѣ шляхетской; рядомъ съ этимъ другой актъ такъ говоритъ о службѣ боярской: „а онъ съ той земли маеть намъ службу военную земскую на кони добромъ, у панцыры добромъ служыти, а такъ, якъ иные бояре наши, люди добрые, служить; а большей того ему намъ иного ничего не служыти, ни на посылки не маеть ни на которые посыланъ быти“²⁾. Нѣтъ возможности уловить никакой разницы между обоими опредѣленіями по существу, если не считать послѣдней прибавки ко второму опредѣленію, вообще даже ненужной при опредѣленіи службы шляхтича. Но другія образцы опредѣленій боярской службы ея и не имѣютъ, и, наоборотъ, опредѣленія шляхетской службы имѣютъ³⁾, такъ что она вовсе оказывается несущественною частью опредѣленій того и другого вида службы.

Наканунѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ вопросъ о шляхетствѣ требовалъ формальнаго разрѣшенія. Оно было необходимо, въ виду предположенной новой организаціи шляхты Великаго Княжества Литовскаго этою подготовлявшеюся реформою, а переживаемое Литовско-Русскимъ государствомъ реформаціонное движеніе въ связи съ окрѣпшимъ сознаниемъ самостоятельной государственности указывало и путь для этого разрѣшенія. Реформаціонное движеніе, во имя религіозной свободы, заставляло формально и рѣшительно порвать съ принципомъ религіозной исключительности въ пользу католичества, который выдвигали ранніе привилегіи, опредѣлявшіе шляхетство⁴⁾; ростъ государственнаго Литовско-Русскаго сознанія требовалъ полнаго

1) Ревизія пуць . . . Стр. 83.

2) Ibidem. Стр. 328.

3) Нпр., Ревизія пуць . . . , стр. 234.

4) Ср. П. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр. 234—237.

отказа отъ мысли о необходимости принятія въ гербы шляхты другого государства шляхтичей Великаго Княжества Литовскаго ¹⁾). Того же требовала и уже все это признала жизнь Литовско-Русскаго государства, которой не хватало лишь формальной отмѣны требованій старыхъ привилеевъ, не соблюдавшихся въ дѣйствительности, какъ мы это видѣли выше.

Категорическимъ и формальнымъ отказомъ великаго князя Литовскаго отъ требованія принадлежности къ католической религiи и къ Польскимъ гербамъ для Литовско-Русской шляхты былъ привилей Сигизмунда Августа, данный въ Вильнѣ 7 iюня 1563 года ²⁾). Этимъ привилеемъ отмѣнялось формально настоящее требованiе Городельскаго привилея и его подтвержденiй послѣдующими великими князьями. Въ отмѣну этого требованiя Сигизмундъ Августъ, „съ порадою и съ призвоеньемъ пановъ радъ“ своихъ „духовныхъ и свѣтскихъ“, постановилъ: „ухваляемъ и хотимъ мѣти, ижъ отъ того часу не только тые панове, шляхта и бояре, або потомкове ихъ, всихъ земель нашихъ того всего паньства нашего, дарованья привилеевъ и наданья всихъ вольностей и правъ земскихъ уживати и съ нихъ ся веселити мають, которые суть поддани костелу Римскому и которыхъ тежъ предкове клейноты и гербы въ Корунѣ Польской прiймовали, але тежъ и вси иные стану рыцерского и шляхетского, яко Литовского, такъ и Руского народу, одно бы были вѣры хрестiянскоѣ, и тежъ которыхъ предкове клейнотовъ альбо гербовъ съ Коруны Польскоѣ не брали, одинако и заровно того всего вѣчными часы уживати и съ тыхъ вольностей веселитися мають, яко передъ тымъ, здавна и до того часу, тыхъ всихъ вольностей станъ рыцерскiй шляхетскiй обоего народу, такъ Литовского, яко и Руского, уживали и съ того ся веселили“. Въ этихъ словахъ привилея Сигизмунда Августа не только отмѣна указанныхъ выше требованiй Городельскаго акта 1413 года; въ нихъ имѣемъ и указанiе на то, что они не соблюдались уже давно, такъ какъ Литовско-Русская шляхта пользовалась „здавна“ шляхетскими правами, не удовлетворяя этимъ требованiямъ. Черезъ пять лѣтъ, наканунѣ Люблинской Униi, когда Вели-

1) См. выше, стр. 172.

2) А. З. Р. III. № 32.

кое Княжество Литовское было озабочено полнымъ уясненіемъ и признаніемъ правъ своей государственности, въ виду предстоящихъ переговоровъ объ условіяхъ соединенія съ Польшею, отмѣна этого артикула Городельскаго акта была вновь подтверждена Сигизмундомъ Августомъ, въ Городѣ 1 іюля 1568 года¹⁾.

Такъ закончилась исторія предположенія внесенія въ Литовско-Русское государство шляхетства, какъ чисто-Польскаго института, который сталъ бы ферментомъ „втѣленія“ Великаго Княжества Литовскаго въ Польшу, обѣщаннаго въ 1385 году Ягайломъ. Но, если послѣдующая жизнь разорвала съ этимъ замысломъ и внесла свои коррективы въ пониманіе шляхетства, то, естественно, возникаетъ вопросъ: было ли въ дѣйствительности Литовско-Русское шляхетство тѣмъ, что создавали изъ него господарскіе обще-шляхетскіе привилеи конца XIV и XV столѣтій? Въ настоящее время вопросъ о Литовско-Русской шляхтѣ и ея землевладѣннй эпохи до реформъ середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія мы можемъ считать однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ вопросовъ въ исторической литературѣ²⁾. Къ разрѣшенію его былъ привлеченъ обширный актовъ матеріалъ, особенно въ трудахъ М. К. Любавскаго и М. В. Довнаръ-Запольскаго, и выводы историковъ по этому вопросу успѣли уже значительно выяснитъ свою правильность и путемъ провѣрки ихъ въ критикѣ отдѣльныхъ изслѣдователей. Если въ отдѣльныхъ сторонахъ изученія Литовско-Русскаго шляхетства необходимо желать еще продолженія изслѣдованія, то на поставленный нами сейчасъ вопросъ о полномъ тождествѣ дѣйствительнаго положенія Литовско-Русской шляхты, какъ цѣлаго, съ тѣмъ, какимъ предполагали шляхетскій классъ земскіе привилеи конца XIV и XV столѣтій, существующая литература даетъ уже совершенно опредѣленный отвѣтъ. Изучивъ эти привилеи и дѣйствительное положеніе шляхты Литовско-Русской до середины XVI вѣка включительно, М. К. Любавскій отмѣчаетъ великое разнообразіе, въ которое вылилось „юридическое положеніе различныхъ разрядовъ шляхетскаго

1) А. Ю. п. З. Р. II. № 146.

2) См. указаніе на эту литературу выше, стр. 177, прим. 2.

сословія“. „Даже общее шляхетское право“, указываетъ цитируемый авторъ, „въ примѣненіи къ различнымъ разрядамъ шляхты имѣло не одинаковое значеніе и силу, допускало извѣстныя ограниченія и варіаціи въ пониманіи. Кромѣ того, . . . нѣкоторые разряды этого класса сверхъ общихъ шляхетскихъ правъ и вольностей пользовались еще своими особыми правами, а другіе наоборотъ — не пользовались нѣкоторыми изъ общихъ правъ и вольностей шляхты, гарантированныхъ въ земскихъ привилеяхъ“¹⁾. М. В. Довнаръ-Запольскій, изучая земскіе привилеи въ ихъ постановленіяхъ о шляхетскомъ землевладѣніи, также приходитъ къ выводу о неполномъ соотвѣтствіи ихъ съ дѣйствительностью, отмѣчая значеніе обычнаго права въ подробностяхъ организациі этого землевладѣнія²⁾. Такимъ образомъ, нужно признать, что въ дѣйствительной жизни шляхетство вовсе не было вполне опредѣленнымъ институтомъ въ своихъ очертаніяхъ. Опредѣленною вполне чертою его остается лишь одна: свобода шляхты ото всѣхъ повинностей кромѣ военной земской службы. Все остальное мѣнялось въ зависимости отъ мѣстныхъ и временныхъ условій.

Если это было такъ, то естественно рождается вопросъ: въ чемъ же заключалось шляхетское движеніе XVI столѣтія и въ чемъ были его смыслъ и содержаніе? Было ли оно движеніемъ шляхты Литовско-Русской къ сліянію съ Польскою шляхтою, которое имѣли въ виду первые земскіе привилеи, или же оно шло независимо отъ него, вызываемое мѣстными Литовско-Русскими условіями? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что отвѣтъ можетъ быть принятъ только второй. Шляхетское движеніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ имѣло своею цѣлью пріобрѣсти права „панства“, поставить шляхту рядомъ съ панскимъ и княжескимъ классомъ, этими „*barones*“ и „*principes*“, освободиться отъ ихъ исключительныхъ правъ, сравнять ихъ съ собою, а себя съ ними въ судѣ, военной службѣ, политическихъ правахъ и правахъ „всего панства“ въ своемъ землевладѣніи, этомъ „*jus ducale*“ или „*dominium*“ латинскихъ актовъ. Шляхта добилаь

1) М. К. Любавскій. Л.-Р. сеймъ. Стр. 470—471.

2) М. В. Довнаръ-Запольскій. Госуд. хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. I. Стр. 609.

этого и стала „панами“. Титуль „панъ“ сталъ удѣломъ каждаго шляхтича послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, обозначая раньше лишь ту группу населенія, которая стояла надъ боярствомъ и землянствомъ, со своими особыми „панскими“ правами.

Группы населенія, несущаго военную службу, отмѣченныя нами на господарскихъ земляхъ, существовали и на земляхъ панскихъ. Паны, или *barones*, какъ называетъ ихъ латинскій языкъ актовъ¹⁾, имѣли подъ собою бояръ и слугъ, какъ ихъ имѣлъ и самъ господарь великій князь. Источники хорошо знаютъ и панскихъ военныхъ слугъ²⁾, и панскихъ бояръ³⁾ и землянъ⁴⁾. Бояре пановъ служили по требованію своихъ господъ военную службу, не неся никакихъ иныхъ повинностей и поборовъ въ пользу ихъ съ имѣніи, пожалованныхъ или признанныхъ за боярами ихъ панами. Вотъ на примѣръ, изображеніе положенія панскаго боярина по одному изъ судебныхъ актовъ 1511 года⁵⁾. Сигизмундъ Старый разсматривалъ со своими радными панами дѣло по жалобѣ господарскаго маршалка, намѣстника Дорсунинскаго, пана Венцлава Костевича и его жены, пани Ганны, на его боярина Еска Даниловича. Жалобщикъ заявилъ великому князю: „онъ маеть именье подо мѣною мое въ Грушовой, которое жъ именье остало ми ся по моей жоне съ всеми людьми и съ слугами путными, и зъ бояры; и коли жона моя тыми именьи делилася зъ маткою своею — и всеми бояры, и слугами путными, и людьми тяглыми, и всеми землями, — и онъ тогда ся осталь на делу съ тымъ именьемъ матце [жоны] моей, кнегини Семеновой Романовича, кнегине Ульяне; и листъ на то дельчій маю; и потомъ, какъ matka жоны моей вмерла, и онъ жоне моей съ тымъ именьемъ достался, и служилъ намъ ажъ и до сихъ часовъ; а тыми разы намъ служити не хочеть, а хочеть съ тымъ именьемъ служити

1) О панахъ, ихъ значеніи и происхожденіи ихъ земельныхъ владѣній намъ пришлось уже говорить раньше — Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 262—266 и Отчетъ о девятомъ присужденіи преміи Г. О. Карпова (М. 1903), стр. 23.

2) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 493.

3) Нпр., А. Ю. и З. Р. I, № 129.

4) Нпр., А. Вил. II, стр. 1.

5) Р. Ист. Б. XX. Ст. 668—670.

вашей милости господару“. На это заявленіе пана Костевича бояринъ Еско Даниловичъ отвѣтилъ: „тое дей именье мое, на имя Пришиюсты, далъ отцу моему князь Семень Романовичъ, отецъ панее твоее, а братъ ее князь Иванъ, посполе зъ маткою ихъ, едучи до Сляжска на службу господарскую, и привилеємъ своимъ отцу моему то подтвердилъ“. При этомъ Даниловичъ представилъ и самый привилей, въ которомъ значилось, „штожъ воленъ онъ тое именье отдати, продати и, где хотячы, къ своему вжиточному и лепшому обернути“. Костевичъ и жена его заявили, что они ничего не знаютъ объ этомъ привилеѣ, какъ не знаютъ и о службѣ Даниловича съ этимъ имѣніемъ брату и матери пани Ганны. Они настаивали на томъ, что имѣніе Даниловича „такъ было межи“ ними „въ делу, какъ и иныхъ бояръ“ ихъ, причемъ онъ молчалъ о своемъ привилеѣ. Даниловичъ, наоборотъ, утверждалъ: „коли дей твоя милость делилася зъ маткою своею, тогда я въ делу не стоялъ, и именье мое въ делъ не ставлено“. На это Костевичъ съ женою „доводъ чинилъ многими людьми добрыми“, доказывая, что „онъ тогда на делу былъ и именье его въ делъ ставлено“. Даниловичъ, однако, „на людей ся не слалъ“. Тогда господарь спросилъ его: объявлялъ ли онъ свой привилей передъ дѣльчими, когда производился этотъ раздѣлъ имѣній и „заповедывалъ ли будеть имъ, ижъ бы его именье не делено?“ Даниловичъ отвѣтилъ, что онъ этого не дѣлалъ. Послѣ всего этого великому князю и его панамъ-радѣ „виделося“ слѣдующее: „кто, таковой привилей маючи, а колькодесять летъ въ молчаньи былъ и надъ то, коли ся именьемъ его делила, а онъ, тежъ тамъ будучи самъ, того не объявилъ, а замолчалъ, — самъ себе кривду вчинилъ“. Костевичъ и его жена были признаны правыми, а Еско Даниловичъ — обязаннымъ имъ служить съ вышеназваннымъ его имѣніемъ. Но обязанность служить пану и пани для него была признана лишь въ связи съ владѣніемъ этимъ имѣніемъ: если онъ имъ служить не пожелаетъ, онъ воленъ, оставивъ его со всѣмъ, съ чѣмъ оно ему досталось, „прочъ ехати“, причемъ прибрѣтенное имъ самимъ, кромѣ построекъ, можетъ взять съ собою¹⁾.

1) „нижли што будеть, купивши, прибавилъ челяди, або которыхъ иныхъ речей, окромъ хоромъ, то маеть свое взяти“.

Настоящій документъ даетъ слѣдующія черты для изученія положенія панскихъ бояръ. Они владѣютъ имѣніями „подъ“ панами и съ этихъ имѣній обязаны служить послѣднимъ. При раздѣлѣ своей „маетности“ паны дѣлятся и своими боярами съ ихъ землями. Но по волѣ пана, въ случаѣ пожалованія имъ своему боярину права полного распоряженія его имѣніемъ, бояринъ получаетъ свободу и отъ службы пану. Предоставленіе „вырокомъ“ Сигизмунда Старого Даниловичу права оставить своего пана, хотя онъ и былъ признанъ бояриномъ послѣдняго, можетъ быть объясняемо двояко: 1) государь могъ это сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ, такъ какъ Даниловичъ намѣревался перейти на службу къ великому князю, и 2) право ухода отъ своего пана могло считаться общимъ правомъ панскихъ бояръ. Надо думать, что должно быть принято только второе объясненіе. Соображенія для этого слѣдующія. Во-первыхъ, Сигизмундъ I разрѣшилъ это дѣло совместно съ панами-радою „супольными“, т. е. въ ихъ полномъ составѣ, а они едва ли бы согласились съ уменьшеніемъ панскихъ правъ не только потому, что были хранителями традиціи въ практикѣ верховной власти, но и потому, что всякое уменьшеніе панской власти и панскихъ правъ затрогивало и ихъ собственные интересы, какъ пановъ. Во-вторыхъ, право бояръ оставлять свои земли и своихъ пановъ хорошо извѣстно актамъ, которыми верховная власть закрѣпляла за панами и князьями имѣнія съ боярами¹⁾.

Долженъ быть поставленъ вопросъ объ источникахъ панскаго боярства. Этими источниками были: 1) полученіе отъ пана земли на боярской службѣ, 2) наследственное владѣніе ею и 3) пожалованіе государемъ земель, которыми владѣли бояре, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами. Бояриномъ къ пану можно было „приказаться“, т. е. стать его „бояриномъ приказнымъ“, получивъ отъ пана землю и принявъ на себя обязательство служить ему съ нея военною службою. Такъ поступили, напримѣръ, Янъ и Станько Богдановичи и Янъ Михайловичъ „з ыншою братьею своею со всею Сурымътовичы“. Они, по собственнымъ ихъ словамъ, „были бояре приказныи за паномъ Мишкомъ Юшко-

1) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 754—756.

вичомъ и землю Станевщину взяли, и дворцы себе на той земли побудовали“. Съ этой земли они „оному пану своему одъ колькосъ летъ службою военною служыли“¹⁾. Панъ охотно приметъ къ себѣ на службу способнаго нести военную службу челоувѣка — онъ нуженъ ему въ его панскомъ „почтѣ“. Панъ даже иногда попытается переманить къ себѣ на службу и господарскаго боярина, который станетъ въ „почетъ“ пана, „позволившы“ ему „руководанне служыти“²⁾. Но паны въ предѣлахъ своихъ панскихъ владѣній также, конечно, возвышали на ступень боярства и людей путныхъ и тяглыхъ³⁾, т. е. дѣлали въ предѣлахъ своихъ владѣній то же самое, что дѣлалъ и великій князь на своихъ господарскихъ земляхъ. Такъ параллельно боярству господарскому развивалось боярство панское. Конечно, было много случаевъ и совпаденій обоихъ этихъ видовъ боярства: бояринъ господарскій нерѣдко служилъ пану, замѣняя себя другимъ лицомъ на господарской службѣ⁴⁾, — выгоды, предоставляемыя ему паномъ, жаловавшимъ и обезпечивавшимъ его лучше, чѣмъ государь, побуждали его къ этому.

Мы видѣли выше возможность перехода панскаго боярина на службу великому князю, т. е. возможность превращенія его въ боярина господарскаго путемъ отказа отъ имѣнія, которое онъ держалъ подъ паномъ, и затѣмъ полученія земли на боярской службѣ подъ государемъ. Но были и еще пути для такого перехода панскихъ бояръ въ ряды бояръ господарскихъ. Эти пути слѣдующіе: 1) выдѣленіе великимъ княземъ части бояръ на себя изъ состава имѣнія, жалуемаго имъ пану; 2) покупка панскимъ бояриномъ своего боярскаго имѣнія у пана съ освобожденіемъ, такимъ образомъ, отъ его власти, а слѣдовательно съ превращеніемъ въ боярина господарскаго, если онъ не задается за другого пана; 3) добровольная уступка самимъ паномъ земли въ

1) А. Вил. XXIV. № 66.

2) Вил. Арх. Сб. VII. № 8. Ср. И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 455—456.

3) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 149.

4) Списки земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго хорошо знаютъ примѣры этого. Такъ въ „Пописъ“ 1565 года читаемъ, что Янъ Тукола „самъ въ почте пана Кишъки“ (л. 15, ст. 261 изданія), Иванъ Сенковичъ „самъ въ почте пани Кишыное“ (л. 16 об., ст. 263 изданія) и т. д., вмѣсто себя же они выставили въ хоружествѣ своихъ слугъ.

полную собственность своему боярину, чѣмъ открывалась для послѣдняго возможность вступленія въ ряды господарскихъ бояръ или шляхты; 4) переходъ на господаря панскихъ имѣній съ ихъ боярами „спадкомъ“, т. е. послѣ прекращенія панскаго рода или отсутствія законныхъ наслѣдниковъ. Примѣры перваго изъ этихъ путей достаточно извѣстны источникамъ. Такъ, жалуя 19 марта 1499 года князю Михаилу Ивановичу Юрьевича Жеславскому Мстиславль и Мглинь со всѣмъ, къ нимъ принадлежащимъ, великій князь Александръ выдѣлилъ на службу себѣ Каспора Гармановича съ его имѣнїями, которыя онъ выслужилъ „во Мстиславли“ на князѣ Иванѣ Юрьевичѣ¹⁾.

Какъ примѣръ бояръ, купившихъ землю у своего пана, могутъ быть указаны хотя бы уже названныя нами выше Сурымтовичи, приказные бояре пана Мишка Юшковича. Сурымтовичи, „не хотечы за“ Юшковичемъ „мешкати и ему служыти, просили оного пана своего, абы онъ тую землю, сеножати, которыи подъ собою ку дворцомъ своимъ держать и пашутъ, имъ бы за некоторую суму спустилъ“. Панъ Мишко Юшковичъ согласился на ихъ предложеніе и продалъ просимую ими землю. Получивъ отъ пана продажный листъ, Сурымтовичи представили его великому князю съ просьбою оставить ихъ при этомъ листѣ, подтвердить его листомъ господарскимъ и дозволить имъ служыти ему, господарю, „службою боярскою, а въ повете Виленскомъ, подъ хоругвь Ошменскую, и зъ ынъшыми бояры поветовыми стоять“. Великій князь „добре“ выслушалъ листъ пана Юшковича, которымъ онъ продаетъ Сурымтовичамъ землю Станевщину на вѣки, имъ самимъ, ихъ жонамъ и потомкамъ, со всѣмъ принадлежащимъ, ничего на себя не оставляя и признавая ихъ вольность „зъ тыхъ земель господарю королю его милости служыти, або паномъ раде ихъ милости, або кому усхотятъ, тому служать по тому, якъ и“ ему самому „тыи Сурымътовичы служыли службою боярскою съ тыхъ земель“. На основаніи этого листа „бывшаго пана“ Сурымтовичей великій князь выдалъ имъ свой листъ, постановивъ: „мають оны сами и ихъ потомъки намъ господарю службу военъную служыти, яко слуныть на шляхтичовъ добрыхъ,

1) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 784.

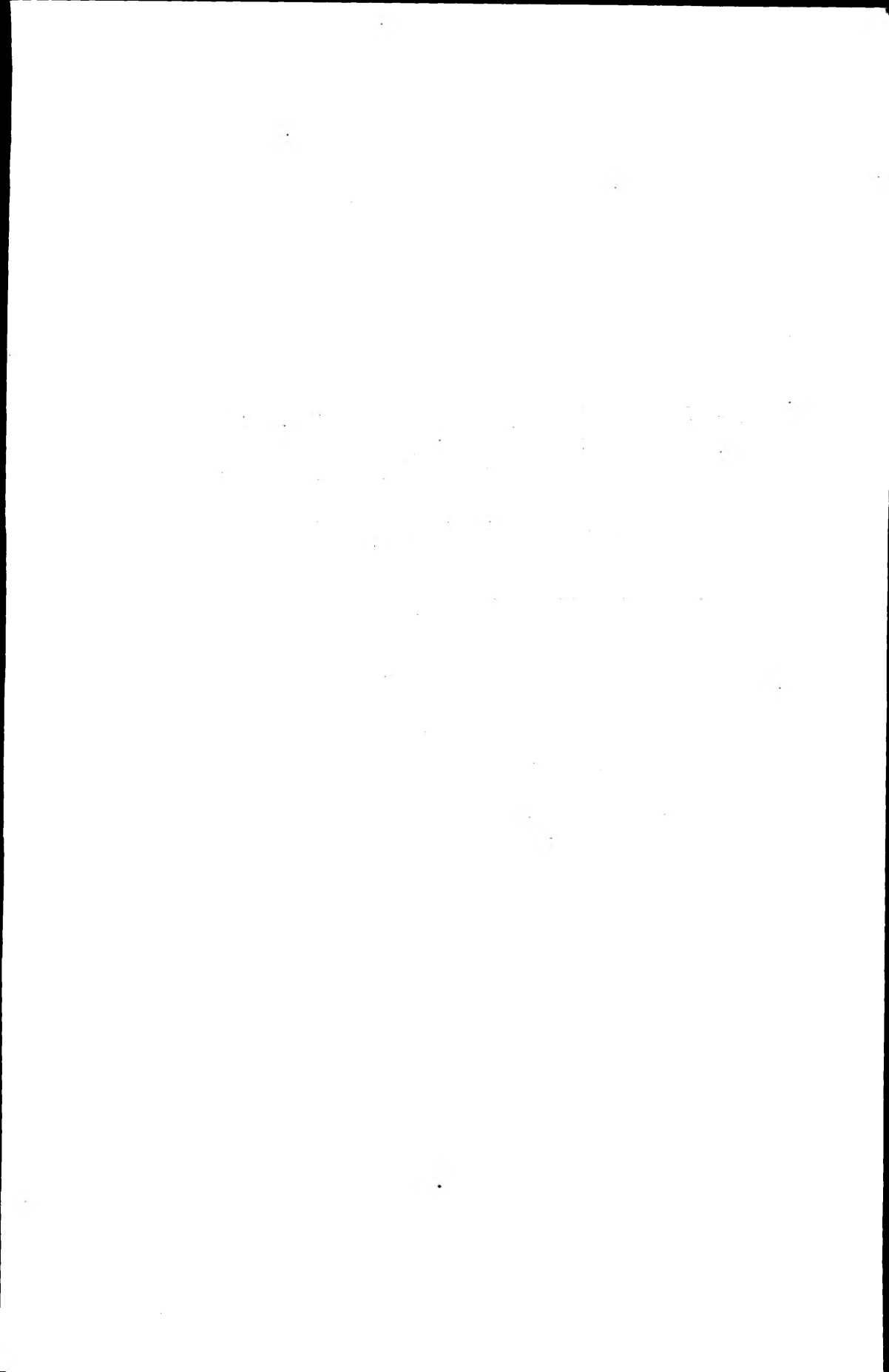
DELECTUS SEMINUM

PLANTARUM ET SPORARUM

ANNO 1911 COLLECTORUM QUAE PERMUTATIONI OFFERT

HORTUS BOTANICUS UNIVERSITATIS IMPERIALIS JURJEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

Ricciaceae.

Riccia fluitans L.

Marchantiaceae.

Lunularia cruciata Dum.
Marchantia polymorpha L.
Pellia epiphylla Dill.

Polypodiaceae.

Adiantum cuneatum Langs et Fisch.
" *patens* Willd.
Alsophila australis R. Br.
Aspidium filix-mas Schwartz.
" " " v. *grandiceps*.
" " " v. *cristatum*.
" *trifoliatum* L.
Asplenium bulbiferum Forst.
" *dimorphum* Kunze.
" *Trichomanes* L.
Athyrium filix-foemina Roth.
Cystopteris bulbifera Bernh.
" *regia* Bernh.
Gymnogramme japonica Desf.
Nephrolepis Pearsoni hort.
Nephrodium molle Desf.
Onoclea sensibilis L.
Polypodium aureum L.
" *vulgare* L.
Pteris cretica L.
" *longifolia* L.
" *Wimsetti* hort.
Struthiopteris germanica Willd.
Scolopendrium vulgare Sm.
" " " v. *crispa*.
" " " v. *cristata*.

Osmundaceae.

Osmunda Claytoniana L.
" *regalis* L.

Salviniaceae.

Salvinia auriculata Aubl. pl. v.
Azolla caroliniana Willd. pl. v.

Marsiliaceae.

Marsilia Drummondii R. Br. pl. v.
" *quadrivalvis* L. pl. v.

Ophioglossaceae.

Botrychium Lunaria Schw.

Isoetaceae.

Isoetes palustris L. pl. v.

Coniferae.

Pinus Cembra L.
Taxus baccata L.
Thuja orientalis L.

Typhaceae.

Typha latifolia L.

Potamogetonaceae.

Potamogeton crispus L. pl. v.
" *perfoliatus* L. pl. v.
" *natans* L. pl. v.

Alismaceae.

Alisma Plantago L.

Hydrocharitaceae.

Elodea canadensis Rich.
" *densa* Casp.
Hydrocharis Morsus Ranae L.
Vallisneria spiralis L.

Gramineae.

Aegilops bicornis Jaub.
" *macroura* Jaub.
" *ventricosa* Tausch.
Agriopyrum caninum P. B.
Agrostis nebulosa Boiss.
" *verticillata* Vahl.

Aira breviaristata *Gilib.*
Apera Spica venti *Beauv.*
Avena elatior *L.*
 " *paniculmis* *Schrad.*
Briza maxima *L.*
 " *media* *L.*
Bromus inermis *L.*
Dactylis glomerata *L.*
Elymus Caput Medusae *L.*
Festuca arundinacea *Vill.*
 " *spectabilis* *Jacq.*
Glyceria aquatica *Wahl.*
Gymnotrix latifolia *Schultz.*
Hordeum distichum *L. v. nigescens.*
 " *mandchuricum* *Rgl.*
 " *maritimum* *With.*
Lagurus ovatus *L.*
Lamarckia aurea *Mönch.*
Melica Magnolii *Gr. et Godr.*
 " *penicillaris* *Boiss.*
Oryza sativa *L.*
Panicum italicum *L.*
 " *plicatum* *Lam.*
Phalaris arundinacea *L.*
 " *canariensis* *L.*
Phleum pratense *L.*
Poa alpina *L. v. fructifera.*
 " *annua* *L.*
Polypogon monspessulanum *Desf.*
Secale montanum *Cass.*
Stipa capillata *L.*
 " *sibirica* *Lam.*
Triticum Spelta *L.*
Zea Mays *L.*
 " " *L. fr. rubro.*

Cyperaceae.

Carex caucasica *Stev.*
 " *Davalliana* *Schm.*
 " *dioica* *L.*
 " *flava* *L.*
 " *leporina* *L.*
 " *pallescens* *L.*
 " *vesicaria* *L.*
Cyperus alternifolius *L.*
 " *esculentus* *L.*
 " *longus* *L.*
Scirpus lacuster *L.*
 " *silvaticus* *L.*

Araceae.

Aglaonema commutatum *Schott.*
Anthurium crystallinum *Lind.*
 " *Ferriense* *hort.*
Ariopsis peltata *J. Grah. bulb.*
Arum maculatum *L.*
Calla palustris *L.*

Lemnaceae.

Lemna minor *L. pl. v.*
 " *trisulca* *L.*

Bromeliaceae.

Billbergia porteaana *Brogn.*
Dyckia princeps *Lem.*
Tillandsia acaulis *Otto pl. v.*

Commelinaceae.

Commelina dianthifolia *Red.*
Palisota Barterii *Hook.*
Tinantia erecta *Schlecht.*
Zebrina pendula *Schnitzl.*

Juncaceae.

Juncus buffonius *L.*
 " *lampocarpus* *Ehr.*
Luzula alpina *Hoppe.*
 " *campestris* *L.*

Liliaceae.

Allium angulosum *L.*
 " *coeruleum* *Pall.*
 " *cernuum* *Roth.*
 " *cyaneum* *Rgl.*
 " *fistulosum* *L.*
 " *flavum* *L.*
 " *lineare* *L.*
 " *longispathum* *Red.*
 " *odorum* *L.*
 " *obliquum* *L.*
 " *oleraceum* *L.*
 " *Rosenbachianum* *Reg.*
 " *Schoenoprasum* *L.*
 " *senescens* *L.*
 " *stipitatum* *Reg.*
 " *strictum* *Schrad.*
 " *victoriale* *L.*
 " *viviparum* *Kar.*
Anthericum Liliago *L.*
 " *ramosum* *L.*
Asparagus trichophyllus *Bunge.*
Bulbine annua *Willd.*
Chlorophytum Sternbergianum *Steud.*
 " *capense* *Voss.*
Colchicum autumnale *L.*
Convallaria majalis *L.*
Czackia Liliastrum *Andrz.*
Eremurus altaicus *Stev.*
 " *himalaicus* *Bak.*
Fritillaria pallidiflora *Schrenk.*
Funkia cordata *Sieb.*
 " *ovata* *Spreng.*
Hemerocallis flava *L.*
 " *fulva* *L. pl. v.*

Hemerocallis Middendorffiana *Trautv.*
 " *minor* *Mill.*
Hyacinthus leucopheus *Led.*
Lilium Martagon *L.*
Muscari racemosum *Mill.*
Ornithogalum armenum *Bak.*
 " *nutans* *L.*
 " *pyrenaicum* *L.*
Polygonatum multiflorum *All.*
 " *latifolium* *Desf.* pl. v.
Reineckia carnea *Knth.* pl. v.
Smilax excelsa *L.*
Scilla bifolia *L.*
Tofieldia calyculata *Wahl.*
Veratrum album *L.*
 " *nigrum* *L.*

Amaryllidaceae.

Himantophyllum miniatum *Hook.*
Vellosia elegans *Talb.* pl. v.
Lephyranthes caudata *Herb.* pl. v.

Taccaceae.

Tacca cristata *Jacq.*

Dioscoreaceae.

Dioscorea caucasica *Lipsk.* (bulb).
 " *macroura* *Harms* (bulb).
 " *sativa* *L.* (bulb).

Iridaceae.

Freesia refracta *Klatt.*
Iris anglica *hort.*
 " *germanica* *L.*
 " *Güldenstaedti* *Bieb.*
 " " *fl. luteo.*
 " *missuriensis* *Nutt.*
 " *nudicaulis* *Lam.*
 " *pseudo-acorus* *L.*
 " *pumila* *L.*
 " *ruthenica* *Ker. Gawl.*
 " *sibirica* *L.*
 " *variegata* *L.*
Sisyrinchium Nuttallii *Sweet.*
Tritoma crocosmaeflora *Voss.*

Zingiberaceae.

Brachytilum Horsfieldi *G. O. Peters.*
Globba heterobracteata *K. Schum.*
Hedychium Gardnerianum *Griff.*

Cannaceae.

Canna flaccida *Rosc.*

Orchidaceae.

Calanthe vestita *Lind.*
Coelogyne cristata *Lind.*
Epidendron cochleatum *L.*
Eria stellata *Lind.* pl. v.
 " *rosea* *Lind.* pl. v.
Pleione Lagenaria *Lind.*
Vanda tricolor *Lind.*

Piperaceae.

Peperomia blanda *H. B.*
 " *marmorata* *Hook.*
 " *velutina* *Lind.*

Betulaceae.

Alnus glutinosa *Gärtn.*
 " *incana* *Willd.*
Betula excelsa *Ait.*
 " *urticifolia* *hort.*

Fagaceae.

Quercus pedunculata *Ehrb.*

Ulmaceae.

Celtis caucasica *Willd.*

Cannabaceae.

Cannabis sativa *L.*
Humulus Lupulus *L.* pl. v.

Urticaceae.

Elatostema sessile *Forst.* pl. v.
Urtica angustifolia *Fisch.*
 " *cannabina* *L.*
 " *dioica* *L.*
 " *Dodarti* *L.*
 " *pilulifera* *L.*

Aristolochiaceae.

Asarum europeum *L.*
Aristolochia Clematitis *L.*

Polygonaceae.

Antigonon leptopus *Hook.*
Emex spinosus *Campd.*
Polygonum dumetorum *L.*
 " *persicaria* *L.*
 " *sachalinense* *Schm.* pl. v.
Rheum Emodi *L. Wall.*
 " *leucorrhizum* *Pall.*
 " *officinale* *Baill.*
 " *palmatum* *L.*
 " *Ribes* *L.*

- Rheum undulatum *L.*
 " " " v. longifolia.
 Rumex Acetosella *L.*
 " Acetosella *L.*
 " bucephalophorus *L.*
 " obtusifolius *L.*
 " scutatus *L.*
 " crispus *L.*

Chenopodiaceae.

- Axyris amaranthoides *L.*
 Beta vulgaris *L.*
 Blitum virgatum *L.*
 Chenopodium album *L.* v. viride.
 " hybridum *L.*
 " foetidum *Schrad.*
 " polyspermum *L.* v.
 " cymoso-racemosum *C. Koch.*
 Chenopodium rubrum *L.*
 Hablitzia thamnoides *H. B.*
 Obione sibirica *Fisch.*
 Spinacia oleracea *L.*
 Salsola Kali *L.*

Nyctaginaceae

- Mirabilis Jalapa *L.*
 Oxybaphus floribundus *Chois.*

Phytolaccaceae.

- Peltiveria alliacea *L.*
 Phytolacca esculenta *Hoppe.*
 Rivina brasiliensis *Nocca.*
 " tinctoria *Hamilt.*

Aizoaceae.

- Mesembryanthemum crystallinum *L.*
 " linguiforme *L.*
 " pinnatifidum *L.*
 " pomeridianum *L.*
 " tricolor *Willd.*
 Tetragonia expansa *Murr.*

Basellaceae.

- Boussingaultia baselloides *H. B. pl. v.*

Portulacaceae.

- Anacampseros filamentosa *Sims.*
 Claytonia perfoliata *G. Don.*
 " sibirica *L.*
 Calandrinia elegans *hort.*

Caryophyllaceae.

- Alsine banatica *Bluff.*
 Agrostemma Githago *L.*

- Arenaria graminifolia *Schr.*
 Cerastium triviale *L.*
 Dianthus alpinus *L.*
 " carthusianorum *L.*
 " chinensis *L.*
 " monspessulanus *L.*
 " petraeus *W. et K.*
 " plumarius *L.*
 " Seguieri *Vill.*
 Gypsophila paniculata *L.*
 " perfoliata *L.*
 Lychnis chalconica *L.*
 " coronaria *Desv.*
 " Flos-cuculi *L.*
 Melandrium album *Garcke.*
 " noctiflorum *Fries.*
 Sagina procumbens *L.*
 Saponaria officinalis *L.*
 Silene alpestris *Jacq.*
 " Armeria *L.*
 " caucasica *Boiss.*
 " inflata *Sm.*
 " maritima *With.*
 " pendula *L.*
 " Zawadzki *Herbich.*
 Spargula arvensis *L.*
 Stellaria graminea *L.*
 Tunica Saxifraga *Scop.*
 Velezia rigida *L.*
 Viscaria vulgaris *Röhl.*

Ceratophyllaceae.

- Ceratophyllum demersum *L. pl. v.*

Ranunculaceae.

- Aconitum barbatum *Patr.*
 " Fischeri *Reich.*
 " Lycoctonum *L. v. pyrenai-*
 " " *L. v. micran-*
 " " *thum.*
 " Napellus *L. v. Halleri.*
 " " *L. v. latisectum.*
 " " *L. v. pubens.*
 " ochroleucum *Hort.*
 " septentrionale *Kölle.*
 " Stoerkianum *Rchb.*
 " uncinatum *L.*
 Adonis aestivalis *L.*
 Actaea spicata *L.*
 Anemone fulgens *A. Gr.*
 " narcissiflora *L.*
 " ranunculoides *L.*
 " silvestris *L.*
 " virginiana *L.*
 Aquilegia alpina *L.*
 " chrysantha *A. Gr.*
 " cretica *Koch.*

Aquilegia nivea Baumg.
 " *vulgaris L.*
 " " " *fl. variegat.*
Atragene alpina L.
Cimicifuga foetida L.
 " *racemosa Nutt.*
Clematis recta L.
Delphinium Ajacis L.
 " *chinense Fisch.*
 " *elatum L.*
 " *grandiflorum L.*
 " *palmatifidum DC.*
 " *speciosum Bieb.*
 " *tirolense Kern.*
Ficaria ranunculoides Mönch. (bulb.)
Garidella Nigelastrum L.
Helleborus odoratus W. et Kit.
Nigella arvensis L.
 " *damascena L.*
Paeonia intermedia C. A. Mey.
 " *anomala L.*
 " *peregrina L.*
 " *tenuifolia M. B.*
Pulsatilla vulgaris Mill.
Ranunculus acer L.
 " *caucasicus M. B.*
 " *cassubicus L.*
 " *Flammula L.*
 " *pygmaeus Wahl.*
 " *repens L.*
 " *sardous Cranz.*
 " *sceleratus L.*
Trollius altaicus C. A. M.
 " *asiaticus L.*
 " *europaeus L.*
 " *Ledeboure Richb.*

Berberidaceae.

Berberis vulgaris L.
 " *macrocarpa Schr.*
Leontica altaica Pall.

Papaveraceae.

Chelidonium majus L.
 " " " *fl. pleno.*
 " " *laciniatum Mill.*
Glaucium corniculatum Curt.
 " *flavum Crantz.*
Meconopsis cambrica Vig.
Papaver alpinum L. v. nudicaule.
 " *bracteatum Lindl.*
 " *caucasicum Bieb.*
 " *orientale L.*
 " *Rhoeas L.*
 " *somniferum L.*
 " " " *fl. pleno.*

Cruciferae.

Alliaria officinalis Andrz.
Alyssum Middendorffianum.
 " *desertorum Staff.*
Arabis alpina L.
 " *ciliata R. Br.*
 " *nivalis Guss.*
 " *albida Stev.*
 " *pendula L.*
Aubrietia erubescens Gris.
Barbarea arcuata Richb.
 " *orthoceras Ledeb.*
Bisquitella ciliata DC.
Bunias orientalis L.
Camelina sativa L.
Capsella Bursa pastoris L.
Cardamine Impatiens L.
Cheiranthus Cheiri L.
Cochlearia arctica Schlecht.
 " *officinalis L.*
Crambe grandiflora DC.
Diplotaxis muralis DC.
Draba fladnizensis Wulf.
Erucaria aleppica Bieb.
Erucastrium arabicum Fisch.
Erysimum canescens Roth.
 " *strictum Gärtn.*
Farsëtia incana Ait.
Hesperis matronalis L.
Iberis odorata L.
 " *taurica DC.*
Isatis alpina All.
 " *tinctoria L.*
Lepidium campestre Ait.
 " *sativum L.*
Lunaria rediviva L.
Malcolmia africana Ait.
Myagrum perfoliatum L.
Nasturtium silvestre R. Br.
Neslia paniculata Desv.
Raphanus Raphanistrum L.
Schivereckia podolica Andrz.
Sinapis alba L.
 " *juncea L.*
Sissymbrium pannonicum Jacq.
 " *Sophia L.*
Thlaspi arvense L.

Resedaceae.

Asterocarpus sesamoides DC.
Reseda alba L.
 " *Luteola L.*
 " *lutea L.*
 " *odorata L.*

Droseraceae.

Drosera rotundifolia L.

Crassulaceae.

- Bryohyllum calycinum *Salisb.*
 Crassula tetragona *L.* pl. v.
 Grammanthes gentianoides *DC.*
 Sedum Anacampseros *L.*
 " hybridum *L.*
 " reflexum *L.* v. glaucescens.
 " spurium *M. B.*
 " vulgare *Link.* v. purpurascens.
 " Sieboldii *Sw.* pl. v.
 Sempervivum tectorum *L.* pl. v.
 " heterotrichum *Scholt.* pl. v.
 Umbilicus spinosus *DC.*

Saxifragaceae.

- Astilbe Davidi *A. Henry.*
 " grandis *Stapp.*
 " Thunbergi *Mikan.*
 Bergenia crassifolia *Engl.*
 Chrysosplenium alternifolium *L.*
 Boykinia rotundifolia *Parry.*
 Francoa appendiculata *Cav.*
 Heuchera americana *L.*
 " sanguinea *Engl.*
 Parnassia palustris *L.*
 Philadelphus coronarius *L.*
 Ribes alpinum *L.*
 Rodgersia pinnata *Franch.*
 " podophylla *A. Gray.*
 " tabularis *Kom.*
 Saxifraga caesia *L.*
 " Cymbalaria *L.*
 " Forbesi *Vasey.*
 " Geum *L.*
 " hypnoides *L.*
 " rotundifolia *L.*
 " sarmentosa *L.*
 Tellima grandiflora *R. Br.*

Rosaceae.

- Acaena Novae Zelandiae *T. Kirk.*
 Agrimonia Eupatorium *L.*
 " parviflora *Ait.*
 Amygdalus nana *L.*
 Coluria geoides *Led.*
 Cotoneaster nigra *Wahl.*
 " rotundifolia *Wall.*
 Crataegus coccinea *L.*
 " monogyna *Jacq.*
 " glandulosa *Ait.*
 " nigra *W. et Kit.*
 " pinnatifida *Bunge.*
 " sanguinea *Pall.*
 Exochorda grandiflora *Lindl.*
 Filipendula Ulmaria *Max.*
 Geum japonicum *Thunb.*
 " strictum *Ait.*
 " urbanum *L.*

- Poterium mauritanicum *Boiss.*
 Potentilla adscharica *Fomin.*
 " atrosanguinea *Lodd.*
 " fragarioides *L.*
 " intermedia *L.*
 " sericea *L.*
 " speciosa *Willd.*
 " transcaspica *Th. Wolf.*

- Rosa altaica *Willd.*
 " canina *L.*
 " glauca *Vill.*
 " lucida *Ehr.*
 " turbinata *Thunb.*
 " villosa *L.*
 Rubus crataegifolius *Bunge.*
 Sanguisorba bracteosa *Bess.*
 " officinalis *L.*
 Spirea amurensis *Max.*
 " confusa *Rgl.*
 " chamaedrifolia *L.* v. ulmifolia.
 " Filipendula *L.*
 Prunus avium *L.*
 " acida *L.*

Leguminosae.

- Acacia Baileyana *F. Müll.*
 " spectabilis *A. Cunn.*
 Anthyllis vulneraria *L.*
 Astragalus Cicer *L.*
 " galegiformis *L.*
 " hypoglottis *L.*
 Caragana arborescens *Iam.*
 Ceratonia Siliqua *L.*
 Coronilla cretica *L.*
 " varia *L.*
 Cytisus biflorus *L'Her.*
 " capitatus *Scop.*
 " hirsutus *L.*
 " racemosus *Hort.*
 Desmanthus virgatus *Willd.*
 Ervum lens *L.*
 Faba vulgaris *Mönch.*
 Galega officinalis *L.*
 Genista sibirica *L.*
 Hedysarum neglectum *Led.*
 " sibiricum *Poir.*
 Krokera edulis *Willd.*
 Lathyrus abyssinicus *hort.*
 " Aphaca *L.*
 " articulatus *L.*
 " Clymenum *L.*
 " Nissolia *L.*
 " odoratus *L.*
 " pisiformis *L.*
 " silvestris *L.*
 " vernus *L.*
 Lotus corniculatus *L.*
 Lupinus digitatus *Forsk.*
 " polyphyllus *L.*
 " pubescens *Benth.*

Medicago Terebellum *Willd.*
 Melilotus officinalis *L.*
 Mimosa pudica *L.*
 Onobrychis sativa *Lam.*
 Orobus alpestris *W. et Kit.*
 Phaca alpina *L.*
 Phaseolus multiflorus *L.*
 " vulgaris *L.*
 Pisum sativum *L.*
 " Jomardi *Schr.*
 Thermopsis lanceolata *R. Br.*
 Trifolium ambiguum *M. B.*
 " Lupinaster *L.*
 " montanum *L.*
 Vicia cornigera *Chaub.*
 " cracca *L.*
 " fulgens *Battand.*
 " hirsuta *F. Gray.*
 " sativa *L.*
 " sepium *L.*
 " unijuga *A. Br.*
 Vigna Catjang *Walp.*

Geraniaceae.

Erodium cicutarium *L'Her.*
 " gruinum *Willd.*
 " Manescavi *Bub.*
 " moschatum *L'Her.*
 Geranium alchemilloides *L.*
 " affine *Led.*
 " macrorrhizum *L.*
 " pyrenaicum *Burm.*
 " sibiricum *L.*

Oxalidaceae.

Biophytum sensitivum *DC.*
 " dormiens *G. Don.*
 Oxalis Acetosella *L.*
 " corniculata *L.*
 " Deppei *Lodd. (bulb.)*
 " corymbosa *DC. (bulb.)*
 " stricta *L.*
 " valdiviensis *Barn.*

Tropaeolaceae.

Tropaeolum majus *L.*
 " Lobbianum *Hort.*

Linaceae.

Linum grandiflorum *Desf.*
 " usitatissimum *L.*

Zygophyllaceae.

Tribulus terrestris *L.*

Rutaceae.

Dictamnus Fraxinella *L.*
 Phellodendron amurense *Rupr.*

Euphorbiaceae.

Euphorbia Myrsinites *L.*
 " Helioscopia *L.*
 " Peplus *L.*
 " procera *M. B.*
 Phyllantus Niruri *L.*

Celastraceae.

Celastrus articulatus *Thunb.*
 " scandens *L.*
 Evonymus atropurpureus *Jacq.*
 " europeus *L. v. latifolia.*

Balsaminaceae.

Impatiens Balsamina *L.*
 " fulva *Nutt.*
 " parviflora *DC.*
 " Royli *Walp.*

Rhamnaceae.

Paliurus aculeatus *Lam.*
 Rhamnus dahurica *Pall.*
 " spathulaefolia *F. et Mey.*
 " Frangula *L.*
 " utilis *DC.*

Malvaceae.

Althaea cannabina *L.*
 " officinalis *L.*
 " rosea *Cav.*
 " " " fl. albo pleno.
 Abutilon Sonneratianum *Sweet.*
 Gossypium arboreum *L.*
 Hibiscus Trionum *L.*
 Lavatera trimestris *L.*
 Malope trifida *Cav.*
 Malva silvestris *L.*
 Modiola multifida *Mönch.*
 Pavonia hastata *Spreng.*

Sterculiaceae.

Ternstroemia brasiliensis *Camb.*
 Riedleya corchorifolia *DC.*

Guttiferae.

Androsaemum officinale *All.*
 Ascyron Crux Andreae *L.*
 Hypericum perforatum *L.*
 " Ascyron *L.*

Cistaceae.

Helianthemum roseum L.

Violaceae.

Viola biflora L.
 " *calcarata* L.
 " *odorata* L.
 " *tricolor* L.

Loasaceae.

Blumenbachia insignis Schrad.
Caiophora lateritia Benth.
Loasa papaverifolia H. B. K.

Begoniaceae.

Begonia gracilis H. B.
 " *tuberosa* hort.
 " *Wallichii* Steudn.
 " *Weltonensis* hort.

Lythraceae.

Lythrum Salicaria L.
Cuphea Zimapani E. Morr.

Myrtaceae.

Eucalyptus rostrata Schlecht.

Melastomaceae.

Bertolonia aenea Naud.
 " *maculata* DC.

Oenotheraceae.

Clarkia elegans Dougl.
Epilobium angustifolium L.
 " *montanum* L.
 " *palustre* L.
Fuchsia fulgens DC.
Godetia purpurea G. Don.
Oenothera biennis L.
 " *Lamarckiana* DC.
 " *speciosa* Nutt.

Hippuridaceae.

Hippuris vulgaris L. pl. v.

Araliaceae.

Acanthopanax senticosus Harms.
 " *sessiliflorum* Seem.

Umbelliferae.

Aethusa Cynapium L.
Antriscus silvestris Hoff.

Archangelica officinalis L.
Bupleurum rotundifolium L.
Carum Carvi L.
 " *huriaticum* Turcz.
Caucalis daucoides L.
Chaerophyllum aromaticum L.
 " *nodosum* Crantz.
 " *temulum* L.
Chaetosciadium trichospermum Boiss.
Conium maculatum L.
Coriandrum sativum L.
Cnidium apioides Spreng.
Cuminum Cyminum L.
Daucus Carota L.
Eryngium amethystinum L.
 " *Bourgatii* Gouan.
Falcaria Rivini Host.
Helosciadium leptophyllum DC.
Heraclium pubescens Bieb.
 " *sibiricum* L.
Laserpitium glabrum Crantz.
 " *Panax* Gouan.
Ligusticum seseloides Fisch.
Levisticum officinale L.
Myrrhis odorata Scop.
Oenanthe Phellandrium L.
Pastinaca sativa L.
Petroselinum sativum L.
Peucedanum officinale L.
Scandix pecten veneris L.

Cornaceae.

Aucuba japonica Thunb.
Cornus alba L.
 " *florida* L.
 " *Mas* L.

Primulaceae.

Anagallis arvensis L.
Androsace elongata L.
 " *maxima* L.
Corthusa Matthioli L.
Lysimachia vulgaris L.
Primula caschmeriana Reg.
 " *Forbesi* All.
 " *hirsuta* All.
 " *Juliae* Ksnz. pl. v.
 " *obconica* Hance.
 " *officinalis* Jacq.
 " " v. *macrocalyx*.
 " *superauricula hirsuta* Pax.
Soldanella alpina L.

Plumbaginaceae.

Acantholimon glumaceum Boiss.
Armeria majellensis Boiss.
 " *plantaginea* Willd.
Plumbagella micrantha DC.
Plumbago Zeylanica L.

Ebenaceae.

Diospyros Lotus *L.*

Oleaceae.

Syringa vulgaris *L.*

Jasminum pubigerum *G. Don.*

Gentianaceae.

Erythraea Centaurium *Pers.*

Gentiana acaulis *L.*

" Amarella *L.*

" cruciata *L.*

" lutea *L.*

" macrophylla *Pall.*

" septemfida *Pall.*

" tibetica *Kingst.*

" Walujewi *Regel.*

Menyanthes trifoliata *L.*

Swertia connata *Schr.*

Apocynaceae.

Apocynum androsaemifolium *L. pl. v.*

Kickxia elastica *Preuss.*

Vinca minor *L.*

Asclepiadaceae.

Vincetoxicum officinale *Mönch.*

Convolvulaceae.

Convolvulus tricolor *L.*

Cuscuta Epilinum *Wahl.*

Ipomea sibirica *Pers.*

Pharbitis hispida *Chois.*

Polemoniaceae.

Gilia Androsace *Steudn.*

" californica *Benth.*

Phlox paniculata *L.*

Polemonium coeruleum *L.*

" pauciflorum *Wats.*

Hydrophyllaceae.

Hydrophyllum virginicum *L.*

Phacelia tanacetifolia *Benth.*

Wigandia imperialis *hort.*

Borraginaceae.

Anchusa italica *Retz.*

" officinalis *L.*

" sempervirens *L.*

Asperugo procumbens *L.*

Borrago laxiflora *Willd.*

" officinalis *L.*

Caccinia strigosa *Boiss.*

Cerinth major *L.*

" minor *L.*

" scabrida *Rehb.*

Cordia ferruginea *Röm. et Sch.*

Cynoglossum nebrodense *Guss.*

" officinale *L.*

" pictum *Ait.*

Echium rubrum *Jacq.*

" plantagineum *Kunze.*

Echinopspermum Lappula *Lehm.*

Heliotropium europeum *L.*

Lithospermum officinale *L.*

" Sibthorpiantum *Gries.*

Lindelophia spectabilis *Lehm.*

Lycopsis arvensis *L.*

Macrotomia echioides *Boiss.*

Mertensia paniculata *G. Don.*

Myosotis intermedia *Link.*

" sparsiflora *Mikan.*

Nonnea flayescens *Fisch.*

" nigricans *DC.*

" rosea *F. et Mey.*

Omphalodes linifolia *Mönch.*

Pulmonaria officinalis *L. fl. albo.*

Solenanthus stylosus *Lipsky.*

Symphytum asperum *Lepech.*

" caucasicum *MB.*

" grandiflorum *DC.*

" officinale *L.*

" ottomanum *Friv.*

" tauricum *Willd.*

Labiatae.

Brunella grandiflora *Jacq.*

" vulgaris *L.*

Coleus Blumei *Benth.*

Dracocephalum Ruyschianum *L.*

Elsholtzia cristata *Willd.*

Galeopsis Tetrahit *L.*

Hyssopus officinalis *L.*

Lallemantia iberica *Fisch. et Mey.*

Lamium amplexicaule *L.*

Leonurus altaicus *Spreng.*

" Cardiaca *L.*

Leucas martinicensis *R. Br.*

Lophanthus anisatus *Spreng.*

Marrubium praecox *Jank.*

Mentha silvestris *L.*

Monarda didyma *L.*

Nepeta cataria *L.*

" granatensis *Boiss.*

" grandiflora *MB.*

" macrantha *Fisch.*

Phlomis tuberosa *L.*

Salvia cleistogama *de-Bary.*

" patens *Cav.*

" pratensis *L.*

" " " fl. albo.

Salvia pratensis L. fl. variegat.
 " *Przewalskii* Max.
 " *Regeliana* Trauv.
 " *sclarea* L.
 " *splendens* Ker.
 " *virgata* Ait.
 " *verticillata* L.
Satureja hortensis L.
Scutellaria albida L.
 " *altissima* L.
 " *baicalensis* Georg.
Sideritis montana L.
Stachys recta L.
 " *arenaria* Vahl.
Teucrium Botrys L.

Solanaceae.

Atropa Belladonna L.
 " *flavescens* Jacq.
Datura stramonium L.
 " *Tatula* L.
Hyascyamus niger L.
 " *pallidus* W. et Kit.
Lycopersicum cerasiforme Dun.
Nicotiana physaloides Gärtn.
Nicotiana affinis Langsd.
 " *rustica* L.
 " *Tabacum* L.
Physalis Alkekengi L.
Physochlaina orientalis G. Don.
Solanum Dulcamara L.
 " *Pseudo-capsicum* L.

Scrophulariaceae.

Alonsoa caulialata R. et P.
Antirrhinum majus L.
Calceolaria hybrida hort.
Digitalis grandiflora Lam.
 " *lanata* Ehr.
 " *lutea* L.
 " *purpurea* L.
Gratiola officinalis L.
Linaria alpina Mill.
 " *minor* Desf.
 " *Pancici* Jank.
 " *vulgaris* Mill.
Maurandia Barklayana Lindl.
Mimulus cardinalis Dougl.
 " *cupreus* Rgl.
 " *luteus* L.
Odontites rubra Pers.
Orobanche speciosa DC.
Pentastemon Digitalis Nutt.
 " *diffusus* Dougl.
Scrophularia chrysantha Jaub.
 " *orientalis* L.
 " *nodosa* L.
 " *vernalis* L.

Verbascum nigrum L.
 " *phlomoides* L.
 " *phoeniceum* L.
 " *Thapsus* L.
Veronica caucasica Bieb.
 " *gentianoides* Vahl.
 " *officinalis* L.
 " *peregrina* L.
 " *petraea* Stev.
 " *urticifolia* Lag.
 " *virginica* L.
Wulfenia carinthiaca Jacq.

Bignoniaceae.

Eccremocarpus scaber Ruis et Pav.

Gesneriaceae.

Achimenes longiflora DC.
Streptocarpus polyanthus Hook.
 " *Rexii* Lindl.

Lentibulariaceae.

Pinguicula vulgaris L. pl. v.
Utricularia vulgaris L. (hibernacula).

Plantaginaceae.

Plantago arborescens Poir.
 " *depressa* Willd.
 " *lanceolata* L.
 " *major* L.
 " " v. *monstrosa*.
 " *media* L.

Rubiaceae.

Asperula ciliata Roch.
 " *orientalis* Boiss.
 " *tinctoria* L.
Gallium Aparine L.
 " *aristatum* L.
 " *boreale* L.
 " *cinereum* All.
 " *Mollugo* L.
Phujopsis stylosa Boiss.
Spermacoce tenuior L.

Caprifoliaceae.

Adoxa moschatellina L. pl. v.
Leycesteria formosa Wall.
Lonicera coerulea L.
 " *tatarica* L.
 " *xylosteum* L.
Sambucus Ebulus L.
 " *racemosa* L.
Viburnum Lantana L.
 " *prunifolium* L.

Valerianaceae.

- Valeriana officinalis *L.*
 " pyrenaica *L.*
 " sambucifolia *Mik.*

Dipsaceae.

- Cephalaria tatarica *R. et Sch.*
 Dipsacus laciniatus *L.*
 " Fullonum *L.*
 " silvestris *Mill.*
 Scabiosa arvensis *L.*
 Pteroccephalus plumosus *Coult.*

Cucurbitaceae.

- Citrullus Colocynthis *Schrad.*
 " vulgaris *Schrad.*
 Cucumis Melo *L.*
 " sativus *L.*
 Cucurbita Pepo *L.* v. oviformis.
 " " *L.* v. pomiformis.
 " " *L.* v. verrucosa.
 Ecbalium Elaterium *A. Rich.*
 Echinocystis lobata *Torr. et Gray.*
 Thladiantha dubia *Bunge.* (tub.)

Lobeliaceae.

- Lobelia Erinus *L.*
 " inflata *L.*
 " syphilitica *L.*

Campanulaceae.

- Adenophora denticulata *Fisch.*
 Campanula alliariaefolia *Willd.*
 " Baumgarteni *Beck.*
 " carpatica *Jacq.*
 " latifolia *L.*
 " medium *L.*
 " Raddeana *Trautv.*
 " persicifolia *L.* fl. albo.
 " rapunculoides *L.*
 " rotundifolia *L.*
 " sarmentosa *Hochst.*
 " Trachelium *L.*
 Codonopsis ovata *Benth.*
 " Tangschen *Oliv.*
 Specularia Speculum *DC.*
 Phyteuma charmelii *Willd.*
 Podanthum Campanuloides *Boiss.*
 Wahlenbergia lobelioides *DC.*

Compositae.

- Achillea Ptarmica *L.*
 Ammobium alatum *R. Br.*
 Anacyclus officinarum *Hayne.*
 Anthemis arvensis *L.*

- Anthemis tinctoria *L.*
 Antennaria dioica *Gärtn.*
 Arnica sachalinensis *A. Gray.*
 Aster alpinus *L.*
 " dracunculoides *L.*
 " puniceus *L.*
 Asterothrix asperima *Cass.*
 Bellis perennis *L.*
 Bidens chilensis *DC.*
 Buphtalmum speciosum *Sch.*
 Calais Bigelovii *A. Gray.*
 Calendula arvensis *L.*
 Callimeris incisa *DC.*
 Carduus nigrescens *Vill.*
 Carpesium Lipsky *Winkler.*
 Catananche coerulea *L.*
 Centaurea Jacea *L.*
 " macrocalyx *Pursch.*
 " stenolepis *Kern.*
 Chardinia xeranthemoides *Desf.*
 Chrysanthemum corymbosum *L.*
 " macrophyllum *Willd.*
 Cirsium "giganteum *Spr.*
 " lanceolatum *Hill.*
 " scleranthum *M. B.*
 Cnicus benedictus *Gärtn.*
 Crepis tectorum *L.*
 " sibirica *L.*
 Cynara Scolymus *L.*
 Doronicum austriacum *Jacq.*
 " Columnae *Ten.*
 Encelia calva *A. Gray.*
 Echinops sphaerocephalus *L.*
 Erigeron acre *L.*
 " caucasicum *Stev.*
 " speciosum *DC.*
 Galinsoga parviflora *Cav.*
 Gerbera Kunzeana *A. Br.*
 Hedypnois cretica *Willd.*
 Helianthus annuus *L.*
 Helichrysum foetidum *Mönch.*
 " amplexicaule *L.*
 Hieracium aurantiacum *L.*
 " Auricula *L.*
 " pallescens *W. et Kit.*
 " Pilosella *L.*
 " pulmonarioides *Vill.*
 " sabaudum *L.*
 " umbellatum *L.*
 " viscosum *Pall.*
 Homogyne alpina *Cass.*
 Humea elegans *Sm.*
 Jurinea stoechadifolia *DC.*
 Inula Helenium *L.*
 Kentrophyllum lanatum *DC.*
 Lactuca sativa *L.*
 " Scariola *L.*
 Lampsana communis *L.*
 Lappa Palladini *Mark.*
 Leontodon hastilis *L.*

Leontopodium alpinum Cass.
Matricaria capensis hort.
 " *chamomilla* L.
 " *discoidea* DC.
Mulgedium cacaliaefolium DC.
Othonna crassifolia Harv. pl. v.
Onopordon Acanthium L.
Petasites albus Gärtn.
 " *niveus* L.
Pyrethrum parthenium Sm.
 " *caucasicum* Willd.
Rudbeckia columbaris Sims.
Sanvitalia procumbens Lam.
Scorzonera hispanica L.

Serratula coronata L.
Senecio sarracenicus L.
 " *aethnensis* Jaub.
Sonchus palustris L.
Tagetes signata Bartl.
Tanacetum vulgare L.
Taraxacum officinale L.
 " *phymatocarpum* J. Wahl.
Tragopogon porrifolius L.
 " *pratensis* L.
Tussilago Farfara L.
Urospermum picroides Desf.
Xeranthemum annuum L.
Zinnia Hageana Rgl.

Prof. Dr. N. J. Kusnezow,
 Horti Director.

N. P. Popow,
 Horti Assistens.

P. P. Popow,
 Horti Assistens.

Priv.-Doc. Mag.
B. L. Hryniewiecki,
 Directoris Adjutor.

J. K. Muszynski,
 Primus Horti Cultor.

N. J. Borsczow,
 Horti Subassistens.

Н. Кузнецовъ, Н. Бушъ, А. Фоминъ.

Flora caucasica critica.

Материалы для Флоры Кавказа.

Вып. 1—30-й содержатъ: *Pirolaceae, Ericaceae, Primulaceae, Plumbaginaceae, Ebenaceae, Styraceae, Oleaceae, Gentianaceae, Apocynaceae, Asclepiadaceae* — обработалъ Н. Кузнецовъ (Часть IV, 1); *Nymphaeaceae, Ceratophyllaceae, Ranunculaceae, Berberidaceae, Magnoliaceae, Lauraceae* — обработалъ Н. Бушъ (Часть III, 3); *Cucurbitaceae, Campanulaceae* — обработалъ А. Фоминъ (Часть IV, 6); *Papaveraceae, Cruciferae, Capparidaceae, Resedaceae, Droseraceae* — обработалъ Н. Бушъ (Часть III, 4). Кроме того:

Вып. 12-й и 13-й. *Funariaceae* — обработалъ П. Мищенко.

Вып. 13-й. *Guttiferae, Elatinaceae* — обработалъ Ю. Вороновъ.

Вып. 20-й. *Geraniaceae* — обработалъ Ю. Вороновъ.

Вып. 22-й. *Elatinaceae, Frankeniaceae* — обработалъ Ю. Вороновъ, *Tamaricaceae* — обработали Р. Регель и Ю. Млокосъвичъ, *Cistaceae* — обработалъ И. Палибинъ.

Вып. 23-й. *Cistaceae* — обработалъ И. Палибинъ, *Violaceae* — обработалъ К. Купфферъ.

Вып. 28-й. *Violaceae* — обработалъ К. Купфферъ, *Datisceae, Thymelaeaceae, Elaeagnaceae* — обработалъ Д. Соновскій, *Geraniaceae* — обработалъ Ю. Вороновъ.

Вып. 31-й. *Polypodiaceae* — обработалъ А. Фоминъ, *Vuxaceae, Empetraceae, Anacardiaceae* — обработала Е. Бушъ.

Вып. 32-й. *Polypodiaceae* — обработалъ А. Фоминъ, *Pandanales, Helobiae* — обработали А. Флоровъ и Б. Федченко.

Вып. 33-й. *Polypodiaceae* — обработалъ А. Фоминъ — находится въ печати.

Цѣна вышедшихъ и послѣдующихъ выпусковъ 50 коп. каждый безъ пересылки (по подпискѣ), съ пересылкой 65 к. каждый.

Выписывать можно черезъ Ботаническій Садъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Acta Horti Botanici

Universitatis Imperialis Jurjevensis

erscheinen in **zwanglosen Lieferungen** (4 Lieferungen jährlich). Subscriptionspreis durch den Botan. Garten Jurjew, Livland von jedem Jahrgang (resp. Band) 7.50 Mark = 9 Francs. Subscriptionspreis durch die Buchhandlung **Theodor Oswald Weigel**, Leipzig, Königstrasse 1, von jedem Jahrgang (resp. Band) 10 M. = 12 Frc. Einzelpreis jeder (3—5 Bogen starken) Lieferung wird besonders bestimmt.

Hauptaufgabe der Zeitschrift — zur Erforschung der Flora Russlands beizutragen.

Programm der „Acta“.

1. **Originalartikel** betreffend die Flora Russlands und der angrenzenden Länder in der russischen, deutschen oder französischen Sprache. — 2. **Anmerkungen** zu den erscheinenden „*Delectus plantarum exsiccatarum*“, — 3. **Notizen der Leser**. — 4. **Referate** der Arbeiten von russischen Botanikern oder auch von ausländischen Arbeiten über die Flora Russlands und der angrenzenden Länder. — 5. **Personalnachrichten**. — 6. **Botanische Anstalten und Gesellschaften** hauptsächlich Russlands. — 7. **Herbarien und Tauschanstalten** der ganzen Welt. — 8. **Botanische Reisen**. — 9. **Bibliographie**
10. **Anzeigen**.

Gratis oder zum Tausch werden die „Acta“ an Niemand abgegeben. Die „Acta“ sind von der Direction des Jurjewer Botanischen Gartens oder durch die Buchhandlung **Theodor Oswald Weigel** zu bekommen. Nach dem Subscriptionsabschlusse wird der Preis von jedem Jahrgange erhöht.

Auf den XIII. Band (resp. Jahrgang 1912) wird die Subscription jetzt angenommen.

Preis des I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX. X. XI. u. XII. Bandes beträgt gegenwärtig 10. M. = 12. Frc. (resp. 12 M. = 15 Frc. durch die Buchhandlung **Th. Osw. Weigel**) pro Band.

Die **Anzeigen** werden entweder zum Tausch gegen dieselben oder nach folgendem Insertionspreise angenommen: Eine ganze Octav-Seite 30 M., eine halbe Octav-Seite 16 M., eine viertel Octav-Seite 10 Mark.

Die **Separatabdrucke** werden nur auf Kosten der Autoren gedruckt.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудравскій.**

Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя Александра Михайловича.

Воздушный флотъ Россіи долженъ быть сильнѣе воздушныхъ флотовъ нашихъ сосѣдей. Это слѣдуетъ помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей родины.

Два года тому назадъ Я обращаюсь съ воззваніемъ, прося жертвовать на созданіе воздушнаго флота.

За это время пожертвованій поступило 226.923 рубля; кромѣ того, на созданіе воздушнаго флота, согласно волѣ жертвователей, были обращены 880.000 рублей, оставшіеся отъ суммъ, пожертвованныхъ во время Русско-Японской войны на усиленіе морскаго флота.

Отдѣлъ воздушнаго флота ВЪСОЧАШЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усилению военнаго флота Россіи на добровольныя пожертвованія поставилъ первой своей задачей образованіе корпуса военныхъ летчиковъ, и съ этой цѣлью была основана офицерская школа авіаціи въ Севастополь.

Въ Ноябрь 1910 года школа открыла свои дѣйствія и въ Август 1911 года уже имѣла возможность командировать 19 самолетовъ и 20 летчиковъ на маневры С.-Петербургскаго, Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ. Въ Ноябрь 1911 года состоялся выпускъ первыхъ летчиковъ въ числѣ 30 человекъ. Составъ школы, имѣвшей въ Ноябрь 1910 года 18 офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при 6 самолетахъ, къ Апрелью текущаго года увеличился до 102 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ при 55 самолетахъ. Въ настоящее время, въ виду пріобрѣтенія новыхъ быстроходныхъ самолетовъ, часть офицерской школы авіаціи переведена на рѣку Качу, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Севастополя, и къ зимѣ текущаго года вся школа перейдетъ на новое мѣсто. Къ концу года школа предполагаетъ выпустить до 100 военныхъ летчиковъ. За 2 года было пріобрѣтено за границей и построено въ Россіи всего 77 самолетовъ. Такимъ образомъ Отдѣлъ воздушнаго флота по мѣрѣ силъ и средствъ дѣлаетъ все, что возможно, во исполненіе потребности военныхъ летчиковъ во много разъ превышающей то число, которое школа можетъ подготовить. Доблестный духъ нашей арміи и беззаветная храбрость ея офицеровъ сказывается въ томъ, что число желающихъ поступить въ школу превышаетъ 1200 человекъ.

Франція, Италия и наши сосѣди, придя къ заключенію, что самолеты необходимы арміи, какъ развѣдчики и какъ орудіе пораженія неприятеля сверху, не жалѣютъ государственныхъ средствъ на созданіе воздушнаго флота. Одновременно въ этихъ странахъ собираются для этой цѣли крупныя суммы путемъ частныхъ пожертвованій; въ Германіи для сбора пожертвованій образованъ воздухоплавательный комитетъ подъ предѣлательствомъ брата Императора.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы не приложимъ всѣхъ усилий на развитіе уже начатаго, — мы потеряемъ то мѣсто (второе въ мірѣ), которое въ отношеніи воздушнаго флота занимаемъ теперь, и отстанемъ отъ нашихъ сосѣдей. Опасность положенія ясна, допустить этого нельзя, и Я снова считаю долгомъ обратиться съ призывомъ о пожертвованіяхъ на воздушный флотъ.

Предсѣдатель Отдѣла воздушнаго флота

Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВИЧЪ.

Пожертвованія принимаются въ Канторѣ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, С.-Петербургъ, Офицерская 35.